

Всероссийский конкурс
исторических
исследовательских работ
старшеклассников
IV Конкурс 2002/2003

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ РОССИЯ—XX ВЕК

сборник работ победителей

Сборник работ победителей
Всероссийского конкурса
исторических исследовательских
работ старшеклассников
Человек в истории
Россия – XX век

Кафедра региональной истории
и краеведения и центр устной истории
Российского Государственного
Гуманитарного Университета

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ РОССИЯ – XX ВЕК

Сборник работ победителей

Выпуск 4

Москва
Международное общество
«Мемориал» –
Издательство «Звенья»
2004

Редакторы-составители
А.Б.Рогинский, И.Л.Щербакова

Издательская программа
Международного общества
«Мемориал»

Редакционная коллегия:
**А.Ю.Даниэль, Л.С.Еремина,
Е.Б.Жемкова, Т.И.Касаткина,
М.М.Кораллов, Н.Г.Охотин,
Я.З.Рачинский,
А.Б.Рогинский** (председатель)

Редакция приносит благодарность
за помощь в подготовке рукописи
А.Г.и Е.М.Паповян

ISBN 5–7870–0080–3

© Международное общество
«Мемориал», 2004
© «Звенья», 2004
© А.Н.Афанасьев, дизайн, верстка; 2004

Жюри конкурса

Шмидт Сигурд Оттович	академик Российской академии образования, председатель Союза краеведов России – председатель жюри, Москва
Асмолов Александр Григорьевич	член-корреспондент Российской академии наук, заведующий кафедрой психологии личности Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова, Москва
Гранин Даниил Александрович	писатель, Санкт-Петербург
Даниэль Александр Юльевич	директор программы «История инакомыслия в СССР» Международного общества «Мемориал», Москва
Кобак Александр Валерьевич	программный директор Международного благотворительного фонда им.Д.С.Лихачева, Санкт-Петербург
Козлов Владимир Фотиевич	заведующий кафедрой региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета, Москва
Марголис Александр Давидович	генеральный директор Международного благотворительного фонда спасения Петербурга–Ленинграда, Санкт-Петербург
Охотин Никита Глебович	директор музея Международного общества «Мемориал», Москва
Рогинский Арсений Борисович	председатель Правления Международного общества «Мемориал», Москва
Хубова Дарья Никитична	директор Центра устной истории Российского государственного гуманитарного университета, Москва
Щербакова Ирина Лазаревна	историк, председатель Оргкомитета конкурса, Москва

И.Л.Щербакова

Путешествие по российской истории XX века

Публикуя этот сборник, мы продолжаем знакомить читателей с работами российских школьников, присланными на очередной (четвертый) Всероссийский конкурс «Человек в истории. Россия – XX век».

На плакате конкурса была помещена фотография поезда, вернее теплушек, битком набитых людьми, сделанная вероятно в 20–30-е годы. Нам казалось, что образ поезда, бесконечных «столыпинских», бронепоездов, военных эшелонов, товарняков, как ни один другой, символизирует российскую историю прошлого века. Об этом свидетельствуют многие сотни историй, собранных и рассказанных участниками конкурса. Сквозная их тема – судьба человека, судьба семьи на фоне двадцатого столетия, и это, прежде всего, постоянные перемещения и скитания по необъятным российским пространствам – по своей, но гораздо чаще по чужой воле.

Что можно было взять с собой на память о прошлом, что сохранить – спецпереселенцам и депортированным, узникам ГУЛАГа и эвакуированным, попавшим под бомбежку и угнанным в Германию, кроме чудом уцелевших фотографий и документов? Какие семейные реликвии хранятся у миллионов российских семей, когда «24 часа на сборы и эшелон в Сибирь», какие ценности – машинка «зингер», медная ступка?.. Их разглядывают, их описывают наши авторы. Но главная и на самом деле настоящая ценность для всех нас – только память... К этой памяти они и обращаются.

«Мы записывали дорожные разговоры наших случайных попутчиков, нам дарили фронтные письма, фотографии своих близких, даже давали читать дневники. Получилась пестрая картина из воспоминаний, дорожных разговоров, фронтовых писем, дневников. И за всем этим мы видели человека живого, страдающего...» При чтении очень многих работ в памяти возникают строчки поэта Николая Глазкова о минувшем столетии:

*Век XX – век необычайный,
чем столетье лучше для историка,
тем для современника печальней...*

Только кажется, что это легко – «прыгнуть» ненадолго в «исторический» поезд, послушать попутчика и записать его рассказ. Почти 3000 работ, которые и явились основой этого сборника, свидетельствуют об обратном: путешествие по российской истории XX века – очень тяжелое и небезопасное предприятие.

«За эти несколько дней моей работы в архиве мне пришлось столкнуться с поразящими мое воображение постыдными фактами истории нашей страны. Фактами, долгое время скрываемыми от гласности. Сколько несправедливости и жестокости, и во имя чего?! Теперь я просто обязана дойти до конца...»

Задача, которую ставили перед собой авторы этого сборника, трудна еще и потому, что наше прошлое по-прежнему остается горячим тестом, из которого им все чаще предлагают выпекать сдобные булочки, которые должны вроде бы выглядеть гораздо более аппетитными, чем черствые сухари исторической реальности.

Трудно не принимать на веру и старые мифы, и новые идеологические лубки. Мы надеемся, что, прочитав этот сборник, читатель увидит, как его юные авторы справляются с этой задачей.

Составляя этот сборник, мы пошли по несколько иному пути, чем в трех предыдущих книгах. Каждая из его 12 глав посвящена определенной теме и открывается одной работой. А дальше – небольшие отрывки и цитаты из многих и многих других, которые объединены этой темой.

Нам казалась, что эта полифония лучше всего отразит тот огромный пласт исторической памяти, который поднимают и осваивают наши авторы.

Глава 1

У всякой истории есть свое начало...

Андрей Поляков

г.Брянск, школа № 60, 9-й класс.
Научный руководитель Н.С.Поляков

Последний герой забытой войны

Правда и ложь истории

Неудобная правда?

В доме № 44 на улице Красноармейской в городе Брянске жил Василий Сергеевич Раков. Золотая Звезда была у него под № 113. Он был самым первым Героем Советского Союза инженерных войск (попросту – «стройбата»). И – единственным из оставшихся в живых героев Хасана. Я знаю, что получить в «стройбате» Звезду Героя просто невозможно – не те войска. А он вот получил.

Я и мои родители сдружились с ним, часто встречались, вели неторопливые разговоры о прошлой и нынешней жизни, всякий раз пытаюсь «докопаться до правды»... И если мы начинали досажать ему острыми вопросами, он, улынувшись, начинал безобидно парировать есенинскими строками:

*Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе...*

Действительно, станет ли всем нам легче от того, что мы узнаем подлинную правду о той забытой войне, на которой совершил свой подвиг Василий Сергеевич?

Год назад Ракова не стало.

При жизни Василия Сергеевича я и мои родители всякий раз пытались разговорить его, вызвать на откровенность. Не всегда нам удавалось это сделать. Но когда удавалось, мы старались ловить каждое слово, а, вернувшись домой, сразу же делали записи сказанного им.

Разумеется, такой откровенности я не замечал у Ракова, когда мы приглашали его в нашу школу – на День Победы или на День защитника Отечества. Часто по просьбе работников райвоенкомата выступал он перед призывниками. По приглашению властей говорил речи перед горожанами в дни празднеств или каких-либо торжеств... Однажды, прослушав его выступление 9 Мая – в День Победы на площади Партизан перед вечным огнем в Брянске, я совершенно не узнал Василия Сергеевича, ставшего для всей нашей семьи близким человеком. Только что в своей квартире он говорил нам о том, какое бездарное было наше командование в войне с Гитлером, как «затыкало дыры на фронтах живым мясом», поэтому и погибло наших солдат в несколько раз больше, чем немецких; а здесь, перед праздничной многотысячной толпой, он не мог сказать и доли правды. Он повторял то, что обычно пишут в газетах к 9 Мая. А ведь он дожил до такого возраста, когда можно уже не бояться правды. Но до расти до осознания, что нужна только правда, и ничего, кроме правды, ему было не суждено. И таких, как Раков, тысячи, если не миллионы.

Обидно было, что во время публичных выступлений Василий Сергеевич превращался в «записного героя», т.е. говорил, что положено было говорить; услышать от него какой-то небанальный факт из окопного быта было невозможно.

Я предполагаю, что даже если бы власти и разрешили ему «резать» правдую матку о войне, он бы на людях не стал этого делать. Удивительно, на глазах менялся человек: с нами наедине был открытым, душевным, а стоило выйти на трибуну – слушать его было совершенно не интересно.

Неужели он боялся, что, если скажет правду о войне, его больше не пригласят? Думаю, что и это, конечно, он осознавал: кому не хочется быть обласканным сильными мира сего, получать подарки, уютные просторные квартиры в удобном месте (у него была такая), участвовать в праздничных застольях?! Чувствовать, что ты – Герой (с большой буквы), что ты заслужил все это, и это теперь твой праздник жизни?! Как мне известно, в Брянске и в Брянской области никто еще не отказывался от всего этого.

Приступая к исследованию...

Думая о Василии Сергеевиче Ракове, я решил заняться забытой войной 1938 года на Дальнем Востоке с японцами, ведь в двух учебниках истории, которые мы изучаем в нашем 9-м классе, я не обнаружил даже краткого упоминания об этой войне. На ней погибли тысячи солдат, и вроде бы ее и не было никогда.

В воспоминаниях и устных откровениях моего героя, как я понимаю, есть налет субъективности, но живые детали его рассказов помогают представить себе и молодого Ракова, и его подвиг.

Опираясь на одни воспоминания Василия Сергеевича, конечно же, было нельзя. Необходима была широта и объективность взгляда. Этому помогли научные и документальные издания, которые мне удалось отыскать в Брянской областной научной библиотеке имени Ф.И.Тютчева. Все они советского перио-

да. Я отнесся к ним резко критически и отверг бы их сразу. Но... у американцев есть поговорка – Facts are sacred – comment is free, что значит – Факты священны, а комментарий свободен. Но как раз-то у советских историков комментарий фактов совершенно не свободен: полностью зависим от политики, царившей в тот или иной период в СССР. Отвергая напрочь комментарий историков, я брал из их книг только факты, сопоставлял их с теми сведениями, которые мне сообщал Раков, и это помогло добраться до истины. Документы, например, из сборника «Внешняя политика СССР...» брал тоже «голыми», без комментариев. Убежден, это привело меня к независимости взгляда и «к почитанию» самих фактов: они были действительно для меня священны. Из их сути и рождался мой комментарий.

...Вот передо мной старая военная карта Дальнего Востока. При коммунистическом режиме она была строго секретной. За хранение такой «карты-трехверстки» (в 1 см – 3 км живой местности!) при Сталине могли бы дать большой срок или расстрелять, как «шпиона мирового империализма». Пристально изучаю юго-восток Приморского края. Нахожу залив Посыета. А вот и озеро Хасан. Историческая местность. Здесь 29 июля – 11 августа 1938 года наши солдаты разгромили и отбросили вторгшиеся сюда японские войска. 26 участникам этих боев присвоено звание Героя Советского Союза, 95 – награждены орденом Ленина, 1985 – орденом Красного Знамени, тысячи бойцов – медалями.

Именно здесь совершил свой подвиг 24-летний крестьянский парень из села Селичня Суземского района Брянской области Василий Сергеевич Раков.

К великому сожалению, мне не приходилось бывать в тех местах, где воевал Раков. Когда-то побывал там мой отец, он-то и помог мне представить ту гибельную местность «вживую». А в Селичне, где родился, учился в начальной школе и провел свои детские и юношеские годы Раков, меня поразила нынешняя ужасающая бедность крестьян. Местный колхоз обанкротился, зарплату люди не получают годами, живут своим натуральным хозяйством: что посеешь, то и пожнешь; дома хиреют, ремонтировать нечем; во всем – безысходность, униженность, словно вернулись голодные тридцатые годы прошлого века.

А вот самогон из сахара, сахарной свеклы и зерна гонят в каждой хате. Сами пьют и открыто продают по 15–20 рублей за бутылку местным алкашам или мужикам из других деревень, где и самогон-то уже гнать не из чего.

Потом мне показали то убогое, болотистое место, где стояло жилье Раковых. Старики и старухи хорошо помнят их семейство – плохого слова про Раковых не услышал. Только горько позавидовали при этом: «Им-то что? Они все ушли к Богу домой, а вот нам-то как доживать: ни денег, ни хлеба нетути. Одним огородом живы...»

Голодные сталинские годы

...Василий родился 1 января 1914 года. Рано познал нужду, научился всякому деревенскому труду: и за плугом ходил, и сено косил, и цепом рожь молотил... Научился лапти из лыка плести, – первейшая обувка была. За месяц три пары лаптей изнашивал, а новые, про запас, заранее брал.

Наступил 1921 год. Василию было семь лет, когда, надорвавшись на непосильной работе, в одночасье занедужила и умерла мать. Отец остался с тремя детьми. В 1932 году, чтобы не быть лишним ртом в семье, 18-летний Василий

уезжает на Урал, в город Нижний Тагил Свердловской области. Ранее в поисках лучшей доли туда уехали земляки. Само слово «Урал» манило людей, всеяло надежду на лучшую жизнь. Здесь же, на Брянщине, в самом голодном 1933 году умер от истощения его отец. Умерли почти все родичи. Вымерло больше половины родного села Селичня.

Забегая вперед, скажу: живя в 1990-х годах в Брянске, обеспеченный и ни в чем не знающий нужды персональный пенсионер Раков с ужасом вспоминал 30-е годы и свою малую родину. Он понимал, что если бы не уехал в Свердловскую область, то и ему бы не выжить. Голод в брянских деревнях и селах был запрограммирован сталинской политикой: то, что выращено в колхозах, не принадлежало крестьянам, а все принадлежало государству. Хлеба в Селичне каждый год заготавливали полные закрома, но весь он шел на погашение запланированных хлебозаготовок. На трудодни людям не выдавали ничего, обещав выдать потом, в последующие годы. Не было вволю даже мякины.

Обидно было, ведь, как вспоминал Василий Сергеевич, его отец работал все 365 дней в году, а в конце каждого года конторские сидельцы, т.е. правленцы, упрекали, что, мол, задолжал колхозу более 70–80 трудодней. «Да как же я мог задолжать вам, ироды, аж 70–80 трудодней, если каждый день с пяти-шести часов утра до десяти-двенадцати часов вечера вкалывал в колхозе?!» – возмущался беззащитный отец. «Не знаем – как, а задолжал, не спорь, а гаси-ка лучше задолженность...»

Но погасить ее практически было нельзя. Если день и ночь, 24 часа в сутки, работать на колхоз, тогда еще можно было бы погасить. Но и сам трупом упадешь в борозду...

Лошади дороже человека

На новом месте, в Нижнем Тагиле, Василий стал работать пастухом, потом – молокоуничетчиком в этом же городе. Закончил полугодовые зоотехнические курсы. В апреле 1936 года был призван в Красную Армию. Служил в 23 инженерном батальоне 40-й стрелковой дивизии, впоследствии награжденной за мужество и отвагу на Хасане орденом Ленина.

Вскоре рядовому Ракову как отличнику боевой и политической подготовки присвоили звание младшего командира. Он командовал саперным отделением. Красноармейцы жили по-походному, в палатках, пищу готовили на костре. Они с утра до вечера строили военные дороги в Приморье, в районе села Барабаш. Ох, как были нужны тогда эти дороги! Приходилось работать в нечеловеческих условиях: местность то болотистая, то гористая, то одни пограничные тропы... Вот и попробуй оперативно перебросить сюда технику, войска – не удастся. Саперы делали грунтовые насыпи, деревянные настилы. Уйма изнурительного ручного труда, особенно ценились незаменимые помощники, самоотверженные трудяги – лошади...

Упадет замертво истощенный, обессиленный боец в болото, схоронят его тут же, где посуше, и – аминь. Никого не накажут. А вот если красноармеец «замордует» работой свою лошадь, не докормит, не допоит ее, то солдатика того – к стенке, и – пулю в лоб. Особый отдел в дивизии не дремал, все видел, все слышал, все знал. Молчи – лишние разговоры не веди.

В первый год службы, во время прохождения курса молодого бойца, только

и видели саперы винтовку, когда их муштровали до седьмого пота, а когда они приняли присягу, то вместо винтовки выдали им... топоры да пилы, кирки да ломы, лопаты да носилки... Можно сказать, и не бойцы вовсе, а заключенные, рабы, изъеденные гнусом, сыростью, опаленные ветром да солнцем. Спасала молодость. Тайно наловит Раков рыбы со своим отделением – вот и уха. А летом еще «подножного корма» много, зелени всякой – так и перебивались. Бывало наскоро искали они для еды и женьшень – корень жизни, чтобы удвоить, утроить свои силы ради выполнения боевого задания, да не находили его – не было вокруг.

Были б они настоящими бойцами – кормили б тогда их лучше. А на работяг-дорожников отцы-командиры мало обращали внимания: сами себя, мол, прокормят, а не прокормят – к богу в рай. Найдутся другие. Только три шкуры спустили с солдатиков, если они не успевали ту или иную дорогу проложить. Малярия трясет – а работай. Гауптвахта, по простому «губа» – раем казалась. Да не сажали на «губу» – работа похлеще «губы» была...

Из неопубликованных воспоминаний В.С.Ракова:

«Во время кадровой службы, в течение всей жизни я пытался в полной мере осмыслить, до тонкостей проанализировать, происшедшие исторические события у озера Хасан, создать их объективную картину. И это тем более необходимо, что уже свыше шести десятков лет прошло с того времени, а сегодня мало кто знает о той малой кровопролитной войне: нет нужной литературы, почти не остались в живых очевидцы; из 26 Героев Хасана я один еще живу на Белом Свете, да и Великая Отечественная война как бы заслонила те далекие боевые дни. С сопки Заозерная и Безымянная, что у озера Хасан, далеко видна окружающая равнина. Эти высоты имели тогда очень большое стратегическое значение.

11 октября 1936 года небольшой отряд самураев пробрался на нашу сторону севернее сопки Заозерной. Если бы им дали укрепиться, они держали бы под прицельным огнем очень большую местность, граничащую с Кореей и Маньчжурией. Но яростный бой длился недолго. Нашим пограничникам удалось вышибить самураев...»

Мой комментарий. Из этого отрывка воспоминаний видно, что Раков пока не участник событий, а сторонний наблюдатель. Ведут бои с японцами только пограничники, а не боевые части его 40-й стрелковой дивизии. Очевидно, первые дни боев Василий Сергеевич оценивает с точки зрения политрука-агитатора, побывавшего в местах строительства дороги саперным отделением Ракова и рассказавшего в пафосных тонах о происшедшем.

Я полагаю, что ничего страшного для России, с огромной ее протяженностью, не произошло бы, если бы две каменистые, поросшие диким кустарником сопки, где невозможно использовать землю в хозяйственных целях, захватили японцы. Но все дело в сталинской политике: своей земли ни пяди мы не отдадим! Ни пяди! То есть загубим за совершенно ненужные две сопки тысячи людей, но они останутся нашими, советскими!

Я думаю, что не надо было бы гробить бойцов 23-го инженерного батальона, в которое входило и саперное отделение Ракова, при сверхускоренном строительстве военных дорог, ведущих к названным двум сопкам. Вообще следовало бы прекратить строительство. Пускай самураи занимают эти сопки, а потом пускай – при отсутствии каких-либо дорог! – попробуют продвинуться дальше, в глубь нашей

территории. Вот и надо было бы устроить засады, заслоны, дзоты, доты, встретив их кинжальным огнем.

Раков называет японских солдат самураями. Это слово он употребляет как синоним. Это – неверно. Просто тогда всех воевавших против СССР японцев стали называть самураями.

В Приморье зреет война

Каким бы ценным документом ни были воспоминания В.С.Ракова, все же это точка зрения одного человека. Сказать, что он видел события сквозь прорезь прицела, тоже нельзя. Ни у младшего командира саперного отделения Ракова, ни у его подчиненных не было даже винтовок. Их выдадут потом, в день штурма сопки. Поэтому мне пришлось обратиться в зал периодики областной библиотеки. Вот передо мною сохранившиеся подшивки газет 1936 года: неприятного, тленного цвета (с каким-то особым пожелтением) сталинская «Правда» и главная местная – «Брянский рабочий», регулярно делавшая перепечатки из «Правды». Газеты несли тревогу: 25 ноября 1936 года Германия заключила с Японией Антикоминтерновский пакт.

В 1937 году в районе Хасана было еще тихо, мирно. Но это было затишье перед грозой. На исходе июнь 1938-го. Японцы усиленно готовятся к захвату Приморья: к границе перебрасываются 20 тысяч пехотинцев из 19-й дивизии Квантунской армии.

Я полагаю, коль японцы предприняли такой маневр, как переброска к границе 20 тысяч своих солдат, значит, их военная разведка располагала данными о плохом состоянии наших войск в Приморье: недостаточно было современного вооружения, техники; красноармейцы не были подготовлены к действиям в условиях болотисто-гористой местности и т.п.

Саперный батальон, в котором служил Раков, был переброшен в Краскино. Василий Сергеевич проводил с бойцами своего отделения политбеседы, призывает их в случае вражеского нападения сражаться также героически, как погибший лейтенант Краскин, в память которого было назван поселок. Ракову приказано активизировать партийно-политическую работу. В частях и подразделениях в то время регулярно проводились политинформации, громкие читки корпусной газеты «На страже Родины», многотиражки погранотряда «Пограничник Приморья». Эти факты, взятые мной из воспоминаний Ракова, действительно в духе тех дней.

Представляю, как «стройбатовцы» после трудового 12-часового дня валяются от усталости, засыпая на ходу, а их командир отделения «политбеседует» с ними, «кормит призывами». Ситуация парадоксальная: чем сражаться-то – лопатами, что ли? По-прежнему ни у кого в отделении нет личного оружия. Полагаю, что винтовок, пистолетов, пулеметов, гранат в то время не хватало в 40-й стрелковой дивизии и что командование дивизии и не планировало задействовать в боях 23-й инженерный батальон: пускай, мол, саперы прокладывают дороги, а воевать будут обученные и подготовленные стрелки.

К середине июля 1938 года большое количество японских войск готово к броску на Приморье.

В 15.30 по полудни 29 июля 1938 года 11 пограничников под командованием лейтенанта Махалина вступили в бой с полуротой (150 человек. –А.П.) саму-

раев на сопке Безымянной. Четверо бойцов и Махалин героически погибли, а шестеро раненых пограничников прорвали кольцо окружения. Подоспевшие пограничники и стрелковый взвод обратили японцев в бегство.

31 июля 1938 года вступила в бой японская артиллерия. Два полка атаковали высоты. Наши бойцы отступили к востоку от озера Хасан. Враг спешно строит на высотах укрепления. За трое суток японцы вырыли траншеи, построили блиндажи, подготовили огневые позиции для артиллерии, минометов. А впереди у них – колючая проволока и минные поля...

Из неопубликованных воспоминаний В.С.Ракова

«Я видел, как на захваченных японцами высотах делались минные поля, проволочные заграждения, а за ними – траншеи, блиндажи, пулеметные гнезда, минометно-артиллерийские позиции. И все это враги успели возвести за трое суток. Я сильно сожалел, что наш батальон пока не участвовал в боях.

Нам всем очень хотелось встретиться с самураями лицом к лицу, испытать на крепость их самурайский дух. Правда, немножко досадовали: нас учили уничтожать врага «огнем, штыком и прикладом», а нам, саперам – как я узнал – хотят выдать укороченные кавалерийские винтовки-драгунки без штыков. Без штыка в рукопашной – прямо беда...

2 августа 1938 года полки нашей 40-й стрелковой дивизии атаковали захватчиков. С северной части высоты Безымянной двумя стрелковыми полками и танковым батальоном был нанесен главный удар, а один стрелковый полк наступал с юга по узкой болотистой полосе между озером Хасан и границей, не нарушая границу – таков приказ. Артиллерия дивизии помогала наступающим интенсивным огнем.

После героических двухдневных боев полкам 40-й дивизии пришлось прекратить наступление: у японцев гораздо больше огневых средств.

Передышка.

А полки 32-й стрелковой дивизии полковника Н.Э.Берзарина, артиллерия, танковые батальоны 2 механизированной бригады спешат к Хасану по дороге, построенной нами. Готовится авиация: 180 бомбардировщиков, 70 истребителей...»

Мой комментарий. Конечно, безоговорочно верить в то, что Раков видел своими глазами, как японцы обустроиваются в военном отношении на захваченных сопках, нельзя. Все же сопки были далеко от его саперного отделения. И потом – он находился внизу, в долине, а взгляд снизу вверх может охватить только склоны сопки. Но на склонах японцы не строили свои укрепления. Они их возводили на самом верху – на площадках сопки. Возможно, Раков пользовался чьим-то биноклем – своего бинокля у него не было.

Каким образом атаковали сопки наши войска – Раков тогда тоже не мог знать. Это держалось в секрете, я предполагаю, реконструкцию событий 1938 года он сделал в более поздние годы, когда ознакомился с газетными и книжными статьями о тех событиях.

То, что полки 32-й дивизии Н.Э.Берзарина продвигаются по дороге, построенной Раковым и его бойцами, – это могло быть, но если учитывать, как на скорую руку, из местных подручных материалов (сопочный камень, кусты, деревья, земля) делались эти дороги, они не могли быстро пропустить большое количество техники – дороги приходили в негодность и превращались в непроходимое месиво. Этого не отрицал и Раков.

6 августа 1938 года

Частям корпуса и приданным ему войскам было приказано овладеть высотой Заозерной именно 6 августа 1938 года, не позже. Известно, что такой приказ Маршал Советского Союза В.К.Блюхер получил накануне наступления 6 августа 1938 года от наркома обороны СССР К.Е.Ворошилова: «Наступление начинать мощной артиллерийской подготовкой, действия авиации тесно связать с действиями пехоты, танков и артиллерии» Приказ есть приказ, и его надо выполнять. Но как выполнять? Неподготовленность, несогласованность в действиях частей, нехватка ручного оружия были явными.

В 16 часов тяжелые бомбардировщики ТБ-3 бомбят позиции самураев. Авиацией умело командует Герой Советского Союза комбриг П.В.Рычагов, кстати как летчик, отличившийся еще в испанских воздушных боях.

Потом часовую артподготовку к штурму ведут более 250 наших орудий. И вот пехота и танки штурмуют высоты.

Мой комментарий. Как видим, наше командование решило ошеломить японцев: тысячи снарядов – тонны металла – обрушились на две сравнительно небольшие сопки. Это был крошечный ад.

Я полагаю применение танков (да и во многом артиллерии) при штурме сопки в болотистой местности было малоэффективным: они приблизились к противнику, вели огонь по склонам сопки, однако вред врагу, находящемуся на сопках, наносили незначительный. Но зато здорово усиливали общий психологический эффект от канонады. Другое дело – наши бомбардировщики: их применение в тех условиях было крайне необходимым.

Василий Раков со своим отделением устремился на Заозерную. Но слишком плотен огонь. Пришлось залечь, окопаться. Ранен молодой красноармеец Сидоров, гранатные осколки впились в тело комиссара Дмитриева. Много раненых, истекающих кровью. Их увозят на повозках в тыл. Раненые пехотинцы отдают саперам свои винтовки со штыками: все же они надежней, а у Ракова, как и прежде, – «драгунка» без штыка. Патроны на вес золота: каждому в саперном отделении выдали по 15 штук.

Раков поднимает своих бойцов в новую атаку. Они уже на японских позициях. Враги пытаются заколоть Ракова ножевыми штыками. Василий молниеносно выбивает своей «драгункой» у японца винтовку и бьет его прикладом в висок. Второго – тычком (концом дула) в шею! С третьим схватился боец Тимофеев, но никак не одолевает его. Раков помогает ему свалить и этого. Вот где пригодилась природная ловкость и физподготовка! Японцы пятятся назад, бегут.

Через полчаса – ожесточенная контратака врага. Вновь саперное отделение Ракова в рукопашной схватке. Василий уничтожает неизменной «драгункой» еще двоих, не истратив на них ни одного патрона.

Наконец-то бойцы в японских окопах. Переоборудовали их, насыпав бруствер с обратной стороны, поджидая врагов. Из отделения Ракова в живых остались только пулеметчик Медведев, красноармейцы Мошаков, Потраев.

Мой комментарий. Я пытаюсь наяву представить штурм сопки Заозерной и Безымянной, захваченных японцами. Я считаю, войска наши не были подготовлены к штурму, но последовал «железный» приказ Сталина – через наркома Ворошилова и подписанный им: именно 6 августа 1938 года очистить сопки от самураев. Как его выполнить? Наше командование решило навалиться всем скопом и одержать победу. Но японцы, наравне с немцами и русскими, – при-

знанные в мире вояки: умелые и смелые. Что значит «навалиться всем скопом»? А то, что на штурм были брошены не только инженерные войска («стройбат»), но и тыловики: снабженцы, повара, банщики, конюхи, ремонтники и другие. Выдали им, как второрядным солдатам, по «драгунке» и по 15 патронов – вот и воюй, как знаешь. Останешься в живых или нет – зависит только от тебя. Ты теперь – боевая единица. И сразу бросили в бой!

А если бы «драгунок» не хватило, то саперам из отделения Ракова, наверное, пришлось бы штурмовать Заозерную с лопатой в руках, – и это недалеко от истины.

И вот – жесточайший бой. Но что мы видим? Раненые пехотинцы отдают саперам свои винтовки со штыками, а те им – свои «драгунки». То есть идет обмен оружием прямо на глазах обороняющихся японцев – это уже замедляет бросок наших сил, и японцы, усиливая огонь, еще более прореживают ряды красноармейцев.

И что значит, выдали каждому по 15 патронов? Это значит – сущий пустяк, так, для близиру; их надо беречь и беречь, на крайний случай, а вдруг там, впереди, на самом остром сопки, эти патроны будут тебе нужнее вдвойне-втройне, кто знает? И не расходовали патроны, берегли... Какой психологически нелегкий момент: в тебя летят сотни японских пуль, а ты не можешь ответить огнем! Раков, вступивший в рукопашную и уничтоживший нескольких самураев, не истратив ни одного патрона, представляется мне чисто русским мужиком-партизаном с верной дубиной в руках. Я полагаю, что японцы, привыкшие к отработанной – цивилизованной – тактике пехотного боя, были поражены: целые подразделения русских почему-то не стреляют в них, а рвутся, не защищая головы касками (их не хватило на всех!), поскорее захватить укрепления и вступить в рукопашную. Сумасшедшие какие-то!

Заканчивалось 6 августа 1938 года. Советскую часть сопки Заозерной заняли наступавшие с юга полки 40-й стрелковой дивизии. Лейтенант И.Н.Мошляк, в бою заменивший убитого комбата, водрузил на сопке красное знамя, за что потом получил звание Героя.

Полки 32-й дивизии очистили от японцев сопку Безымянную. Эта дивизия была награждена орденом Красного Знамени. Кстати, ее командир Н.Э.Берзарин (1904–1945) прославился в Великую Отечественную войну, он был первым советским комендантом Берлина, погиб при исполнении служебных обязанностей...

7 августа 1938 года

...Но враг продолжал обстреливать Заозерную. В первом часу ночи 7 августа 1938 года в одном из окопов на сопке ожила японская огневая точка. Пули не давали поднять головы. Раков не растерялся. Под несмолкаемым пулеметным огнем противника подполз к ней, точно метнул одну за другой в огненную пасть шесть гранат (гранаты он в ходе боя взял у убитых стрелков).

В это время командир и комиссар саперного батальона уже были отправлены в госпиталь. И поэтому посланный Раковым красноармеец Тимофеев доложил об уничтожении Василием Раковым двух пулеметов, десяти японских солдат и двух офицеров прямо командиру 40-й дивизии Базарову, находящемуся на сопке. Командир дивизии и представил потом Ракова к награждению.

...Японцы постреливали. Раков, оставаясь на месте уничтоженной им точки, снял пилотку, сунул в карман, надел японскую каску. Мала. Выдрал из нее амортизацию. Теперь – в самый раз. Но не уберегла чужая каска солдата от пули. При перестрелке Василия контузило. Ракова доставили в краскинский госпиталь, где он пролежал более двух месяцев.

В этот день, 7 августа 1938 года, японцы, подтянув резервы, двадцать раз безуспешно контратаковали Заозерную. А 9 августа район Хасана был очищен от японцев.

10 августа 1938 года японский посол Сегемицу, прибыв в Наркоминдел СССР, предлагает начать переговоры об урегулировании конфликта. Переговоры ведутся. В полдень 11 августа боевые действия были прекращены.

Вот точка зрения одного из советских историков на победу у озера Хасан: «Победа у Хасана произвела сильнейшее впечатление во всем мире. Проба сил японской военщины, решившей прощупать твердость советских дальневосточных границ у озера Хасан, закончилась позорным провалом. Отборные части Квантунской армии были разбиты и вышвырнуты с советской территории. Но поражение не образумило японских милитаристов. Планирование и подготовка войны против северного соседа продолжались. В японских правящих кругах считали, что подчинение Восточной Азии и создание континентальной империи невозможно без победоносной войны против Советского Союза. Нападение на советский Дальний Восток по-прежнему стояло во главе угла внешней политики Японии».

Мой комментарий. Разумеется, эта победа ослепляет советских историков, или, точнее, саму историю с захватом японцами и освобождением от них двух сопков, и они услужливо препарируют ее под радужным, победным углом зрения. Почему бы историкам не привести сравнительные данные потерь во время малой войны в Приморье? Сколько погибло наших и сколько – японцев? Нельзя. Потому что наша победа тогда будет не блистательной, а кровавой. Раков отлично знал, какой ценой освободили высоты: все они были покрыты трупами наших солдат. Погибли тысячи. Японцев погибло намного меньше. И в связи с этим меня мучает вопрос: стоило ли такой ценой расплачиваться за захват двух никому не нужных сопков?! Ведь помимо убитых, было еще огромное количество тяжело раненых – будущих калек-инвалидов?! Я – против таких побед.

Хотя сталинской политикой, особенно любимшей «заражать» народ своими идеями через лирическо-маршевые, ободряющие песни (вспомните: «чужой земли не надо нам ни пяди, но и своей клочка не отдадим»), такие победы были «запрограммированы»: любой ценой, но надо победить, или – «мы за ценой не постоим». А победителей не судят, ими восхищаются. Судят побежденных. Хотя у победителей огромные потери...

В Кремль, за Золотой Звездой

Оправившись от ранения и контузии, комсомолец Василий Раков продолжает службу. Он даже не считает, что совершил подвиг. Ведь другие, по его мнению, сражались так же, как он. Ракова посылают со своим саперным отделением на отдаленные луга заготавливать сено для батальонных лошадей. Бойцы готовили уху, когда на взмыленном коне прискакал из части нарочный: Ракова вызывают в штаб дивизии. В воинской части проходит митинг, зачитываются све-

жие газеты; в газетах опубликован Указ о награждении участников хасанских событий. В числе 26 Героев Советского Союза – фамилия Ракова. А вскоре во Владивостоке секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.Ф.Горкин прикрепил ему на грудь орден Ленина. И другим 25 Героям – только ордена Ленина.

«А где ж Золотая Звезда к ордену Ленина?! – про себя недоумевал Василий, боясь даже шепотом высказать свои тревожные сомнения. – Неужто и там, на самом верху – в столице, могут ее «замылить»?!».

Но тут же А.Ф.Горкин успокоил, что, мол, ему не положено вручать Золотую Звезду, да еще и не в Кремле; она вручается только в Кремле и только Председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И.Калининым.

У Ракова отлегло от сердца.

В мае 1940 года Василий Раков, после отдыха и лечения по путевке в одном из военных санаториев Крыма, на обратном пути в свою часть был в Москве и получил Золотую Звезду.

А потери–то были...

Во 2-м томе книги «Герои Советского Союза» о Ракове сказано немного: «РАКОВ Василий Сергеевич, род. 1.01.1914 г. в с.Селичьи ныне Суземского р-на Брян. обл. в семье крестьянина. Окончил нач. школу. Работал в совхозе. В Сов.Армии с 1936.

Участник боев у оз. Хасан в 1938 г. Ком-р отделения 23-го отд. сап. батальона (40-я стр. див., 1-я армия). Мл. ком-р Р. отличился в боях за выс. Заозерная. Умело командуя бойцами, без потерь достиг высоты и смело атаковал пр-ка. Расстреливая и забрасывая гранатами врага, воины выбили его из занимаемых окопов. Звание Героя Сов. Союза присвоено 25.10.38.

В 1939 окончил курсы мл. лейтенантов. Продолжал службу на Д. Востоке. В 1943 окончил КУОС инж.войск. Участник сов.-япон. войны 1945. С 1961 майор в запасе. Живет в Брянске. Нагр. орд. Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., 2 орд. Красной Звезды, медалями.

Лит.: 366/408; 495/110-111».

Мой комментарий. Можно сказать, что в вышеприведенном тексте главного энциклопедического издания (в 2 томах) о Героях Советского Союза о подвиге В.С.Ракова не говорится ничего конкретного: «Умело командуя бойцами, без потерь достиг высоты и смело атаковал противника. Расстреливая и забрасывая гранатами врага, воины выбили его из занимаемых окопов...»

Но так действовали все тогда, начиная от солдат, младших командиров и кончая старшими командирами.

К тому же здесь грубейшая неточность, явная неправда: «...без потерь достиг высоты...» На самом деле больше половины саперного отделения Ракова было убито. Ох, как боялись тогда командиры сказать голую правду! Я полагаю, они были убеждены: если указать истинные потери, то их могут осудить за бездарное руководство при штурме японских укреплений, за потерю живой силы, а Ракова и вовсе не признать Героем, коль он положил многих своих солдат еще на склоне сопки Заозерной.

Такая «словесная косметика», используемая при приукрашивании образа Героя, заставляет усомниться в подвиге: «А был ли подвиг?!» Ничего, кроме

нравственного вреда, такой обман не приносит обществу. Молодежь, чаще всего, отворачивается от бутафорских героев. Она хочет жить «не по лжи».

«Кто не в партии, тот – не с нами...»

Василий Сергеевич, отслужив срочную службу, решил связать свою судьбу с армией. Полагаю, при четырех классах образования иного пути он и не видел. В 1939 году стал кандидатом в члены ВКП(б).

Попробуй-ка не вступи в коммунистическую партию – никакой карьеры не сделаешь. Быть членом этой партии считалось, пожалуй, превыше геройского звания. Она же, партия, – руководящая и направляющая, как было сказано в Конституции СССР. Без нее тупик. Политрук, агитируя Ракова вступать в ряды коммунистов, часто повторял: «Да, ты – герой, но ты запомни, Василий: кто не в партии, тот – не с нами...» Как вспоминал потом Раков, политрук ему доказал примерами, что в партии – избранные, самые лучшие люди; и быть среди них – «это выше всякого геройства, ибо на них держится вся страна». И вот кандидат в члены ВКП(б) Раков зачислен курсантом в училище инженерных войск. Это училище было наподобие наших профессионально-технических училищ (ПТУ). Но только – военное. После окончания преподавал в училище дорожное и подрывное дело.

Довелось ему командовать саперной ротой, быть заместителем командира батальона, полковым инженером...

Однажды на учениях под Уссурийском получил сильную травму груди, четыре месяца провел в госпитале, хотели комиссовать. Но он ежедневными длительными тренировками вернул себя в строй, причем, будучи в госпитале, успешно сдал экзамены на офицерских курсах. Такое было страстное желание остаться в армии. Без нее он – никто.

В Великую Отечественную, в 1945-м году, сражался в Маньчжурии. Однажды 45 японцев во главе со своим командиром батальона оказали жестокое сопротивление. В этом бою особенно смело и умело действовал Раков, за что был награжден орденом Красной Звезды.

Всего у Героя Хасана, вместе с юбилейными медалями, было 29 наград.

После войны Раков закончил двухгодичные курсы при Московском высшем училище инженерных войск.

Из армии – в «толкачи»

Прослужив 24 года в Приморье, дивизионный инженер майор Раков после демобилизации вернулся в Брянск. Обидно, конечно, было. Не разрешили герою дослужить до заслуженного отдыха несколько месяцев: «хрущевское» сокращение армии коснулось и его. Не сделали исключение, что – герой и что до пенсии – всего ничего. Пенсию пришлось зарабатывать на гражданке. Более 20 лет проработал мастером цеха в производственном объединении (ПО) «Электрон» Всероссийского ордена Трудового Красного Знамени общества слепых (ВОС). Людям, лишенным зрения на фронте, или из-за общего заболевания, или из-за травмы на производстве, помогал, чем только мог. Приобщал их к труду, вселял веру в жизнь, чтобы не чувствовали себя обделенными в чем-то.

Почему он пришел сюда? Здесь работала массажистом его слепая приемная дочь Наталья. Она и уговорила его устроиться именно сюда. Часто генеральный директор ПО «Электрон» приглашал Ракова к себе в кабинет и говорил: «Василий Сергеевич, надевай свой парадный мундир со всеми наградами, снова поедем с тобой в Москву, на этот раз в Министерство электронной промышленности: будем опять «выбивать» комплектующие для нашего производства». И это повторялось множество раз в период между 60–80-ми годами XX века.

В «хрущевско-брежневские» времена, как и ранее, как и позднее, в СССР была планово-распределительная система, и личные отношения с высокой исполнительной властью играли большую роль. В подарок высоким чиновникам столичных министерств везли из провинции бочонки меда, грибочки маринованные и соленые, колбасу домашнюю аппетитную, водку сугубо брянскую и даже – хорошо очищенный – или марганцовкой, или активированным углем – самогон. Сами с трудом доставали весь этот дефицитно-вкусный провиант – у своих же слепых, живущих в районах области. Премии им выписывали за это: считалось, что оказывали материальную помощь инвалидам по зрению, и оформляли ее «по такой же статье» в официальной ведомости своего ПО «Электрон».

И Раков просил электропровод разного сечения и предназначения, цветной металл (на платы нужен) и многое другое. Все 20 лет работы в «Электроне» Раков был не только начальником цеха, но и самым орденосным и медаленосным «толкачом», т.е. выбивал в министерствах столицы для производства, где работали слепые, все, что срочно и не срочно требовалось. «Толкачество» настолько вошло в моду, что генеральный директор «Электрона», когда Раков уходил на пенсию, уговаривал его остаться штатным «толкачом», а в трудовой книжке была бы запись, что он работает старшим снабженцем. Такая, какая и полагается. Не напишешь же в трудовой, что Раков – «толкач», такой профессии в советском квалификационном справочнике не было. Но, как свидетельствует сама жизнь, такая профессия на самом деле была, и – есть!

Случайный герой?

Осмысливая жизнь Ракова, я думаю: случайно ли он стал героем или не случайно? Вот говорят: судьба играет человеком. Да, случай был, случай и помог: не прикажи тогда Ворошилов взять именно 6 августа 1938 года те сопки – Заозерную и Безымянную, и не привлекли бы к участию в боях безоружных саперов, остался бы Раков со своим отделением в спешном порядке прокладывать в Приморье дороги.

Вспомним моменты боя: командир и комиссар саперного батальона, т.е. непосредственные начальники Ракова, не были свидетелями его подвига, они, раненные, уже находились в госпитале. Раков приказал красноармейцу Тимофееву идти к самому командиру дивизии и доложить, что он, Раков, младший командир саперного отделения, один уничтожил мощную огневую точку японцев. Тимофеев оказался честным, исполнительным и доложил так, как и приказал Раков. А ведь, не исключено, мог бы доложить, что это он уничтожил точку...

И – представляю, как в этот момент Раков мог бы быть сражен случайной пулей... Тогда кто был бы героем? Бесспорно, Тимофеев.

По всем военным законам Раков не должен бы стать героем: он – «стройбатовец», его дело – дороги... Но бывают непредвиденные обстоятельства. Они-то

все и путают в жизни и в судьбе. Они-то и помогли конкретному маленькому человеку Ракову проявить себя: или сам погибай, или же — выживай... Но чтобы выжить в тех условиях, надо действительно было стать героем. И он — стал им.

Блюхер — «заложник Сталина»?

Я намеренно в своем исследовании не касался роли командующего Дальневосточным фронтом, Маршала Советского Союза Василия Константиновича Блюхера (1890—1938). Вскоре после хасанских событий он был заклеен как японский шпион и в помещении Лубянки забит до смерти.

И ранее, и теперь появляются публикации о том, что Блюхер во время боевых действий у озера Хасан проявил себя не с лучшей стороны. Например, другой Маршал Советского Союза — И.С.Конева (1897—1973) так характеризует Блюхера: «Блюхер, по его мнению, был к тридцать седьмому году человеком с прошлым, без будущего, человеком, который по уровню своих знаний, представлений недалеко ушел от гражданской войны и принадлежал к той категории, которую представляли собой к началу войны (Великой Отечественной — А.П.) Ворошилов, Буденный и некоторые другие бывшие коноармейцы, жившие не современными, прошлыми взглядами. Представить себе, что Блюхер справился бы в современной войне с фронтом, невозможно. Видимо, он с этим справился бы не лучше Ворошилова или Буденного. Во всяком случае, такую небольшую операцию, как хасанские события, Блюхер провалил. А кроме того, последнее время он вообще был в тяжелом моральном состоянии, сильно пил, опустился...».

Эти слова из уст Коневы записал писатель К.М.Симонов (1915—1979). После этих слов Симонов в скобках высказывает и свое мнение: «Я уже сейчас, записывая это, подумал о том, что этот последний момент мне не кажется достаточно убедительным, потому что в той обстановке, которая создалась к тридцать восьмому году — ко времени хасанских событий, когда Блюхер чувствовал себя уже человеком с головой, положенной под топор, трудно судить его за неудачное проведение операции. Это уже в значительной мере было результатом создавшейся атмосферы, а не только его руководства, хотя, может быть, оно и было неудачным, тут спорить не приходится. Да и опущенность, моральное состояние, пьянство — все это могло быть в значительной мере последствиями обстановки, создавшейся в армии и, в частности, на Дальнем Востоке вокруг самого Блюхера».

То, что Сталин занес над его головой «свой топор», полагаю, Блюхер ощущал это каждый день. В 1937 году Блюхер по указанию Сталина стал членом судебной коллегии по уголовным делам (судилища), коллегии, свершившей неправую расправу над Тухачевским и другими советскими полководцами.

Думаю, Блюхер понимал, почему Сталин уготовил ему такую роль: мол, смотри и не рыпайся, а дернешься не в ту сторону — то же самое может быть и с тобой, первым Маршалом, первым полным (и фактически даже — сверхполным!) кавалером ордена Красного Знамени.

Предполагаю, судьба Блюхера была предрешена.

Ракову довелось видеть Блюхера. Заросшего щетиной. Смертельно уставшего. Постаревшего. Погасшего... Василий Сергеевич не знал, что на душе у него. Не знал, что Блюхер обречен. Однако командир и комиссар инженерного батальона поясняли «слепым бойцам», что, дескать, Василий Константинович

провел много бессонных ночей, разрабатывая, подготавливая операцию по освобождению высот от самураев. Поэтому, мол, и постарел прямо на глазах...

Я, опираясь на воспоминания Ракова, на другие источники, проанализировал обстановку в Приморье в то злополучное время и пришел к выводу: будь Блюхер хоть семи пядей во лбу, но в той губительно-болотистой и горной местности, где воевал Раков, первоначальные действия наших войск были обречены. Почему? Японцев было намного больше, и они были лучше вооружены, занимали более выгодные позиции. Наши же бойцы, как и Раков, как и его слабо вооруженные саперы, часто побеждали безумством храбрых... А от «безумства храбрых» особых побед может и не быть, потому что, по моему мнению, «безумство храбрых» — это быстрое превращение многих тысяч живых в мертвых — и только.

И все же, какими бы трудными ни были обстоятельства, я думаю, что командовать штурмом высот должен был не Блюхер — «заложник Сталина», находящийся под постоянно давящим прессом страха, а другой командующий скажем, комкор Г.К.Жуков. Моя точка зрения верна потому, что вскоре после хасанских событий разразилась другая малая война с японцами — на Халхин-Голе, и эту войну блестяще, с малыми потерями выиграл Георгий Константинович.

По моему мнению, операция по очищению двух сопок Заозерной и Безымянной от самураев в 1938 году, была проведена скоропалительно, без должной подготовки, с большими потерями.

Наши войска совершенно не имели опыта инженерного обеспечения действий стрелкового корпуса; в боях у озера Хасан они приобрели только самый первый опыт такого обеспечения: прокладка дорог, создание укреплений, снабжение частей боеприпасами, питанием, всем необходимым...

Было много неувязок. Артиллерия и танки отставали от пехоты. Бойцы оказались бы прикрытия и преступно гибли и гибли...

Наступление сначала захлебнулось, замедлилось... Не получилось стремительного броска на высоты и быстрого захвата высот. Стратегия и тактика — навалиться скопом и победить, оказались примитивными, порочными, губельными. Это вовсе и не стратегия с тактикой — это «стенкоразинский» прием, но этот прием при кинжальном огне японских пулеметов имеет почти нулевой коэффициент полезного действия.

...Малая, ныне забытая война у озера Хасан с японцами сделала Ракова Героем Советского Союза; дальше — повезло: в Великую Отечественную его часть не перебросили из Приморья под Москву или под Сталинград; может, поэтому и остался в живых; всю войну его часть стояла в Приморье, у границы, в ожидании нападения японцев, 2 сентября 1945 года пришла победа над Японией.

Были, конечно, огорчения (например, из-за «хрущевского» выдворения Ракова из армии — без пенсии), но радостного больше. Все-таки — герой. А герою легче прожить: власти были обязаны чтить его, помогать в обустройстве, окружать почетом... Давать всевозможные льготы...

Потери советских войск у озера Хасан в 1938 году тщательно скрывались. И только в 90-е годы XX века были обнародованы такие цифры: убитых у нас было — 792, раненых — 3279.

В сводке же Генштаба Японии еще в 1938 году указывались их потери: 526 убитых и 913 раненых.

Когда я сообщил цифры наших потерь В.С.Ракову, он сказал, что наши потери занижены. Среди раненых было много тяжелораненых. Они умирали в му-

ках прямо на сопках, или по дороге в госпиталь, или потом – в госпитале. Ни один госпиталь не смог вместить такого количества раненых. Например, раненых размещали прямо под открытым небом во дворе госпиталя в поселке Краскино. Быстро оказать эффективную медпомощь такому количеству истекающих кровью бойцов было невозможно.

По словам Ракова, потери были огромными не только 6 августа 1938 года, но и ранее – 2 августа, когда советские войска предприняли лобовую атаку, пытаясь освободить от самураев сопки Заозерную и Безымянную. Лобовая атака в тех условиях была безумием: японцы, у которых были более выгодные позиции, пулеметным огнем с высот косили наших бойцов. К вечеру 3 августа наступление захлебнулось. Горы трупов с нашей стороны...

11 августа 1938 года невероятной ценой потерь мы победили японцев. А вскоре был арестован командующий Дальневосточным фронтом, Маршал Советского Союза В.К.Блюхер и 9 ноября 1938 года уничтожен в застенках Лубянки: И.В.Сталин считал его главным виновником крупных потерь наших войск у озера Хасан; обвинял его в том, что он занял «пораженческую» позицию.

В своей исследовательской работе я попытался «уничтожить искривления между подлинной историей и официальной историей», касающиеся времени жизни В.С.Ракова и его судьбы в этом времени. Удалось ли мне хотя бы частично это сделать? Вопрос терзает, мучает меня и побуждает к началу новых исследований по теме «Человек в истории. Россия – XX век». Ибо сам процесс исследования страшно интересен, притягателен. Заряжает энергией, терпением, поглощает всего меня. Дарит надежду на открытие малоизвестного, нового...

ИЗ РАБОТ ФИНАЛИСТОВ КОНКУРСА

Мария Квасова, Елена Ушмакина
(г.Пугачев Саратовской области)

Путешествие из Пугачева в Жестянку

«Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека...»

Эти радищевские строки мы вспоминали, заезжая в села, обходя крестьянские дома. Разговаривали, расспрашивали, записывали стремительно уходящих стариков и старух XX века, фиксировали историю поколения. Беседуя, пытались отделить факты от домыслов, слухов, действительность – от мифов.

Записывали дорожные разговоры наших случайных попутчиков. Нам дарили фронтовые письма, фотографии своих близких, даже давали читать дневники. Получилась пестрая картина из воспоминаний, дорожных разговоров, фронтовых писем, дневников. Но за всем этим мы видели человека, живого, страдающего, с его участием или неучастием в историческом процессе, пониманием своего места в истории.

«Зачем вам все это надо?» – спрашивали нас. «Чтобы понять настоящее и идти в будущее, мы должны знать прошлое», – отвечали мы.

**Алексей Борзаков,
Любовь Зарудная,
Сергей Подлесных,
Анна Татаринская**
(с.Новый Курлак Аннинского района
Воронежской области)

Портрет на фоне событий местного значения

В этой работе мы хотим проследить за жизнью нашего земляка Тростянского Константина Васильевича. Наше «повествование» охватит первую четверть XX века.

К.В.Тростянский был священником местной Богословской церкви с 1900 по 1927 год. Вряд ли этот факт привлек бы наше внимание (да мы о нем и не подозревали), если бы из бесед со старожилками села, проведенных в разное время и по различным вопросам, нам не стало ясно: Тростянского до сих пор помнят. Забыты священники, которые служили в Новом Курлаке после него, а вот об отце Константине могут поведать даже те, кто сам никогда его не видел.

Это уже не могло не заинтересовать нас. Мы решили взяться за расследование. Мы стремились воссоздать портрет Тростянского. Вначале его контуры были неясными: рассказы очевидцев о том, что происходило более 70 лет назад, не отличались четкостью и систематичностью. Это и понятно – тогда наши собеседники пребывали в детском возрасте, а теперь, в 85–95 лет, многое забыли.

Мы не отчаивались и продолжали поиск. Во-первых, мы перерыли архив школьного краеведческого кружка. Здесь хранятся письма к нашим предшественникам, краеведам 60–70-х, от тех, кто «застал» начало XX века в зрелые годы.

Во-вторых, мы сделали запрос в Государственный архив Воронежской области, откуда нам сообщили некоторые сведения о К.В.Тростянском: его образовании, этапах передвижения по службе, о составе семьи, численности прихода.

А однажды, просматривая материалы дела на братьев Расторгуевых (оно тоже достойно подробного анализа), мы увидели фразу, которую произнес один из свидетелей: «Они держали тайную связь с попами, особенно с Константином Тростянским (предателем и контрреволюционером, арестованным ГПУ)...» Эта фраза натолкнула нас на мысль о том, что в Центре документации новейшей истории Воронежской области должно находиться архивно-следственное дело на К.В.Тростянского.

Так и оказалось. Это дело (архивный № П-10577) позволило нам не только продвинуться в воссоздании портрета сельского священника, но и по-другому взглянуть на события местной истории.

Кроме того, в ЦДНИ (Центр документации новейшей истории) нам предоставили газеты за 1902–1927 годы. Конечно, пришлось прибегнуть и к специальной исторической литературе.

Нам хотелось докопаться до истины. Трудно сказать, насколько это удалось, но мы очень старались...

В Новом Курлаке до сих пор стоит дом К.В.Тростянского. Так получилось, что сейчас в нем живет один из авторов этой работы (Татаринская Анна). Дому почти сто лет, он срублен из цельных дубовых бревен, прочен, удобен, хоть и не слишком велик.

Мы решили заняться «археологическими раскопками» вокруг дома и неожиданно для себя обрели интересные находки. Мы нашли две серебряные монеты достоинством в 20 копеек, одна 1867 г. выпуска, другая – 1924 г.

В 1867 году К.В.Тростянский родился. Мы не знали точно, где именно. Но в деле № П-10577 «шапка» протокола допроса обвиняемого оформлена им самим (об этом мы догадались, сличив почерки, которыми написаны изъятые послание и протокол допроса). У Тростянского в данном случае нет причин давать неверные сведения. Итак, он родился в Новом Курлаке. Видимо, тут поселился еще его отец, получив здесь место псаломщика. А вообще-то фамилия Тростянский не входит в число исконных курлакских фамилий. В 1924 году он все еще жил в селе.

Кроме того, мы раскопали серебряный нашейный медальон с изображениями Митрофания Воронежского и Тихона Задонского.

Мы почти на 100 % уверены, что все эти вещи принадлежали нашему герою.

9 августа 1927 года по его делу было вынесено обвинительное заключение. Затем дело передали на рассмотрение Особого Сопровождающего при Коллегии ОГПУ. Тростянскому вменяли в вину поддержку царского режима до революции, а также реакционную тихоновщину в настоящем.

С позиций сегодняшнего дня К.В.Тростянский не является преступником, но по законам того времени он «достаточно изобличался» в проведении антисоветской деятельности.

Андрей Меньшенин

(г.Мончегорск Мурманской области)

Поколение 30-х как «фундамент» нашего общества на примере жизни моей бабушки

Я сразу подумал о бабушке. Нет, она не знаменитый человек, не государственный деятель, не политик, и даже не начальник. Она – простая русская женщина. Но она у нас в семье главная, на всех имеет влияние. Она часто нам говорит: «Вот нашего поколения не станет, что вы будете делать?», «Все держится в стране, пока еще мы такие живы»... У меня сразу вопросы: «Ну уж какие они – такие?!», «Что у них за поколение такое – прямо фундамент, что-ли?!» А если попытаться во всем этом разобраться на примере ее судьбы... Ведь бабушка говорит: «Мы», значит знает, что люди ее поры были такие же, как и она: руководствовались одними нормами поведения, имели одни и те же проблемы, условия жизни и т.п. Что же сделало их такими особенными? Права ли моя бабушка? Ответить бы и ей, и себе... Попробуем?!

«Исследовательская работа – дело сложное и кропотливое», – говорила Елена Антоновна (научный руководитель. – Ред.). Ориентировала нас в поисках фактов и истины на материал в библиотеках и читальных залах, краеведческих музеях и книжных домашних полках, в семейных альбомах, письмах, дневниках, документах и беседах с людьми. Я начал с бабушки, ведь она – мой главный объект. И вскоре почувствовал «кропотливость» исследовательского дела. Ведь этот «объект» никак не разговорить, да и период общения был неудачным: бабушка только писалась из одной больницы и скоро собиралась в другую. «Не до этого мне, не помню я ничего», – отнекивалась она. А как увидела магнитофон и запись, так все растерялась (я уж и прятал его, и маскировал; но она очень бдительная). Вот так и мучились с ней. Я ей вопрос, а она: «Подожди! Вспомню, запишу, тогда скажу... Ну, включай!» (и читает записанное свое с листочка). А иначе – никак.

Петр Силкин

(г.Тольятти Самарская область)

Забутые имена

Кажется, ни одна война, разразившаяся над Россией в Новое время, не была опозорена и оболгана в народном сознании так, как эта «империалистическая»; ни одна не оставила такого зияющего вакуума; ни одна не оказалась так заперта в сознании потомков, как эта.

А еще страшнее, горше и обиднее глухая бесследность трагедии в нашей национальной памяти. Она уходит в легенды, мемуары, исследования, в литературу, в песнь, в памятники. И как это ни покажется странным и неожиданным, но мне удалось, а точнее посчастливилось узнать о судьбе участников той войны и их послевоенной жизни, к сожалению, трагичной, как и вся наша история минувшего века. Все, что я узнал, показалось столь неожиданным, малореальным, абсолютно не вписывающимся в сегодняшнее бытие, что я счел себя обязанным поведать об этом, поскольку убежден: то, что я увидел, услышал и узнал – это тоже история, тоже правда, тоже память...

18 августа 1999 года. Полдень. Кладбище хутора Нижне-Калмыкова Усть-Хоперской станицы. Точнее, бывшее кладбище бывшего хутора Нижне-Калмыкова бывшей Усть-Хоперской станицы...

Я вместе со своим дядей и дедом Иваном приехал почтить память легендарного казака в день 80-летия его гибели и 85-летия его подвига. Дед и дядя – романтики казачьего возрождения, горячие патриоты своего родимого края, доморожденные историки-исследователи приехали сюда, наивно полагая, что эти события соберут в это святое место таких же романтиков, таких же краеведов, таких же пытливых и дотошных исследователей... Мне было грустно и жаль их, но на сожженном и поверженном кладбище мы были одни...

Одни среди обгорелых крестов, поваленных памятников, развороченных столбов ограды. Справа и слева поодаль разрушенные коровники, внизу – заросший пруд с мертвыми деревьями в воде и на берегу, среди буйно разросшихся верб и осин угадывались курганы, бывшие когда-то казачьими куренями. Среди одичавших садов виднелось несколько домиков, около дороги в зеленой оградке пирамидка с красной звездой, а в шагах 50 от памятника – старообрядческий крест. Кладбище не самые оптимистические места, – а поверженные и разоренные – это совсем беда...

Дед Иван, пораженный, поверженный, только качал головой и просил как можно больше сделать снимков, казалось, что мы были единственными на белом свете, кто помнил о Первой мировой войне и первом ее герое. Да в утреннем молебне в церкви святого Михаила Архангела, что в станице Вешенской, священник скороговоркой помянул вечной памятью имена пяти воинов – Кузьмы, Ивана, Василия, Георгия и Михаила. Было поставлено за упокой пять свечек руками набожной племянницы Валентины, наверное, она ничего не поняла, но просьбу мало верующего дяди Ивана уважила. Запомнилось мне немного: полуденный зной, желтеющий ковыль, огромный могильный камень поваленный на землю, с выдолбленным на поверхности крестом – Голгофой, смотрящим в небеса, да пугающий крик серой цапли с «мертвого» пруда.

Мы молча стояли около камня-памятника, в пластиковый стаканчик налили минеральной воды из Вешенского колодца-источника и вместе с ломтем хлеба поставили на изъеденную временем каменную поверхность. По дороге в хутор Калмыков дед Иван вспоминал виденный им в годы срочной службы в ГДР в Тюринг-

ском городке Веймаре собор, где в специальных книгах есть имена всех германских воинов, павших на полях сражений той войны, героем которой стал Крючков; и значит имена тех германских драгун, убитых Кузьмой и его однополчанами...

Филипп Абрютин (г.Москва)

С «Зингером» по жизни, или Воспоминания о былом

Мне нравится просто смотреть: смотреть на проносящиеся мимо леса, на огромные поля, занесенные снегом зимой, или, наоборот, наполненные жизнью летом, на чьи-то ветхие и покосившиеся хибары. Когда поезд делает остановки, то я смотрю на торговцев, которые предлагают пассажирам пиво, водку, раков, сервизы и прочие, прочие товары. Среди этих торговцев есть мои ровесники или даже ребята помладше. Но больше всего среди них бабушек и дедушек, которые ковыляют вдоль поезда и с надеждой заглядывают в окна вагонов. Я смотрю на них и понимаю, что этим люди, наверняка, пришлось преодолеть в своей жизни много всяких испытаний и трудностей. Глядя на них, думаешь: «И что заставляет этих людей поздней ночью, ранним утром, в дождь и в буран изо дня в день идти на вокзал, встречать и провожать поезда и уговаривать пассажиров купить у них свой товар?»

Людмила Пушкина
(г.Котлас Архангельской области)

Мои размышления при прочтении книги «Котлас – очерки истории»

Мне скоро семнадцать лет, я учусь в 11-м классе. Я обыкновенная современная девочка, слежу за модой, музыкой, бываю на дискотеках, люблю круг ровесников.

На мое мировоззрение в последние годы повлияла пришедшая в нашу школу учитель истории Клапюк Милитина Владимировна. Изменились уроки истории, на внеклассной работе мы окунулись в краеведение. В 9-м классе я работала над темой «Письма фронтовиков-котлашан как исторический источник по событиям Великой Отечественной войны», выступала на городских чтениях, в области. Благодаря фанатической работоспособности Милитины Владимировны в школе собираются краеведческие материалы, работает клуб «Макариха», создан школьный музей. Милитина Владимировна при создании этого музея все делала сама с детьми: искала доски, машину, чтобы их привезли, своими руками сшила занавески, собственными. Оформление музея – это ее учительский отпуск 2002 года.

Я только сейчас начинаю понимать смысл ее труда. Сейчас, когда изучала материалы по теме нынешней работы. Благодаря работе клуба учащиеся школы и другие посетители музея узнают трагическую историю тех мест и улиц, где они живут. Котлас в годы репрессий был пересылочным пунктом. Осенью 2002 года я с группой активистов клуба «Макариха» побывала в Москве в музее московского «Мемориала», в центре А.Д.Сахарова, в Твери, в Медном. Я была потрясена.

Я постепенно пришла к мысли сравнить, насколько соответствует описанная в книге «Котлас – очерки истории» история города в XX веке реальным событиям. Это и стало целью моей работы.

**Екатерина Гладилкина,
Наталья Каменцова,
Ольга Кучук,
Алексей Куреньков**
(г.Энгельс Саратовской области)

История дальневосточных корейцев, депортированных в Казахстан

Мы решили завершить работу по корейской тематике, чтобы рассказать о замечательных людях, которые живут на просторах России с конца XIX века и заслуживают доброй памяти о них. Конкурс подтолкнул наше желание ускорить обобщение материалов по истории корейской диаспоры в Казахстане. Считаем, что эти трагические дни истории России не должны быть полностью забыты потомками.

Эдуард Демьянец
(пос.Акбулак Оренбургской области)

Репрессированные акбулакчане: как им помочь?

Целью моей работы является знакомство с потомками жертв политических репрессий, ознакомление с их воспоминаниями о детстве, а может уже и юности; еще я преследую цель оказать посильную помощь этим людям.

Никита Новицкий (г.Астрахань)

«Астраханщина»

Когда на заседании кружка «Историк» я вместе с одноклассниками обсуждал темы исследовательских работ, меня буквально заинтриговало слово «Астраханщина». Тогда еще я не знал, что под ним скрывалось. Позже, обратившись к архивным материалам, отыскивая в библиотеках газетные и книжные публикации, я буквально по крупицам собрал материал, который дал мне возможность понять глубину и сложность этого крупнейшего политического процесса конца 20-х годов прошлого века.

**Екатерина Рощина,
Евгений Черников**
(г.Пугачев Саратовской области)

«Собирая... доброе основание для будущего...»

Студенты нашего техникума, независимо от национальности, с большой охотой работали на территории православного монастыря и во дворе татарской мечети: убрали строительный мусор, носили щебенку, мыли окна, полы. Нам в равной степени было интересно и там, и там. Мы взяли карту Николаевского уезда 1912 года и решили объехать те места, где в конце XIX–начале XX века были церкви, по-

бывать в тех местах, где когда-то жили полной жизнью знаменитые Иргизские монастыри.

Наша цель – понять, что мы потеряли. И определиться в выборе идеи, живой, основанной на исторических, нравственных, религиозных корнях.

От жизни той, что бушевала здесь,

.....

Что уцелело, что дошло до нас?

Ф.Тютчев

Елена Пузикова

(г.Саратов)

Судьбы людские

В начальной школе нас так часто водили в музей краеведения, что казалось, знаешь в нем абсолютно все – стало неинтересно. Но бывать мне здесь волей-неволей приходится постоянно, тут работает моя мама. Иногда приходится подождать маминого возвращения с экскурсии, сидя за ее столом. В последнее время на этом столе стали появляться предметы, которые притягивали внимание, вызывали много вопросов. Мама отвечала на мои вопросы, но возникали все новые. Мне хотелось узнать о людях, которым эти вещи принадлежали. Я рассматривала фотографии, вчитывалась в документы. Перед глазами проходили картины жизни нескольких поколений одной семьи. Факты, о которых рассказывали материалы, как бы оживили тот учебник истории, по которому я учусь. К тому же, оказалось, что работа музейного сотрудника очень интересная, порой захватывающая, как у детектива.

Сколько воды утекло за четверть века: в старом районе не один дом снесен. Но вдруг повезет? Чем ближе к указанному месту, тем больше волнение. Но вот он, нужный номер – маленький старый особнячок. Волнение не улеглось, ведь тут могут обитать уже совсем другие люди. Отступить поздно – на звонок вышла пожилая женщина...

Оказалась она той самой Еленой Владимировной Скворцовой, которая в 1977 году передала вещи в музей! Елена Владимировна много могла рассказать о своей семье и еще очень многое передать. Дом ее сам оказался настоящим музеем, в нем все было из прошлой жизни, конца XIX – начала XX веков, кроме телевизора, холодильника и газовой плиты. А она была его хранителем. Хранителем семейной памяти. И если раньше в областной музей были переданы только предметы быта, то теперь сюда попали и новые вещи, и уникальные семейные фотографии, и большое количество документов, причем не только дореволюционных. Всего более четырехсот предметов.

Артем Мусихин

(г.Киров)

Моя семья в истории Вятского края XX века

Происхождение моей семьи всегда интересовало меня. Но особенный интерес был вызван случаем, который произошел с моим отцом – Мусихиным Дмитрием Ва-

сильевичем примерно два года назад. Он попросил сделать ксерокопии документов в одной организации и случайно узнал, что недавно туда обращался молодой человек, чтобы снять копии с архивных документов о сосланных в Вятку поляках. Папа попросил уточнить фамилию этих сосланных, а когда узнал, то это оказались наши родственники. А сам молодой человек был троюродным братом папы. С этого и началось более подробное изучение истории нашей семьи.

Во время сбора материалов и бесед-интервью нам ни разу не отказали, наоборот, все были рады поделиться воспоминаниями. Это было связано отчасти и с тем, что многие моменты жизни нашей семьи были переплетены с событиями, о которых в определенное время было лучше молчать (раскулачивание, репрессии, ссылки, выживание любыми способами и т.д.). Например, родная сестра моей бабушки не хочет делать запрос в архив о месте рождения репрессированного прадеда. Эти сведения мне понадобились после того, как этим летом я узнал от профессора Ичетовкина Б.Н., что его фамилия в переводе с коми-пермяцкого языка означает русский. Мне пришла в голову мысль, что мой прадед Ичеткин мог быть русским, а не коми. Его внешность как раз говорит об этом.

Гузалия Султанова

(г.Ижевск Удмуртской Республики)

Судьба мусульманского духовенства в XX веке.

(На примере семьи муллы Магомедадья Тагировича Тагирова)

Некоторые вопросы этнической истории сегодня звучат как нельзя более актуально. В частности, интерес к исламским народам диктуется той непростой международной обстановкой, которая сложилась сегодня в мире. Рост терроризма в умах обывателя напрямую связан с мусульманами. А потому формируется явление исламофобии. Естественно, что татары – один из наиболее крупных этносов нашей республики и страны в целом – време-нами ощущает эти настроения на себе. Но ислам сам по себе не содержит идеи терроризма и насилия, и показывать это широкой общественности – од-на из важнейших задач современных исследований – вопросов религии и эт-нической истории.

Герой этой исследовательской работы – мой дедушка Магомедадый.

Алексей Стешин

(с.Новый Курлак Аннинского района Воронежской области)

Дело Расторгуевых

Я долго размышлял над этим (архивно-следственным. – Ред.) делом. Оно представляет собой законченное произведение, которое читается взахлеб. Здесь множество сюжетных коллизий. Я решил в данной работе как можно подробнее изложить ход событий, случившихся семьдесят пять лет назад в отдаленном от политических эпицентров местечке – селе Новый Курлак Бобровского уезда Воронежской губернии.

Ксения Замуховская
(г.Москва)

Участие немецких рабочих в индустриализации СССР

Удивительно переплетаются судьбы людей, связанные с моим городом. Более 70 лет назад приезжают в Москву немецкие рабочие из Тюрингии. Они строят Станкозавод, неподалеку от которого располагается 2-й единый диспансер, признанный образцовым в 1934 году. Заведующий диспансером – доктор Яков Михайлович Замуховский. Не случайно задержался взгляд на пожелтевшей странице брошюры: это мой прадед, сухие статистические сведения оживают. И это благодаря тому, что я ищу ответы на вопросы немецкого историка Герхарда Кайзера.

Герхард Кайзер учился в Москве в 1950-е годы, его по детским фотографиям узнала учительница истории моей школы Е.Л.Габриэлова. Проходит почти 50 лет, и я, занимаясь московведением, разыскиваю сведения, без которых не обошлась бы книга Кайзера о его земляках, строивших мой город.

Оказывается, в одном конце Южного округа, где живу и учусь, находятся завод им.Серго Орджоникидзе, одним из лучших рабочих которого был Эвальд Риппергер, а в другом – полигон Бутово, место, где он был расстрелян. Он погиб в Москве в 1938 году, а под Москвой в 1941-м погиб мой прадед, Порфирий Лямин, член диверсионной партизанской группы. Они были одного возраста, у них были сыновья. Сын Риппергера, исключенный из комсомола, находился во время войны в лагере, мой дед с шестнадцати лет воевал с 1941 года до конца войны, а после войны принимал участие в создании памятника Юрию Долгорукому. Брат Риппергера воевал против фашистов в Испании. Это были люди одного времени, с разной, но общей судьбой. Я начинаю понимать, что такое история, когда, разыскивая дом в Сырмятниках, расспрашивая прохожих, и пожилая женщина вспоминает, что ее отец дружил с немецкими техниками, они бывали в их семье, но фамилию свою называть не хочет. Страшно представить трагедию одиночества сына немецкого эмигранта Артура Людвиговича Гильденбрана, инвалида, покончившего с собой в 1998 году после смерти матери. А отец вернулся в Германию еще в 1936 году. Успел вернуться...

Тяжело стоять перед дверями подъезда дома по улице Орджоникидзе, зная, что в феврале 1938 года из этих квартир уводили арестованных. Кого-то расстреляли, кого-то выдали гестапо, кто-то погиб от голода в лагере. Эти люди стали москвичами в трудное время. Сегодняшние жители этих квартир не знают об их судьбе, но свой дом называют “дом ино”».

Ксения Любимова
(г.Пермь)

История спецпереселенцев в Ныробском районе

За эти несколько дней моей работы в архиве мне пришлось столкнуться с поражающими мое воображение постыдными фактами истории нашей страны. Фактами, долгое время скрываемыми от гласности. Сколько несправедливости и жестокости, и во имя чего?! Теперь я просто обязана дойти до конца: самой встретиться с теми, кто на себе пережил террор и репрессии. Ведь в архивных данных освеща-

ются лишь сухие факты и цифры, а как понять чувства, переживания, мысли живых людей, стоящих за скучными статистическими данными? Редкий архивный документ может точно отразить всю судьбу (пусть одного) человека. Воспоминания, чувства, простой язык живого свидетеля тех событий быстрее тронут сердце и разум, чем строгая констатация факта или трескучие призывы лозунгов.

Сегодня на улице стоит невыносимая жара. Кто-то спасается от нее на пляже – в воде, а я – в прохладе архивного зала. Но я нисколько не жалею потраченного мною времени: ведь часть своих летних школьных каникул, пусть последних, я занимаюсь делом, важным не только для меня, но и для истории. И пусть это звучит гордо, но именно так я это понимаю. Конечно, я оставляю себе немало времени и для отдыха, но часто, выходя из здания Архива, я не мог откинуть прочь мысли о тех событиях, что повели мне хранящиеся на пыльных архивных полках документы, о тех несчастных людях. И становится иной раз стыдно за те мои проблемы, которые подчас кажутся мне такими значительными. Как все это мелко и преходяще по сравнению с теми великими жертвами и лишениями, которые пришлось пережить тысячам и тысячам людей во времена репрессий.

Никак не могу отойти от этого холода в душе, который охватил меня после чтения архивных документов. Греет солнце, но я чувствую лишь ледяную тьму, в которую навсегда ушли жертвы репрессий.

Единственное, чего я опасуюсь, это то, что мы найдем мало собеседников, а то и не найдем вовсе. Кому захочется вспоминать ужасы прошлого? К тому же наверняка эти люди, жившие в эпоху молчания, запрета свободы слова, не захотят говорить с нами о политике тех лет. Пермское отделение общества «Мемориал» предоставило нам списки с фамилиями и адресами репрессированных людей. Всего 57 фамилий. Будем надеяться, что мы все-таки найдем людей, которые поведают нам о своей нелегкой судьбе.

Нашей группе все же удалось в этот день поговорить с Кушниной Августой Ивановной, в ходе репрессий 30-х годов высланной в поселок Ныроб. Никогда не забуду ее слова: «Как же долго я вас ждала! Расскажу и умереть можно». Эта простая пожилая женщина в ситцевом фартуке, чистящая лук на крыльце своего дома, понимает, что мы делаем важное дело. Если не она, то кто сможет нам рассказать настоящую историю тех трагических событий?

Екатерина Сергиенко

(с.Новая Сыда Краснотуранского района Красноярского края)

В далекой сибирской глубинке

(Мои земляки-краснотуранцы в годы Великой Отечественной войны)

Моя работа не претендует на всеохватный показ жизни села в годы войны. Это всего лишь попытка приоткрыть страницу ждущей своего исследователя книги о моих земляках-краснотуранцах. Чего только не пережили они, как сотни тысяч их ровесников и ровесниц в нашей стране, вместе с ней строивших свои судьбы, все время надеясь на то, что вот эту, потом ту, потом еще одну лихую годину переживем, а там всем нам станет легче. Постоянная подмена настоящего «светлым будущим», действительного – идеальным. Живя в бедности, бесправии, верили, что созданы для счастья.

Ольга Туровская
(г.Байкальск Иркутской области)

По ту сторону войны...

Целью работы стало прежде всего воссоздание той эпохи, ее атмосферы. Итак, перенесемся на место наших событий. Это небольшая деревенька, расположенная у подножья пологих гор, высоко над рекой; вокруг степь, которой, кажется, нет конца. Степной пейзаж скуден, но красив; это истинно монгольская земля, всюду пахнет свободой: бесконечные степи, бездонное небо, где невольно вспоминаются времена кочевников, скифов и Чингисхана с его великой ордой. Время течет медленно, ничто не нарушает его равномерного течения. Летом здесь – знойное солнце, зимой – лютый мороз и почти нет снега.

Невольно возникает вопрос: как может быть, чтобы в таком месте кто-то страдал от голода, нищеты, непонимания? К сожалению, это так и сейчас предстоит разобраться, что явилось этому причиной и что стало следствием.

Глава 2

Так и будем ЖИТЬ... (Детство)

Артем Алексеенко,

г.Хабаровск, школа № 55, 10-й класс.

Научные руководители

М.И.Алексеенко, Д.Т.Калашникова

Кулацкие дети

Мои далекие предки, еще в XIX бездорожном веке, в поисках крестьянского счастья проделали героический путь в тысячи верст от Могилевской губернии Белоруссии до неведомых берегов Амура, слывшего Черным Драконом. Обустроились в таежном краю, возвели село с родным белорусским названием Каничи, отвоевали у тайги и болот земли, развели скотину. Появились новые семьи и уже дальневосточные каничанцы; подсчитал – до тысячи душ только по прямой родословной. Их могло быть и больше, да три войны, две революции, одно, но жестокое раскулачивание и прочие «преобразования» советской поры низвели достойных, своекоштных хлеборобов до бесправных спецпоселенцев НКВД. Двое братьев Алексеенко – Степан и Федор расстреляны по приговору «тройки», остальных разметали аресты и ссылки...

Но неведомыми оставались судьбы арестантов, их жен, детей. Не ясно было и само явление – спецпереселение, о нем ни в справочниках, ни в местной литературе ничего не написано. (Позже, когда выяснилось, что такие дела сосредоточены в милиции, мы обратились туда с запросами; в Хабаровском ИЦ УВД сказали, что о спецкомендатурах материал еще готовится, а Амурское УВД сообщило, что ни на одного из 15 запрошенных лиц сведениями не располагает.)

Неполными и не всегда ясными были сведения и по родословной, особенно вызывали сомнения даты рождений, имена, отчества, семейные связи, степень родства и т.п. сведения, дающие более верную картину. Для этого нужны были документы, материалы, которых приходилось ждать месяцами, иногда запрашивать повторно, потому что, как теперь выяснилось, простые письма часто теряются, а почта за это не отвечает. Самыми емкими, но и самими трагичными и тяжелыми источниками оказались пять уголовных дел из архивов бывшего

КГБ в Хабаровске, Благовещенске и на Сахалине. Они дали цельную, но жуткую картину проведения репрессий. Кроме фактов удалось получить подлинники фотографий, копии разных удостоверений, справок, протоколов допросов, анкет, заявлений и других документов арестованных кулаков и ссыльных членов их семей.

Для тех, кто ищет, еще скажу, что мы встречались с десятками людей, часто совсем чужих, порой случайных, и они помогали выходить из тупиков, подсказывая адреса, какие-то детали, приметы, варианты поисков... Еще приходит почта. Но многое еще и не найдено, не все разгадано. И потому я продолжаю тему в надежде, что когда-нибудь узнаю больше, а напишу лучше. Живая история должна говорить!

Кошунство, но все-таки хорошо, что есть уголовные дела НКВД. Когда их много – можно составить общую картину и узнать детали родословной: даты рождений и смертей, имена и отчества, штрихи биографий и самих арестантов, и членов их семей, часто состоявших из трех поколений. Так, мне удалось узнать про четырежды прабабушку Анастасию Макаровну, родившуюся в 1851 году – за 136 лет до меня, еще при крепостном праве. Да и не школьный глобус рисовал мне маршруты вынужденных путешествий предков по «колючим» местам многочисленных комендатур НКВД. И «кто есть кто» на деревне тоже подсказывает «уголовный элемент» семейной истории. Правда, в ФСБ всегда торопят, не все позволяют выписать, сомневаясь: а это родственник? Но чтобы ответить, как раз надо глубже «копать». И вот через два года из архивной «руды» высветилась разными гранями самая «вредная» (кулацкая) часть моей родословной: по семейным парам, брачным связям и, увы, арестам и расстрелам.

Первый кулак на деревне

Уголовное дело № П-64879 образца 1930 года впервые «высветило» семейство Прохора Акимовича Алексеенко и стало ясно, как все начиналось и почему этот, уже пожилой человек, во всем оказался первым.

Рассказывает Иван Иванович Алексеенко:

– Прохор нам большая родня, похоже его отец Аким – младший брат нашего деда Филимона, а все «Сергеевичи», понятно, братья. Ох, умный был мужик, расчетливый, бойкий! Слышал, он первым приехал, и место под Каничи выбрал, и себе усадьбу на взгорке. Вон его дом до сей поры как новый, и веселый. А вот хозяина сгубили. Придрался из-за Хортова, посчитали за работника, а он жил то у Степана, то у Прохора, на всю деревню мастеровой – кому резьбу, кому наличники, из любой деревяшки красоту наведет... А инструментов – невидимо: разные пилочки, сверлышки, ножики. От него и я плотницкое дело ухватил...

Рассказ, как говорят, в строку. Сходится.

Наемные работники у Прохора, конечно, бывали – по сезону, у него и столовались, и плату имели по договору. А что бумаги такой не имею, объясняет Прохор следователю, – так вить, уговор – по совести. А руки нужны – хозяйство немалое: посева 30 десятин, коней да рогатины с молодняком, считай, по десятку, упряжь, да техника всякая: плуги, жнейки, вязалки... Не воровские, моzoлями нажиты.

У Прохора три взрослых сына: Николай, Игнат, Петро; у каждого свой двор, но держались единым хозяйством, вроде семейной кооперации. Да только советская власть глядела шире – придумала всеобщую коллективизацию, где все общее и ничейное одновременно. И разделил тогда Прохор свое хозяйство, отписав большую долю младшему сыну – Петру: молод – сил поболее и, глядишь, одолеет смуту. С тем и подались на приработки: в начале марта 1930 года, пока не вскрылись речки, снарядили обоз на зейские прииска...

Дарья, совсем еще юная хозяйка Петра, долго ждала мужа, прислушиваясь к каждому скрипу у калитки. И сын Борька полутора лет, еще кормившейся грудью, отрывался от еды и начинал по-своему звать отца. Забеспокоилась родня; собрали было новый обоз – не успели: занималась распутица, и в природе, и у власти.

Не зря волновались каничанцы. В те мартовские дни 30 года, когда Прохор с сыном добывал копейку дальним извозом, в райцентре решила их судьба. Вот документ:

«Совершенно секретно
ПРОТОКОЛ № 10
закрытой части (заседания)
Мазановского районного
исполнительного комитета
15 марта 1930 года
Село Ново-Киевка

Присутствовали члены президиума: Сверкунов, Фурман, Коробкин, Масенький и Вагина.

Слушали: об отборе кулацких хозяйств в порядке Постановления СНК и указания Окружкома.

Постановили:

1. Список кулацких хозяйств в числе 82 человек с подразделением их на группы утвердить, отметив, что этот список не является окончательным ввиду неполноты материала.

2. Поручить персонально секретарю РИКа тов. Тулевичу в 3-дневный срок на основе налогового материала, в согласованности с органами ГПУ, разработать на каждое хозяйство политическо-хозяйственную характеристику для дополнительного предоставления в ОИК.

3. Возложить на отдельных уполномоченных по посев-кампании дополнительное выявление кулацких хозяйств и высылку на них материала РИКу.

Председатель РИКа
Сверкунов»

В приложенном «списке» обреченных на раскулачивание по Каничи значились двое: первым, как всегда, оказался Алексеенко Прохор Акимович, вторым значился Куртов Семен Ефимович – отец большого семейства. Все шли по первой группе, как наиболее опасные I.

Крестьян поделили на три категории, четких граней между ними не было, и только власть по каким-то неведомым признакам определяла, кого куда причислить, а причислив, требовала: кулаков 1-й и 2-й категории селить отдельно от третьей, «небольшими поселками, не более 50 дворов» и на расстоянии «не менее 15 километров». Видно, опасались сговора и бунта. А он уже был в 20-х. Этим крестьянам при выселении разрешалось взять с собой только до 30 пудов груза (480 кг), включая технику. Инструкция уточняла: «Ни лошадей, ни дру-

гого скота, ни сельскохозяйственного инвентаря, кроме простейшего – топоры, лопаты и тому подобное – им не выдается».

3-й группе, судя по всему, более бедной, дозволялось оставлять «для ведения на выселках примитивного сельского хозяйства – одну лошадь, одну борону, один плуг, простейшие хозяйственные орудия и инструменты, а также не более 500 рублей на хозяйство и запас продовольствия по жесткой норме»2.

Предписывались и жесткие меры: немедленно «направлять уполномоченных для конфискации имущества и выселения кулаков», «для обслуживания выселяемых подобрать 10 надежных милиционеров, способных нести службу в условиях тайги», снабдив их красноармейским пайком и зарплатой в 85 рублей.

ОГПУ со своей стороны торопило, внушало страх, выискивало недостатки; так, оно отмечало, что в с.Каничи еще в 1929 году избрали комиссию по хлебозаготовкам, но она «заявляет, что излишков зерна на селе не имеется»3.

И откуда им было взяться: то был недород, то началась колхозная лихорадка: зывали, страшали, а проку? Гольтба не сеяла, не пахала, а справные мужики металась между старыми налогами и новыми обложениями, и в колхоз не спешили.

А между тем, советская власть, в лице ее высших органов – ЦИК и СНК СССР – торопит, требует ликвидировать кулака как класс. 1 февраля 1930 года принято постановление о его выселении из районов, где коллективизировано более 50 % хозяйств. Местная власть брала под козырек, совершенствуя и преумножая меры борьбы с так называемыми «кулаками», к которым в Каничи отнесли семьи Алексеенко, Куртовых, Рытиковых, Титовых. Конечно, нужны более полные данные, но даже показания арестованных, рассказы родственников, редкие фотографии убеждают в том, что не все из них тянули даже на зажиточных крестьян.

Кулака первой «гильдии» Прохора Алексеенко и арестовали первым – 25 марта 1930 года (вспомним, список был утвержден загодя, 15 марта). Даже сына Петра взяли на вторые сутки, 27 марта; братьев Алексеенко – Степана и Федора – месяц спустя, 21 и 22 апреля, остальных еще позже. Чего только не ставили в вину Прохору: он и эксплуататор наемных работников, и помещик, и агитатор против советской власти, а в итоге «вытянул» на стандартную статью 58-10 УК РСФСР – кулацкая контра. Осуждение оформили от имени «тройки» при постоянном представительстве ОГПУ Дальне-Восточного края за 18 июня 1930 года, приговорив «к высылке в Николаевский-на-Амуре округ сроком на 3 года»4.

Кулацкие дети

Они все – кулацкие дети: и Прохор, и его сын Петро, и братья Степан, Федор, Василий и другие, потому что определили их здесь отцы. Здесь они сами стали отцами, а то и дедами. Но сложнее всего было их детям. Они оказались в положении брошенных котят. Почему так случилось и что с ними было в жизни (у тех, кто выжил) – об этом мой дальнейший рассказ. Оговорюсь только, что писать об этом труднее, чем о далеком прошлом: время ближе, а документов меньше, не сохранились в житейском водовороте или специально уничтожены, «что б с глаз НКВД».

Внешне деловое письмо оказалось криком души: «с октября 1932 г. по апрель 1933 г. Мазановский район систематически недоснабжается хлебом», поступило всего 55,3 %, по 2,4 кг на едока в месяц, и это при недостатке других продуктов (крупа, масло, чай), люди бегут из района». Руководители района

зывали о помощи краевых властей... На что же мог надеяться раскулаченный крестьянин? Люди уходили в тайгу, на охоту, а их «переодевали» в бандитов. Вот донесение ОГПУ в ДКК ВКП(б):

- наблюдается «скопление бандитов из беглого кулачества в верховьях рек Ульма, Бирма, Томь...»;
- между селами Мазаново, Угловая и Бирма скрывается до 40 человек из беглого кулачества;
- «В верховье р. Ольга обнаружено зимовье, где скрывается 5 бежавших»;
- приняты меры: «В с.Бирму направлена оперативная группа; 9 января 1933 г. изъято 13 участников – 9 кулаков и 4 середняка, отобрано 10 трехлинейных винтовок, 5 берданок и ряд боеприпасов. Ведется следствие»5.

Из сводок по другим районам: наблюдаются задержки зарплаты, болезни, массовый голод. Это среди взрослых, а в каком положении дети? Незаменимое ОГПУ все знает:

- «в Завитинском районе 16 марта (1933 г.) от недоедания умерло трое детей; 8 членов семьи рабочего Попова лежат с опухолями»;
- в Тамбовском районе 5 смертных случаев на почве голода;
- «В течение февраля–марта в Благовещенск из района прибыло 30 семей, которые голодают, дети бродят по городу, просят хлеба»;
- 18 марта: «В комендатуре облотдела (ОГПУ) ...оставлены трое детей, отец которых Косицын арестован по 58-10 ст. УК»;
- 23 марта: в облотдел подброшены 8 детей арестованных кулаков, при них обнаружена записка: «Примите голодных детей, выселены из коммуны «Пробуждение». Отец сидит арестованный, мать голодная, ходить не может»;
- «Учителя некоторых школ (в с.Чуевка, например) бросили работу и вышли в поле собирать сою для собственного питания»;
- меры: «Информированы областные организации. ...даны указания об усилении выявления настроений с целью предупреждения... к. р. выступлений и эксцессов».

Подписал эту «похоронку» «Пол. пред. ОГПУ ДВК Дерibas». Именем главного чекиста края была названа и детская колония в Юхте (неподалеку от г.Свободный, где содержались и взрослые, в том числе Прохор). Там издавалась своя газета «Коммунар», выходившая под девизом: «Спасибо тов. Сталину за нашу счастливую жизнь!» Пропагандировали ее коммунары в духе «Марша колонистов-дерибасовцев»:

*Ты наш шеф, опекун и учитель,
Ты в колонии нас возродил.
И вчерашний воришка-вредитель
В жизнь путевку себе получил.*

В рассекреченных недавно архивных делах нашлись и другие сведения о печати тех лет. Оказывается, во многих местах области появлялись подпольные брошюры и листовки. В одной из них (в Завитинском районе) стихотворный призыв: «Долой Ленина, долой Калину, давай царя, давай свинину! Как был Никола-дурачок, то была булка пятачок, но как стала Советская республика, то не купишь за тысячу бублика». Подобный текст, видимо, за неимением бумаги, был обнаружен и на обороте портрета Буденного.

В решении вопросов взрослых дети порой выступали заложниками. Братья

Парфен и Василий Алексеенко в 1932 году вместо колхоза пошли на промыслы. В их отсутствие арестовали их жен и детей. Вот что вспомнила старшая дочь Василия Сергеевича Анна Васильевна Лебедева:

– Жену Парфена тетю Соню с тремя детьми и нас шестерых согнали быстро, не дали толком собраться, посадили на телегу и повезли в ночь... Мама с грудной Тасей на руках, я – старшая, шел десятый год, Тане – восемь, Лизе – шесть лет, а Вите – четыре года. Выгрузили в Мазаново на пристани Зеи. Она оцеплена, кругом милиция, солдаты. Спали на соломе в бараке. Утром встали – есть охота, а нечего. Здесь были люди со всего района.

По утрам и вечерам всех строили и проверяли по списку, а нашу фамилию все не называли. Мама беспокоилась, что прослушала и спрашивала: «Соня, а тебя гукали?» Оказывается, тоже нет. Тут им подсказали: «Не зовут, так и по-малкивайте». Так они и поступили при посадке на баржу, всех увезли, а мы остались. Что делать? «Марш в барак. И поменьше высовывайтесь!» – распорядился человек в форме и даже помог устроиться на нарах. Может, сжалился или такой кавардак у них там был, что мы и в списки не попали. С месяц на пристани прожили. Отцу сообщили, он приехал, поднял шум, нанял подводу и вернул снова в Каничи. Приехали. А в доме – пусто, даже ухваты и скалки исчезли. Было не жалко, а жутко от той пустоты.

Дополняет та самая «грудница Тася» (по документам – Ефросинья), Таисия Васильевна Алексеенко:

– Путешествие на мазановскую пристань было не первым в моей годовалой жизни. Когда папа был еще на Сахалине, у мамы 13 января 1931 года родилась двойня; Анисья вскоре умерла, а я выжила и ездила с мамой забирать больного отца из благовещенской тюрьмы. После того как папу выслали на прииск Баладек, мы зимой 1934 года добирались к нему 19 дней, у декабристок хоть были повозки-кибитки да прислуга. Мы же ехали на обыкновенных санях-розвальнях, а вез нас папин брат-инвалид Мефодий. Прибыли 4 марта, в здешних местах в это время – лютый холод, а окна в домике закрыты какой-то тряпкой, забиты фанерой. Так и стали жить. Здесь, на Баладеке, родилось еще трое детей – Надя (1937 г.) и новая двойня – Саша с Валею (в 1939-м). В поселке была только начальная школа, в семилетку старшие дети добирались за 120 километров – районный центр Экимчан, ютились в интернате, питались кое-как, и в начале 50-х сюда перебралась вся семья. И это была ее последняя пристань.

Нужда, заботы и тревоги никогда не покидали и другие кулацкие семьи. Вот арестовали Федора Алексеенко – аукнулось пятерым детям; только Фросе пятнадцать лет; остальным меньше: Петру – одиннадцать, Ивану – восемь, Фекле – четыре года, Вере – три, и впереди – годы скитаний по спецкомендатурам⁹. Сегодня мне даже трудно представить, как им удалось выжить. Да и выжили не все: Фрося сгорела заживо, разжигая печку в столовой; сына Макара Титова – Ивана – забрала эпилепсия; Виктор, сын Василия Сергеевича и Ульяны Акимовны, утонул в Селемдже; судьбы многих неясны. Из тех, кто известен, редко кто имел надежную профессию. Некоторые закончили ФЗО, курсы, училища, и только двое – вузы.

Выселки «без права выезда»

В инструкции о раскулачивании игривое слово «выселки» показалось случайным, инородным. Оказалось, нет, оно служило словесным прикрытием, укра-

шением большого разбоя. Официальные документы, особенно их названия, не часто включали такие слова, как «раскулачивание», «конвой», «спецкомендатура», и даже «расстрел» именовали как ВМН – высшая мера наказания. Истинный смысл деяния скрывался под более благозвучными словами: «спецпереселение», «трудпоселок», «охранение».

Первым и потому, наверно, излишне откровенно высказалось руководство РСФСР, принявшее 10 января 1930 года постановление (не закон!) «О высылке и ссылке, применяемых по судебным приговорам». Определено было три вида:

а) высылка из места, где данное лицо проживает, с запрещением проживания в отдельных местностях или без этого;

б) ссылка в определенную местность;

в) ссылка в определенную местность в соединении с принудительными работами¹⁰.

Пункт «а» предусматривал от 1 до 5 лет лишения свободы, «б» и «в» – от 3 до 10. Интересно, что к 10-летию установления советской власти на Дальнем Востоке (7.11.1932 г.) по этим делам была объявлена амнистия. Однако кулаков она, видимо, не коснулась, сведений не нашлось. Зато весьма определенным образом сказалось постановление СНК СССР № 174-сс. от 16.08.1931 г. под названием «О спецпереселенцах». Оно большое, но главная мысль по отношению к раскулаченным – «закреплять их на местах», создавать для этого все условия¹¹. Что это за «места» и «условия» говорят даже скудные сведения о спецкомендатурах¹².

Одно из условий этого «манифеста угробления» заслуживает полной огласки как наиболее яркое выражение идеологии раскулачивания:

«3. Учитывая необходимость скорейшего отрыва молодежи спецпереселенцев от контрреволюционной части кулачества, признать возможным восстановление в правах молодежи, достигшей 18-летнего возраста до истечения 5-летнего срока в тех случаях, когда эта молодежь проявила себя с положительной стороны. Подобные восстановления проводятся... через... исполкомы, с предоставлением им права свободного проживания».

Здесь столько обещано свобод, что юные обитатели резерваций кажется вот-вот дружно разбегутся от тлетворных родителей. Правда, для этого надо дожить до 18 лет, «положительно» положить здоровье на лесоповале или в карьере с кайлом и на голодный желудок спокойно подумать о счастье «свободного проживания». Такая перспектива особенно заманчиво выглядела на фоне подневольного труда ссыльнопоселенцев, охваченных «стахановским движением», находившимся под неусыпным наблюдением НКВД. Подтверждением его активной роли в управлении «народным творчеством» служит «спецсообщение» под названием «О недочетах в руководстве стахановским движением в Оборском ЛПХ» (правильнее бы – в Оборской спецкомендатуре). Оно интересно тем, что, кроме производственных «замечаний», выдает массу фактов из обыденной жизни поселенцев, что могло быть выявлено лишь в результате повседневного сыска. Благодаря ему, мы сегодня узнаем о постоянном обмане ударников-стахановцев. Членам бригады знатного лесоруба Касьянова обещали разместить их в отдельных квартирах, обеспечить мебелью, посылать в санаторий, увеличить отпуска до двух месяцев, направлять на учебу. Однако ничего этого сделано не было. Более того, получившим увечье давали физически трудную работу (однорукого Силаева, например, назначили косцом). На собрании объявили, что стахановка Гавриловская премирована часами, но их так и

не дали.

Однако были и «пряники». В конце года ОРС леспромхоза разослал лучшим стахановцам посылки и открытки с таким текстом: «Дорогой товарищ-стахановец! За вашу стахановскую работу в сезон 1935–1936 гг. посылаем Вам этот скромный подарок и надеемся, что в будущем году вы будете работать по-стахановски». А в посылке было пять пачек дешевых сигарет, пачка печенья и ... пол-литра водки! Коллеги же выговаривали ударникам: «Вам, дуракам, дают грошевые подарки, а вы и рады стараться. Все это делается для того, чтобы высосать больше сока из нашего брата»¹³. Сомнений в достоверности таких суждений нет – «слушало»-то НКВД.

В начале 1936 года оно подготовило для руководства края «Спецсводку № 1», которая дает ужасающую картину жизни в 120 поселках края, где размещены спецпереселенцы. Сколько их там было, неизвестно, но как пример сообщается, что в 11 поселках (в основном, по оборской ветке, где находилось большинство сосланных каничанцев) проживала 2361 семья, в которых было 10 466 человек. Учитывая неполноту семей, можно сделать такой расчет: на каждую семью приходилось по 1,4 родителя и не менее троих детей. На них и ложились все тяготы жизни. Вот лишь некоторые данные «Спецсводки»:

Жилье почти всех трудпоселков – ветхие бараки, где проживает до 60–70 % поселенцев, остальные – в полуземлянках. На Оборе (23 км) в бараке № 5 площадью около 70 м² проживает 42 человека, в том числе 22 ребенка, в бараке № 1 (около 100 м²) – 52 человека, из них 35 детей. Нет кладовок, шкафов, помещения завалены домашним скарбом. Вместо кроватей и топчанов люди спят на ящиках для картошки и овощей.

Культура, образование, воспитание – все примитивно. «69 помещений, называемых клубами» – жалкие лачуги. 4507 поселенцев не знают букваря, 9828 – малограмотны. Слабо ведется работа «по отрыву молодежи от идеологического влияния стариков-родителей», так как хозорганы «отказываются выделять специальное помещение». А если б выделили? Неужели новое, теперь уже внутрисемейное раскулачивание? Но ведь и сейчас, как сообщает та же «спецсводка», профессиональным обучением молодежи занимаются плохо. Вот 12 молодых людей окончили 3-летние курсы Горпромуча, дали им немного поработать по специальности, а потом «стали бросать с одной работы на другую – на заготовку дров, в забой и т.п., в результате эти 12 человек сбежали с места высылки».

Медобслуживание: «часто испытывают нужду» в простейших лекарствах: мази, йод, хинин, сыворотки; недостает лекпомов, медсестер, по линии крайздрава – один врач на 5 тыс. человек. «Оборудование... настолько примитивно, что врачи не всегда рискуют проводить серьезную операцию». Бань мало, 40 % из них топится «по-черному», люди не успевают помыться даже один раз в декаду. Недостает дезустановок, за полгода было 26 вспышек тифа, более 200 случаев детских эпидемических заболеваний.

Кулацкие дети... их все норовят оторвать от родителей. А куда их деть, когда «ясельной сетью дети трудпоселенцев обслужены только на 16 %», а сама она «крайне примитивна»: «помещениями не обеспечена, верхняя одежда, обувь отсутствуют. Питание скверное...»¹⁴

Весь этот процесс в официальных документах именовался «освоением трудпереселенцев» путем «их воспитания и постоянного оседания в крае, ...привития им трудовых навыков (!?), создания для них условий материального благо-

получия». Правда, тут же признавалось, что с этим дело «обстоит из рук вон плохо»¹⁵. Люди часто жаловались в разные инстанции. Но они были бесправны, «лишенцы», т.е. лишены даже избирательных прав. Ходатайства по этому вопросу рассматривала специальная комиссия. Результаты ее заседаний видны по одному из протоколов, за 14 июля 1931 года: из 38 заявителей отказано 34-м. Согласно инструкции ВЦИК, у каждого находился пунктик, по которому его и лишали избирательных прав: арендатор земли, подрядчик, домовладелец, «за скупку и перепродажу скота».

Восстановление в избирательных правах, на мой взгляд, мало что меняло в положении обездоленных людей, но давало хоть какую-то надежду на изменение к лучшему, пропуск в круг советских людей, где они – «как все». Может, поэтому борьба за это право была массовой и упорной. К 1935 году она стала более упорядоченной, а отношение властей более лояльным и ответственным. Появилась система решения вопроса, контроль за прохождением заявлений и жалоб, составлялись четкие списки на десятки семей, принимались решения Далькрайисполкома. Но эту внешнюю благодать смазывало то, что у руля этого процесса по-прежнему стояло НКВД, а восстановление в правах давалось «без права выезда из поселка»¹⁶. Словом, «освоение трудпоселенцев» продолжалось.

Крупская и Матренин двор

Никогда бы не подумал, что Н.К.Крупская, жена Ленина, имела какое-то отношение к Дальнему Востоку! Однако архивы подсказали – имела: к обустройству общежития для студентов китайской Ленинской школы во Владивостоке, к делам фабрично-заводской девятилетки (ФЗД) в Хабаровске, к другим вопросам жизни учащейся молодежи. После кончины в 1939 году ее именем даже хотели назвать Мазановский район – родину моих амурских предков¹⁷.

Это обстоятельство помогло не усомниться в достоверности сообщения А.П.Огородниковой из Тайшета: «Нас два раза ссылали; в 1936 году мы писали письмо Крупской, и она прислала нам освобождение».

Поскольку эта важная переписка пока не найдена, поясню, кто такая Огородникова. По уголовному делу «сорока восьми» вместе с братьями Степаном и Федором Алексеенко проходили трое Кузьминых, живших до ареста в соседнем с Каничи староверовском селе Бичура. Такое родство позвало на поиск Кузьминых; выяснилось: Владимир Егорович и Илья Фомич получили по лагерной «десятке» и бесследно исчезли; Перфилий Семенович разделил судьбу... Какую – рассказывает его старшая дочь Анастасия Перфильевна, ныне Огородникова (80 лет). Пять своих писем баба Настя разрешила изложить, как надо. Я попробовал.

– Кузьмины – уроженцы Бичуры. У деда Семена было трое сыновей: Терентий, Дмитрий и Перфилий, а, значит, и три снохи, младшая, но боевитая Матрена – наша мама. Все богу молились, но по-старому, дед и нас учил. Законы были строгие, мужики не курили, по праздникам пили сусло из ягод и овощей. Оно вроде хмельное, но не пьянели, считалось позором...

Занимались земледелием: сеяли пшеницу, овес, разные овощи. Зерно возили на продажу, покупали нужное. Развели овец, кур, гусей. Зимой мужики на своих лошадях охотились на сохатого, готовили дрова, лес для построек. Все – свое, хотя богатства не было: две деревянные кровати, стол, скамейки. Постель домотканная, белая, чистая; дети спали на полу, было тепло и уютно.

Хорошо помню и деревеньку свою, дворов в 50, и дом бы нашла: как заходишь с востока и до половины пройдешь – мосточек там через ручей, и сразу, по правую руку дом большой, пятитенный, много окошек в улицу с резными наличниками, крыт железом под коричневою краскою. При доме большой огород, там баня, в конце – озерцо и речка, где купались и поили лошадей...

И была там Матрена счастливой хозяйкой – живи да живи. И зачем тот колхоз? За такой вопрос папу и забрали от нас, куда-то увезли. В ту осень меня уже готовили в школу; значит, это был 1931 год. Маме приказали: быстро – в дорогу; успела собрать главные пожитки – детей: Насте семь лет, Васе – шесть, Ксене – четыре года, Анисье – два. Из таких семей и набрался обоз под конвоем. Провожала, стонала, рыдала и тайно молилась вся Бичура...

Так мать семейства, мужняя жена без мужа Матрена Ильинична Кузьмина сменила пригожий дом у речки на затхлый барак Оборской комендатуры. Оглядываясь, сводила детей в лес: грибы, голубица, дикий виноград, кедровый орех; подсказала – кормитесь. По весне нашли поляну под огород, стали копать... И быть бы беде, да выручил дед – прислал картошки и тыквы в мешках, других семян; потом сам приехал, огород посадили и нам перепало.

А Матрена на то и поселенка, чтоб работать. И определили ее на лесоповал, за 20 километров от Шеповаловки, где оставались дети. Навестить их разрешили один раз в месяц. Старшие Настя и Вася пошли уже в школу, хозяйничали в доме, вели огород, смотрели за малышами, бегали за пайками хлеба в 250 граммов на иждивенца. Сами готовили или сидели впроголодь.

И вдруг в дом нагрнула радость – освободили папу, на воссоединение с семьей! Он тут же пешком отправился к маме в лес, и ее отпустили. Зажили веселей, дружно, и даже братик Ваня родился. Знал бы зачем – не явился. Через несколько месяцев, 7 марта 1933 года, папу снова арестовали и опять куда-то увезли. Куда, за что, зачем? Гадаем. Плачим.

Время шло, не выдержала Матрена, взяла отпуск – и на поиски. Нашла-таки, да проку! На просьбу о свидании или передаче на каждом пороге отвечали попугаем: «Не-по-ло-же-но!». На деле же было так: через полтора месяца после ареста, 22 апреля 1933 года, в числе 30 из 48 членов так называемой «повстанческой» организации под водительством земляка – соседа Степана Алексеенко, был расстрелян и Перфилий Кузьмин. От жены просто скрыли участь мужа.

Неизвестность угнетала... Да беда одна не ходит: голод и болезни свели в могилу Ваню, ясельную Анису, что значилась в тех 16 процентах «Спецсводки № 1»... Закачался было казенный дом Матрены, да не на ту напала судьба-злодейка. Кузьмина добилась переезда в другой поселок, где была школа-семилетка – хотела учить детей. И себя не жалела: на рубке леса давала по две нормы, стала стахановка, была восстановлена в избирательных правах. Да что от того: она на делянках, а дети без матери – сироты.

Сама ли догадалась, подсказал ли кто, но собрала Матрена все свои «стахановские» справки и написала обо всем Н.К.Крупской. Стала ждать, и однажды вызывают ее в комендатуру и говорят: пришло письмо – решено Кузьмину Матрену Ильиничну с детьми освободить от ссылки, и дают пропуск на выезд. Сколько было радости, до слез!

И вернулись Кузьмины в Бичуру. И все шло нормально, только без папы: мама работает в пекарне, дети пошли в школу, живем у родственников, хотя наш дом рядом, но там уже другие хозяева... Новый, 1937 год, не сулил нам беды. Но именно он и стал роковым: дали 24 часа на сборы и эшелон в Сибирь...

Об этом скажем бегло. Прожила Матрена 94 года, но сибирского леса хватило и ей, и ее дочерям. На любимого сына Васю получила загадочную похоронку: умер в армии от укуса какого-то комара; на фронт же не попал по вере, не желая брать оружие, чтобы убивать... Есть семья у Ксении. Настя в 45 лет схоронила мужа-фронтовика, вырастила пятерых детей; за работу почтальоном награждена орденом «Знак Почета». Когда-то босоногая девчонка, проведенная по сути всю жизнь в ссылке, ни на кого не озлобилась и написала так: «живем нормально... есть крыша, земля, работа... жить можно». Только вот: «Душа болит бесконечно... Сколько сгублено безвинных душ!» И за этим страданием стоит не только прошлая драма страны, но и ее нравственное состояние сегодня и завтра.

Раздел требует небольшого пояснения. 15 декабря 1935 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли под грифом «Не подлежит оглашению» постановление № 2663 «О школах в трудпоселках», подписанное В.Молотовым и И.Сталиным, там отмечалось неудовлетворительное руководство Наркомпроса (зам.наркома – Н.К.Крупская) «делом обучения и воспитания детей трудпоселенцев». Предлагалось в школах провести мероприятия «по укреплению пионерских организаций... учитывая особые условия...», в месячный срок направить для работы «не менее 100 комсомольцев». При такой «заботе» руководства страны вполне вероятно, что Н.К.Крупская, получив письмо из Оборской комендатуры, приняла меры по освобождению из ссылки М.И.Кузьминой и ее несчастных детей.

В предвоенные годы (1935–1940-е) на Дальнем Востоке проводилась большая «чистка» кадров, высылка из приграничных районов (а их было 19) всех «сомнительных элементов». При этом была развязана кампания доносительства, подозрительности, травли, шпиономании в отношении корейцев и китайцев, которых здесь действительно проживало много. Об обстановке говорит сводка в ЦК ВКП(б) тов. Маленкову:

На 10 января 1936 года выявлено 674, арестовано 364 человека, выделенных в следующие группы:

подозреваемых в шпионской деятельности и измене родине – 131,
социально-чуждых и кулаков – 102,
авантюристов, жуликов, карьеристов – 124,
бывших белых – 119,
троцкистов, зиновьевцев, правых – 53.

В этот поток во второй раз и попала опальная семья Матрены Кузьминой, несмотря на «освобождение» Н.К.Крупской. И, может, правильно, что в тревоге за детей, как сообщает А.П.Огородникова, «мама еще в молодые годы все документы, фото семейные сожгла, потому что боялась третьей ссылки». Однако не выдержало, сжалилось сердце молоканки перед памятью загубленного мужа – маленький обрывок общей фотокарточки с его обликом Матрена все-таки оставила для себя, для детей. Нам стоило большого труда восстановить его. Но труд для истории не имеет цены.

Когда мы с дедом прочитали письмо его учительницы Н.М.Григорьевой (Колупаевой), и поныне живущей в Каничи, раздосадовались:

«Деревня сегодня выглядит как будто после большой войны, осталось всего 20 домов, в половине из них живут по одному старому пенсионеру. Уже 3 года ничего не сеют, совхоза нет. В деревне нет ни школы, ни больницы, ни магазина, ни конторы – ничего. Мы живем, как в джунглях, кругом дома вывезены, проданы, развалены, на их месте растет бурьян да полынь. Есть только киоск в доме бывшей продавщицы, одна комнатка. Вот и вся наша цивилизация».

Мораль? Куда и почему все исчезло через 110 лет после основания села? И не вернуть ли сюда дедов? Прикажут – поедут: правительство сегодня вон какое бойкое, что ни день, то реформа! А может, хватит экспериментов? Может, мудрые деды еще не все рассказали? И со своими простыми вопросами я обязательно съезжу в деревеньку Каничи – и на Амуре, и в Белоруссии, где искали, теряли и находили свое крестьянское счастье мои незабвенные предки.

ИЗ РАБОТ ФИНАЛИСТОВ КОНКУРСА

**Александра Корсакова,
Полина Корсакова**

(пос.Приволжский Кимрского района
Тверской области)

Вдовья доля. Вдовый век

Бабушка: «Игрушки? Были у меня игрушки: оловянные солдатики, один с ружьем, другой с флагом, который подружке давала. Мы их и спать укладывали, провожали их на войну (под печку). Подругу эту недавно видела, стали вспоминать прошлую жизнь, она мне и напомнила про солдатиков: «Помнишь, как я тебе завидовала? У тебя с ружьем, как хочешь с ним играешь. А моего с флагом никак не уладишь, флаг мешает». Мама мне у тряпичника выменяла и голову куклы, а туловище, руки, ноги сама сшила. Я своей куклой гордилась, не у всех такая была. У меня и мячик был, правда, не каучуковый, как у одного в деревне. Но тоже играть с ним можно было. Мячи тоже не у всех».

Хотя и военное время, трудное, но старались все сделать, чтобы порадовать детей.

Игра в солдатиков повторяла реальность, которую дети видели: проводы на фронт. А вот возвращения с войны дети еще не видели, потому в это и не играли. Видимо, проводы на войну запали в детскую душу. Чем? Может, плачем взрослых, может, тем, что это повторялось не один раз, чаще, чем возвращения...

Мы: «Бабушка, а о чем вы в войну мечтали?»

Бабушка: «Да мы маленькие были, по улице кочережки гоняли. Ни о чем, наверно, и не думали...»

Бабушке тогда было не более десяти лет, к тому же она – девочка. Да, дела по дому, хозяйству и ей приходилось выполнять, но груз забот все же лежал на старших: Прасковье, Христине, подростком Фатее. А маленькую Полю, скорее всего, берегли, как могли, от переживаний и забот.

«После войны стали жить хуже; разделение пошло. У кого мужа вернулись, стали работать на лошадях, а потом и на тракторах. Они и дома на лошадях все сделают, привезут, отвезут. А у вдов – ничего. Они же в полеводстве, в животноводстве, доярками. Лошади не допросишься.

Сено сами заготавливали: косили втроем по лесам. Тяжело: ведь всю работу по хозяйству приходилось нам троим и делать. Ребята в лес за грибами-ягодами, а мне некогда. Придут на гулянку, орехами щелкают, а у меня нету... Но, с другой стороны, безотцовщиной себя не считала. Пацаны, правда, обижали (Митюха, на-

пример). А пожаловаться некому».

Мы: «А что же брату не жаловалась?»

Бабушка: «А что-то его тогда, когда меня обижали, и не помню. Наверно, он тогда в армии служил».

Наша бабушка Полина пошла в школу после войны, а в войну только доучивались; будущая жена Фатей уже в войну закончила четыре класса, больше не училась, сам Фатей успел получить начальное образование до войны, больше не пошел в школу, война помешала. А вот бабушке «повезло»: училась уже после войны, закончила все десять классов.

Она рассказывает: «В школе на праздники давали по кулечку конфет всем. А кто хорошо учится – тому два кулечка. Подруга до сих пор вспоминает: «Тебе два давали, а мне – один» (бабушка говорит, глаза у нее блестят, сама улыбается.)

Мы: «А на какие праздники давали?»

Бабушка: «На октябрьские и на майские».

Мы: «А на Новый год?»

Бабушка задумывается: «Вот не помню... Что-то и не отмечали вроде... Может, и на Новый год давали?... Мы сами эти кулечки набирали, конфеты считали. А конфеты – подушечки, без оберток. Ни одной себе не брали!»

Мы: «А конфеты потом сами ели? Когда?»

Бабушка: «Не-е-ет, что вы! Домой несли. Похвалиться же надо!»

Молока в школе не получал никто. Вообще питания в школе не было.

Старались учиться. Да и конфеты несли домой, хотели угостить, показать, что и они могут «заработать».

Показательно, что главными официальными праздниками тогда для Полины были октябрьские и майские. Новый год, скорее всего, не праздновали по двум причинам: и официально не праздновался в деревне, и в старообрядческой деревне это было время поста – не до праздников. Успехи Полины скрашивали горе семьи от потери хозяина.

Полина, наша бабушка, рассказывает: «У соседей детей много было. Самому маленькому еду особую варили в маленькой кастрюльке-ковшике – «Никише». На стенках его оставалось чуть-чуть. Вот это «чуть-чуть» выскребали все дети по очереди до блеска. Одна чайная ложечка в семье этой была, для маленького. Вот этой ложечкой и скребли так, что ребрышки у этой ложечки все стерты были, совсем узенькой она стала».

Иван Попов

(г.Барнаул Алтайского края)

Православие на Алтае в последней трети XX века. Испытание богоборческой властью

(На примере духовной жизни И.Т.Лапкина)

«Отец и мать, веселые, молодые, носят сено, подгребают, а я на копну взберусь – уже семь лет мне – кувыркнушь. И столько радости, и кучевые облака, ни о какой смерти и помину нет, мы всегда так и будем жить... Осока, кусты, камыш – балки, рядом омутки с рыбой. Как врезалось все в память... Когда было трудно, тяжело, всегда хотелось в эти места прийти, все пережить еще раз, погрузиться в истому жаркого дня того, те облака, те горки узреть».

Елена Пузикова
(г.Саратов)

Судьбы людские

По воспоминаниям родственников, Аня получила хорошее образование и всегда очень любила читать. В детстве вела тетрадь, в которую записывала понравившиеся стихи. Среди цитируемых поэтов найдем Пушкина, Лермонтова, Фета, Тютчева и других, так хорошо знакомых нам. Подумать только, около 130 лет назад маленькая Аня Мордвинкина читала те же строчки, что и мы сейчас. На любительских фотографиях мы видим членов семьи в будничной обстановке и повседневной одежде, в интерьерах своего дома, с книгой в руках, рядом кошка, любимица всей семьи. В помещениях огромное количество разлапистых домашних растений, мода на которые сейчас пришла вновь: фикусы, пальмы, монитеры. Дача Скворцовых располагалась недалеко от Саратова, в Разбойщине. Видимо, там было большое хозяйство и конюшни.

Фотографии представляют нам сцены сельскохозяйственных работ, домашний скот, много «портретов» породистых лошадей различных мастей. Замечательные дачные пейзажи – домики с резными верандами, глава семейства на пруду с удочкой в руках, пруд с купальнями и лебедями. Все проникнуто уютом, спокойствием, миром, благополучием...

Александр Колган
(д.Стрельна Сухиничского района
Калужской области)

А нужно было-то всего лишь обжить родной клочок земли

Заниматься воспитанием детей родителям было некогда, и все заботы о детях ложились на плечи бабушек. Бабушки распределяли задания между детьми, что дети должны были сделать за день: кому сидеть с малышами, кому пасти гусей, кормить животных, кому полоть огород. Родители, возвратясь вечером с работы, «знакомились» с тем, что натворили их дети за день, и, право же, редко кто оставался из ребят без «вкуса» хворостины. Несмотря на многочисленные обязанности, дети находили время для игр. Летом излюбленными играми были лапта и горелки. А зимой дети катались с горки: на санках; на деревянных колодках, прикрученных к валенкам; на скамейках, обмазанных навозом и полтых водой.

Гузалия Султанова
(г.Ижевск Удмуртской Республики)

Судьба мусульманского духовенства в XX веке

(На примере семьи муллы Магомедадия Тагировича Тагирова)

Мальчик-подросток с детства знал, что он будет заниматься тем же, чем занимался его отец, и помогал ему. Таким же образом воспитывался и Магомедадий. Са-

мым главным считалось привить ребенку с детства чувство уважения к старшим. Он воспитывался в семье муллы, и несмотря на то, что они жили в достатке, запрещалось злоупотреблять сладким, так как употребление в больших количествах сладкого считалось грехом. Кроме того, родители опасались, что ребенок привыкнет к «сладкой жизни». Если он просил второй кусочек сахара, ему показывали на висящий над дверью прутик.

Также запрещалось слушать музыку считалось: много музыки «убивает душу», а пристрастие к ней совращает человека. И однажды, когда Магомедадий в возрасте четырнадцати лет тайком от отца в бане играл на курае (музыкальный инструмент), его услышал отец – Тагир, и сказал ему так: «Ты, сынок, так красиво играешь, что у меня слезы на глаза наворачиваются, но мне все-таки придется тебя выпороть». Тагир действительно заплакал, услышав божественную музыку, но несмотря на это, выпорол сына. С тех пор Магомедадий больше не играл.

Екатерина Конева
(с.Елбань Маслянинского района
Новосибирской области)

Затянувшееся затмение

Покоряет трогательность, с какой описывает Василий детскую дружбу с братом. Для сельских ребятшек (не знаю, как для городских) совместные ночевки, особенно летом, – дело обычное и сегодня. Разговоры о чем-то «страшном», невдомом, мечты о будущем, первые мальчишеские тайны, рассказанные под большим секретом: «Поклянись матерью, что никому не скажешь!» Все это шепотом где-то на полатях или, если летом, у костра под таинственное потрескивание огня.

А пока он выводит аккуратные строчки: «Люблю я петь. Люблю новые и старые песни. На новые есть ноты. Старые же я почти все подобрал на слух. Пою часто с Дусею. Подпеваает и Стасик. Ему три года, но он знает уже всю песню «Если завтра война», еще «Советский простой человек» и др., поет и старую одну «Пастушок Сережа», мою любимую.

Помню, мы и с тобой пели. И пели в минуты, когда другой грустил бы: дождь, мокры до нитки – но мы поем и песнею побеждаем все невзгоды. Незабываема ночь в грозу на Зырянском переборе. Дождь лил чуть не всю ночь, но мы его перепели. Поездка за поросятами тоже прекрасно помнится. Вспоминается мне и избушка на пашне. Осень... Жарко от барабанки (*железная печка*. – Е.К.). На печи бабушка. Дедушка на одних нарах, мы с тобой – на других. О чем-нибудь шепчемся. Потом засыпаем, просыпаемся от холода. Опять нагреваем барабанку. Тепло разливаешь по телу, снова спим... Вернусь к перебору. Все уснули. Спишь и ты. Один я, как романтик, не сплю. Я разжигаю костер, смотрю на него, слушаю пение сибирского соловья в кустах, да всплески рыбы в воде. В траве светятся Ивановы червячки. А я, опершись на палку, воображаю из себя воина-индейца, охраняющего бивуак воинов-товарищей.

Подходит рассвет. Купаемся, снова удим и едем домой, весело. А можно ведь это детство во многом вернуть и сейчас. Я хотя и почти не писал тебе в прошлом году, но ждал с нетерпением тебя. Хотелось поговорить, восстановить прежние отношения».

**Людмила Новичихина,
Екатерина Опритова**
(пос. Стрелица Семилукского района
Воронежской области)

И.Г.Пашенко – свидетель всех событий XX века

Много радостных минут доставляло маленькому Ивану общение с родными: «Мы с сестрой много времени проводили у бабушки Дуни, в Карповке. Меня привлекали мои дядьки Андрей и Николай, они работали на заводе кузнецами. Какая была радость, когда они выковали мне коньки! До этого я катался на коньках, которые смастерил себе сам: деревянные, обитые проволокой. Андрей все свободное время мастерил себе балалайки и скрипки из яблоневого и грушевого дерева. Играл на них и пел. Я очень любил его слушать. Мама тоже любила петь и не могла равнодушно слушать игру на гармошке: начинала пританцовывать». Всего несколько деталей из детских впечатлений Ивана Георгиевича, а картина жизни революционной России становится для нас полнее, интереснее и содержательнее.

Россия начала XX века... Изучая этот период только по учебнику, создается впечатление, что в это время страна жила только войнами, революционной борьбой и противостоянием разных политических партий. Однако, услышав рассказы Ивана Георгиевича о его детстве, мы полнее представляем себе все многообразие этой эпохи.

В сознании семилетнего мальчика ярко отпечатались эпизоды борьбы разных политических сил за власть. Банды сменяли друг друга: петлюровцы, зеленые, махновцы, «Маруся». Самыми страшными в селе считали махновцев. «Они подковывали лошадей «наоборот», и по следам подков люди думали, что беда миновала, а фактически махновцы оставались в той же местности или уходили в противоположном направлении. Утром, когда мы шли в школу, в балке лежали зарубленные люди. Возвращались – чисто. А на следующее утро в балке опять лежали трупы», – этот рассказ Иван Георгиевич дополняет еще более жуткой картиной, свидетелем которой он невольно оказался: «Махновцы налетели на похоронную процессию и прокололи покойника пиками». На всю жизнь эта страшная картина осталась в памяти Ивана Георгиевича.

Филипп Абрютин (г.Москва)

С «Зингером» по жизни, или Воспоминания о былом

– Это вы там делали всякие пирамиды?

– Да, делали! – сказала бабушка. – Даже выступали в театре. Я знаю, вы теперь над этим смеетесь – ой пирамиды, делали, ха-ха-ха. А что тут смешного? – вот ты попробуй, сделай: не так это и просто, и даже опасно! Это же надо уметь и мостики делать и стойки – нет, это хорошо развивает.

Пионеры были во всем помощниками взрослых, но церковь разрушали взрослые, я даже не знаю, кто это сделал. Потом, кроме взрослых дел, у пионеров были свои дела, например, они устраивали походы в ближний лес или просто на природу.

В школе я еще ходила в кружок шелкопрядства. Вел его у нас Александр Трофимович Моторный. Мы там кормили гусениц. В ящиках клали газеты и листья

шелковицы, которых на улицах очень много росло. Потом из гусениц получались коконы, и мы их везли в Краснодар в сельхозинститут, в приемный пункт, и там сдавали. Там из коконов делали шелковую ткань, а школе был заработок.

Иван Попов
(г.Барнаул Алтайского края)

Православие на Алтае в последней трети XX века. Испытание богоборческой властью (На примере духовной жизни И.Т.Лапкина)

Дома говорили, что нельзя вступать в пионеры – за галстук сатана потянет в ад, и, если плясал, будешь плясать вечно на каменных гвоздях – это учение матери. В то время этого было достаточно, чтобы верить, что есть Бог, есть справедливость, вечность. Что смерти нет, а есть только переход, и это страшило. Нельзя в комсомол, потому что подпишешь дьяволу душу и черти будут жечь в смоле, в котле кипеть будешь. Про коммунистов нельзя было говорить даже шепотом – заберут, сгноят.

Ирина Шитик
(г.Тулул Иркутской области)

Труд и быт советских людей в 40–50-е годы XX века

Самые яркие впечатления о 40–50-х годах это: поездка в пионерский лагерь на горячие ключи, далеко от комбината; на санях в собачьих упряжках ездили выступать с художественной самодеятельностью в другие села

Артем Мусихин (г.Киров)

Моя семья в истории Вятского края XX века

Мою прабабушку Ульяну в детстве постоянно обзывали кулацкой дочерью, а однажды, когда она из любопытства надела пионерский галстук, ее чуть не задушили этим галстуком дети-пионеры, помогло только вмешательство взрослых.

Ольга Туровская
(г.Байкальск Иркутской области)

По ту сторону войны...

Отец семьи, Филарет, был одним из тех людей, каких часто можно было встретить в те жестокие года, окрашенные в красный цвет, но не знамени СССР, а людской крови, пролитой в пропасти бесчисленных сталинских репрессий, раскулачивания, ложных доносов, тюрем и лагерей. Филарет был суров, жесток, немногословен. Его слово в семье являлось законом.

Эта властность внушила в детей страх перед отцом, и они росли в беспрекословном подчинении. Здесь и речи не могло быть ни о каком Боге, церкви, сентиментальности; здесь никто не говорил о своих чувствах, у всех были свои обязанности, которые должны были исполняться всегда. А до поэтических мечтаний никому не было дела, да и времени тоже, здесь никто не был плаксив и никто не жаловался.

Нетрудно представить, какими росли дети в такой семье. Они с детства научились терпению и выносливости от матери; прагматичность и жесткость, может, в некоторой степени даже черствость характера достались им от отца. Естественно, ощущался недостаток родительского внимания, любви, ласки. Но сейчас трудно ответить, что было нужнее в то время – ласка, забота или же аскетическое воспитание, стойкость духа.

Спустя много лет Андрей вспоминал: «В семье жили дружно, некогда было характер показывать».

Особый разговор о школе. В Мангиртуе дети учились до четырех классов; учитель был один, преподавал математику, русский, чтение, были уроки по природоведению. Самое сложное начиналось, когда заканчивали четвертый класс – средней школы в деревне не было, и приходилось ходить до соседнего села Окино-Ключи, которое находилось в 15 километрах от Мангиртуя.

«Совсем еще ребятей тогда были. В воскресенье соберешь в сумку тетради потрепанные (иногда и тетрадей не было), угольки, что покрепче, заточишь – писали лучше нынешних карандашей, буханку хлеба с собой и пойдешь до Окино-Ключей. Долго идти было – по осени еще ладно, а зимой беда была: дойдешь пока – обувь-то в наше время какая была: тряпками ноги обмотаешь да в башмаки разорванные (путных не было) – пока дойдешь, ноги замерзнут, ажно не чувствуешь пальцев. Благо тетка Дарья была, квартиру сдавала на неделю, пока учились – придешь к ней, она печку растопит, мал-мале отогреться».

Андрей остался совсем один с маленькими детьми. Маленькому Екиму был только год – его еще надо было выкармливать грудью. Положение было отчаянным, детям нужно было самим пережить холодную зиму. «Все было бы ничего, – вспоминал Андрей, – да как с Екимом быть? Кормить его нужно было. Тогда я додумался взять хлебный мякиш, завернул в тряпочки и мочил в молоке, – такое приспособление было вместо соски. Стал кормить – получается. Так и выкормил Екима».

Каждый из детей понимал, что все это они могут пережить только вместе, и поэтому каждый делал, что мог: Агнея печь топила, пока старших братьев – Андрея с Борисом – дома не было, воду корове носила, сена давала; Таня и Леша ей помогали, а Андрей был самым старшим – на нем лежала вся ответственность.

Как ни описывай все это, наверное, ничто не может выразить тех душевных и физических мук, страданий, того горя, которые выпали на долю детей войны – не только этих ребят из деревни, а многих, кто лишился родителей, семьи, дома, детства, наконец. Неудивительно, что сейчас нам, детям, живущим в благополучии, очень сложно понять людей того поколения – они были лишены детства, и не их вина в том, что жизнь для них не праздник с фейерверками и салютами, а тяжелое сражение с судьбой, которое, надо признаться, они вели достойно, даже для своего детского возраста.

«Развлечений у нас совсем не было – без детства мы остались. Конечно, в колхозе делали чаепития, собрания с патефонами, с музыкой, как говорится, да только вот как-то неудобно нам там среди взрослых было, хотя в колхозе и состояли – работали».

Но все-таки иногда дети устраивали себе маленькие радости. Вечера были коротки – электричества не было, свечи берегли на «черный день» (хотя уж куда «чернее», чем было?!), а лучины просто так жечь нельзя было, берегли. Дрова были дефицитом, старались их экономить. «Иногда, очень редко, мы вечером зажигали лучину, длинную деревянную щепку; она горит себе, потрескивает, свет мягкий идет, неяркий, а я читаю всем какую-нибудь книжонку. Любили мы эти вечера. Книга была у нас – стихи, любили ее, обходились с ней очень бережно, автора-то не помню, но что-то про любовь, про природу».

Артем Мусихин (г.Киров)

Моя семья в истории Вятского края XX века

Смирнов Николай Григорьевич был стержнем и опорой семьи, до глубокой старости он самостоятельно приезжал в Киров к внуку (моему деду – Милютину Анатолию Алексеевичу) и, как рассказывает моя мама, всегда привозил в подарок мед. Медом он подкармливал голодавших во время войны внуков. В деревне Смирновы у него был отличный сад, там росли малина, орешник, яблони. Его младшая дочь Екатерина до сих пор жива, она до настоящего времени называет его «тятенька».

Мои родители познакомились в спортивном лагере Политехнического института. Мама тогда уже работала, а папа был студентом этого института. Этот лагерь существует до сих пор, и этим летом мы всей семьей там отдыхали. В лагере практически нет удобств, но царит какая-то хорошая атмосфера. Первый раз я там был, когда мне был только один год.

Глава 3.

Тащи топор, Боря

Археология XX
века

Татьяна Губанова,
г.Солнечный Тверской области,
Средняя школа, 10-й класс.
Руководитель Т.М.Губанова

Остров Городомля

На огромной карте нашей страны этот небольшой клочок суши почти не виден. Многие даже о таком и не слышали. И именно этот маленький лесистый остров, расположенный на озере Селигер – является моей малой родиной. Прожив на его земле пятнадцать лет, я вдруг задумалась, а что я знаю о моем Острове (так мы называем наш поселок), как протекала все эти долгие годы в истории жизнь на нем? Как могли жить здесь, в этих в общем-то неудобных условиях, люди? Почему многие остались здесь, ведь приезжали из городов? Эти люди не только сами прожили здесь свою жизнь, тут живут и их дети, и внуки. Вот и мои родные могут считать себя старожилами этого места, они приехали сюда в 1957 году (а бабушка работала здесь в 1944 году, потом в 1948 до конца 1949 года) и больше уже отсюда никуда не уезжали. А называется моя Родина – остров Городомля и именно его истории хочу я посвятить свою работу. Секреты и тайны этого острова, его недоступность и закрытость от посторонних глаз сделали его прошлое малоизученным. О нем здесь знали только жители окрестных деревень и, может быть, города Осташкова, расположенного на материке в 7 км от Городомли. О событиях довоенного и военного периодов также известно немного. Как нам сказали в Осташковском краеведческом музее, куда мы обращались, все было засекречено. Не сомневаюсь, что в архивах (Государственный архив Тверской области, Государственный архив РФ, архив Министерства обороны РФ) есть данные о тех годах, но как показали ответы на наши запросы – получить к ним доступ – дело трудное.

Немного истории

Есть на Валдайской возвышенности одно из красивейших озер, которое зовут «жемчужиной русской природы». Это озеро Селигер – огромный водоем причудливой формы с удивительной изрезанностью берегов и с обилием на нем островов (их 169, и, согласно легенде, их называют «горбами озера»). Вот один из его «горбов» и является остров Городомля (по-другому – Городовня) – второй по величине, судя по названию, город-остров. Его площадь – 360 га, длина с востока на запад – 3 км, а с севера на юг – 1,2 км. На востоке остров переходит в длинную песчаную косу (местные жители называют ее майской косой). И окружен этот кусочек суши сосновым лесом, высоким и густым.

Остров в XVI веке был вотчиной боярина Богдана Яковлевича Бельского, затем в начале XVII века им владел боярин Борис Михайлович Лыков. В 1629 году Лыков дарит остров мужскому монастырю Нилово-Столобенской пустыни «с правом косить, пахать, рубить лес и ловить рыбу на внутреннем озере».

Тогда-то, вероятно, это тихое, безлюдное место облюбовали монахи-отшельники, которые жили здесь в пещерах-кельях.

В 1907 году в этих местах Нилова Пустынь основывает необычный, уникальный монастырь – Гефсиманский скит.

Вяние исторических преобразований затронуло и этот тихий уголок. По всей республике шло тогда закрытие церквей и монастырей. В 20-х годах прекратила свое существование Нилова Пустынь, закрыли и Гефсиманский скит. В списке, присланном нам архивом, указывается, что в их фондах имеются документы за период 1918–1926 о конфискации имущества Нилово-Столобенской Пустыни и о передаче острова Городомля Осташковскому уездному отделу здравоохранения. Эта передача сыграла потом большую роль в дальнейшей судьбе нашего острова. А скитскую ограду снесли, храм закрыли, оставили домики-кельи и другие строения. В самом монастыре Нилова Пустынь Советы устроили колонию для малолетних преступников.

В 1928 году было принято решение о строительстве первых двух ящурных институтов в Советском Союзе; один – на острове Городомля. Почему выбрали именно это место, такой глухой уголок? Его удобное географическое положение, отдаленность от населенных пунктов, хорошая изоляция и сыграли свою роль при выборе места для строительства этого института, в задачу которого входили не только научные изыскания в области создания противоящурной сыворотки, но и ее производство. На базе этого института был также создан секретный противочумный институт. Строительство началось в 1929 году. Пока оно шло, рабочие жили в помещениях бывшего скита.

Тогда здесь вырос целый поселок, который окружили колючей проволокой и поставили охрану. Так наш остров получил статус секретного объекта. Все жилые дома и хозяйственные постройки Ящурного института до сих пор сохранились и функционируют.

Институт просуществовал с 1932 года до начала Великой Отечественной войны, потом был куда-то эвакуирован.

С лета 1942 года на территории бывшего Ящурного института были размещены три госпиталя. Много местных жителей работало тогда в этих госпиталях. Для многих этот маленький островок стал просто спасательным кругом в бушующем океане войны. Ведь и в деревнях, и в Осташкове тогда свирепствовал голод. Все было в запустении, колхозы – в развале. Вот и бежали сюда ра-

ботать. Моя бабушка и все ее три сестры работали в этих госпиталях. Бабушка попала в госпиталь после голодной жизни в колхозе, где работала за 400 граммов хлеба в день и откуда сбежала, когда узнала про госпиталь на Городомле. Даже младшая сестра, которой было всего четырнадцать лет, работала здесь, потому что дома есть было нечего. Бабушка вспоминает, что, когда она пришла к начальнику госпиталя чуть живая от голода, он ее даже брать на работу не хотел, думал, что она больная и скоро умрет. Но когда узнал, что она просто голодная, согласился. Да еще и помог потом избежать наказания. Ведь бабушка убежала из колхоза. Ее искали, обращались в госпиталь. Если бы начальник сказал, что она здесь, ее бы посадили в тюрьму. А если бы не посадили, то вернули бы обратно в колхоз умирать от голода.

У бабушки в 1944 году от голода умер отец, а сама она ходила «по миру», собирая куски, ела мерзлую картошку, мясо гнилое от убитой лошади, лебеду и крапиву. А за 400 граммов хлеба в колхозе бороновала поле на быках, которых нельзя было толком и с места-то сдвинуть. И обменять на еду было нечего, все, что имела, носила на себе. Дома нормального не было, по чужим избам скиталась. До войны не смогла встать на ноги, потому и жила так. И когда она после войны устроилась на кожевенный завод в Осташкове, а жила в деревне, то каждый день бегала по озеру 10 км в один конец. И никто не побеспокоился дать ей жилье. Такая же картина была и в филиале на Городомле. Лодку занимала, чтобы из деревни попасть на остров на работу. А зимой опять ходила пешком по 3 км туда и обратно. Я думаю, простым рабочим людям ни при какой власти больших привилегий не отписывалось. Этот контингент в любые времена больше всех был обделен вниманием. Считался вспомогательным звеном в деле построения социализма, хотя и вез на себе всю «черную» работу.

Ракетный период

Госпитали эвакуировали в 1944 году, но не долго пустовал наш остров. В его истории начиналась, пожалуй, самая яркая и интересная страница.

Во время войны немецкие захватчики не дошли до этого места, но немцы все-таки побывали здесь. Правда, не в качестве завоевателей. Они были привезены сюда, чтобы работать в такой важной отрасли, как ракетостроение. Как же попали сюда эти люди, совсем недавно бывшие нашими врагами? «Ракетный» период истории острова начался в 1946 году. В те годы все работы по ракетной технике в Советском Союзе, да и во всем мире, были строго засекречены. Было известно, что и Германия вела работы по созданию баллистических и крылатых ракет дальнего действия и в этой области опередила многие развитые страны. С июня 1944 года крылатые ракеты «ФАУ-1», а с сентября 1944 года баллистические управляемые ракеты «А-4», более известные как «ФАУ-2», регулярно атаковывали Лондон и другие объекты в Великобритании. Это был принципиально новый вид оружия. И он очень интересовал союзные державы, и в первую очередь СССР и США.

После капитуляции фашистской Германии разведки стран-победителей развернули активный поиск германских ракетных секретов. Известно, что до конца 1945 года США вывезли из Германии более 500 специалистов-ракетчиков во главе с генералом Дорнбергером и главным конструктором Вернером фон Брауном, 300 вагонов деталей и агрегатов ракет «А-4» («ФАУ-2»), лабораторное

оборудование, обширные архивы и около 100 собранных ракет. И совершенно умалчивалось то обстоятельство, что Советский Союз занимался тем же самым и с не меньшим размахом. Сейчас об этом стали писать открыто, но делается это почти всегда с оговорками, что якобы использование немецкого опыта не оказало сколько-нибудь заметного влияния на создание отечественной ракетной техники. Но факты вещь упрямая, свидетельствуют о другом.

В 1945 году, в мае, сразу же после окончания войны в Германию было направлено несколько специальных технических комиссий различных наркоматов для поиска и изучения материалов о создании новейших образцов ракетной техники.

1 июня 1945 года группа прибыла в Пинемюнде – в ракетный исследовательский центр Германии. Члены ее были просто поражены обилием ракетной техники. Некоторое время спустя советские ученые создали в Германии «Институт Рабе» («Производство и разработка ракет») в городе Бляйхероде, который тогда находился в зоне советской оккупации. К работе привлекли немецких специалистов – бывших участников немецкой ракетной программы. Немцы охотно шли на работу в советское учреждение за щедрыми бесплатными пайками и хорошей зарплатой, что в послевоенной, разрушенной и голодной Германии было спасением. Мое мнение: я не считаю действия людей этой страны предательством. Что дал Гитлер этим людям? И в ракетном центре могли быть и такие, которые вовсе и не хотели воевать с Россией, не разделяли взглядов Гитлера.

Начальником «Института Рабе» был назначен Б.Е.Черток, а директором завода – один из сотрудников немецкого ракетного центра. Работали слаженно, но вскоре выяснилось, что эти сотрудники не являются ведущими специалистами. Вся верхушка немецкого ракетного проекта, предвидя крах фашистской Германии, сдалась американским войскам. Они же сообщили и о других специалистах, которых американцы также вывезли в свою зону оккупации.

Нашей разведке стало известно, что часть немецких ракетчиков (около 300 человек) сосредоточена в американской зоне, которая довольно небрежно охранялась. И вот руководство «Института Рабе» начало переманивание наиболее нужных специалистов с американской стороны.

Все делалось довольно просто. Группа немецких специалистов с женами и знакомыми проходила в зону под видом гостей и рассказывала там немецким ученым, что они получают хороший паек и хорошую работу в Германии, а не в США, где неизвестно, что их ждет. Так и удалось переманить в «Институт Рабе» несколько крупных специалистов, среди которых был Гельмут Греттруп, руководивший разработками систем управления и являвшийся ближайшим соратником Вернера фон Брауна.

Немецкие специалисты и не предполагали, что вскоре им предстоит пережить серьезное испытание. В связи с большим объемом работ и рядом неудобств, связанных с тем, что работы проводились в другой стране, в апреле 1946 года Совет Министров СССР принял постановление о переводе всех работ по военной технике в Советский Союз. В частности, 13 мая 1946 года был принят секретный указ о создании сети научно-исследовательских организаций в области ракетной техники, в том числе НИИ-88 в Подлипках, специализирующийся на разработке ракет, главным конструктором которого стал С.П.Королев.

Решение о переводе работ в СССР держали в тайне от немцев, чтобы исключить побег на Запад. Отправке в СССР подлежали немецкие специалисты в количестве 7000 человек, не считая членов их семей. Руководил этой операцией

заместитель Берии, генерал-полковник И.А.Серов. По его поручению советские конструкторы в Германии заранее подготовили списки наиболее ценных специалистов, которые должны быть вывезены в СССР независимо от их желания. Для осуществления этой операции было привлечено около 2500 сотрудников управления контрразведки группы советских оккупационных войск, а также солдаты для погрузки имущества. Все произошло неожиданно для немцев. 22 октября 1946 года к домам, где жили германские специалисты, ранним утром подъехали армейские грузовики. Сотрудник МВД, в сопровождении переводчика и группы солдат, будил людей, зачитывал им приказ о немедленной отправке в СССР для продолжения работы и разрешал взять с собой членов семьи и любые вещи, которые они хотели увезти. Все грузились на машины и ехали на вокзал. Там уже ждали готовые к отправке железнодорожные составы. Приказано было разрешить ехать в СССР любой женщине, которую захочет взять с собой немецкий специалист, даже если это не жена. И никакого физического насилия! По данным, большая часть ученых ехала в нашу страну добровольно, но были и такие, которые отправлялись в Советский Союз против их воли.

Не было у них другого выхода. Они знали, что их желания здесь никого не интересовали. О приезде немецких ученых в СССР вспоминает Б.Е.Черток в своем интервью газете «Вечерняя Москва»: «Всего в нашу ракетную организацию, которая тогда называлась НИИ-88, а впоследствии стала знаменитой «королевской фирмой», прибыло более 150 немецких специалистов. С семьями – почти 500 человек. В немецком коллективе оказалось 13 профессоров, 32 доктора-инженера, 85 дипломированных инженеров, 21 инженер-практик».

Вначале немцев направили на работу в институты в Химках, Монино и Подлипках. Но постепенно собрали всех в одном месте. И этим местом был остров Городомля. Вот такая предыстория «ракетного» периода жизни нашего острова.

Итак, на Городомле был спрятан еще один секрет советского государства. В послевоенные годы Селигер был довольно глухим уголком: единственным путем сообщения была железнодорожная ветка Бологое – Великие Луки. Автомобильная дорога на Торжок была тогда грунтовой, и проезд по ней занимал довольно много времени. Городомля отделен от суши достаточно широкими проливами и попасть сюда незамеченными практически невозможно, а во время ледохода и ледостава остров вообще отрезан от мира.

Первая партия немецких ученых приехала на остров в ноябре 1946 года. Их было 73 человека. Остров был подготовлен к приезду немецких специалистов. Что же тогда здесь было? Два больших добротных кирпичных здания и восемь двухэтажных деревянных домов с водопроводом, канализацией, отоплением и электричеством. Были больница, клуб, столовая, баня, столярная мастерская, магазин, школа. А также производственное здание бывшего института и небольшой аэродром для быстрого сообщения филиала с главным управлением. К приезду немцев все жилье отремонтировали и условия жизни по тем временам были созданы вполне приличные, если сравнивать со страной в целом. Здесь каждой немецкой семье предназначалась отдельная двух- или трехкомнатная квартира. Для сравнения: даже главный конструктор НИИ-88 С.П.Королев в эти годы не имел такого, а многие сотрудники НИИ жили тогда в бараках и на частных квартирах.

Итак, на наш остров привезли немцев. Они и стали здесь первыми жителями после войны. И получили здесь такую жизнь, какой не смогли бы иметь еще несколько лет в своей разоренной Германии.

Все эти люди не были ни военнопленными, ни военными преступниками. Все они получили возможность выехать в СССР, взяв с собой семью и все, что они хотели, даже домашних животных. Остров охранялся довольно строго. Охрана была набрана, в основном, из местных жителей города и деревень. Обнесен остров был колючей проволокой, и часовые стояли не только на проходной, но и ходили по периметру острова, ездили вокруг острова на сторожевом катере. А позже, в 1949 году, остров стали охранять еще и собаки. На территории филиала была и спецкомендатура. Она узнавала все и обо всем и очень быстро принимала соответствующие меры. Оперативно выявляли постороннего человека, прошедшего на территорию поселка без пропуска. Наказывали строго и виновного, и часового. Даже иногда увольняли. А что немцы? По словам Чертока, они считали нашу охрану смешной, хотя и беспрекословно ей подчинялись. Их ракетный центр в Германии охраняло гестапо.

В 40-е годы сообщение острова с материком оставляло желать лучшего. Служебный транспорт посторонних не брал, а пассажирский катер ездил в город всего один раз в неделю.

Население острова в 1946 году было очень небольшим. Здесь жили всего 73 немца и четверо русских. Обслуживающий персонал (рабочие, охрана) в 120 человек состоял, в основном, из местного населения. В 1947 году из Подлипков на остров перебрались еще 23 немецких семьи, а число русских сотрудников выросло до восьми человек.

Ученые получали за свою работу довольно высокую зарплату. Хлеб на острове пекла своя пекарня, продукты они брали в своем магазине, который русских не обслуживал. Немцы не ломали голову, что купить, а на чем сэкономить. Им было все доступно. Поэтому, когда они по выходным дням приезжали на рынок в Осташков, цены на продукты поднимались сразу в три раза. Они охотно покупали и молоко, и яйца у рабочих филиала, которые жили в деревнях. Люди тайком привозили эти продукты на остров и продавали немцам. Платили они им за это очень хорошо. Моя бабушка пришла на работу в филиал в 1948 году, она тоже не раз приносила немцам продукты. Где брала? Покупала в деревне у хозяев, которые имели корову, кур, причем брала по одной цене, а продавала немцам по другой. Тоже спекулировала. Но что было делать, жизнь заставляла заниматься этим. Да еще как рисковала! Это ведь тогда сильно наказывалось. Если кого задерживали, могли уволить, отдать под суд за нарушение трудовой дисциплины, могли выселить с острова, если человек жил здесь.

Жесткая структура режимного предприятия не признавала того, что людям было трудно жить, что они перенесли такую войну. Люди, раздетые и полуголодные, должны были быть высоко сознательными и не ронять достоинство советского гражданина, так считала власть. И та же власть создавала законы (по другому «сталинские указы»), которые очень хорошо держали в рамках эту измотанную войной народную массу. Документы личных дел рабочих филиала тех лет просто пестрят всевозможными наказаниями. Хочу заметить, что продажа продуктов немецким специалистам расценивалась здесь не только как спекуляция. Это считалось грубейшим нарушением режима, так как всяческое общение с немцами было строго запрещено. Нельзя было запросто разговаривать с ними, заходить к ним в квартиры, брать у них деньги. Неприятные и неприятные правила, но ничего против них не попишешь. Терпели и выполняли. Но бедствовали, вот и срывались, не могли устоять перед возможностью заработать лишнюю копейку, нарушали. Охрана ловила всех, кто нес на остров

что-то для продажи, кто выносил с острова, что-то прихваченное в филиале.

И совсем другие отношения были у рабочих с немцами. Что удивительно. Общение имело особенный оттенок взаимопонимания. Несмотря на такую тяжелую кровопролитную войну, в которой почти каждая русская семья потеряла кого-нибудь, люди не проявляли к немцам какого-либо враждебного отношения. Не возмущались, что им была создана такая жизнь, что жили они в хороших квартирах, что получали большую зарплату. Отчасти, конечно, и боялись открыто высказывать свое мнение, но в большей степени просто не было причин плохо относиться к немцам. Их культура и порядочность обезоруживали людей, располагали к себе. И хотя открыто общаться было нельзя, между этими двумя сторонами все равно существовала постоянная связь. Немцы, конечно, видели, как трудно жилось рабочим тогда, видели, как мало они получали за свою работу, поэтому всегда старались помочь им, благодарили за любую помощь, оказанную им, за любой знак внимания выражали свою признательность. Сантехникам и электрикам всегда старались заплатить, когда те приходили к ним что-то починить, официанткам в столовой всегда оставляли под салфеткой чаевые, щедро платили за продукты, которые покупали у деревенских рабочих, за чернику, которую покупали у тех, кто жил на острове. Очень часто дарили подарки тем, с кем постоянно общались. Хоть и делалось все это украдкой, симпатии людей друг к другу от этого только укреплялись. И я считаю, что несколько эти действия не унижали гордости советского человека, как это постоянно внушалось. Ну, разве в желании одного человека помочь другому есть что-то плохое?

У моей бабушки до сих пор осталось очень хорошее мнение о немецких ученых. Она общалась с одной семьей. Бабушка оставляла продукты в условленном месте, а немка, когда их забирала, оставляла ей деньги. В знак благодарности эта женщина даже приглашала бабушку на обед, подарила ей хорошее платье и две рубашки для будущего сына (бабушка тогда ждала ребенка и вот в таком положении не боялась носить молоко сюда). Я спросила: «Как же ты ни разу не попала в комендатуру?» Говорит: «Наверное, так суждено было, в рубашке родилась. Дом этот находился около леса, было не очень заметно заходить туда. Вот и не видели». А другой немец, с которым бабушке пришлось работать вместе на объекте, часто давал ей деньги, что бы она смогла пообедать в столовой. Даже такого не могли позволить себе люди, получая маленькую зарплату. Бабушка говорит: «А я не беру обед, выпью три стакана чаю с хлебом, остальные деньги спрячу». А когда домой ехала, покупала хлеба побольше или еще чего-нибудь. Дома-то мать-инвалид была, а старшая сестра в колхозе работала.

Просматривая в музее материалы, касающиеся трудовой деятельности филиала за 1948–1953 годы, мы подметили очень интересную картину. Филиалу нужны были грузчики, уборщики, охранники, рабочие, конюхи, и лесорубы и многие другие. И какие же люди шли на эти должности? Понятно, жители ближайших деревень и города Осташкова. В приемных документах 1946–1948 годов основная масса имела образование от 1 до 4 классов. Это были молодые, а кто постарше, те вообще не имели образования. Многие, придя сюда, не смогли сразу привыкнуть к строгостям режима. Отсюда масса приказов о наказаниях. В эти годы людей не просто наказывали, людей судили. Существовала такая статья 5-я часть 1-я Указа Президиума Верховного Совета СССР, изданного 26 июня 1940 года, по которой человека привлекали к уголовной ответственности за всякие нарушения трудовой дисциплины. Это были прогулы в течение не-

скольких дней, одного дня, одного часа, 30–40 минут, уход с работы раньше времени, опоздание на работу, самовольный уход с производства. Причем существовал такой порядок. Если человек ушел с работы самовольно в начале месяца (1946–1947 годы), а карточки на продукты уже получил, то он должен был вернуть их. Если карточки возвращены не были, то этому рабочему, когда его судили, кроме наказания за нарушение трудовой дисциплины, еще присуждали к выплате суммы за положенные по карточкам продукты, причем по рыночной стоимости. Суд находился в городе Осташкове, туда и направлялись материалы всех дел. Присуждали обычно к 5–6 месяцам исправительных работ по месту трудовой деятельности с вычетом 20–25 % от заработка в доход государства. За самовольный уход – 3–4 месяца тюремного заключения. Эти строгости, конечно, действовали на людей, держали их в напряжении и страхе.

Такова была послевоенная жизнь советского человека на острове. Но рядом с ней проходила другая жизнь, имеющая другой уклад. Немцы прожили на острове семь лет. У них здесь рождались дети. Дети, которые уже были у них и приехали с ними, ходили в школу. Немцы были не против, что детей обучали русские учителя на русском языке, что их дети учились вместе с детьми русских сотрудников. Германия и СССР – страны, имеющие совершенно разные культуры, разное воспитание, разные убеждения. Но здесь, на этом острове, они сумели ужиться, поладить и понять друг друга. Немцам было интересно смотреть на нашу жизнь, наблюдать ее, а нам было чему поучиться у этих людей. Аккуратность, порядочность, пунктуальность, умение заполнить свой быт интересными и полезными делами – так были воспитаны в своей стране эти люди. Жизнь на острове не лишала их активности. Они очень любили заниматься спортом. У них были волейбольная и баскетбольная площадки, были теннисные корты. В клубе они устраивали концерты, у них был свой оркестр. На их вечера можно было приходить и русским. Моя бабушка жила тогда в деревне и на эти вечера ходить любила. В деревнях никаких концертов и знать-то не знали тогда. Соберутся, попоют, попляшут, да и расходятся по домам. На острове тогда еще кино показывали. Любили люди его смотреть, после танцев оно было единственным развлечением. А немцев еще руководство института по возможности вывозило в Москву в музеи, в театры.

Жены у них не работали, но были хорошими домохозяйками и рукодельницами, сами вязали и шили вещи детям. Немцы сажали огороды, там тоже все было сделано аккуратно, грядки были ровные и ухоженные. Я спросила бабушку, как одевались немцы, что носили они тогда. Бабушка помнит, что мужчины, особенно доктора и инженеры, носили костюмы, пошитые из хорошего материала, у женщин платья были модные, нарядные, туфли красивые. Дети были хорошо одеты. А наши после войны самого дешевого материала на платье не всегда могли купить в магазине на свою зарплату. Многие девушки тогда в клуб приходили в ситцевом платье и считали себя нарядными. А моя бабушка на танцы вообще ходила в чужой одежде, так как своего хорошего совсем не было, вот подруга и давала. Ей потом немка подарила хорошее платье, да только берегла она его, надела несколько раз, сфотографировалась в нем. А потом пришлось перешить его на костюмчик для сына. На фоне роскошных немецких нарядов наши солдатские гимнастерки и кирзовые сапоги, ситцевые платья и простенькие кофточки неброского цвета, поношенная обувь и платки, конечно, смотрелись тогда серо и убого. Но немцам не завидовали. Больше о еде думали. Старались купить лучше лишний кусок хлеба.

На очень высоком уровне того времени была организована жизнь немецких ракетчиков на острове. И все это было сделано для того, чтобы они плодотворно и охотно работали на нас. Но в чем же состояла их работа? Вот что пишет Б.Е.Черток: «В их обязанности входила консультация по выпуску русского комплекта документации “ФАУ-2” и зенитных управляемых ракет, а также изучение вопросов, связанных с формированием ракетного двигателя, подготовка к сборке ракет из немецких частей». Важнейшим этапом этого периода была, пожалуй, разработка предложений к программе пуска «ФАУ-2», который планировался на осень 1947 года. С этой работой немцы справились успешно. В конце 1947 года они уже принимали участие в первых стендовых и летных испытаниях трофейных баллистических ракет «А-4» на полигоне Капустин Яр.

Другой важной задачей, стоящей перед специалистами, было развертывание производства ракет в СССР. После изучения образцов немецкой техники конструкция ракеты была приспособлена к возможностям советского производства. Многие пришлось дорабатывать, и особенно были проблемы при создании отечественного аналога управления «ФАУ-2». Большой вклад в эту работу внесли ученые острова Городомля. Ряд приборов производился именно здесь. Советская копия «ФАУ-2» получила название «Р-1». И после успешного испытания 10 октября 1948 года на полигоне Капустин Яр она была принята на вооружение.

Но все ли тогда было так хорошо в этой истории? Вот и здесь имели место свои и светлые, и темные стороны. Есть один момент, который служил, можно сказать, своеобразным тормозом в деятельности немецкого коллектива. Ведь когда немцам было поручено разрабатывать проект «Г-1», в НИИ-88 в это же время отдел С.П.Королева проектировал свою ракету «Р-2», к разработкам которой немцы не допускались.

В стране многое тогда делалось грубо и непорядочно. Вот и Черток отмечает то же самое: «Это было время, когда в средствах массовой информации разжигалась борьба с так называемым космополитизмом. Шли активные поиски русских авторов всех без исключения изобретений и новейших научных теорий. Так, из истории авиации были выброшены братья Райт и изобретателем аэроплана стал Можайский. В закрытых оборонных отраслях эта компания была сильно приглушена. Но это гонение на “космополитов” грозило потерей классных специалистов на самых горячих участках атомной радиолокационной и ракетной техники».

Это означало, что создать институту смешанный советско-немецкий коллектив режим просто не позволил.

Вырисовывалась такая картина, что вроде бы и не нужно было нам все то, что делали немецкие ученые. Зачем тогда везли людей сюда? Тратили огромные суммы на этот переезд? Если только чтобы помочь собрать и запустить в производство советскую модификацию ракеты «ФАУ-2», то почему немцев уже тогда, в 1948 году, не отправили домой? И все проблемы бы тогда были решены, а Королев бы спокойно изобретал свою ракету дальнего действия. Нет, я думаю, да и факты говорят, что не только для помощи по ракете «ФАУ-2» немецких ракетчиков привезли в Союз, создали им условия, дали большие зарплаты. Они были нужны, вернее были нужны их знания и опыт. И все использовалось, только так все было поставлено, что получалось, будто бы работа немцев в советских изысканиях большой роли не играла. Я это так понимаю. Да и дальнейшие события подтверждают мои выводы.

Естественно, все лучшее оборудование и материалы шли в Подлипки, а не на Городомлю. Поэтому работа у Королева шла хорошо. Кроме того, советские конструкторы были полностью посвящены в проектные решения немцев, в то время как те о советском проекте ничего не знали. Но, несмотря на то, что на острове не было никакой экспериментальной базы, а производственную базу даже заводом нельзя было назвать, несмотря на все препятствия, чинимые им, немецкие конструкторы в декабре 1948 года представили доработанные проект ракеты «Г-1». Проект был опять одобрен, но остался на бумаге, реализован он не был. Хотя и отмечается, что одной из главных причин была техническая отсталость Советского Союза, я думаю, дело было в большей степени в позиции, занятой С.П.Королевым. Он хотел быть первым. Поэтому и был выбран советский проект ракеты «Р-2», а не лучший во многих отношениях немецкий «Г-1». Только ряд идей из него был впоследствии использован в советских разработках. Миссия немцев в этом и заключалась: давать предложения и идеи для успешной работы советских ученых.

Каким же все-таки был финал этой истории? В декабре 1948 года на большом совете НИИ при обсуждении проекта «Г-1» Греттруп высказался однозначно: «Дальше разрабатывать проект без экспериментов невозможно». Решение совета опять было положительным, потому что нельзя было забраковать двухлетнюю работу. И в то же время, чтобы реализовать проект Греттрупа параллельно с работой Королева, у института просто не было сил. Это означало, что дальнейшее развитие ракетной техники должно было концентрироваться на одном каком-то решающем направлении. И, естественно, предпочтение было отдано разработкам Королева. А работы над проектом, в который немцы вложили столько сил, стали постепенно сворачиваться. В 1949–1950 годах немецкие ученые еще продолжали свою работу над проектом ракеты «Г-1», открыли новую разработку ракеты «Г-2» с дальностью полета 2500 км, в ходе которой также был выдвинут целый ряд новых идей.

И опять, хотя немецкий проект признан лучшим, реализован был проект Королева. Исследования немецких ракетчиков бесспорно стимулировали деятельность Королева и его коллег. Но все эти работы немецкие ученые проводили, не имея возможности консультироваться с советскими специалистами.

В октябре 1950 года филиал № 1 НИИ-88 прекратил свою деятельность. Еще до 1951 года ему поручались какие-то второстепенные несекретные задачи. Но вот в конце 1951 года правительством было принято решение о репатриации семей немецких специалистов в ГДР. Вполне можно сделать вывод, что немцы в общем-то и не сделали для нас ничего серьезного. И не потому ли в начале работы над этой темой, у меня неоднократно возникал такой вопрос: «Зачем нужно было везти этих людей сюда из Германии, если мы все делали сами? Разве недостаточно было того, что они дали нам там?» И только сейчас, когда скрупулезно и основательно проработала материал, я начала многое понимать по-другому. Мне стало ясно, что были и более чем веские основания, чтобы привезти немцев сюда, в Союз. Эти люди были нам очень нужны в то время, а они в своей стране в любой момент могли прекратить свою работу на нас и уйти на Запад. Здесь же они целиком были в нашем распоряжении, здесь было удобнее их использовать. Правильнее будет сказать, что путь советских ученых очень тесно переплетался тогда с путем, который проложили им немецкие специалисты. Много фактов того, что именно мощное «немецкое» начало дало первый толчок развитию нашего ракетостроения. Правда, чисто немецкие проекты не были

реализованы в СССР. Но сколько же идей из них было использовано советскими конструкторами в дальнейшей работе. Это огромное наследие, эти уникальные знания, оставленные немцами, оказали нам неоценимую услугу не только в ракетной отрасли. Они были широко использованы и в авиационной промышленности, и в деле освоения космоса.

На ракетах первого поколения использовались принципы управления, предложенные немецкими учеными (коррекция полета по радио). Брали идеи, предложения, а в отдельных случаях просто использовали оригинальные немецкие чертежи. И вот, переворачивая эту страничку большой истории Советского государства и учитывая все изложенное в ней, не будет сильным преувеличением сказать, что советская дорога в космос начиналась здесь, на острове Городомля трудами привезенных сюда немецких инженеров.

Эти судьбы начинали новую веху истории острова Городомля

Немцы уехали с острова. Но он не опустел. Здесь стало зарождаться новое производство, здесь стала строиться новая жизнь. И люди создали здесь такой завод, который стал гордостью советской космонавтики и отечественного ракетостроения.

Кто же они, эти жители острова? Какими ветрами занесло их сюда?

Первая героиня нашего исследования – Анна Федоровна Валтахова.

Родилась Анна Федоровна 13 февраля 1927 года в деревне Жданское Осташковского района Калининской области. С момента, как стала понимать, помнит, что жила с матерью, отца не было. Мать работала в колхозе, который тогда чуть теплится. Денег не платили, писали трудовни. Бедность была ужасная. Окончила начальную школу. Это было в 1938 году. И тоже пошла работать в колхоз. Надо было помогать матери – не на кого было надеяться. Дети рано начинали трудиться. В 1942 году по Осташковскому району прошла мобилизация молодежи для отправки в тыл на работы. Молодежь забирали и везли, куда было нужно, не спрашивая и не интересуясь, хочет человек ехать или нет. Исполнилось пятнадцать лет, и забирали, везли в школы ФЗО, в ремесленные училища. Вот и Анна Федоровна была отправлена в Новосибирск, где стала учиться в таком ремесленном училище вместе со многими такими же, как она.

Приводили вот таких молоденьких девочек в цеха большого завода, ставили к станку и говорили: «Работай!» И работали по законам военного времени. Анне Федоровне досталась с войны такая мужская профессия, как фрезеровщик. Слова-то такого до этого и не слышала. И разве стала бы в мирное время учиться такому? А вот пришлось. И тракторист – в войну была очень даже женская профессия. Также молодые девчонки работали. Моя бабушка в Саратовской области не один гектар земли вспахала. А что умела? Даже трактор заводить толком не могла. Бригадир заведет, поставит к борозде и поезжай. А поля в степи огромные, одну борозду можно полдня гнать. Были и голодными, и раздетыми. Так же и Анна Федоровна жила в Новосибирске. Домом стало общежитие. Кое-как кормили. Одежку и обувь, какую смогли, выдали. Кому досталась поношенная гимнастерка, кому – мужская рубашка не своего размера. Обувь на деревянной колодке. Ног толком не поднять. Типа солдатских ботинок. Для моей бабушки такие ботинки еще до войны были «фирменной обувью».

До 1947 года отработала Анна Федоровна на комбинате № 179 города Новосибирска. Но тянуло домой. Осенью уволилась и поехала на родину. И не успела появиться в деревне, оглядеться, как начали посылать на лесозаготовки. А на дворе-то не лето красное. Ни одеть, ни обуть толком нечего. Как в такой одежде идти в лес поздней осенью, да еще на целый день? И отказаться нельзя. Быстро примут меры. Тогда было просто с этим. Что не так, под суд. За все судили. Моя бабушка, когда работала в кожзаводе в Осташкове (в это же время), тоже отказалась поехать в лес из-за того, что надеть было нечего. Так ей и это припомнили, когда судили за кусок кожи, взятый на тапки. За все и дали один год тюрьмы. Анна Федоровна два раза съездила, а когда стали посылать в третий раз, поняла, что так и будет продолжаться бесконечно. Думала недолго. Колхозницей она уже больше не считалась. Еще в Новосибирск ей мать присылала справку, по которой ей был выдан паспорт. А ехать решила на Городомлю.

И вот уже в декабре 1947 года эта тогда еще молодая девушка переступила порог отдела кадров филиала № 1 НИИ-88. Приняли, спросили, куда бы хотела идти работать. Она вспоминает, что хотела пойти тогда в столовую официанткой. А когда говорила нам это, как-то застенялась, будто бы желание ее содержало что-то нехорошее. Привыкла, видимо, к мужской работе, поэтому и чувствовала неловкость оттого, что захотела чего-то более легкого. Места свободного не оказалось. Так и пришлось сказать, что имеет специальность фрезеровщика. Станочники, конечно же, были нужны. Это и определило дальнейшую судьбу на всю трудовую жизнь. Так до пенсии и отработала Анна Федоровна на фрезерном станке сначала в филиале, а затем на предприятии «Звезда».

Анна Федоровна, как только получила работу, сразу же получила и жилье. Тогда, в 1947 году на острове жили немецкие специалисты-ракетчики. Они занимали дома поселка. А русских селили в поселке Первомайка, как теперь назывался бывший монастырский скит. И общежитие, куда переселили Анну Федоровну, было устроено в бывшей церкви этого скита. И внимания не обращали, что жили в таком святом месте. И ничего. Гром с неба не грянул и никого не разразило молнией. Все это было тогда нормой жизни общества.

Как же тогда жилось? Да, жили. К роскоши не были приучены. Поэтому не сильно угнетало то, что жилье было лишено самых элементарных удобств, что топили дровами, готовили на плите, что туалет был на улице. Многие коренные старожилы острова тогда так начинали. Им хорошо знакомы бараки Первомайки.

Что она видела? Сначала беспросветная серость будней деревни, затем тяготы и хаос войны и, наконец, трудности послевоенного периода. У человека и мира-то своего тогда не было. Одно большое общежитие. Жили все, как на ладони. И потому по-разному приспосабливались к такой жизни. И появились у нее робость, боязливость, постоянный страх быть в ответе за свои поступки. Вот были нужны деньги. Но разве она могла позволить себе пойти и запросто продать котелок черники немцам, как другие это делали, если это было нельзя? Или могла она опоздать на работу хотя бы на полчаса? Даже, разговаривая с нами о своей жизни на острове, она и то боялась, как бы не наговорить лишнего. Оттого и на многие вопросы не ответила. Сколько времени прошло с тех пор, порядки уже стали другие, но она на всю жизнь запомнила то, чему научили ее тогда. Мы поинтересовались у Анны Федоровны, какая же была у нее зарплата? 400–500 рублей с вычетами. Брали подоходный налог, за бездет-

ность, а также часть денег заменяли облигациями займа. Помнит, первый раз получила здесь 280 рублей. На такую сумму надо было и поесть, и одеться-обуться. Как же выкручивались? Приходилось на чем-то экономить. И все равно, жилось намного лучше, чем если бы осталась в колхозе работать. Когда на Городомле образовалось предприятие, в ближних деревнях колхозы почти перестали существовать. Вот и получилось так, что потом с производства поехали помогать этим же брошенным колхозам.

Когда Анна Федоровна в 1953 году вышла замуж, не надо было мотаться по чужим углам, она привела мужа в свою собственную комнату. Родившегося ребенка воспитывала уже в двухкомнатной квартире. Создала свой мир и жила в нем, ограждая себя и свою семью от чужого вторжения. Вот уже ушел ее век, сменился другой строй, а она, как жила, так и живет, без эмоций и без протестов, всем довольна и на все согласна.

И совсем другого человека мы увидели, когда переступили порог дома Цветкова Василия Петровича. Живой, энергичный, жизнерадостный. Он с большим удовольствием согласился рассказать нам о своей жизни. Сразу подумалось, что он давно ждал этого момента, чтобы снять с души груз памяти, который носил многие годы.

Родился Василий Петрович 25 января 1925 года в деревне Барутино Рамешковского района Калининской области. Отец был потомственный кузнец. В семье четверо детей. О детстве память ничего не сохранила, но деревню 30-х годов хорошо запомнил. Это был тогда свой, особенный мир. Много работали, но мало имели. Хребет гнули от зари до зари, а лишнего все равно не было. Вот и приходилось строить свою жизнь так, чтобы выжить, не умереть с голоду. Как организовывался у них колхоз, Василий Петрович не помнит, был маленький. Спросили: «А ели-то что тогда?» Самое простое, что и во всех деревнях тогда было. Овощи, в основном, картошку, капусту, лук. Брюкву сажали. Мать огурцы солила. Молоко было, иногда мясо видели. Хлеб, соль, песок и другие продукты покупали в магазине. В Рамешки ходили. Иногда приходилось ночь стоять в очереди. Помнит даже некоторые цены на продукты. Водка считалась тогда дорогим продуктом, ее почти не пили. В деревнях варили пиво, да такое, что с теперешним пивом (как сказал Василий Петрович) и рядом не поставишь. Вот в праздник, когда все собирались за столом, сначала выпивали по рюмке водки, а потом начинали пить одно пиво. Причем пили всегда только теплое пиво.

А в школе-то хоть учились? Да, ответил, четыре класса у себя в деревне закончил, а доучивался в Рамешках. В 1940 году окончил школу, а скоро и война началась. Но попал на войну в январе 1943 года. В конце мая 1944 года оказался на 3-м Белорусском фронте и участвовал в большом наступлении под Витебском. Вспоминает, что было что-то страшное. Жили одним мгновением. Но остался жив, значит, не судьба была погибнуть. А вот на 1-м Прибалтийском фронте, куда попал осенью 1944 года, не повезло. И вот — тяжелое ранение грудной клетки. Началось долгое путешествие по госпиталям. В это время лежал в госпитале в Кинешме. Когда стал поправляться, на койке без дела валяться уж не дали. Ухаживать некому, а работы много. В госпитале умирали каждый день. Надо было хоронить. Вот раненые сами и хоронили своих товарищей. А была зима. Земля мерзлая, копать трудно. Одну могилу полдня копали. Дело совсем не двигалось. Василий Петрович говорит: «Замучились мы совсем. И взяли грех на душу. Стали хоронить умерших по двое в одном гробу. Де-

ло-то и пошло быстрее». Здесь хоть еще гробы были. Моя бабушка говорит, что они умерших хоронили вообще в одной большой яме. Бросали туда людей, пока полная не будет. Засыпали затем землей и даже холмов не делали. Ходили потом по этому месту. И сколько таких захоронений у нас еще не найдено по стране. На нашем острове, наверное, тоже есть такое место, ведь здесь в войну были госпитали.

После комиссии, а это было в марте 1945 года, Василия Петровича направили в Горьковскую радишколу учиться на радиста. Учились на радиста всего три месяца. Время военное, все делалось ускоренным методом. Поэтому и режим был не из легких. Трудно приходилось, занимались по десять-двенадцать часов в сутки, кормили почти одной капустой. Пока учился, война закончилась.

Но не скоро еще после победы вернется домой Василий Петрович. По красноармейской книжке Василия Петровича мы видели, какой путь пришлось ему проделать в то время. Через столько городов пришлось проехать их воинской части. Василий Петрович в августе 1945 года был направлен в город Ростов для обслуживания связи. Был в Сельмаше и занимались здесь перевозкой зерна. Жили прямо в машинах. В июне 1946 года направили в город Шахты. Здесь получили радиостанцию и поехали дальше, в Миллерово. Все время ехали, даже ночью. Движение было большое, случалось, что в этой кутерьме часто гибли люди. И нигде никаких нормальных условий. И вот Василий Петрович уже в Кустанайской области. Опять вывозили зерно. Оно здесь лежало с 1941 года, т.е. с самого начала войны. Работали в тяжелейших условиях. Морозы доходили до 50 градусов. Здесь вообще климат был такой, что старики никогда не видели, как яблоня цветет. Зимой птицы не лету замерзали. А рейсы были длинные, в один конец 500 км. Очень часто шоферы замерзали, не доезжая до места. В сентябре 1947 года часть, в которой служил Василий Петрович, была расформирована, а он был направлен в другую часть в город Мары Туркменской ССР, где и дослуживал до конца демобилизации. В Кустанае замерзали, а здесь — нестерпимая жара. В 1948 году были отправлены на ликвидацию последствий землетрясения в Ашхабаде. Разбирали завалы, откапывали живых людей, закапывали мертвых в одной большой траншее. Иногда волосы на голове шевелились от увиденного.

В апреле 1950 года был уволен в запас. Семь лет постоянной одеждой этого человека были солдатская шинель, солдатская гимнастерка и тяжелые солдатские сапоги. Когда Василий Петрович приехал домой, в деревню, которая как раз находилась напротив острова Городомля, то, как говорит, не подумал, дал маху и прописался там. А это значило, что ты колхозник и иди работать в колхоз. Василий Петрович говорит: «А что бы я там заработал? Семья и так бедствовала, да и сам был раздетый, разутый, только с армии».

Еще когда Василий Петрович был в армии, отец его, зная, что сын имеет специальность радиста, как-то заговорил об этом с уполномоченным филиала на Городомле по колхозам. Тот обещал помочь. И вот теперь дело принимало неважный оборот. Пришлось пройти через ряд неприятных моментов. Хочу сказать, что тогда чинили всякие препятствия людям, держали в колхозах насильно, заставляли, наказывали, а все равно поднять сельское хозяйство так и не смогли. Системе легче было существовать, если она приказывала, требовала и наказывала. Василию Петровичу на себе пришлось испытать жесткий порядок этой системы. С председателем сельсовета проблем не было. Здесь все было

просто. Пригласили, угостили. Справка была получена, паспорт по ней выдали. Но так как Василий Петрович числился еще и членом ВЛКСМ, ему надо было получить рекомендацию у секретаря райкома ВКП(б) для поступления на работу. Пришел к нему уверенный, со справкой, что он не колхозник, а тот и говорит: «А мы тебя не отпустим. Ты молодой, энергичный, такие нам нужны. Выучим тебя на председателя колхоза». Василий Петрович решил пойти к секретарю комсомола. Тот стал звонить секретарю райкома, а Василия Петровича попросил выйти в коридор. Василий Петрович вспоминает: «Думаю, если не отпустят из колхоза, порву комсомольский билет, брошу его на стол. А секретаря ударю. Пусть меня посадят. Больше полутора лет не дадут. Выйду оттуда и буду свободен». Отчаяние может довести и не до такого. Но не пришлось Василию Петровичу делать, что задумал. Дали ему рекомендацию и поехал он на Городомлю поступать на работу. Это было в июне 1950 года. Школа радистов хорошо помогла. Тогда на острове работали немцы. И Василия Петровича приняли на должность лаборанта в лабораторию.

Здесь было режимное предприятие. А значит опять жесткая дисциплина, опять очень много всего нельзя. Нельзя было общаться с немцами, нельзя ходить свободно по заводу, нельзя, нельзя, нельзя. Трудно было, конечно, всего и всегда бояться. Особенно унижало достоинство то, что, работая рядом с человеком, если тот немец, ты не можешь сказать ему свободно каких-то других слов, кроме тех, что касаются работы. Василий Петрович говорит, что немец Ланге был хорошим и добрым человеком. У него было пятеро детей. И вот хотелось что-то приятное сделать этому человеку. Когда ездил домой, ходил мимо колхозного поля. Как-то набрал гороха и решил угостить. Упаковал его и привез. Так просто отдать было нельзя, тогда и у стен глаза были. Узнают, неприятностей не миновать. И вот Василий Петрович оставил его в камере хранения, а Ланге незаметно сунул номерок. На другой день Ланге приходит на работу и тоже тихонько кладет что-то Василию Петровичу в руку. Говорит: «Смотрю, 50 рублей положил. Я испугался, не беру». А он: «Бери, бери. Детям понравилось, принеси еще». Вот так приходилось делать. Все тихо, все украдкой.

Приходил с работы и садился чинить для всей деревни посуду, лудить самовары. И что зарабатывал, все отдавал матери. Всю ссуду, взятую на дом, тогда погасил сам, своим трудом. А жить потом в этом доме не пришлось вовсе, сестре остался.

Тогда в деревне жили плохо, бедно. Поэтому Василий Петрович не без гордости вспоминает, что у него первого в деревне появился детекторный приемник. Не купил его, а сам собрал. Говорит, ребята знакомые на заводе помогли. Правда, не все обошлось гладко. Когда выносил с завода аккумуляторные батареи, его задержали на пропускном пункте. Перевели на нижеоплачиваемую работу на три месяца. По тем понятиям, денег тогда потерял много, да еще не три, а больше месяцев отработал по этому наказанию. Хоть и пострадал, а ведь все равно радовался, потому что появилось новое, удивительное. Люди приходили послушать, посмотреть, потрогать.

Когда в 1953 году уехали немецкие специалисты, жизнь на острове, естественно, изменилась. И Василию Петровичу пришлось осваивать другую профессию, и филиалу надо было менять профиль. Завод теперь стал разрабатывать и изготавливать вибростенды, осциллографы, нестандартную аппаратуру для испытательных стендов ракетных двигателей, испытывать макеты головных частей ракет.

Вскоре Василий Петрович переехал из деревни жить на остров. Ему тогда дали комнату. Свою будущую жену встретил здесь, на острове.

Сейчас Василий Петрович живет один. У детей свои семьи. А жена у него недавно умерла. Но, когда мы пришли к нему, то совсем не почувствовали, что в его доме нет хозяйки. Так было чисто и уютно в нем.

После отъезда немцев на острове зарождалось производство, которое имело тогда большое значение для страны. С 1953 года оно стало именоваться предприятием «Звезда», и специализировалось на создании приборов, необходимых для ракетостроения и космической техники. И заводу тогда будут нужны рабочие с высокой квалификацией, умные, талантливые специалисты. Их будут искать по всей стране, делать запросы в самые элитные столичные вузы. Специалистам будут предлагать хорошую работу, приличное жилье. И люди поедут сюда. По разным причинам. У одних была хорошая работа, но не было хорошего жилья и оно не ожидалось в ближайшем будущем, у других было какое-то жилье, но не было хорошей работы, а у третьих не было ни хорошего жилья, ни хорошей работы. И многие тогда оставались здесь жить, потому что нашли на этом клочке земли и то, и другое, и третье. Вот именно в те 50-60-е годы на острове закладывался «костяк», крепкая основа нашего населения. И не удивительно поэтому, что среди островитян можно встретить и коренного ленинградца, и потомственного москвича, и жителя Баку. Всю географическую карту страны можно увидеть на нашем острове. Я уже не говорю о деревне и об Осташкове. Половина села и города побывала здесь, и есть такие, которые тоже пустили тут свои корни. Тогда население особенно сильно росло. И люди сравнительно быстро получали здесь хорошее благоустроенное жилье. Это место было удивительным не только по своей природной красоте. Многочисленная плеяда советской интеллигенции 50–60-х, собравшись здесь в те годы, сделала его самым культурным населенным пунктом в округе. А закрытость и недоступность создали здесь комфортную для жизни обстановку. Было удобно жить рядом с работой. Спокойно воспитывать своих детей, они свободно гуляли по острову. Важность завода для страны тогда очень хорошо чувствовалась в устройстве быта островитян. Здесь было отличное московское снабжение. Можно было купить все от мяса до колбасы, от разных консервов до конфет и фруктов. Потому и трудно было принять и застойные 70-е с их полупустыми прилавками, дефицитами, блатами и очередями, и перестроечные 80-е с их ограничениями, талонами и повышениями цен...

Дети острова

В своей работе я не могла не написать про детей, которые в 50–60-е годы жили на острове, которые были тогда его будущим, а сейчас являются его настоящим. Для взрослых остров был родиной относительной, а для детей – настоящей. Если взрослые люди приезжали сюда, уже имея опыт другой жизни, то их детям пришлось создавать его здесь. А много ли они для этого имели на этом маленьком пятячке земли? Что особенного можно было найти в одной и той же дорожке, в одном и том же пейзаже и среди одних и тех же людей?

Мою маму, Губанову Тамару Михайловну, можно по праву назвать ребенком острова. Потому что вся ее жизнь прошла здесь. Она только родилась в 1955 году в близлежащей от острова деревне, а уже в 1957 году приехала с ро-

дителями сюда. Тогда на острове открывалось большое производство. Людей ехало много. Кто был попроще, тех селили в бывший скит, который носил тогда название поселок Первомайка. Сюда же приехала и мама, и один из барачников этого поселка стал ее первым настоящим домом. Когда стала уже понимать, то считала, что жилье их начиналось с большого общего коридора, завешанного разной одеждой и заставленного всякой обувью, начиная от валенок и кончая туфлями. В этом коридоре проходила общая жизнь людей. Что тогда имели-то? У всех почти было одинаково. Само жилье – это одна комната, перегороденная на две. Здесь было все: и спальня, и кухня, и столовая. Было три железные кровати, старый диван и укладка для белья вместо шкафа. А еще около окна стоял самодельный деревянный стол, за которым обедали, мать шила и гладила, брат готовил уроки, а мама сидела на нем, когда ее собирали в садик. А еще были не свои стулья, их взяли во временное пользование в ЖКО завода. И все. Для игры использовали и фантики от конфет, найденные на улице, и осколки битой посуды. А кукла была одна. С ней мама не расставалась даже ночью. Помнит, когда у нее сломалась рука, плакала целый день. Вот с таким богатством и проходило детство. Жизнь, вроде бы, была и получше уже, а все равно детей не баловали. Ни едой, ни одеждой, ни игрушками. Отец еще пил, домой почти ничего не приносил. Мать одна тянула семейный воз. Хорошо еще хозяйство выручало. Первомайка тогда была похожа на деревню. Дома старые, темные от времени, туалеты на улице, огороды и много сараев. Тогда почти все держали свиней и кур. И каждый свободный клочок земли был занят огородами. Сажали картошку, овощи разные. Огурцы тогда хорошо росли без всякого укрывания, много было. Мать бочками солила. А еще был на Майке большой старый сад. Яблоки мелкие, кислые, а дети все равно их ели. И ничего, животы не болели, хоть и не мыли ничего. Мать вроде бы сушила яблоки, а варенье не варили, песку надо было много.

И жили тогда одинаково небогато. Что у кого было, то и носили. И рваное, и с дырками, и не по размеру. Особенно на улицу. В садик-то мать почище и получше чего надевала. Но хорошо помнит мама только одно фланелевое платье с кокеткой впереди и в горошек. Было оно пошито вручную и уже не очень новое. Почему-то больше всего его носила. А еще помнит, что надевали все время лифчик с резинками. К нему прикрепляли чулки. Было очень неудобно. Обувь была крепкая, грубая. Зато долго носилась. В садике все время чулки закручивали барашком на манер носков. Наверное, чтобы жарко не было. Весной и осенью носили резиновые сапоги. У ребят основной обувью были кеды, мамин брат даже сначала в школу в них ходил. Все это стоило тогда недорого, вот и покупали. А зимой бегали в подшитых валенках. Пальтишки простенькие, иногда с чужого плеча. Мать покупала по дешевке.

А еще помнит мама больших лохматых собак, которые тогда охраняли остров. Приходилось ходить мимо них, когда ехали в город или ехали из города. Очень их боялась. «Иду, прячусь за мать, а собака бежит вдоль, лает, рвется к нам. А проволока, по которой она ходила, метров десять длиной», – говорит мама. Мама, наверное, потому всех собак сейчас побаивается. От детства осталась такое. А проволока? Она тогда не вызывала никаких эмоций. А когда стали постарше, то уже не обращали на нее внимание, потому что привыкли. Тогда это не угнетало. По лесу ходить не боялись, знали, что никого чужого там не встретят. На людей это, конечно, влияло. С детства учились держать язык за зубами.

А в 1963 году произошли в жизни изменения. Всех стали переселять в рабочий поселок. Все его тогда называли «стройкой», потому что здесь тогда было большое строительство, здесь находился и сам завод. Тогда уже строили кирпичные дома. Но бабушка неправильно написала заявление, поэтому в такой дом не попали. И опять две комнаты, коммуналка. Правда, условия с первыми уже было не сравнить. Подселение – одна семья. Отопление водяное, туалет в квартире. Радовались бесконечно. Но сама жизнь мало изменилась. Мать прибегала с работы и занималась хозяйством. Поросят, куры, огород требовали немалого ухода. А еще надо было готовить, стирать, убирать. Некогда было уделить детям хотя бы минимум внимания. Книги она читать не умела, рассказывать ничего не любила. Единственное, что видели от нее – это чистое белье, обеды и ужины. Маляр по специальности, она, чтобы побольше заработать, подрабатывала на ремонте квартир. А если этой работы временно не было, то она работала посудомойкой в столовой. И опять на детей не оставалось времени. О одежде я и не говорю. Дети его вообще редко видели и то, чаще пьяного. И все это, конечно не лучшим образом потом скажется на характере мамы.

Бабушка помнила бедствия своей молодости, поэтому и старалась только достичь одного, чтобы дети были сыты и одеты. Дом хотела обустроить, потому и рвалась на нескольких работах. Устали тогда не знала, привычная была к труду. А потом стала выпивать. И главное, когда? Тогда, когда жизнь уже улучшалась. Все выдержала: и голод, и холод, и войну, и лишения, а тут не устояла. Она, конечно, продолжала заботиться о детях, но они, особенно мама, питали к ней уже другие чувства. Вот вроде бы жили все вместе, а каждый уже был сам по себе. Дом не интересовал. И для детей главным местом тогда в жизни была та самая улица. Здесь отдыхали, здесь общались, здесь учили жить. Днями пропадали на улице, особенно летом. На острове тогда было много черники. Мама помнит, что они с братом за два дня по ведру набирали. Бабушка варила варенье, кисель, пироги пекла, сушила ее. Даже продавала. Когда ходили за ягодами, давали себе задание, сколько ягод набрать. И пока собирали, ни одной ягоды не съедали. Наберут норму и тогда сами едят. А грибов сколько носили! Они тогда частыми гостями были на обеденном столе. Второй, пожалуй, продукт после картошки. Бабушка насолит, засушит, целую зиму и ели. Суп варила с грибами, картошку делала, даже пироги пекла.

А рыба как выручала! Целый день могли простоять с удочкой, ведь ловили-то с берега. Тогда рыбы было еще много в Селигере, без улова не приходили. Мама потом даже с дедом ездила на рыбалку, когда у них появилась деревянная лодка, вставала рано. Из-за рыбы часто нарушали режимный порядок. Ходили в запретное место на Майскую косу. Здесь хорошо клевало. А был тогда катер сторожевой. Он в определенные часы патрулировал вдоль острова. Мама вспоминает: «А мы ведь времени не знали, часов не было ни у кого. Как только увидим, что едет, удочки бросаем и бежим в кусты. Проедет, опять выходим. А иногда подъезжали и удочки забирали. А как были рады, когда катер сломался». Обстановка, конечно, не из приятных, на отдых вообще-то мало похожа. Страх в душу закладывали уже с малых лет.

На острове не было такого уголка, где бы не побывали дети. Только один завод, обнесенный высоким забором, оставался недоступным, потому интересным и манящим местом. Так хотелось туда заглянуть!

А зиму еще больше любили, чем лето. Горок вокруг было много. Катались на санках, на лыжах. У кого не было санок, катались на картонке. И лыжи тогда

были простые, надевались прямо на валенки. Но никто не обращал внимания на то, что они постоянно сваливались. С любой горы ехали и не боялись. Катались на коньках. Были такие двухполосные, веревками прикреплялись к валенкам, назывались «снегурки». У нас теперь, наверное, никто бы такие и не надел, а те дети катались и за счастье считали. У некоторых и таких не было, катались на ногах. Позже уже появились и лыжи, и коньки на ботинках. Мать где-то с рук купила и им с братом такие коньки, а лыжи брали на лыжной базе. И каток потом сделали на поселке около клуба. Его постоянно чистили и заливали. И этот каток был для тех детей чем-то вроде телевизора для нынешних детей. После уроков был один путь – туда. Яблоку негде было упасть. А потом музыку сделали, свет провели. Взрослые даже приходили сюда постоять, посмотреть.

Школьная жизнь у мамы началась в 1963 году. Все тогда было не таким, как сейчас. Школа тогда была деревянная, одноэтажная, всего на 150 человек. Первыми здесь учились дети немецких специалистов. В 50-х немцы уехали. Но людей было еще мало, поэтому детям этой школы вполне хватало. Один учитель тогда учил сразу два класса, первый с третьим, второй с четвертым. А когда сюда пришла мама, школа уже не вмещала всех детей острова. И класс был очень большим, сорок с лишним человек. А писали сначала карандашами. Ручки давали только тем, кто начинал хорошо писать. Сначала писали перьевыми ручками, потому уж появились авторучки. И немного денег тогда тратили родители для того, чтобы их ребенок учился в школе. Тогда и учебники свои были, они стоили каждый не больше рубля. Тетради были по 2 копейки, стерка – 1 копейка, карандаш – 3 копейки, линейка – 5 копеек. Портфель стоил тогда 5 рублей. Мама за школьный период с первого по восьмой класс сменила всего один портфель, в старших классах захотела папку. И одежду какую-то особенную не надо было. Все тогда носили школьную форму. Излишеств никаких было.

В четвертом классе стала пионеркой. В пионеры принимали в день рождения Ленина, 22 апреля. До сих пор помнит клятву, которую произносили тогда, она была напечатана на последней странице обложки тетрадей. Но мама не испытала тогда чувства той торжественности, которую содержала в себе эта клятва. И вообще ничего не испытала от того, что стала пионеркой. В конце 60-х все эти общественные дела уже носили характер простой формальности, все делалось для галочки в плане мероприятий. И не было уже тогда того особого энтузиазма, который мама видела в кино, читала в книгах о пионерах довоенного и военного времени. Однообразные, проходившие в одном и том же порядке, пионерские линейки, неинтересные пионерские сборы, скучные классные часы, которые были простой запланированной формальностью. Конечно, кое-что делали. Собирали макулатуру, металлолом, убирали территорию вокруг школы, чистили линолеум в школе. Но все это было таким тусклым, неинтересным. Делалось все кое-как. И быстро расходились по домам. А то получалось иногда и так, что макулатуру просто сжигали, а металлолом вывозили на свалку. А дети видели и делали выводы. Тогда, в конце 60-х, страна уже медленно входила в застой.

Многое уже из школьной жизни забылось, но хорошо помнит мама, как ее выбрали в каком-то классе председателем совета отряда. Действовал принцип: «Только не меня». Должность была положена по Уставу пионерской организации, поэтому эти заботы валили на любые плечи. И однажды выбор этот пал на маму. А она никак не подходила для этого, потому что была необщительной,

несмелой, ненаходчивой тогда. Хотели, видимо, помочь ей найти себя. Только ничего для этого не сделали. Ужасно не нравилась вся эта формалистика. И так всем этим наелась, что на комсомол просто потом уже не хватило сил.

Дом — это боль маминой души. Там так и не стало никогда хорошо и радостно. Плохим оказался этот мир для мамы. Он сделал ее своим рабом, он лишил ее стремления к общению, он воспитал в ней человека с трудным и непростым характером. Здесь она, в сущности, была одинока. Отец с матерью теперь пили вместе. Основной картиной семейной жизни стали пьяные застолья, заканчивающиеся часто скандалами и избиванием матери. Разве нравилось смотреть на это? И после этого всего хотелось куда-то идти и что-то делать? Наоборот, было только одно желание забиться в какой-нибудь дальний угол и никого не видеть. Что она часто и делала. Очень тяжелым был этот период в жизни мамы. Однообразие острова угнетало уже. А уйти от этого было вроде бы некуда. Игры, которые интересовали в пять, в семь лет, уже в десять не увлекали. В 12–14 лет взгляды на жизнь становились другими. Уже надоело по 15–20 раз за вечер ходить по одной улице взад-вперед, просто сидеть на лавке. Хотелось чего-то нового. А занятий для детей становилось все меньше. Многие были недоступны островским детям. Вот фигурное катание, например, нравилось, балет любила смотреть по телевизору. Но все это не для острова, все это осталось несбыточной мечтой. Ни музеев, ни театров. И если родителям всего этого уже было не надо, то детям, наоборот, очень хотелось.

Хоть Городомля и не походила на большой город, но и глухой деревней тогда уже не была. Она, наоборот, считалась самым культурным центром округа в те годы. Завод тогда работал в полную силу. Много молодежи приезжало сюда, выпускники техникумов, институтов. Досуг заполнить чем-то пытались, конечно. Кино было тогда настоящей палочкой-выручалочкой для островитян. Его любили все. А показывали кино через день. По два сеанса. Детей пускали на взрослые фильмы, если можно было по их содержанию, потому что детский билет — 10 копеек, а взрослый — 20 и 35 копеек в зависимости от места. Так что можно было сходить и два раза, если кино понравилось. Родители на кино денег всегда давали. Некоторые картины, такие, как «Чапаев», «Неуловимые мстители», «Фантомас», «Полосатый рейс», «Трембита», сказки смотрели по множеству раз. Уже и телевизор был дома, а в кино все равно бегали.

Вторым по посещаемости местом на острове была тогда библиотека. Туда ходили, как и домой, каждый день. Не было кино, люди читали книги. Не исключением была и мама. Могла читать до двух-трех часов ночи. Читала все: и Гайдара «Тимур и его команда», «Школа», «РВС», и Островского «Как закалялась сталь», и Фадеева «Молодая гвардия», и Осееву «Васек Трубачев и его товарищи». А как нравилась книга «Четвертая высота» про Гулю Королеву! Это почти постоянное пребывание дома незаметно отдалило ее от людей, от общества. И ей уже было трудно находиться среди них, контактировать с ними. Не нравилось уже выезжать за пределы острова. С трудом ходила в походы с классом, особенно с ночлегом. Неуютно чувствовала себя, когда ездили на копку картошки и приходилось жить в деревне. А сколько неприятных ассоциаций оставил в памяти на всю жизнь пионерский лагерь. И режим трудно переносила. Все по часам — подъем, зарядка, завтраки, обеды, ужины, тихий час, отбой. Ходьба строем. И так каждый день. Быстро надоело. И не увлекали, вызывали скуку все эти одни и те же мероприятия и игры. Не нравились уже надоевшая в школе военно-спортивная игра «Зарница», обязательный праздник Нептуна.

А жизнь шла. Продолжалась учеба. Родители учебой не интересовались, они даже дневник никогда не смотрели. Им было не до того. И характер у мамы все больше портился. Не ладила с одноклассниками, часто дерзила учителям. Тогда все и всех обвиняла в своих домашних бедах, в том, что не имела спокойной детской жизни. И этим, конечно, еще больше осложняла себе жизнь. Не любила притворяться и никогда не делала того, что не нравилось. Но школьная жизнь все равно постоянно тяготила. И решила, что будет учиться только до восьмого класса. Мама вспоминает: «Уехать тогда очень хотела с острова. Надоело однообразие, которое царило вокруг, устала от этих родителей. Просто был тогда сильный душевный порыв поменять жизнь». Она была уверена в том, что сможет сделать это легко и без проблем. Была мечта, которую давно хотела осуществить. Жизнь на острове среди такого чудного соснового леса, красота внутреннего озера и постоянно общение с природой сделали свое дело. Полюбила все это. Полюбила все, что было связано с этим. Ботанику в школе. Книги о природе, растениях и животных в библиотеке. Собирала гербарий, коллекционировала камни. Часами могла сидеть около озера, гулять в лесу. А потом писала фенологические заметки в местную газету, она тогда называлась «Заря коммунизма», а теперь ее переименовали в «Селигер». Попросила мать выписать журнал «Юный натуралист», туда тоже один раз посылала свою заметку. Но хотела стать и не биологом, и не ботаником. Хотела стать агрономом. Экзамены за восьмой класс сдавала в 1971 году. И уже знала, что поедет в Калинин в сельскохозяйственный техникум, который находился в пригороде Сахарово. Сразу после экзаменов собрала и отправила документы. Вскоре получила вызов. Экзамены там начинались в июле или в начале августа. Ехать решила с отцом. Одна боялась. Кроме Осташкова да деревни Пески, своей родины, была один раз с родителями у брата в городе Кронштадте. Мама вспоминает: «Уже в дороге чувствовала какое-то смутное беспокойство. Что-то не было особой радости в душе. И куда-то исчезли все желания. Будто почва уходила из-под ног. Надо было, наверное, ехать одной, без отца. Тогда бы, может, все получилось». Но ничего не получилось. Чем ближе подъезжали к Калинин, тем больше терялась. В Сахарово уже ничего не смогла другого, как забрать документы и уехать домой. И только теперь, когда вернулась, поняла, что мечты и жизнь — это две совершенно разные вещи. Переоценила тогда себя. Ничем хорошим не отозвалось все это бегство от людей, от общества. На неважном фундаменте начала свою жизнь и результат сразу же сказался. Осуждать и винить ее тут особенно не за что. Разве много возможностей имела, живя на острове? Потому что вступила мама на самостоятельный путь беспомощной, ничего не знающей и ничего не умеющей. Потому и мечта осталась только мечтой.

Трудной оказалась поездка в Калинин, но не испытала большой радости и от того, что вернулась домой. И только спустя некоторое время, когда немного успокоилась, стала понимать, что натворила. А поняла то, что вернула себе прежнюю жизнь, от которой так долго стремилась уйти и к которой так быстро пришла опять. Но исправить уже ничего было нельзя. Доступен был тогда только один путь — в школу, в девятый класс. Мама вспоминает: «Учебный год уже начался, а я все решала. Время шло, а в голове была одна пустота. И все тогда занялись моим воспитанием. Особенно отец. Он вспомнил, наконец-то, что у него есть дети. И у них, оказывается, имеется своя жизнь. Только он в нее никогда не вникал, занимаясь собой. Поэтому, что мог тогда сказать мне этот тупой, неграмотный человек, который в своей жизни ни одной книжки не про-

читал? Он просто грубо обругал меня. И, конечно, взаимопонимания от этого не прибавилось. А мать тогда вообще не была для меня авторитетом. Выйти из тупика помогла тогда директор школы. Эта женщина два или три раза приходила к нам домой. Разговаривала со мной и настойчиво убеждала хоть этот год походить в школу – «а там видно будет». С трудом, но я согласилась с ней».

Не по-детски трудным оказался для мамы этот период. И всем тогда казалось, что ее непутевые и бездумные поступки совершались всего лишь в силу ее испорченного характера. А дело тут было вовсе не в этом. Причиной такой реакции на ситуацию стал просто мамин возраст. Ведь из-за него ей пришлось идти в школу, вместо того, чтобы пойти на работу. Труд в Советской стране был доступен детям лишь с восемнадцати лет. А работать хотелось уже сейчас. И еще раньше очень часто возникало такое желание. И провоцировали его всегда родители. Они из-за своего пьянства постоянно ограничивали во всем. Дети ничего лишнего даже в довольно благополучные 60-е годы не видели. Они только с полочки получали редко 200 г шоколадных конфет на двоих, а так или банку протертых яблок, которая и рубля не стоила, или пачку печенья, или банку сгущенного молока за 55 копеек. За лакомство считали сухие брикеттики киселя, кофе или какао, сухофрукты, которые иногда выпрашивали купить у матери. Они были недорогие и сладкие. И были еще такие дешевые конфеты-подушечки. Мать чаще их покупала, 1 кг стоил 1 рубль. Одежда была только самая необходимая. Мама говорит, что до шестнадцати лет ходила в войлочных сапогах да в куртках из болоньи. Никаких шапок не знала, были платки. В школу ходила в форме, а дома носила бог знает что. Даже на кино мать давала с недовольством. И разве тогда купили бы они, например, магнитофон? Мама даже пыталась на него накопить денег, сдавая бутылки, но не смогла. Стоил он тогда довольно дорого. И многое было недоступно. Вот и рвалась на работу, потому что только в ней видела решение всех своих проблем.

Была комиссия по делам несовершеннолетних. И вскоре уже держала в руках разрешение на трудоустройство. Как-то все сложится? Предприятие «Звезда» кормило в те времена не только свое население, но и жителей всей округи. И молодежи острова вовсе не надо было, как многим деревенским девочкам и мальчишкам, устраивать свою жизнь где-то на стороне. Только дети начальства и дети тех, кто когда-то приехал сюда из больших городов, ехали учиться в институты, и большинство сюда уже не возвратилось. А те, кому некуда было ехать, и те, кто был попроще, остались здесь. Им вполне хватало того, что они имели, живя на острове.

На «Звезде» в сентябре 1972 года начала свой трудовой путь и мама. Она говорит: «Самое лучшее время в моей жизни». Все у нее тогда успокоилось, встало на свои места. А главное – получала свои деньги. Правда, пока еще небольшие, но уже могла что-то решить из своих проблем. Тогда и одеваться стала лучше, купила себе кожаные сапоги. А потом заказала в ателье хорошее зимнее пальто с норковым воротником. Позже смогла взять в кредит и долгожданный магнитофон. Конечно, от родителей еще зависела, но уже не в такой степени, как это было раньше. А очень скоро осуществилась ее мечта. Стала все-таки учиться на агронома, только заочно. Уже в 1973 году сдала экзамены в Загорский сельхозтехникум. Пять лет учебы в техникуме прошли на одном дыхании. С работы бежала скорее домой писать контрольные работы и конспекты. Потом осенью неслась на сессии, сдавала экзамены. Заочная учеба нравилась, а главное – она соответствовала ее натуре. Все было интересно, все нра-

вилось. Поэтому и техникум закончила с отличием. Мама не смогла тогда работать по своей специальности, но применение ей нашла. Пятнадцать лет она озеленяла и украшала цветами наш поселок. Но главное тогда было не в работе, а в том, что человек помог вылечиться своей душе. И это в жизни оказалось не менее важным.

Не в очень удачный промежуток советского времени довелось родиться моей маме. Вступление в жизнь пришлось уже на застойные 70-е, когда после взлета началось медленное падение. А основная самостоятельная жизнь проходила как раз в неблагоприятные перестроечные 80-е. И вот сейчас, когда за плечами уже половина пройденного пути, она так и не увидела результатов того, ради чего жила. Всему ее поколению, как старухе из сказки Пушкина, досталось сидеть у разбитого корыта своей ушедшей эпохи.

И как человек в свои разные периоды жизни выглядит по-новому, так и места меняют свой облик. Совсем другой сейчас стала и наша малая родина. Другими стали улица и дома поселка. На старой улице – новый асфальт, а старые деревянные дома покрашены новой краской. Меньше стало зелени в поселке. Состарились и наполовину вырублены тополя и березы, посаженные здесь в 50-х. Почти не стало кустов и очень мало цветов. А других новая власть еще не посадила. Уходит незаметно первое, дедовское поколение, которое здесь начинало. А новые люди уже плохо знают друг друга, потому что нет сейчас на острове такого общения, какое было у тех, прежних людей. Ушло из жизни кино, уходят постепенно книги, лыжи и коньки. И все меньше можно увидеть радости и улыбок на лицах идущих навстречу людей. И называться теперь наш остров стал по-другому. Не Майка и «стройка», не город Осташков-3, а ЗАТО2 Солнечный. Другая здесь теперь власть, другой настрой и образ жизни.

Но труднее всего сейчас приходится нашему главному жителю – заводу. Раньше, при советской власти, наше предприятие имело большое значение для страны. Высокая квалификация персонала, технологическая дисциплина, современное оборудование обеспечивали с начала 60-х годов и до настоящего времени выпуск изделий мирового уровня. С 1959 года коллектив предприятия участвовал в реализации десятков ракетных и космических программ. Изделия завода сыграли свою роль в 15-летнем полете орбитального комплекса «Мир», в фантастическом полете космического комплекса «Энергия-Буран». Труд островитян Городомли вложен в российские модули международной космической станции. Но обласканный советской властью, необходимый ей, завод теперь стал не нужен. Детище социалистического строя находится в ужасном состоянии. И его директору приходится сейчас больше думать о том, как обеспечить людей работой, как выдать им зарплату, как уплатить долг за электроэнергию и как прожить завтрашний день.

И закончить я хочу свою работу строками из статьи В.Буячкина «Секретный остров» в газете «Вече Твери сегодня». Короткий и беспощадный приговор полувековому прошлому, которое за ненужностью непременно должно уйти из жизни: «В лучшие времена на секретном объекте “Звезда” работали две с половиной тысячи человек. Выпускники элитарных столичных вузов, рабочие высшей квалификации. Тогда космос был нашей гордостью. Тогда мы космос совмещали с туризмом. Теперь времена изменились. Теперь у нас новая военная доктрина. Нам уже не так нужен космос. Справиться бы с Чечней. А там не нужны гироскопические системы – нужны приборы ночного видения. А потому на уникальном российском предприятии “Звезда” в самом центре Селигера

живут сегодня не очень хорошо. Средняя заработная плата – 1800 рублей в месяц, которую рабочие исправно не получают. Дело дошло до того, что администрация ЗАТО дает уникальному заводу деньги на аванс. А тут еще бывший министр обороны спорит со своим начальником Генштаба: что для нас важнее – ракетные войска с гироскопией или пехотные с прибором ночного видения. А действительно, что для нас важнее? Зашел в местную среднюю школу. Посмотрел расписание занятий. В старшей школе по два класса, а в младшей уже только один. Хиреет “Звезда” – вымирает остров. За три последних года на “Звезде” не появилось ни одного нового инженера из числа элитных выпускников. Более того, ведущие специалисты ракетного производства, дабы прокормить свои семьи, трудоустроились в туристический бизнес. Там платят не рублями – долларами. Что будет дальше? Глупый вопрос. Никто не знает на него ответа».

Автор написал прямо и откровенно, как и положено по законам гласности. Но это вовсе не боль, не отчаяние. Это всего лишь случайный и мимолетный взгляд постороннего на один из многих горьких фактов действительности. А мне безразлична судьба нашего завода и нашего острова, потому что за ними стоят судьбы многих и многих моих земляков. Они – их жизнь. И мне страшно становится от мыслей, что же будет со всеми людьми, если вдруг эта жизнь остановится.

ИЗ РАБОТ ФИНАЛИСТОВ КОНКУРСА

Марина Буркова
(г.Сергиев Посад Московской области)

Отцы и дети, деды и внуки – разные поколения XX века. Облики эпохи

Прическа, между прочим, несмотря на кажущуюся неважность для историка, на самом деле является очень важной деталью для характеристики данного временного промежутка. Так, в 20-е годы была модной стрижка «Гарсон», а это не что иное, как прямое следствие той эпохи: бурное развитие технических средств, в том числе инструментов и аппаратуры большой точности, а также начало производства косметических средств вызвали изменения в прежних методах труда (женщина пошла за станок, и сложные прически было уже делать некогда, да и неудобно), поэтому распространение получила короткая стрижка «Гарсон».

Постепенно все более широким слоям населения становятся доступными парикмахерские услуги. У женщины появляются различные новые способы, чтобы быть красивой.

Эталон модной прически конца 1960-х: короткая стрижка с неизменными объемными волнами и пышной челкой – «карлсон». Снимок показывает главный критерий парикмахерского женского искусства 60-х годов – пышность: чем боль-

ше начесаны волосы, тем лучше. И вот, десятки тысяч советских девушек и женщин в борьбе за красоту (которая, как известно по Ф.М.Достоевскому, спасет мир), усталые, с работы или учебы, перед сном накручивались на железные бигуди (самые распространенные в то время), приносящие ужасные мучения своим владельцам. Но красота требует жертв, и женский пол терпеливо сносил все в угоду своей привлекательности.

Глубоко ошибочно весьма распространенное сейчас мнение, будто женщины в СССР были лишь «гражданками» и «товарищами» без пола и лица, чуть ли не «синими чулками», которые, приходя домой после трудовой смены, только готовили еду и сразу же валялись в кровать до наступления следующего трудового «будня». Нет, нет и еще раз нет! Женщины всегда, в любую эпоху, остаются женщинами и хотят быть красивыми. И если моя бабушка в 30-е годы умудрялась ходить с локонами, накручивая волосы на тряпочки, и загибала ножом (!) ресницы, то как же во второй половине XX века женщина могла остаться бесполом «товарищем»?

И при советском режиме она всеми возможными и невозможными способами пыталась улучшить свою внешность.

Андрей Меньшенин
(г.Мончегорск Мурманской области)

Поколение 30-х как «фундамент» нашего общества на примере жизни моей бабушки

А заканчивается улица Строительная площадью Пяти Углов. Украшением и достопримечательностью всего города служит скульптура «Лось». Как она здесь появилась? Обращаюсь к подшивкам газет: «...когда известный скульптор Б.Я.Воробьев и главный инженер комбината В.Я.Позняков в поисках символики решили обратиться к природе, то их выбор был однозначным – лось. Хотя всерьез рассматривался и вариант оленьей упряжки... Бронзовый лось будет единственным в стране памятником зверю, так оригинально вписывающемуся в архитектуру города... При перевозке скульптуры из Ленинграда затерялся ящик с головой». Я слышал сам от старожилов, что предполагали, будто его по пути выгрузили с оказией в Кандалакше. Представить страшно, что началось, когда обнаружили пропажу: «...в отлаженной еще сталинскими временами системе путей сообщения вдруг исчезает государственный груз!» А если бы это случилось при Сталине, три-четыре года назад?! Мне страшно даже подумать... Имея теперь представление о сталинском режиме, я думаю, в то время люди даже могли бы за такое не досчитаться своих голов!!! Читаю дальше в газете: «...ящик с головой так и не нашли. Пришлось ее отливать заново». Общаясь со старожилами, я поинтересовался – как это было. Мне рассказали, что специалисты залезли внутрь (оказывается, лось-то внутри полый), делали замеры и снова оформили заказ «на голову». Но, вроде бы, отливали уже здесь, на комбинате. А пьедестал для скульптуры сделала сама природа. Я читал в книге о Мончегорске, что эту гранитную глыбу обнаружили при строительстве соседнего дома. Вот так, к 20-й годовщине города, в 1957 году на площади Пяти Углов была установлена скульптура лоса высотой 4,3 метра. Обошлась она Мончегорску в 300 тысяч рублей. Этот памятник можно смело считать главным в Мончегорске, недаром он

стал городским символом. Конечно, мончегорцы с тех пор говорят «У Лося», а не на площади Пяти Углов (это я заметил из разговора с моими интервьюируемыми). А сквер лесного гостя стал одним из популярных мест отдыха горожан всех возрастов.

Надежда Мацакова
(с.Усть-Вымь Республики Коми)

Чтобы не повторилось

Первой каменной церковью в землях коми стала построенная в 1711 году на месте деревянной Вознесенская церковь.

Почти 200 лет простояли каменные церкви села Усть-Вымь, но с середины 30-х годов XX века властями была объявлена жестокая война с религией, которая внесла в историю «черную» полосу.

Из беседы со старожилами села Пономаревым Александром Питиримовичем (1910 года рождения) и Логиновой Валентиной Павловной (1914 года рождения) я узнала, что с 1930 года создается уездное, а затем районное отделение Всесоюзного общества воинствующих безбожников. Разворачивается активная агитация за закрытие, а далее и за разборку всех церквей села Усть-Вымь. Одним росчерком пера были сброшены колокола с колоколен, сняты кресты с куполов. Началась разборка исторических памятников, но орудия труда не могли разбить прочную кладку, и выход был найден – взорвать.

В 1935 или 1936 году взрывают колокольню, за ней – Благовещенский храм и Вознесенскую церковь. Было решено разобрать и Стефановскую церковь, но властям пришлось разместить в храме пожарное депо и конный пожарный обоз. Хотя и были разобраны трапезная, входная галерея, верхний ярус колокольни, Стефановская церковь уцелела. Сохранилась до наших дней и каменная церковь во имя архангела Михаила. Среди жителей нашего села бытует легенда о том, что при разборке деревянной церкви под ее алтарем были найдены остатки пня срубленной Стефаном Пермским «прокудливой»¹ языческой березы.

Архангело-Михайловская церковь уцелела благодаря тому, что власти решили в храме разместить столовую администрации «Устьвымьлага», далее, с 1957 по 1976 год, в нем был оборудован клуб с киноустановкой.

С болью и скорбью вспоминает старожил села Подорова Ксения Ивановна, 1914 года рождения, о том, как в один из летних дней 1935 или 1936 года телегами были свезены на заливной луг церковные книги, все было сожжено, жителей села строго-настроено предупредили о жестоком наказании за сохранение этих книг, а иконы были сложены в подвале одного из домов села, утварь сдали в цветмет, серебряные изделия из церквей сдали в ГОХРАН (государственное хранение), одежда священников в 30–40-е годы использовалась для шитья тюбетеек и всяких мелочей (игольниц, прихваток, сувениров и так далее) для продажи. Люди даже не посмели попытаться как-то уберечь от огня исторические ценности, так как за обнаружение дома любых религиозных книг ожидало суровое наказание. До сих пор старожилы села об этих событиях рассказывают с опаской и шепотом. Вероятно, в этом огне сгорела летопись по истории коми народа. Остальные иконы и церковная утварь использовались на растопку печей.

Елена Пузикова
(г.Саратов)

Судьбы людские

Масса вещей и вещичек, хранящихся теперь в музее, характеризуют семейный быт А.В. и А.А.Скворцовых. Среди одежды – фрак и жилет, лиф платья из вишневого бархата, отделанный стеклярусом, позументом, кружевом, фрагменты платья из бархата темно-синего цвета с черным кружевом, образцы и фрагменты другой верхней и нижней одежды. Множество таких деталей, как шляпки, чепцы, перчатки, шарфы, пряжки поясов, сумочки. Чего только нет среди бытовых вещей: подсвечники, керосиновые и электрические лампы, самовар, бульотка со спиртовкой, спиртовые утюжки, набор для рукоделия, всевозможные коробочки – аптечные, для бижутерии, от часов, от духов, шкатулки самых разных видов и размеров, металлический слоник-копилка, спичечница в виде конуры, из которой выглядывает собака, керамический набор для умывания – кувшин, миска и мыльница, чугунные сковородки для выпечки блинов и пончиков, формы для выпечки кексов и вафель, глиняные корчаги для солений и масла, огромные блюда для заливного, мельница для перемалывания изюма, котлы для приготовления на пару рыбы и картофеля – оказывается о здоровом приготовлении пищи заботились и тогда, емкость для приготовления мороженого, с пустотой для колотого льда между двойными стенками, очень красивая миниатюрная кастрюлька, у которой ручка крышки – распускающаяся кувшинка, и толстые стенки, чтобы дольше сохранялось тепло, ведь складывали сюда только что испеченные блинчики. Суперэкспонат – большущий каток для глажки постельного белья. Он около семидесяти лет простоял на погребице без дела, немного заржавел, но после небольшой очистки выглядит как новенький и вполне годен для работы. Каждый посетитель музея может покрутить валы при помощи специальной ручки.

Гузалия Султанова
(г.Ижевск Удмуртской Республики)

Судьба мусульманского духовенства в XX веке (на примере семьи муллы Магомедадья Тагировича Тагирова)

На стенах и полу имелись ковры. Мебелью служили не только деревянные полаты, но и редкие по тем временам железные кровати, книжный шкаф, шкаф для посуды, белья, зеркало, кованный сундук. Из кухонной утвари – никелированный самовар, фарфоровая посуда, чугунный утюг.

Двор был довольно большой. В хозяйстве одна корова и лошадь, пти-цы. Во дворе находились баня, амбар для зерна и хозяйственных принадлежностей, сани-дровни для хозяйственных нужд и сани-кашовка для езды в город.

Слуг, в отличие от семьи отца Магомедадья (Тагира), в доме не имели. Всеми делами по хозяйству, в основном, занималась жена.

В отличие от бедных слоев населения, их семья могла позволить себе чаще национальные кушанья, такие, как чак-чак, баурсак, сукта, казы, коймак, мед, варенья из ягод, росших на заливных лугах села. Имели возможность купить сахар, чай в расписных железных упаковках.

Ксения Замуховская (г.Москва)**Участие немецких рабочих в индустриализации СССР**

«Сыромятники – удивительное место. С одной стороны, уйдя от шумного Садового кольца, вы неожиданно оказываетесь как будто в другом городе, тихом, провинциальном, с переулками, заросшими деревьями, редкими прохожими, домами, которые связаны с жизнью Н.И.Пирогова, семьи Боткиных, палатами XVII века, особняком – дворцом купца Р.Б.Шене (арх. В.Б.Фрейденберг и В.И.Чагин), классической усадьбой ревельского купца Л.Ф.Даниельсона, благотворительным городком, связанным с именем Герасима Ивановича Хлудова, богатейшего коллекционера, мецената.

Но Сыромятники – это и одна из промышленных зон Москвы, выросшая на месте старой ремесленной слободы. Процесс развития капитализма захватил Сыромятники с 60-х годов XIX века. В 1866–1867 годах здесь прошла Курская железная дорога, разделившая Сыромятническую улицу на Верхнюю и Нижнюю. Здесь появились фабрики, заводы, крупные склады. До 1917 года самыми признанными из них были: на Верхней Сыромятнической – швейная фабрика Манделя-Райца «Марс» и на Нижней Сыромятнической – чаеразвесочная фабрика Губкина-Кузнецова и арматурный завод Ф.Ф.Гакенталья.

В Сыромятниках было немало предприятий, владельцы которых происходили из семей выходцев из немецкой слободы, располагавшейся в XVII–XVIII веках неподалеку, за рекой Яузой. Арматурный завод Гакенталья, основанный в 1886 году, с 90-х годов начинает выпускать манометры, в 1918 году он был национализирован, в 1922-м получает название «Манометр». Сам Федор Гакенталь еще долго работал на собственном заводе и только в 1926 году покинул СССР. В начале Нижней Сыромятнической улицы у железнодорожного туннеля стоит старое здание, в котором находилась квартира Ф.Ф.Гакенталья. В 20-е годы «Манометр» был одним из немногих приборостроительных заводов страны, с 1927 года начинается его реконструкция, оснащение новой техникой, завершённые к 1937 году.

В 20-е годы термометры, медицинские и специальные, импортировались в СССР. В справочных изданиях тех лет указаны лишь артели, производившие лабораторное оборудование. Сведения о первом в Союзе заводе термометров появляются в справочниках 1933 и 1934 годов».

**Людмила Новичихина,
Екатерина Опритова**(пос.Стрелица Семилукского района
Воронежской области)**И.Г.Пашенко – свидетель всех событий XX века**

В 1938 году в здании церкви Покрова Пресвятой Богородицы открыли семилетнюю школу. Учителя были местные. Школа в это время насчитывала до 500 учеников. Учились в две-три смены. Сидели за партами, сделанными из икон, взятых в церкви, так как не было леса. Парты берегли. Иногда отлетит с парты краска, и на тебя смотрит какой-нибудь святой.

Где сейчас современный клуб, был храм. Недалеко, на месте магазина, был второй храм, в нем служили службы только по большим праздникам. В храме, где те-

перь клуб, была крестильня и просфорочная. С правой стороны в них вела отдельная дверь, теперь заложённая кирпичом. Где теперь сцена, был алтарь. Центральный выход не изменился. С внешней стороны храма, где алтарь – склепы. У второго храма в склепе захоронен батюшка. Местные жители раскапывали склеп – там на стульчиках стоят несколько гробов. Гроб батюшки вскрывали, но ничего не взяли – крест на батюшке простой. Все снова закрыли и закопали. У каждого гроба была табличка, вытесанная из камня. На ней Ф.И.О. и данные похороненного.

Людмила Пушкина

(г.Котлас Архангельской области)

**Мои размышления при прочтении книги
«Котлас – очерки истории»**

Власти долгое время стремились скрыть сам факт существования на Макарихе захоронений 30-х годов. С этой целью в 40–50-х годах места для могил отводились поверх предыдущих захоронений. Есть многочисленные свидетельства, что при рытье могил постоянно натывались на человеческие кости.

В одном из очерков в книге о Котласе «Михейков остров» Дина Кокорина пишет о радостном для жителей поселка Лименда событии: «От Котласа в 1965 году проложена асфальтированная дорога. И по ней непрерывным потоком движутся грузовые, легковые машины и пассажирские автобусы». А мы с негодованием думаем, что землю для строительства дамбы под эту автодорогу брали с юго-западной части кладбища Макариха. Ученики нашей школы нередко бывают на кладбище, наводят порядок на месте безымянных захоронений, у мемориальных памятников. В юго-западной части кладбища раскинулся огромный карьер, превратившийся за долгие годы в болото. Так что поток автомашин движется по костям безымянных жертв сталинских репрессий. В планах городской власти было превратить кладбище Макариха в место отдыха. В октябре 1973 года был утверждён генеральный план застройки города. Он предусматривал формирование новых микрорайонов. Общественность города была шокирована тем, что на месте кладбища Макариха планировалось создать парк культуры и отдыха. Властям показалось, что бор, в который постепенно превращалось кладбище, – подходящее для этого место. Власть совершенно не интересовало, что светлая сосна выросла над могильным холмиком.

Ирина Шитик

(г.Тулун Иркутской области)

Труд и быт советских людей в 40–50-е годы XX века

Одежду носили в основном из ситца и сатина летом, а зимой – ватные куртки, овчинные полушубки и такие же шапки.

Косметикой никогда никак не пользовались, кроме отваров из трав для ополаскивания волос. Модой Елена Дмитриевна не увлекалась. Музыка предпочитали народную, по праздникам пели частушки, играли различные наигрыши, плясовые. Свободного времени было мало, только по праздникам. Боялись больше всего только войны.

Борисова Анна Егоровна никогда не придерживалась моды. «Ягоды и овощи – вот наша косметика», – говорила она. Щеки красили свеклой, а губы ягодой. Песни слушали под гармошку, пели частушки под балалайку. Например:

*Мой миленочек уехал, / Он уехал далеко. /
У него болит сердечко, / И моему нелегко!*

Анна Егоровна всегда радовалась, когда ей шили новое платье к празднику. Обычно шили или к Пасхе, или к Троице.

В конце войны купили с рук радио, чему были очень рады. Мебель была самодельная: скамейки, табуретки, столы. Ковров не было. Библиотек не было, и в магазинах книги не продавались. Электричество в те годы было, а горячей воды не было никогда. Детям одежду перешивали из старой одежды родителей. Чулки вязали из рыболовных ниток и красили чернилами, юбки шили из мешков от муки. Зимой носила телогрейку, платок, валенки. Два раза Америка присылала гуманитарную помощь в виде поношенной одежды и обуви, которым люди были очень рады. Моды никто не придерживался, так как и не на что и негде было взять модную одежду.

Радовались найденному цветному карандашику и краске для рисования. Больше всего боялись землетрясения и войны с Японией.

«Одежда детям доставалась – обноски взрослых, сеяли лен, коноплю, собирали, несли на озеро, вымачивали, раскладывали сушить, мяли, оббивали, вычесывали и пряли пряжу, из которой вязали одежду, полотенца и даже скатерти. Люди, имевшие галоши, считались богатыми. Нам мама вязала чарки, но они быстро раскисают: весной долбишь мерзлую прошлогоднюю картошку, собираешь в мешок, из него бежит. Домой придешь – ноги распухшие, красные. Помню, на Пасху собрали картошки, обжарили на печке, поели – вот такая Пасха у нас была».

«Губы подкрашивали свеклой, волосы завивали на раскаленную спицу, одежду выбирать не приходилось, хотя однажды мама набрала две корзины черемухи, понесла в город (20 км), купила мне новое платье».

«Во время работы в колхозе надевала холщовую юбку, вязаные кофточки, кирзовые сапоги, телогрейку. В праздничные дни надевала ситцевые платья, жакетку бархатную, кожаные тапочки, зимой кожаные полуботиночки на каблучке.

Я всегда считала, что важна естественная красота. Из парфюмерии был только тройной одеколон».

«Я очень любила слушать музыку балалайки, гармошки, нравились частушки. Моя любимая песня – «Шумел камыш»».

«Было круглое настенное радио, мы называли его радиопродуктор. В основном читали Библию. Мебель была только самая необходимая: шкафы, лавки, табуретки, столы. Ковров в то время не было».

Артем Мусихин
(г. Киров)

Моя семья в истории Вятского края XX века

Когда бабушка с дедом купили в 1957 году стиральную машину, она говорила, что женщинам теперь и умирать не надо, только радоваться – машина всю тяжелую работу сделает, только отдыхай. Она первая обрадовалась, когда дед купил мотоцикл. В то время как бабушка расстраивалась из-за денег, Александра Семеновна сказала, что мужчина должен быть при технике, иначе ему будет скучно.

Александр Колган
(д.Стрельна Сухиничского района
Калужской области)

А нужно было-то всего лишь обжить родной клочок земли

После закрытия храма там открыли клуб, который все боялись посещать, но так как там показывали фильмы, любопытство пересилило страх перед богом, и люди стали ходить в кино. Во время войны в храме был размещен госпиталь. Во время многочисленных бомбардировок ни один снаряд и ни одна бомба не попали в здание, как будто его хранил сам бог.

В середине 50-х годов председатель колхоза Макеичев решил взорвать колокольню и использовать кирпич для постройки фермы. Но после взрыва не осталось ни одного целого кирпича.

Сейчас храм полностью разрушен. И внутри гуляет ветер, свидетель расцвета и упадка церкви.

Екатерина Конева
(с.Елбань Маслянинского района
Новосибирской области)

Затянувшееся затмение

Мы с женой очень друг друга полюбили, я помню, как любовно вытачивал кольца из серебряных полтинников, будто от них зависело наше с Агашей счастье.

Ольга Туровская
(г.Байкальск Иркутской области)

По ту сторону войны...

Вообще, дом этот действительно интересен – здесь находятся очень интересные вещи. Например, гордостью семьи был большой кедровый шкаф, покрытый темно-бордовой матовой краской. Ему было около двухсот лет. Вот что повествует о нем семейное предание. Раньше, задолго до всех описываемых событий, он принадлежал одному из знатных чиновников, который жил на западе России. Потом, лет через сто, его родственники, потомки, переехали в Сибирь. Они были небогаты, можно сказать, даже бедствовали, но шкаф не продавали, как бы тяжело им ни приходилось. Поколения сменяли друг друга, и волею судьбы получилось так, что один из дальних родственников этого чиновника в десятом колене, Николай (фамилию его не удалось восстановить, ее уже никто не помнит) оказался хорошим другом Семена, отца Филарета. На какое-то время Николай оставался жить у Семена, так как у него были проблемы с жильем, из всех вещей он перевез к своему другу этот шкаф, также багровый ковер, да трубку, с которой никогда не расставался. Это было все его небогатое имущество. Как-то по весне Николай уехал на Селенгу рыбачить, а через пару дней его тело нашли местные рыбаки – утонул или под лед провалился, тогда такие случаи часто бывали – сейчас уже не разобрать, да это и не важно, глав-

ное, что человека не стало. А вещи так и остались в доме у Филарета. «Этот шкаф всегда выглядел, наверное, как много лет назад: такой же резной с тремя ящичками внизу и с тремя большими наверху. Ручки на дверцах были очень красивые, изящные такие, из бронзы литые. Из всего нашего имущества мы более всего им дорожили. Отец часто рассказывал эту историю с дедом Колей. Относились к шкафу очень бережно. Агния пыль с него сметала постоянно, грязными руками старались за него не брать, чтобы не испачкать. Мы все им восхищались и не знали тогда ничего более прекраснее этого предмета». Здесь хранились самые ценные вещи семьи (документы, письма и другое). Трудно поверить, что, несмотря на чудовищные условия жизни в то время, на грубость существования, на непросвещенность и забитость, в наших людях продолжала жить любовь, тяга к прекрасному, изящному, красивому. Этот ужас, находившийся вокруг них сплошь и рядом, не добрался до их светлых душ, до их сердец – они остались чисты, они выдерживали те испытания, которые каждый день готовила им нелегкая судьба. Люди не смешали свою внутреннюю чистоту с той грязью, что была снаружи.

«Зиму пережили еле как, голод сильный был, мы очень сильно мерзли. Дома была такая же температура, как на улице. В январе ударили сильные морозы – за 300». Однажды Андрей пришел домой, увидел обмороженные ручонки и ноги Агнии и Тани. Они уже почти не чувствовали пальцев, сидя, закутавшись в драную телогрейку и старое одеяло. Андрей этого вынести не мог, он посмотрел на резной бордовый шкаф и сказал: «Тащи, топор, Боря». «Он спросил меня: «Зачем?», но потом сам понял, взял топор и ударил по красивой узорчатой дверце. Сестры закричали: «Ведь это же самое дорогое, что у нас есть. Батяка же прибьет!» Но я еще раз взглянул на их дрожащие руки и начал рубить не колеблясь». Через полчаса «семейная реликвия», точнее то, что от нее осталось, горела в печке. Но, возможно, тогда именно это тепло и спасло детей, которые плакали и рыдали, глядя на огонь в печке.

Марина Буркова

(г.Сергиев Посад Московской области)

Отцы и дети, деды и внуки – разные поколения XX века.

Облики эпохи

Важно рассмотреть в этом исследовании также моду того времени и ее основные атрибуты: без этого рассказ о поколении «семидесятников» не будет полным.

Внешний облик молодого поколения в 1970-е годы сильно отличался от «стариковского». Многим отцам и дедам были не по душе «дутые» рукава-фонарики на дочкиных платьях, непомерные клешши (как на снимке, нелепые, по их мнению, туфли с большими бантами (мечта каждой советской девушки тех лет). Вульгарными казались старшему поколению и яркий макияж (особенно старательно подчеркивали модницы глаза, рисуя «стрелки», а вот губы почти никто не красил), обувь (у мамы сохранились сабо на 12-сантиметровой подошве!), ношение девушками брюк. Таким образом, мода (как и сейчас) служила камнем преткновения для «отцов» и «детей». Родители кричали дочери: «Не пуцу в таком позорном виде!», а она тайно переодевалась или красилась в подъезде.

Глава 4.

«Нужна немедленная реальная помощь в виде небольшого куска хлеба» (Голод)

Артур Шагинян,

г.Астрахань, школа № 51, 9-й класс.

Научные руководители

О.А.Князева, И.Д.Шагинян

Наша общая беда

Моя семья очень интересна тем, что она многонациональная.

Мама – Ирма Давидовна, немка, папа – Гамлет Енокович, армянин, брат Сергей женат на азербайджанке.

Но меня всегда притягивала история немцев Поволжья.

С героями моего повествования меня связывают самые яркие чувства. Это мои прадедушка, дедушка и мама.

Три совершенно разных человека, три судьбы, но одна эпоха, одна страна.

*«Богато, весело живем
под сталинской звездой»*

Приведенные слова – строка из стихотворения поволжского немца колхозника Якова Гайля, которые он посвятил 25-летию своей республики. Увы, это оптимистическое заявление, отдавшее дань времени, оказалась весьма далеким от подлинной жизни Республики немцев Поволжья. По иронии судьбы период, когда поволжские немцы имели свою государственность, стал заключительным и наиболее драматичным в 177-летней истории их проживания на берегах великой российской реки. Депортация 1941 года положила конец существованию поволжских немцев как самобытной этнической группы.

Летом 41-го крупные неудачи на фронте, приближение германских войск к Волге, а также поступавшие в Москву сообщения об «антисоветских», «фа-

шистских» высказываниях отдельных граждан немецкой национальности АССР предрешили судьбу немцев Поволжья. Советское руководство приняло решение о ликвидации республики и переселении немцев в восточные районы страны.

Печально известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года появился задним числом и был призван придать хоть сколько-нибудь «законный» характер незаконной акции выселения целого народа. Депортация было осуществлена с 3 по 20 сентября по заранее разработанному плану.

Корни моих предков

Победоносные войны с Турцией в конце XVIII века значительно расширили территорию России на юге Украины, где население было очень малочисленным. Чтобы освоить эти земли, Екатерина II издала Манифест от 22 июля 1763 года, в котором иностранные граждане приглашались для поселения в России¹.

Что интересно, важнейшие положения этого манифеста гласили о том, что всем иностранцам дозволялось въезжать в империю и селиться где кто пожелает. Они освобождались от различных податей. Кто селился в необжитых землях, освобождался от налогов на срок до 30 лет, в других областях на срок от пяти до десяти лет и другие привилегии.

В так называемой Всемилоливейшей Привилегии Павла I от 6 сентября 1800 года менонитам определялись дополнительные права: освобождение от военной и гражданской службы на все времена, освобождение от присяги перед судом, свобода ремесла и др.² Манифест Александра I от 20 февраля 1804 года особо выделял «переселенцев», которые могли «служить образцом в крестьянском деле и в ремесле...».

Что же явилось причиной эмиграции немцев?

Прежде всего, политическое угнетение иностранными и собственными правителями; солдатчина и подати своим князьям и чужим властям (например, продажа солдат в Америку); хозяйственная нужда и другие причины.

Чем больше я изучал источников, тем сильнее мучил меня вопрос: Где же историческая родина предков-эмигрантов моей мамы?

Именно из Гессена в 1763–1767 годах шла основная волна переселения на Волгу. Из Данцига и Западной Пруссии шло переселение менонитов (1789–1804), вместе с которыми селились также католики и лютеране.

Из рассказа моего дедушки – Шрайбера Давида Давидовича, я понял, что его семья католическая, а семья моей бабушки Виктории Ивановны, – лютеранская. Прапрадедушка моего дедушки выходец из баварской Швабии.

Просмотрев и изучив семейный архив, я обнаружил, что мой прадедушка Давид 2 родился в 1895 году в селе Гуссенбахе Краснокутского кантона в АССР немцев Поволжья. Родители прадедушки Давида 2 попали в переселение в 1812 году. А уже мой дедушка – Давид 3 родился в 1930 году в селе Константиновка Краснокутского района Саратовской области. Бабушка Виктория Ивановна родилась в 1929 году – я обнаружил в семейном архиве свидетельство о рождении. Само свидетельство о рождении выполнено на немецком и русском языках, что подтверждает, что она действительно родилась в Республике немцев Поволжья.

Голодные годы, коллективизации и преследования

В 1921–1922 годах и в 1932–1933 годах впервые за всю историю среди немцев России разразился голод. В результате первой мировой войны, гражданской войны и голода число немцев сократилось с 1 621 000 (1914) до 1 238 500 (1924)³.

В период гражданской войны в нашей семье тоже сложилось не все благополучно. Дедушка Давида 1 расстрелял белый офицер за то, что он передал Красной Армии лошадь с уздечкой.

Дедушка Давид 3 рассказывал мне, что в Давида 1 стреляли пять раз, но он все вставал и шел на белого офицера, затем его разрубили шашкой на куски. Прапрабабушка собрала его останки ночью и похоронила в Гуссенбахе. К сожалению, документы, подтверждающие данный факт, не сохранились до наших дней. Все было потеряно во время депортации.

В ходе коллективизации и так называемого раскулачивания в 1929–1930 годах мужчины-колоницы в первую очередь были депортированы на Крайний Север и в Сибирь, откуда они ничего не могли сообщить о себе своим семьям.

Нашу семью раскулачивание не затронуло, вероятно, не подошли под соответствующую категорию. Дедушка Давид 2 работал директором маслосырзавода в Гуссенбахе, семья состояла из восьми человек, из них шестеро – дети. Из воспоминаний дедушки я узнал, что Давид 2 был очень честным, строгим, справедливым, жене своей говорил, что лучше умрет с голоду, но не позволит себе взять кусок сыра с завода. Но его все равно обманывала его заместитель, очень добрая женщина. Встретит Давида 3 (моего дедушку) и скажет, чтобы приходил вечером к заводу. Она похищала сыр и отдавала моему дедушке. А матери говорила, бери, а то все вымрут, как мухи. И действительно, голод никого не щадил.

По данным переписи населения 1926 года в Поволжье проживало лишь 379 630 немцев против 650 000 в 1914 году⁴.

Вторая мировая война, депортация

Страшный 1941 год перевернул всю историю, не стало Автономной республики немцев Поволжья. Началась депортация. Моему дедушке Давиду 3 в это время было одиннадцать лет.

Из Гуссенбаха, где жила семья дедушки за одни сутки депортировали все село, кроме семьи дедушки. Так как Давид 2 работал директором завода, его семью пока не трогали, просто некому было передать завод. Депортация затронула их 25 октября 1941 года.

Мой дедушка рассказывал, что, хотя ему было одиннадцать лет, он хорошо помнит, как его соседей сажали в повозки с малыми детьми и увозили на железнодорожную станцию Урбах, оттуда их увозили в неизвестность.

Но вот настал день, когда рано утром всю семью разбудил стук в дверь. Представитель властей что-то тихо произнес отцу моего дедушки и ушел. Всем было ясно – надо собираться. С пожитками в 36 кг на человека они погрузились в повозку и отправились на станцию.

Дедушка вспоминает, что когда проезжали по улицам Гуссенбаха, то все дома были пусты, скот бродил по улицам, коровы надрывались от рева, некому их было подоить, кругом пуста, ни одного человека.

По переписи 1939 года в Гуссенбахе проживало 7137 человек.

Из воспоминаний дедушки я узнал следующее. Когда его семья приехала на железнодорожную станцию Урбах, то их вместе с другими немецкими семьями разместили в вагоны для перевозки скота и в нечеловеческих условиях отправили в Сибирь.

Мужчин почему-то отделяли от семей. Но отца моего дедушки никто не трогал, проверили документы, и он остался с семьей. Дорога казалась такой длинной, страшный холод и голод мучил всех. Старики, дети и больные погибали, их даже не хоронили, выбрасывали из вагона, а в лучшем случае на каком-либо полустанке конвой проходил вдоль вагонов и выяснял, есть ли трупы, распорядился чтобы их выносили из вагонов. После такой процедуры поезд трогался, близкие не имели права хоронить своих детей, родных и близких. Поезд все дальше и дальше мчался в далекую неизвестную Сибирь.

Холод ощущался все заметнее, дети прижимались к взрослым, мама дедушки снимала с себя все теплые вещи и кутала дедушку и его брата-инвалида, но все равно было очень холодно.

Наконец настал день, когда поезд остановился на железнодорожной станции Славгород Алтайского края. Поступила команда всем выйти из вагонов. В Алтайский край было переселено немцев из Республики немцев Поволжья 91 000 человек.

Дедушка рассказал, что к каждой семье подходил представитель местных властей и выяснял, кто какую работу может выполнять. Очередь дошла и до семьи дедушки. Проверив документы, представитель указал на сани и дал какие-то распоряжения председателю колхоза с.Ново-Романовка Алтайского края отвезти к себе. От Славгорода до Ново-Романовки дорога была длинная, кругом заснеженная степь, кое-где красовались березовые околочки, но эту красоту никто не замечал, дедушка мечтал скорее добраться до места и погреться у печи.

До места добрались уже ночью, и председатель, фамилию его, к сожалению, не помнит, предложил переночевать в его землянке, а утром решить, что делать дальше. Извинился, что не сможет накормить, но горячий кипяток с корнем солодки дал.

Дедушка отметил, что такой ароматный, как тогда ему показалось, кипяток, он никогда не пил.

Рано утром отец дедушки всех разбудил, и они отправились с председателем вдоль землянок, только виднелись трубы на заснеженных крышах.

В этом спецпоселении должна была находиться семья моего дедушки.

Годы войны, Трудармия

Я хотел бы поразмышлять о человечности. Ведь в Постановлении Совета Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года было отмечено в п. 12 «О возложении на Председателя СНК КССР и секретаря ЦК КП(б) Казахстана, на председателей крайисполкомов и крайкомов ВКП(б) Красноярского и Алтайского краев <...> – организацию приема на станциях разгрузки, перевозку до места расселения и устройство переселяемых в сельских местностях и городах». Однако все были брошены на произвол судьбы. Только председатель, простой русский человек, отнесся к семье дедушки по-че-

ловчески, приютил на ночлег и дал кипяток. Но, к сожалению, как отметил дедушка, он не задержался среди переселенцев, уехал.

Вспоминаая, дедушка говорит, что они – дети, как-то сразу повзрослели. Построив землянку, все сели вокруг наспех сложенной печурки и долго-долго отогревались, все смотрели на огонь и молчали. Никто не просил кушать, все понимали, что кушать нечего.

Дедушка помнит до сих пор, как в их землянку под вечер зашла женщина, тоже переселенка, она принесла кусок черного мерзлого хлеба и угостила детей. Но он был такой твердый, что его рубили топором, поделив на каждого. Женщина поведала, что она с детьми в спецпоселении уже два месяца, в основном живут женщины и малые дети. Всех мужчин в возрасте от 15 до 60 лет и женщин, если у них не было детей до трех лет, призвали в трудармию. После она сказала маме дедушки, чтобы готовилась – ее четверых детей призовут в трудармию. Так и случилось. Братьев Ивана, Петра и сестру Ирму, старшего брата Яшу призвали, остался только дедушка и брат-инвалид. Что такое трудармия, дедушка посоветовал мне спросить у сына Петра (это брат моего дедушки, он, к сожалению, уже умер), т.е. его племянника – Петра Петровича. Я решил обязательно с ним поговорить на эту тему. Мне он доводится дядей.

И вот, что он мне рассказал:

В его семье старались не говорить о прошлом, отец его не любил вспоминать об этом. Но однажды он все-таки рассказал, что в шестнадцать лет он был призван в трудармию в Нижний Тагил, на лесоповал.

Условия, в которых он жил и работал по жестокости не уступали образу жизни в лагере. По пути на работу их сопровождал конвой.

В самом лагере царил произвол начальства. Слово «фриц» в значении «враг» или «фашист» было в обиходе не только у подчиненных, но и у начальников. В нищете, унижении, тесноте лагеря огромное число трудармейцев умирало от голода, а порой просто от отчаяния, холода и непосильной работы, особенно плохо было тем, кому было всего шестнадцать лет.

Отец Петра Петровича недолго находился в трудармии, он вернулся домой через три года. Это была счастливая случайность. А произошло следующее: работая прицепщиком вагонов с лесом, он случайно попал между вагонами, и его нога была прижата, он не смог освободить ногу, поезд тронулся, и ему оторвало пятку правой ноги. Так он попал в так называемую лагерную больницу, там абы как зашили огромную рану. Работать он уже не мог, и его вернули из трудармии домой. Но всю оставшуюся жизнь он страдал от раны, которая постоянно гноилась, не заживала, врачи ничего не могли сделать, был выход один – ампутировать ногу, но он не соглашался, и конечный результат – рак.

Первая массовая мобилизация немцев мужчин была в 1942 году, 11 января – 10 февраля.

В рабочие колонны мобилизуется 120 тыс. человек, в том числе: на лесозаготовки – 45 тыс., на строительство железных дорог – 40 тыс. Под мобилизацию попадает почти все взрослое мужское население из числа поволжских немцев.

Меня интересовала жизнь в спецпоселении, и я попросил дедушку рассказать, как же он выжил?

– Выживали как могли, – говорит дедушка. – Покидать спецпоселение было запрещено, каждый отмечался в спецкомендатуре.

Ему пришлось работать в двенадцать лет помощником кузнеца, а кузнецом, настоящим мастером, был старый немец дядя Хенрих. Дедушка ему очень бла-

годарен за то, что он обучил его даже «ювелирной» работе с железом. Он ковал букеты цветов, плел кружева, и в шестнадцать лет дедушка самостоятельно выковал кружева из железа для председательской пролетки. А отец дедушки так и не дождался какой-либо помощи от властей. Он тяжело заболел, простыл в дороге и умер 8 января 1941 года. Буквально через три дня после его смерти приехал представитель из района Знаменка и сообщил матери, что семья дедушки должна переехать в район, так как ему предлагают работу. Но к сожалению, его уже не было в живых.

Так они и остались в землянке с братом-инвалидом.

Шла война, никому они не были нужны.

Дедушка говорил, что замечал, что его мать также была не здорова, но она старалась не показывать свое недомогание детям, ночами стонала и плакала от боли. Через несколько месяцев, как призвали в трудовую армию старших детей, она слегла...

Дедушка ходил на работу, затопив утром печь, укутав мать, а также брата-инвалида, в тряпье и солому, в обед прибегал, чтобы накормить их и снова уходил.

Дядя Хенрих пожалел дедушку. Он видел, как тяжело 12-летнему мальчишке и помог дедушке через уполномоченного устроить брата-инвалида в детский дом. Дедушка этому был очень рад и просил бога, чтобы хоть этот инвалид был сыт.

Теперь они остались с больной матерью вдвоем.

Когда дедушке исполнилось 13 лет, на его долю выпало хоронить своих односельчан. Умер дядя Хенрих от голода, как и вся его семья. Дедушка работал в кузнице один.

Оперуполномоченный вменил в обязанность дедушки каждое утро перед работой делать обход села и выявлять, кто за ночь умер. Могилы копать было некому, и дедушка нашел заброшенную силосную яму и туда на санях свозил умерших, сверху закрывал ветками, не закапывал, так как не успевал – бывало, что за сутки умирало от голода около двадцати человек.

Одну очень печальную историю дедушка рассказал, и я просто не имею права об этом не сказать.

Однажды дедушка зашел в землянку при очередном обходе, где жили мать с сыном. Сына звали Федя, он был чуть моложе дедушки. Страшную картину увидел дедушка. На столе лежали куски сырого мяса – падали, скорее всего это была либо кошка, либо собака, другой живности на спецпоселении не было.

Увидев дедушку Федя бросился с рычанием на оставшийся кусок мяса, как зверь, схватил его и забился в угол возле печи. Сам он был весь опухшим. Дедушка говорил, что это от голода.

В другом углу землянки лежала Федина мама, подойдя к ней, дедушка обнаружил, что она мертва. Он выволок ее из землянки, положил на сани и повез к силосной яме. Затем вернулся за Федей, он также сидел в углу рыча, рвал зубами падаль и голодными глазами смотрел на дедушку.

Дождавшись, когда Федя успокоится и поймет, что никто не собирается отнять у него мясо, дедушка предложил ему пойти с ним.

Так в землянку дедушки вошел получеловек-полуживотное, мальчишка.

Конечно, мама дедушки не обрадовалась, но он ей объяснил, что этот мальчик будет за ней присматривать, пока он будет зарабатывать кусок хлеба и делить его будут теперь на троих.

Федя оказался хорошей «сиделкой», он ни на минуту не отходил от постели больной, и всегда был очень рад кусочку хлеба. Он добросовестно выполнял

всю работу по дому, и был хорошей «хозяйкой».

Так они пережили войну в спецпоселении.

Судьба моей мамы

После войны жизнь на спецпоселении не стала лучше: по-прежнему холод и голод, всеобщее презрение к немцам.

Когда дедушке исполнилось шестнадцать лет, мама попросила, чтобы он женился. Она посоветовала поехать в соседнее спецпоселение Либенталь, там проживала семья Кляйн, они были депортированы из Урбаха, сказав, что семья эту она хорошо знает.

Дедушка так и сделал. С разрешения оперуполномоченного он на санях поехал за невестой. Так Виктория Кляйн стала его женой, пусть не официально, но он спас и ее от голодной смерти. Оказалось, положение в ее семье было еще хуже – 13 детей. Зарегистрировали брак лишь в 1949 году, на этом настояла мама дедушки. А 9 ноября 1949 года родилась моя мама.

Мама дедушки не дождалась своей внучки и умерла 6 мая 1949 года.

Федя, после того как дедушка женился, ушел и стал жить самостоятельно, но теперь он уже помогал дедушке, работая помощником кузнеца, как когда-то начинал дедушка. В 60-х годах Федя со своей женой уехал в Германию, и там проживает до настоящего времени.

Весной 1949 года дедушка с бабушкой из пластов земли, нарезав их кирпичиками, выложили себе уже добротную землянку с одним оконцем, в которой и родилась осенью моя мама.

О том, какое детство было у моей мамы, я расскажу чуть позже.

В спецпоселении дедушка со своей семьей прожили до 1956 года. Хотя указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» был подписан 13 декабря 1955 года, объявлен он был лишь весной 1956 года. Дедушка, взяв узелок с пожитками, заколотил землянку и вместе с моей мамой, которой было семь лет, они ушли. Ушли, чтобы найти жизнь лучше, уйти от голода. Но куда бы они не приезжали, никто не хотел их принять. Они чувствовали себя настоящими изгоями.

Вот такую жизнь прожили мои дедушка и бабушка. Дорогую цену заплатили народы многих республик СССР, выселенные в эти годы, за несправедливость, произвол, беззаконие. Моя мама родилась в 1949 году. Четыре года прошло после войны, но немцам живущим в России, было очень плохо. Общее презрение, слово «немец» было бранным. То, что мне рассказала, мама меня поразило. Но все по-порядку.

Родители моей мамы не были рады рождению ребенка, и то, что она родилась очень слабой, никого не удивило. Считали так: «выживет, значит будет жить». Бабушка родила в страшных муках, никакой медицинской помощи, бабка-повитуха приняла ребенка, завернув в грубое тряпье и положила на самодельную сколоченную из досок кровать, на солому, обтянутую мешковиной.

Мама вспоминает, что детство у нее было суровое, она ни разу не слышала от своих родителей ласкового слова, ее как ребенка не целовали, не гладили по голове. Она всегда была почему-то у чужих людей.

После рождения за ней неделю ухаживала бабка-повитуха, сделала мякиш из черного хлеба и, вложив его в тряпку, засунула в рот ребенку. Вот все, что она могла сделать. При этом приговаривала: «Не жилец ты девонька, кормить тебя нечем».

Мама росла болезненным ребенком, никогда не улыбалась, а тихо так, чтобы никто ее не замечал, плакала. Даже сама бабушка рассказывала, что девочка могла сутки не давать о себе знать. Ходить долго не могла, слабые кривые ноги и большой живот не позволяли встать на ноги. За мамой ухаживала бабушкина сестра Паулина, и хотя ей было одиннадцать лет, она была хорошей няней.

Семья у Паулины была большая, много детей, голод мучил семью, и Паулина с радостью согласилась нянчить ребенка. Весной она выносила маму на солнышко, старушки ей советовали зарывать ребенка, особенно ножки, в песок, так она сможет избавиться от недуга. И действительно к двум годам мама встала на ножки, но была очень маленькой.

Бабушка рассказывала, что жили они очень плохо, кушать нечего было. Три дня мама плакала и просила «брот», т.е. хлеб.

Эпизод, который я сейчас опишу, рассказывал мне дедушка.

Чтобы как-то спасти ребенка, он решил совершить кражу. И что удивительно, колхозный амбар был полон зерна, а люди голодали.

Дедушка дождался глубокой ночи, на улице разыгрывалась метель, это было кстати, пурга заметала следы. Подошел к амбару, залез под него, он стоял высоко на тумбах из кирпича, просверлил маленькую дырочку в полу, подставил мешочек и набрал немного зерна, аккуратно заткнув дырочку пробкой. Бабушка сварила кашу из зерна и накормила маму. С этого дня семья дедушки не испытывала голода, всегда было немного зерна. Но так долго это не могло продолжаться. Дедушка говорил бабушке, что надо продержаться только до весны, а там легче будет. Это был 1952 год. Но однажды дедушку застала соседка на месте преступления, как раз в то время, когда он вылезал из-под амбара. С этого времени она требовала с ней делиться, чтобы накормить своих троих детей, шантажировала его. Дедушка говорил, что он эту женщину вспоминает, как страшный сон. У дедушки не было другого выхода: делился и с ней, но она, глупая женщина, поделилась с другой женщиной и по селу пошли слухи, что у Шрайберов есть зерно. Закончилось все тем, что приехал оперуполномоченный с обыском. Бабушка успела мешочек с оставшимся зерном сунуть маме за пазуху и подняла ее на крышу землянки, приказав лечь за трубой и не подниматься до тех пор, пока не уйдут люди.

Мама говорит, что тоже помнит этот эпизод, она была страшно напугана, лежала за трубой и боялась шелохнуться.

Обыск закончился, люди ушли, не найдя ни одного зернышка, но с этого времени дедушка уже не делился с женщиной, которая его предала.

Чтобы выжить, дедушка придумал следующее: весной в землянке, в сенях, он выложил из пласта земли двойную стену, внизу оставил отверстие, закрывал ее кирпичиком, вырезанным из пласта земли. Зимой он дважды ходил к амбару, но брал уже не маленький мешочек на 1 кг, а целый мешок. Придя домой, с крыши засыпал мешок зерна в эту двойную стену и через день бабушка всю долгую сибирскую зиму варила кашу. Так они выжили.

Когда в 1956 году объявили о снятии ограничения, дедушка с семьей уехал, сам не зная куда. Поскитавшись, дедушка в 1957 году завербовался на целину. Стало немного легче жить, дедушка работал кузнецом, жили среди молодежи разных национальностей. Плохо было только со знанием русского языка.

Русский язык мама не знала вообще, поэтому в школу ее не взяли, а предложили бабушке сначала научить маму русскому языку, а потом приводить ребенка в школу.

Осенью маму снова привели в школу, но к этому времени она уже могла общаться на русском языке. Но школа для мамы была не в радость, ее обижали как дети, так и учителя. Дети вешали ей на спину записки с надписями «фашистка», а учительница издевалась над ее произношением или ошибками в диктанте. Однажды произошло событие, надолго заставившее маму замолчать, замкнуться в себе.

Это произошло после объявления оценок за контрольную работу.

Мама рассказывала, как долго ее унижала учительница за полученную двойку, говорила, обращаясь к детям: «Смотрите, дети, что может эта фашистка, она ведь ни на что не способна, из-за таких, как она, погибли наши отцы, братья и сыновья».

На перемене учительница лишила мою маму горячего чая с картофельным пирожком, которые давали детям во время большой перемены. Чай был в алюминиевой кружке, он был очень горячим, сладким. Мама говорила, что это была самая вкусная еда на всем свете.

Я могу себе представить эту картину, все дразнят ее, а мама от обиды глотает слезы.

Затем мама после долгой паузы вспоминает, что когда учительница вышла из класса, то русский мальчик, который сидел с мамой за одной партой, вместе с мамой залез под парту и поделился пирожком и чаем. Один раз откусывала мама от пирожка, другой – он, и старался так, чтобы маме досталось больше.

Мама никогда не забудет этот эпизод, она будет помнить его до конца своей жизни. Она благодарна этому мальчику за то, что он оказался единственным человеком среди всего класса, который пожалел ее.

Наверное, можно понять и учеников, и учительницу. Время было такое, у всех в душе еще кровоточила рана от прошедшей страшной войны. Погибли родные, люди ожесточались, но все же я думаю, что на российских немцев нельзя было так ополчаться, они так же страдали, как и все люди в России. Я думаю, что мама простила эту учительницу, ведь она потеряла мужа и единственного сына на войне.

Конечно, немцев не любили, и они в свою очередь старались не афишировать, что они немцы. Мама рассказывала, что она старалась даже не говорить на немецком языке и в подтверждение к сказанному она прочитала мне стихотворение Эрны Гуммель. Маме оно очень нравится.

Родной язык

Из-за тебя потерян дом родной.

Из-за тебя унижена судьбой...

Он был всегда, твой ласковый мотив,

в моей душе на струнах грусти жив.

Из-за тебя смеялись надо мной,

из-за тебя бывала я немой...

Но если выбивалась я из сил,

ты был со мной, и ты меня хранил.

Из-за тебя трудяги шли в рабы,

могилы рылись, грудились гробы,

но ты был мой, и ты был мной любим,

как очага родного сладкий дым.

Когда же трижды прокляли тебя,
я шла с тобой, твои слова любя.
Когда друзья мою забыли дверь,
ты был моей отрадой, уж поверь!
Я виновата стала без вины,
но ты входил в мои больные сны,
и я всегда впадала в нервный плач,
когда твои слова кромсал палач.
Ты говорил: «Давай-ка без обид!
Все правда высветит и победит.
Кто был ко мне порой несправедлив,
разучит мой доверчивый мотив».

Я верила тебе, язык родной,
и снова обретая свой покой,
я из тебя пила, и твой поток
опять мне сердце оживить помог.
Ведь если выбивалась я из сил,
ты был со мной, и ты меня хранил,
а что из-за тебя теряла вдруг,
в общении с тобой найду, мой друг!

Перевод Роберта Вебера

Не легкая выпала судьба на долю моей мамы, но она шла к своей цели, не останавливаясь на полпути. Я горжусь своей мамой. Она закончила Горьковское педагогическое училище, затем Академию МВД СССР. Прослужила двадцать лет и ушла в отставку в звании подполковника милиции. Имеет награды, является «Отличником милиции». В настоящее время преподает в Астраханском филиале Саратовской государственной академии права, имеет ученое звание – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Всего она достигла сама, честным трудом и твердым железным характером. Пусть ей намекали о «пятой графе», но она всегда умела доказать, что она прежде всего Человек!

В 1994 году мои дедушка, бабушка и мама были реабилитированы и признаны пострадавшими от политических репрессий. Но имущество не вернули, мама делала запрос в Саратов в Информационный центр УВД Саратовской области. Но ответ был, что сведениями об имуществе, оставленном при выселении, не располагают.

В СССР проблема высылки и репрессий против российских немцев замалчивалась. Об этом не писали в газетах, не говорили в выступлениях и радиопередачах. Немецкая автономия так и не была восстановлена.

Может быть поэтому многие сегодня желают выехать в Германию.

Политическая нестабильность и ужесточающийся национальный эгоизм вызывают дополнительные опасения за будущее. Боюсь, что немцев скоро совсем не будет в России как нации.

Из работ финалистов конкурса

**Екатерина Рощина,
Евгений Черников**
(г.Пугачев Саратовской области)

«Собирая... доброе основание для будущего...»

Людмила Ильинична Шихунова в своих воспоминаниях о матери, Екатерине Владимировне Шихуновой, пишет: «Мама как младший лекарский помощник по демобилизации с 10.10.21 года пошла на работу в детский дом Красный герой, который находился в Средне-Никольском монастыре. Мама рассказывала, что детей в детский дом везли на салазках, телегах. Некоторые дети умирали, не доезжая до детского дома. Продукты питания для детей присылало благотворительное американское общество – АРА. Они привозили рис, сахар, какао. Сначала дети бросались на эту еду и, если не доследят за детьми, то некоторые погибали от переедания. Но русские дети не были приучены к сладкой рисовой каше и какао. Ребята постарше нашли выход: они относили свою сладкую кашу в обмен на соленую капусту, огурцы, помидоры монашкам, которые в самые трудные месяцы их подкармливали. Монахини в неурожайный год вырастили капусту, огурцы, помидоры, собрали урожай проса, обеспечив монастырь хлебом насущным. Не только сами кормились, ухаживая за старыми и нетрудоспособными монахинями, но и подкармливали сирот. С окрестных деревень они подбирали, приводили к себе в монастырь беспризорных».

Филипп Абрютин (г.Москва)

С «Зингером» по жизни, или Воспоминания о былом

«Хотя я говорю о наших всяких пионерских делах, учебе и школе и тому подобном, но нужно сказать, что в это время был настоящий голод. У нас в семье особенно страдал папа, так как он почти не ел – старался для нас оставить те крохи еды, что были в нашем доме. В свободное от работы время он почти все время лежал – до того был слабый, в это время он был опухший от голода.

Да и все остальные люди тоже голодали и даже умирали. Тогда часто так бывало: люди смотрят, что из соседского дома давно хозяева не выходят, и понимают, что соседи умерли...

Бывало, что по улице везут возок, а в возке сразу 2-3 умерших станичника. Отвезут их на кладбище и сразу в одной яме прикопают. Несколько раз видела, как люди умирали прямо на улице. Помню, на остановке стоял человек и вдруг – раз и упал. К нему подошли, а он уже мертвый.

Станица тогда как бы замерла в страшном сне. Людей стало мало. Да и те, что остались, бродили с трудом. Дворы и палисадники позарастали высоченными бурьянами, ставни оконные хлопали на ветру.

Мы спасались «подножным» кормом. В плавнях мы собирали лесной орех, с не-

го снимали корочку и ели. Еще мололи просо и кукурузу прямо с кочанами, получалась такая мука, и мы ее ели или делали «плячки». Правда, от этого животы сильно болели. Потом пришла весна... И стало легче: весенняя зелень спасла, но особенно стало хорошо, когда созрели сады.

Те люди, у которых было зерно, старались спрятать его, чтобы пережить это время. Специальные отряды ходили по дворам и выявляли такие потайные склады. У них были специальные железные щупы, они протыкали ими землю и стога сена. А если находили, то выкапывали спрятанное зерно и увозили».

Алексей Епифанов

(г.Пугачев Саратовской области)

Голод 1921 года в Пугачевском уезде

В дореволюционное время наш край считался житницей не только Самарской губернии, но и всероссийской. Купцы Мальцевы, Аржановы, Шихобаловы вывозили миллионы пудов отборного зерна (в основном – твердой пшеницы) на всероссийский рынок.

В годы Гражданской войны, естественно, посевы зерновых резко сократились. Если посевные площади 1918 года взять за 100 %, то в последующие годы кривая их падения будет такова: 1919 год – 73 %, 1920 г – 56 % и 1921 – 38 %. На территории уезда, где голод станет особенно сильным, долгое время велись боевые действия, и крестьянские хозяйства пришли в упадок. Из-за этого во многих местах уезда пропали целые рабочие сезоны. На селе не хватало рабочих рук, так как значительная часть крестьян была призвана как в Красную, так и в белую армии. Но самый значительный урон крестьянскому хозяйству нанесла система продовольственной разверстки.

Александра Степановна Щebetова (1911 года рождения, с.Успенка) рассказала мне о голоде 1921 года: «С весны мы питались травой, кореньями. Мама посылала, а я ходила по оврагам собирала мослы. Жерновами их мололи. С этой муки делали лепешки. Собирали, съели все. К осени целые семьи в Успенке вымирали. Голодные дети, опухшие, раздетые, разутые бродили по селу. Осенью кормиться стало нечем...» В записях студентки о своей прабабушке Ксении Васильевны Лукиной я нашел строки о голоде 1921 года: «Когда у прабабушки в 1921 году было двое детей, начался голод: “Детей заставили отдать в приют, а сама я с сестрой и племянником уехала за Волгу, где собирала милостыню. А муж со свекром не поехали: “Останемся умирать здесь”. И умерли от голода в Новичках (Успенке). В 1923 году вернулась домой, но было уже поздно. Детей вывезли в Белоруссию. Я искала, но не нашла”».

Больше всех страдали дети. «Из с.Пестравки (Пугачевского уезда) телеграфируют, что «дети мрут с каждым днем; трупы подбираются на улицах». Из Новосергиевки сообщали, что «есть случаи умышленного замораживания детей на полях и дорогах».

«Пугачевский уезд в данное время переживает смертельную агонию, пораженный страшным бедствием – голодом. На почве голода развиваются эпидемии, уносящие тысячи человеческих жизней (суточная смертность достигает 15–20 человек). Все средства, даже самого голодного существования исчерпаны. Суррогатное питание подошло к концу, так как снег закрыл землю и собирание их невозможно. Скот почти весь уничтожен и хозяйство крестьянина приходит в упадок.

Докладывая вышеизложенное, Укомпомголод обращается с ходатайством о возбуждении перед Центром срочного ходатайства губернских властей о немед-

ленно скорой и неотложной помощи гибнущему уезду. Просит не ограничиваться только одними уведомлениями, что там-то и там-то переадресовано столько то вагонов, или там-то и там-то назначено и отправлено столько-то вагонов. Нужно, чтобы такие переадресовки достигали цели и отправления действительно делались. Нужна немедленная реальная помощь в виде небольшого куска хлеба.

Нравственное воздействие на население путем разъяснения безнравственности и опасности для общегития трупо- и людоедства. Надлежит путем обсуждения вопроса на общих собраниях, митингах, публичных судах и т.д. добиться отрицательного отношения к ним широких масс»¹.

Я боялся посылать эти материалы. Их невозможно читать.

Но машина, именуемая советской системой, не заплакала, не содрогнулась, повторила, организовала голод 1933-го года. В книге «Здесь наши корни» А.П.Куртасова², журналиста р.п.Духовницкое, недавно умершего, прямо говорится об организаторах голода 1933 года: «В селах Духовницкого района ходили упорные слухи, что конфискованное зерно отбирают, чтобы вывезти за границу. Именно тогда появились в народе такие вот невеселые частушки и поговорки: «Рожь, пшеницу отправим за границу, а цыганку-лебеду – крестьянам на еду»; «Дранку, барду, кукурузу – Советскому Союзу, а рожь и пшеницу отправим за границу». Бесчеловечные хлебозаготовки и наступивший вследствие их голод многие крестьяне связывали (...причина не тотальная коллективизация, а результат принудительных хлебозаготовок в 1932–1933 годах ...это мое мнение о нашем регионе...) с именем Сталина и Калинина. В одной из частушек, за пение которой грозила тюрьма, были такие вот слова:

*Когда Ленин был жив,
Нас кормили.
Когда Сталин заступил,
Нас голодом морили!*

«Нужно пойти навстречу и государству, государство берет на свое обеспечение еще несколько тысяч голодных с Поволжья, но государство не может непрерывно заниматься только одной благотворительностью. Дайте же государству свои силы, лучшие из которых, быть может, погибают сейчас, сжатые голодом и не находя выхода. ВЫХОД ЕСТЬ. Воспользуйтесь призывом добровольцев и пошлите на Командные курсы желающих и достойных этого, тем самым облегчите Вы свое положение, облегчите революционным, достойным Вас путем».

Советская власть нашла оригинальный способ помощи голодающим: и армию в количественном отношении укрепит, и пополнит ее ряды вечно благодарными советской власти, спасенными от голода добровольцами.

Екатерина Сергиенко

(с.Новая Сыда Краснотуранского района Красноярского края)

В далекой сибирской глубинке

(Мои земляки-краснотуранцы в годы Великой Отечественной войны)

Постоянное недоедание, а то и голод присутствовали среди населения. Чтобы хоть как-то поддержать слабеющих на глазах ребятшек, в школах стали организовыв-

вать горячие завтраки. В апреле 1943 года начали сбор семян. В школах вскапывали лопатами пришкольные огороды.

В Краснотуранской средней школе посеяли десять соток свеклы, моркови, 2000 корней капусты, гряды лука, чеснока. Огород получился площадью в гектар.

Кроме этого огорода и картофельного поля – 2 га рыжика, 3 га проса, 1,5 га гречихи, сахарной свеклы.

Учителя и ученики сами заготавливали дрова.

Чтобы спасти ребятишек от голода и смерти, приходилось на некоторое время отдавать их в детские дома. Особенно много было детей немецких, из семей, высланных с Волги, чьи родители находились в трудармии. Обустраивали дома по принципу «с миру по нитке». По дворам собирали, отдавали, кто что мог. Организован был детдом в Кортуже. Кровати – обшивка с церкви. Матрацы – набитые соломой мешки. Чашки – обрезанные консервные банки. Скучное питание.

Ксения Любимова (г.Пермь)

История спецпереселенцев в Ныробском районе

Среди спецпереселенцев начался страшный голод, цинга. Ели все, что попадалось более-менее съедобного: похлебки из листьев, крапиву, писаны, грибы, ягоды, ботву картофеля и свеклы. Спецпереселенцы гибли не только от голода, но и от холода: климат резко сменился, и организм часто не выдерживал этого. Дети были свидетелями смерти своих родителей, сестер и братьев, родители – смерти детей. Что может быть страшней этого?!

«...Утром мать стала будить семилетнего брата, он спал на по-лати. А он мертвый. Никогда не забуду, как умер 10-летний брат Анатолий. Я носил его на руках, мы все ждали маму. Поглядывали в окно: когда она придет, принесет еду. Толя все просил: “Миша, дай хлеба...” Так и умер у меня на руках. Только струйка слюны вытекла изо рта...»

Ольга Туровская
(г.Байкальск Иркутской области)

По ту сторону войны...

А в это время Агня, пока братья работали, старалась держать хозяйство. «Она была очень терпеливой, никогда не жаловалась, в мать пошла. Бывало, придешь с работы уставший уже, сил нет, она тебя ждет, на стол накрывает наш бедный ужин. Мы как-то сильно не разговаривали в то время, если только по работе, по делам. Но я ее любил – добрая она была – эта худющая девчонка с блестящими голодными глазами. Ходить вот только ей совсем не в чем было – последние ломотья братьям да Таньке отдавала. Тогда взял я украдкой с работы мешок с-под пшеницы, приволок ей, гляжу – на следующий день смастерила себе не то платье, не то кофточку. Радостная была, все мне спасибо говорила. Жалко мне всех их было, сил нету». Агня даже развела небольшой огородик в две грядки, где посадила немного моркови и помидор – у детей был, как они считали, однажды «цар-

ский ужин» – к середине лета здесь выросли пять больших спелых помидоров. Эти пять помидоров они запомнили навсегда – тогда было праздником, если у семьи был свой скот, пусть даже маленькая корова, лучшим подарком на праздник могла стать буханка хлеба или кулек муки, пара картошек – как же все-таки далеки реалии того времени от наших представлений, как мы далеки от понимания, переживания тех проблем и нужд, которые приходилось испытывать тогда, и как плохо, что зачастую это становится причиной непонимания между поколениями сегодня.

Наталья Белоусова
(г.Барабинск Новосибирской области)

Сибирью связанные судьбы... Спецпереселенцы-калмыки на территории барабинского района Новосибирской области

«У нас в деревне (Квашине) был калмык, которого мы звали Сережа. Они страшно голодали, поэтому он ходил по помойкам и собирал то, что вываливали на них деревенские хозяйки. Весной, когда потеплело и на улице появились куры, он стал ловить их с помощью самодельной удочки. Наденет на сделанный из проволоки крючок приманку и, дождавшись, пока курица проглотит ее, хватает, прячет добычу под шубу и бежит, чтобы не поймали...». Конечно, это страшный голод толкал людей на воровство. Не нужно обвинять моих земляков в жестокости и бесчувственности. Сибирские крестьяне в военные годы тоже очень голодали. Большая часть квашнинских семей ели хлеб, в котором было больше лебеды, чем зерна. Документы тех лет рассказывают: «В Северном, Убинском районах имели единичные случаи употребления трупов павших животных семьями колхозников, совершенно не имеющих хлеба...»

Из воспоминаний Дружининой Александры Григорьевны: «...Мы жили в деревне Басово, когда привезли калмыков. Они очень сильно голодали. Однажды к нам в дом вошел вы-сокий, крепкий калмык. Мать сказала: “Проходи”, но он остановился у порога, хотел что-то сказать, зашатался и упал. От голода. Я была небольшая, помню не очень хорошо, но моя ма-ма говорила, что они от голода падали, как мухи».

Глава 5.

«Мы счастье родине куем...» (Фасад империи)

Антон Касанов,

г.Киров, Вятская гуманитарная
гимназия, 9-й класс.

Научный руководитель Г.А.Кропанева

Человек в футболе

(Вятка, 50–60-е годы)

Футбол пришел к нам на рубеже XIX – XX веков и в Советской России стал массовым видом спорта. Эта игра, как и массовый вид искусства (кино), массовая форма выражения своих чувств к власти (демонстрация) – стала символом времени. Спорт был всегда в поле государственной политики.

*Эй, вратарь, готовься к бою,
Часовым ты поставлен у ворот,
Ты представь, что за тобою
Полоса пограничная идет, –*

пела вся страна песню из любимого довоенного фильма «Вратарь».

Именно футбол в противовес элитным видам спорта по определению должен был стать в СССР любимцем:

1. Коллективная игра (11 человек против 11);
2. Зрелищная и однозначная – мяч в воротах противника;
3. Сочетание любительства (дворовый, клубный, школьный футбол) и завуалированного профессионализма (на уровне области, республики, Союза) давала возможность питать профессионалов за счет любителей.

Лидеры советского государства всячески поощряли развитие футбола. Любимой командой Берии было «Динамо», сын И. Сталина Василий был патроном одной из футбольных команд.

Послевоенный футбольный подъем в изможденной, разоренной стране должен был стать свидетельством подъема самосознания народа-победителя. Приглашение в 1945 году советских футболистов английскими футбольными клубами для дружеских встреч – признание англичанами вклада советского народа в общую победу. Здесь произошла встреча английского футбола с советским. Победа наших футболистов над шотландским клубом была расценена как государственная победа. Сильная страна – сильный футбол. Государству принадлежали победы, поражения – футболистам и тренерам. Когда в 1948 году сборная команда СССР в финале проиграла Югославии, Сталин приказал расформировать команду и разжаловать футболистов. Спортсмены даже такого уровня были маленькими винтиками государственной машины.

Футбол как часть истории и культуры советского человека 50–60-х годов – предмет этого исследования. А «человек в футболе»: игрок, тренер, судья, болельщик, журналист – объект нашего исследования¹.

50–60-е годы были прорывом во многих сферах жизни страны: оттепель в кино, живописи, литературе, в моде и, наконец, в футболе. Это время дало Ю. Гагарина, В. Высоцкого и... Э. Стрельцова. Это время было пиком славы и вятского футбола – команды «Динамо», романтического футбола дорыночной России.

Футболист

Киров – северный город, поэтому зимние виды спорта: коньки, лыжи – были очень популярны. Но увлечение футболом было самым массовым.

Массовый спорт спасал от многих бед: беспризорности и безотцовщины, недостатка образования и общения. Это был способ молодежи выжить и самоутвердиться.

Известный футболист А. Ткаченко в статье «Футбол как феномен искусства» писал: «Раньше только футбол мог дать мальчишке из “низов” возможность выйти в люди, удовлетворив свой мужской комплекс – стать знаменитым, богатым, ездить по всем городам, иметь успех у красивых женщин»².

Играть начинали с малолетства во дворах, на пустырях, площадках. Из воспоминаний С. А. Касанова (врач-стоматолог).

«Жили мы тогда в центре города. Деревянный дом, коммунальные квартиры, где проживали в основном семьи с детьми, но, как правило, без мужчин. В футбол играли во дворе, подражая кумирам своих любимых команд. В доме к нашим увлечениям футболом все относилось с пониманием: парни растут без отцов, надо же им становиться мужчинами. Я помню, что у нас не было настоящего мяча, наши мамы шили нам первые мячи из тряпок. Как ни странно, к игре привлекались и девочки»³.

Обращение к спорту у послевоенных мальчиков напоминало юношескую романтическую влюбленность. Это и первые проявления мужественности, и первые победы, и первые признания болельщиков на уровне двора, района, города.

Наиболее ярко судьба «человека в футболе» просматривается в воспоминаниях известного кировского футболиста, бывшего полузащитника команды «Динамо», Виктора Ивановича Кузьмина, 1933 года рождения.

«Начал играть в дворовой команде, участвовал в турнирах дворов. Меня заметил детский тренер Василий Петрович Иванов и пригласил выступать за детскую футбольную школу, потом я ушел в только что организованную динамовскую ДЮСШ. Хотел добиться успехов, развиваться физически и технически»⁴.

В стране началось целое течение детского спорта, появлялись спортивные школы, секции во многих клубах и спортивных обществах («Труд», «Динамо», «Машиностроитель»). Чувствовалась государственная поддержка спорта. Сюда приходили подростки, «дети войны», недокормленные, плохо одетые; многие потеряли отцов, матери выбивались из сил, чтобы поставить на ноги своих детей. Спорт стал своеобразной «отдушиной», возможностью выйти в люди.

С шестнадцати лет В. И. Кузьмин ушел в заводскую команду Машстройзавода им. 1 Мая. Здесь он играл, тренировался, хотя числился на рабочей должности – рентгенолога. Рассматривая его трудовую книжку, мы пришли к выводу, что начальник отдела кадров ошибся – должность называлась рентгенописист, так как в обязанности входило просматривать качество сварных швов. Но эту работу Виктор Иванович не выполнял – его задача была играть в футбол за заводскую команду.

Дальнейшая судьба В. И. Кузьмина связана с кировской командой «Динамо», куда он перешел в 1958 году. Это была самая знаменитая команда области. Тренировал команду Александр Евгеньевич Келлер – немец по происхождению. Во время войны его и других немцев сослали из Сталинграда, где он раньше работал, отправили в поселок Лесное Кайского района Кировской области. Позднее Келлера перевели в Киров, где он стал тренером команды «Динамо».

По воспоминаниям В. И. Кузьмина, команда формировалась так: основную часть составляли местные игроки, воспитанники динамовской школы, а также отобранные тренерами-«селекционерами» перспективные игроки из других команд г. Кирова и области.

В 50-е годы это были В. Ершов, Н. Яковлев, Е. Назаров, В. Шулятьев, В. Свиноц, Ю. Вшивцев и другие. Их имена были «на слуху» у всех любителей футбола.

Значительную часть команды составляли «варяги», игроки московского «Динамо», которых присылали для «укрепления команды». Это были или дублеры, или «старички», которые приезжали «доигрывать» в г. Киров.

Так в провинциальной команде появились москвичи: Л. Прибыловский, В. Перетурин, С. Лисицкий, В. Богачев, И. Родионов и другие.

Считалось, что в СССР не было профессионального спорта. Но на самом деле это не соответствовало действительности. Для футболистов «Динамо» игра была занятием, которым они зарабатывали на жизнь. Они имели трудовые книжки, в которых было записано: «токарь, плотник, слесарь или как у В. И. Кузьмина – контролер-рентгенолог». Чаще всего писали «инструктор физкультуры».

В действительности они эту работу не выполняли. «Варягов» оформляли на более высокооплачиваемые должности. Разница в зарплатах местных и приезжих игроков была значительной. Если кумир болельщиков кировчанин В. Ершов получал 850 рублей, числился оперуполномоченным, то москвичи имели до 1200 рублей.

Деньги получали что называется по «месту прописки», т. е. на заводах, в учреждениях. Народ относился к этому по-разному, ведь труд на заводах был тяжелым: большое физическое напряжение, шум, грязь в цехах – и грошовые заработки. Часто их называли «подснежниками», иногда зло подшучивали («у

матери было три сына: два умных, один – футболист»). В газете «Вятский край» даже была заметка «Слесарь гоняет мяч».

Трудно сказать, что чувствовал игрок, когда стоял вместе с «работягами» у окошечка кассы. Он-то знал, что зарабатывает свои деньги ценой большого физического и психического перенапряжения.

И все же по тем временам материальное положение футболистов было значительно лучше, чем у большинства горожан.

«Денег хватало на все, после удачных игр давали хорошие премиальные. Почти круглогодично было общественное питание. Весной на 1,5 месяца уезжали на сборы в Сочи, Геленджик, Анапу, Кисловодск, Евпаторию. Условия отдыха были отличные, но все эти блага нужно было обрабатывать.

Дисциплина была строгая, не выполняешь установку тренера, не надо – сиди на скамейке – денег не получишь. Сейчас игроки современных команд позволяют себе кричать друг на друга, махая руками, а тогда попробуй махни – уберут из команды. Спиртным не увлекались, тренер всегда говорил «Отыграетесь – так выпьете»⁵.

По словам В.И.Кузьмина, в команде, как и в любой организации того времени, была комсомольская организация, проводились собрания и политинформации «о текущем моменте», заставляли брать соцобязательства, как в любом трудовом коллективе.

Футболисты находились под наблюдением врачей. Регулярно проходили медосмотры. Был свой футбольный врач – специалист, который ездил с командой на все игры. Если получали серьезную травму, уезжали на лечение в Москву за счет спортивного общества. Кировский диспансер был оснащен плохо.

Местное спортивное начальство «выколачивало» для наиболее успешных игроков квартиры и машины. К сожалению, большая часть этих благ доставалась пригласенным игрокам (из интервью с В.И.Кузьминым).

Экипировка футболистов, учитывая чрезвычайно низкий уровень жизни населения в то время, была неплохой. Хотя ничего заграничного они в то время не имели, но мячи, бутсы, гетры, костюмы, футболки, щитки разной конструкции были хорошего качества, так как Центральный Совет «Динамо» имел свои фабрики по выпуску спортивного снаряжения. Многие спортсмены из других обществ мечтали приобрести что-нибудь «динамовское», но сделать это можно было только по блату.

А вот условия для тренировок и игр были тяжелыми. Хотя в 50-е годы стадион капитально ремонтировался, была сделана дренажная система, но она работала плохо, и у ворот постоянно скапливалась вода – мяч летел непредсказуемо. Деревянные трибуны быстро гнивали, раздевалки, судейские комнаты были плохо благоустроены.

В ходе исследования мы узнали, что стадион «Динамо» был построен на месте кладбища, где были похоронены красноармейцы, погибшие в Гражданскую войну. Памятник перенесли через дорогу, а захоронения засыпали толстым слоем земли.

Пик славы кировской команды «Динамо» приходится на конец 50-х – начало 60-х годов, когда тренером был А.Келлер. Они сумели пробиться в класс «Б» и выиграть Спартакиаду народов РСФСР 1959 года. В краеведческом отделе Областной научной библиотеки имени Герцена мы нашли много публикаций об играх команды, в том числе финальной встрече Спартакиады. Она проходила в городе Ленинграде. Кировская команда играла с командой Калининской области. Вот

отрывок из статьи «Блестящий финиш» («Ленинградская правда» июль 1959 года). «Кировчане провели этот ответственный матч дружно и напористо. Особенно следует отметить замечательную игру вратаря Сорокина. Не раз он спасал свою команду от казало бы неминуемого гола. Он по праву был лучшим в этой встрече. Недаром после матча зрители на руках унесли Сорокина с поля».

И еще: «Во время матча большая группа фотокорреспондентов собралась у ворот кировчан, тогда как у ворот калининцев их вовсе не было. Они почему-то подумали, что голы будут забиваться в ворота кировчан. К концу матча многие из них сожалели, что выбрали не то место»⁶. (Конечно, у них были основания так думать, ведь Калинин ближе к Москве, там было гораздо больше возможностей для развития спорта вообще и футбола в частности). Кировчане выиграли со счетом 4:1, получили приз Российского совета Союза спортивных обществ и организаций. Игроки были награждены кубками, ценными подарками и дипломами. Часть игроков получила звание мастеров спорта СССР.

Еще в течение нескольких лет команда показывала отличные результаты, успешно играла с такими известными командами, как «Кайрат» (Алма-Ата), «Пахтакор» (Ташкент), «Арагат» (Ереван). Но с уходом тренера А.А.Келлера началась смена тренеров и игроков, сильнейшая в России команда кировского «Динамо» дала трещину.

Судьба игроков команды складывалась после окончания спортивной карьеры по-разному. Некоторые, как В.И.Кузьмин, стали тренерами, судьями, инспекторами. Большинство игроков того времени закончили педагогические вузы и стали учителями физкультуры. Другие пошли в спортивную журналистику, например, В.Перетурин стал известным спортивным комментатором и журналистом на центральном телевидении.

Часть вернулась к своей основной профессии. Но, к сожалению, многие рано ушли из жизни. Не могли адаптироваться к новым условиям. Не имея профессии, они должны были начинать все с нуля. А ведь это были люди, которые познали успех и славу. Многие потеряли здоровье, ведь, как известно, «физкультура оздоравливает, а спорт губит здоровье». Бывшие спортсмены, у которых мы брали интервью, с болью говорили о том, что они все отдали футболу, но не чувствуют внимания и заботы о ветеранах.

Жена футболиста

Из интервью с Г.Н.Кузьминой: «В 50-е годы я закончила Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта и была направлена на работу в город Котлас. Во время отпуска ездила в ведомственный дом отдыха «Зеленый город» под городом Горький. Там проходили сборы заводских команд. Футболисты тренировались и отдыхали. На танцах я и познакомилась с моим будущим мужем. Он играл в футбольной команде Машстройзавода имени 1 мая г.Кирова (завод производил подъемные краны и тяжелую военную технику). В доме отдыха футболисты пользовались большим успехом: стройные, подтянутые, с хорошей осанкой, в спортивной форме – они выгодно отличались от других отдыхающих мужчин. Надо прямо сказать – футболисты тогда были завидными женихами.

Во время отдыха мы ходили в кино, на танцы, смотрели, как ребята тренируются. Ни о каких интимных отношениях при таком поверхностном знакомстве не могло быть и речи.

Поженились мы с Виктором уже гораздо позднее, примерно через год нашей дружбы. Так я оказалась в Кирове. Жили в семье мужа в коммунальной квартире, удобств никаких»⁷.

По мнению Г.Н.Кузьминой, профессия футболиста – сборы, игры, отъезды, мужские компании, постоянные стрессы – не способствуют стабильной семейной жизни.

«Быть женой футболиста, может быть, и престижно, но совсем не просто. С марта до мая – на сборах, затем постоянные отъезды на игры. С хозяйством и детьми приходилось справляться одной. Тем более в прежние годы никто из нас даже не помышлял бросать работу, даже когда были грудные дети (ведь на декрет давали 1 месяц).

В то же время можно сказать, что материальное положение семей футболистов было несколько лучше, чем у других. Я не помню, сколько получал Виктор, моя зарплата была всего 75 рублей. Но деньги в семье были: у сотрудников, с которыми я работала, не было в то время ни холодильников, ни телевизоров, а у нас были холодильник «Саратов» и телевизор «КВН». Кроме того, деньги экономились за счет бесплатного питания Виктора на сборах и талонов, которые давали для питания спортсменов в кафе «Спорт». Кормили отменно. Иногда ходили в кафе всей семьей. Можно было талоны «отоварить»: взять шоколадом, сгущенкой или другими продуктами. При общей бедности народа – это было уже кое-что.

Кроме того, со сборов Виктор часто привозил вещи: кофточки, туфли, детскую одежду – ведь в Кирове этого было не достать.

Через обком партии нам дали сначала однокомнатную, потом двухкомнатную полногабаритную квартиру. (А ведь многие жили в коммунарках или бараках.) Абсолютное большинство жен ходило на футбольные матчи, в игре разбирались, болели за своих мужей и свою команду. На стадион проходили без билетов, сидели на лучших местах. Болельщики обращали на нас большое внимание, слышался шепот: «Эта, эта – жена Кузьмина. Или Ершова». Почет, которым были окружены футболисты переходил и на нас. Но фанатства в таком, как сейчас виде, не было. После игры нас иногда развозили на обкомовских машинах.

Неоднократно были на приемах в обкоме партии или в редакции газеты «Кировская правда». За победы в матчах футболистам давали деньги в конвертах. Удивительно то, что прошло 30 лет с легендарных для нашего города побед футболистов «Динамо», но народ помнит и чтит игроков»⁸.

Кумиры

Говорят, что поэтами не становятся, поэтами рождаются. Так и в футболе: настоящими футболистами рождаются. Среди кировских динамовцев было немало звезд, которые остались с памяти горожан на многие годы: В.Ершов, В.Шулятьев, В.Свинцев и другие. Особой любовью среди болельщиков пользовался Виктор Ершов (а попросту «Ерш»). Это вятский самородок, которые отличался хорошей физической подготовкой, отличным владением мячом. В футбольной технике он был виртуозом. Кроме того, его отличали бойцовский характер и напористость. В.Лузянин в статье «Великий вятский футболист» писал: «Болельщики боготворили его, а он уважал болельщиков. В адрес Ершова никогда не было свиста, злых выкриков, даже когда игра у него не клеилась. Он умел очаровывать болельщи-

ков. Игра была для него страстью, он весь отдавался ей. Его не раз приглашали в различные клубы класса «А»⁹. Но он не изменил родному городу.

Ершова сравнивали с Э.Стрельцовым, у них было много общего в игре и судьбе, которая не была к ним благосклонна. Он не получил звания мастера спорта, хотя, безусловно, был его достоин. После окончания футбольной карьеры попал в опалу, тяжело заболел и умер в забвении.

У вятских кумиров и их болельщиков были и общероссийские кумиры: Л.Яшин, В.Бобров, Н.Симонян, братья Старостины, К.Махарадзе, С.Метревели и другие. И среди них Э.Стрельцов. Самая трагическая страница его жизни была, к сожалению, связана с Вятским краем.

Эдуарда Стрельцова называли «русским Пеле». «Его история коротка и проста как летопись всех бедных, – писал П.Маракулин, кировский журналист. – Простой рабочий парень, выросший без отца, погибшего на войне. Был разнорабочим на заводе «Фрезер» в подмосковном Перово. В 16 лет взят в столичное «Торпедо». И на первой же игре показал себя на поле так, словно всю жизнь играл в основном составе: обвел трех защитников и забил гол. В 18 лет попал в сборную страны. Широкоплечий, быстроногий (размер бутсов 45-ый), бесстрашный – за границей его прозвали «танк» – это был феноменальный форвард. Его отличали потрясающие своей простотой игровые решения на футбольном поле, полная мышечная раскрепощенность, абсолютное видение поля. На мяч он даже вроде бы не смотрел, но всегда видел ситуацию. Его «пас пяткой» вошел в классику мирового футбола как коронные финты Пеле и Марадоны»¹⁰.

Никто из известных мастеров футбола с ним не тягался, его необыкновенную одаренность «от бога» признавали все, сразу и навсегда. Футболист Валентин Иванов, его друг по тандему нападения, говорил: «Меня никогда не покидало какое-то мистическое чувство, что Стрельцов может сделать на поле абсолютно все, что захочет... и никто ему не помешает».

Но в 1958 году с ним случилось несчастье: за четыре дня до отъезда сборной страны на чемпионат мира в Швецию он был арестован и обвинен в серьезном преступлении. Приговором суда он был осужден к 12 годам лишения свободы. В заключении он провел 6 лет, часть из них в Вятлаге.

Из воспоминаний главного тренера Кировской команды «Родина» по хоккею с мячом Анатолия Казаковцева о встрече с Э.Стрельцовым: «Я случайно узнал, что Э.Стрельцова везут из Кирово-Чепецка в Лесное. Пришел на вокзал, народу было очень много. Стрельцов был в тюремной одежде: шапка-ушанка, телогрейка, кирзовые сапоги. Его сопровождал в железнодорожную столовую майор МВД. Мы, толпа зевак, ходили за ними по пятам. Очевидно, Эдуарду доверяли, руки у него были свободны, да и майор обращался с ним как с гражданским лицом, а не с эком. С тех пор я видел Эдуарда Стрельцова только по телевидению. Он и после «зоны» продолжал блистать на футбольных полях»¹¹.

О лагерной жизни в Вятлаге сохранились письма Стрельцова матери в Москву, а также воспоминания тех, кто поддерживал с ним связь в эти трудные для него годы. Вот некоторые выдержки из писем Эдуарда Стрельцова из Вятлага своей маме.

«Мама, не ты не доглядела, я сам виноват. Ты мне тысячу раз говорила, что эти «друзья», водка и эти «девушки» до хорошего не доведут. Но я не слушал тебя, и вот результат... И как только я освобожусь, у нас все будет по-новому...». Из другого письма: «...за мячик большое спасибо. Он мне очень скоро пригодится. У меня будет два мяча. Правда, первый старенький пооббил, ну ничего...».

«...Уже начали играть в футбол. Играли товарищескую игру с седьмым лагпунктом. Выиграли со счетом 7:1. С 1 июня начнем розыгрыш кубка по лагпунктам. Будем ездить по разным лагпунктам. Время пойдет веселей...»

«Сейчас некогда писать, почти каждую пятницу мы ездим на другие лагпункты, играли на кубок. Выиграли кубок Вятлага, а теперь в субботу и в воскресенье я нахожусь в своем лагпункте и время у меня будет свободнее...»¹².

Настоящим «ангелом-хранителем» в системе Вятлага был для Эдуарда Владимира Карпович Хлусьянов, уполномоченный по делам спорта.

Впервые В.К.Хлусьянов встретил Э.Стрельцова весной 1959 года, когда его перевели из Чепецкой колонии. Владимир Карпович вспоминал: «Стрельцов не выглядел каким-то приунывшим, бодрился и не скрывал, что сюда ненадолго, что все предпринимается, чтоб он был освобожден. Его сразу же определили в механические мастерские, но с работой там у него не особенно ладилось».

В.К.Хлусьянов ходатайствовал о переводе его на спортивную работу, поэтому определенные условия для занятия футболом ему создавались. В ту пору решили провести своеобразный чемпионат Вятлага по футболу. Играли отряд на отряд, затем – первенство среди лагпунктов. В.К.Хлусьянов добился, чтобы финальный матч между сборными отделений провели в Лесном. Стояла осень, бесконечные дожди, грязь. Но на стадионе увидеть «живьем» Стрельцова собралось большинство жителей поселка – от мала до велика. Владимир Карпович судил этот матч. Эдуард играл за первое лаготделение. Первая игра закончилась нулевой ничьей. На следующий день назначили новую встречу. И Эдуард забил в ней единственный гол, забил блестяще – с разворота, хлестко, словом, так, как умел это делать лишь он один.

В.К.Хлусьянова уже нет в живых, но нам удалось взять интервью у жены Владимира Карповича Валентины Ивановны – учителя английского языка Вятской гуманитарной гимназии.

«В поселок Лесное Кировской области – столицу «Вятлага» – попала по собственному желанию после окончания института в 1951 году. Это самая глушь Кайского района. Там в свое время был в ссылке Дзержинский. Но в Лесном была вакансия учителя английского языка, да и говорили о том, что там много военных. Была перспектива выйти замуж. В послевоенное время мужчин было мало. Нас шестерых молодых специалистов, поселили в одной комнате»¹³.

Лесное представлял собой небольшой поселок, застроенный деревянными зданиями. Выделялись только дома со шпильями, где размещалось Управление Вятлага и жило руководство. Здания эти, как и мостовую из брусчатки, делали пленные немцы. Вокруг поселка было огромное количество лагпунктов, где сидели тысячи заключенных, многие по ст. 58. Иногда жители видели, как гонят на работу людей в полосатых робах. Слышали, что работают на лесоповале, говорили, что воруют и едят собак. Но тогда большинство было уверено, что все сидят за дело.

Жизнь в Лесном была очень суровой: воду возили на лошадях, с продуктами было плохо. Развлечений было два: Дом культуры и стадион. В Доме культуры показывали кино, были танцы. Иногда под охраной привозили артистов из лагерей, а после концерта увозили обратно.

Стадион был местом, где от мала до велика собирались все жители поселка. Там проходили футбольные матчи. Команда была из вохровцев и команда из заключенных, в которой играл знаменитый футболист Эдуард Стрельцов.

«В Лесном я познакомилась и вышла замуж за Владимира Карповича Хлусьянова, который был начальником стадиона и тренером по футболу. Под его ру-

ководством проводились все спортивные мероприятия, в том числе футбольные матчи. Команды играли между собой, иногда приезжали футболисты из области. Команду заключенных на тренировки и матчи привозили и увозили под конвоем.

Владимир Карпович старался всеми возможными способами облегчить положение этих людей, как-то ослабить режим содержания.

Слышала, что к Стрельцову иногда приезжали очень известные люди из Москвы, передавали передачи.

Позднее прочитала в газете, что трехкратная чемпионка мира по конькам, наша землячка, Мария Исакова привозила Стрельцову посылки, поддерживала деньгами, добрым словом. Я прожила в Лесном 17 лет, как срок отбыла»¹⁴.

Воспоминания Валентины Ивановны помогли представить, как выглядел «лагерный футбол».

Тренер

В 50–60 годы тренерами в команде были, как правило, бывшие игроки. Многие не имели специального образования, иногда имели техническое, главное было – призвание и знание футбола.

Авторитет тренера был высок. Из воспоминания В.И.Кузьмина: «По сложившейся традиции тренер собирал команду в красном уголке, при появлении тренера игроки всегда вставали. На сборах тренер бегал вместе с командой, иногда соревновался с игроками, норматив был такой: 100 м. Бежишь 100 м. Идешь. Когда выигрывал тренер, игрокам было неудобно, они пытались доказать себе и тренеру, что не случайно попали в команду, и таким образом тренер давал игрокам стимул для роста»¹⁵.

Для некоторых игроков тренер был вместо отца.

Тренер Л.А.Попцов говорил: «Мне как тренеру приходилось не только обучать игре, но часто помогать ребятам в трудных жизненных ситуациях. Так, был у меня игрок М., рос без отца, попал в неприятную историю. Я ходил по разным инстанциям, чтобы выручить его. Парень стал хорошим спортсменом, кончил пединститут, меня считал отцом»¹⁶.

Самым знаменитым футбольным тренером в Вятке тех лет был А.А.Келлер. Он родился в 1911 году в городе Энгельсе в семье поволжских немцев. Закончил Московский институт физкультуры, играл в футбол за студенческую команду СКИФ (спортивный клуб института физкультуры), позднее – в заводской команде «Серп и молот» и московском «Спартаке». В 1937 году – играющий тренер команд мастеров горьковского «Торпедо». В 1940 году он тренирует сталинградский «Трактор», которые вывел в класс «А».

В годы репрессий был арестован (сняли прямо с парохода, когда он направлялся вместе с командой на очередную игру) и отправлен в ссылку в кайские леса. Семья была разлучена: малолетние дети – в Харькове, жена – в ссылке в Новосибирске.

Из воспоминаний Евгения Александровича Келлера, сына Александра Андреевича. «В 1944 году мой отец познакомился с полковником Кухтиновым, заядлым любителем футбола, который принял живейшее участие в жизни отца: он перевел его в Лесное (центр Вятлага) и помог воссоединить семью. В 1951 году мы переехали в Киров, там нам выделили жилье в подвале, под трибунами стадиона»¹⁷. А у него к этому времени было уже трое детей. А.Келлер стал

тренировать кировскую команду «Динамо». Но положение его было очень шатким: не раз нависала угроза без всяких видимых причин, без объяснений опять отправиться в Вятлаг. Он не имел паспорта, с командой не мог никуда поехать, так как был невыездной.

Несмотря на все это, на полное бесправие, А.Келлер со всей страстью своего характера приступил к формированию и воспитанию коллектива футболистов «Динамо».

Сохранились деловые и личные планы, разработки, журналы учета, карточки футболистов и другие документы тех лет. Келлер впервые серьезно, обоснованно, продуманно планирует многолетний цикл учебной, тренировочной, воспитательной подготовки футболистов с учетом индивидуальных особенностей каждого игрока. Келлер не только учил игроков футболу, но и воспитывал своим примером: отношением к делу, к людям. «Великолепный тренер, культурный, выдержанный человек», — так отзывались о нем игроки. Он был одним из первых футбольных тренеров СССР, имевших в те времена высшее специальное образование.

Из воспоминаний сына. «Отец был очень музыкален, играл на флейте, кларнете, фортепиано. В молодости был даже зачислен в полковой оркестр Автономной республики немцев Поволжья. Он элегантно и со вкусом одевался, всегда был в отглаженном костюме, следил за собой. Любил повеселиться, мастерски поддевался чужие голоса. Однажды из Москвы позвонил футболист Богачев, которого приглашали в кировское «Динамо». Он звонил Лавыгину, раньше его приехавшему из Москвы играть в Киров. Трубку случайно взял Келлер. Богачев спрашивает: «Ну как тренер? Очень требователен? А кружку пива выпить разрешает?» Келлер голосом Лавыгина отвечает: «Конечно, разрешает. Все нормально. Приезжай». Богачев так и не догадался, что говорил с тренером» 18.

А.Келлер был реабилитирован только в 1961 году, тогда он смог с командой выезжать за пределы области даже за границу. Позднее он был вынужден уйти в ташкентский «Пахтакор», который сумел вывести в класс «А». Был награжден орденом и поучил звание «Заслуженный тренер СССР».

По мнению сына А.Келлера, несмотря на все пережитое, с командой кировского «Динамо» у него были связаны самые светлые воспоминания.

Судья

Судьями становились бывшие игроки и просто любители спорта, прошедшие специальную подготовку. Они должны были быть хорошо физически подготовлены, так как приходилось сдавать специальные нормативы. Для них существовали также возрастные ограничения. Быть судьей всегда было почетно, но и очень ответственно. Один неверный свисток — и может «погрузиться в траур» целый город или даже страна. Вокруг судей, также как вокруг игроков, всегда кипели страсти. Июль 1959 года. Читаем в местной прессе: «Я возмущен судейством. Над нами издеваются. В прошлых играх три наших гола не засчитали. Когда это безобразия закончатся?» — так отзывался тренер кировского «Динамо» Келлер о судействе после матча с «Торпедо». И еще: «Более мерзкого судейства я в жизни не видел. Было преднамеренное убийство нашей команды: из двух пенальти, на которое мы имели право, нам не дали ни одного» 19. Это уже о другом проигранном матче.

Из постановления Всесоюзной федерации футбола (июль 1949 года): «За последнее время выявлены случаи недобросовестного, а то и необъективного судейства на первенство и кубок СССР. Данные факторы говорят о необходимости усилить воспитательную работу с судьями, повысить их подготовку, ужесточить требования к допускающим ошибки» 20.

Среди судей было немало честных и порядочных людей, но встречались и проходимцы, которые умели разом делать два дела: терять имя и наживать капитал. Один из известных судей того времени, судья республиканской категории Н.П.Бушмакин рассказывал: «Они (хозяева поля) считают, что если они поселили меня в лучший номер, оставили в холодильнике горячительные напитки, которые я вдруг бы все выпил, не желая обидеть хлебосольных хозяев, и вышел завтра судить матч, как бы я глядел в глаза футболистам? И знаете кто это делает? Избрали председателем городской секции футбола директора местного коньячного завода, так как он мастер не футбола, а других игр: незаметно, когда надо встречать судей. Но я на подкуп никогда не пойду» .

Болельщик

Из воспоминаний С.А.Касанова: «Свое первое посещение стадиона я помню отчетливо. Был 1960 год, мне 7 лет. Я долго уговаривал маму сходить на стадион. Наконец она договорилась со своими подругами, и мы пошли смотреть матч. Не помню, с кем играло «Динамо», но стадион был полон, много женщин с детьми. Болели яростно, а потом всем домом разбирали тот матч. С этих посещений стадиона я по-настоящему начал ощущать себя футбольным болельщиком. Футбол для меня не только любимая игра, но место, где я могу отдохнуть, расслабиться, встретиться с друзьями» .

Представить мир 50–60-х годов, быт, отношения людей помогло интервью с Н.А.Феоктистовым, инженером по профессии.

«Сам я играл в футбол только в дворовой команде, так как серьезно занимался боксом, но футбольным болельщиком был всегда, ходил на стадион регулярно и до сих пор смотрю матчи — добавляет адреналина в крови.

В 60–70-е годы на стадион «Динамо» ходили всем отделом. На матчи покупали абонементы (на весь сезон — 28 игр). Это было дешевле и надежнее, так как билеты купить было трудно. Тогда почти все (даже билеты на стадион) нужно было доставать по блату. Билет стоил от 60 копеек до 1 рубля 30 копеек. Это было дорого, ведь в кино можно было сходить за 20 копеек, пообедать в столовой за 30 копеек.

В день, когда проходил матч, город жил особой жизнью: народ даже в жаркие дни рано уходил с пляжа, пустели улицы. На работе разговоры тоже крутились возле игры. Если билеты в театр совпадали с матчем — шли на стадион. Театральные билеты пропадали, если не успевали продать — в кассу обратно не брали.

Народ валом валил на стадион. Все трибуны были переполнены. Мы предпочитали восточную — там собирались настоящие болельщики. Все балконы и крыши близлежащих домов были усеяны, как мухами, болельщиками. Жильцы домов «сдавали в аренду» свои помещения на время матча. Сейчас игры проходят при полупустом стадионе».

Н.А.Феоктистов вспоминает, что перед матчем крутили пластинки с песнями М.Бернеса, Л.Утесова, песнями военных лет. Это создавало особое, празд-

ничное настроение. На стадион не брали ни пиво, ни вино, ни еду. Грызли семечки, иногда покупали мороженое, которое разносили в больших сумках. Тализаторов не было, во всяком случае о них не знали.

«Болели за свою команду отчаянно. Таких речевок, как сейчас, не было. Игроков знали всех до единого, называли, как правило, кличками («Ерш» – Ершов, «Кузя» – Кузьмин, «Шульц» – Шулятьев и т.д.), но обидных кличек не помню. Кричали разное: «Молоток!» или «Мазила!», «Балерина!», «Подтяни штаны!» Осуждались матерщинники. Болельщиков с другой стороны почти не было: народ в стране был бедный и ездить за своей командой, конечно, не имел возможности. Безобразий во время матча или после не помню – не было раньше такой агрессивности. Но милиция «бдила», и конные милиционеры всегда сопровождали матчи».

Звездным часом для наших болельщиков было время, когда кировская команда «Динамо» попала в класс «Б» и стала победителем спартакиады. Целый день болельщики толпились у таблицы результатов: одни приходили, другие уходили (ее называли «брехаловка», так как в ней опаздывали менять сведения). Интерес к футболу был огромный.

Всесоюзные матчи слушали по радио, ловили каждое слово комментаторов. Особенно известны были Вадим Синявский и Николай Озеров. Вели репортажи зажигательно. По радио раздавалась мелодия, которую знала вся страна – и голос комментатора говорил: «Внимание, говорит Москва, сегодня на московском стадионе «Динамо» – и многомиллионная аудитория припадала к радиоприемникам.

Н.Феоктистов считает, что сейчас футбол не тот, изменился мир – изменился и футбол. Он превратился в индустрию, не стало того патриотизма, который был раньше. Сейчас праят деньги. Футбол тоже превратился в бизнес. Распушенность болельщиков поражает. Забывают, что футбол все же игра.

Представить болельщика – «человека в футболе» – помогли нам и два документа, найденные в архиве. Это письма болельщиков в отдел культуры (правда, не указано в какой). Но год обозначен – 1965-й и указаны фамилии авторов.

Письма относятся ко времени, когда команда «Динамо» стала сдавать свои позиции. О содержании говорят названия писем: «Обиды болельщика», «Просим ответить!»

Письма написаны с такой страстью, как будто пришел конец света.

«Истинные болельщики любят свою команду и даже при затажных спадах верят, что скоро мастера все-таки заиграют как прежде, но вышедшие на поле наши любимцы показали столь бездарную игру, какую не показывали даже самые отпетые аутсайдеры. Ни капли задора, ни крохи желания победить, ни комбинаций, ни ударов по воротам... Чем занимаются тренеры? Или посудохозяйственными делами? Про игроков: «не патриоты, «залетные птицы».

В другом письме упреки еще резче «...научить играть наших дармоедов, перестали тренироваться, а ждут, что им поднесут зарплату. Да какую, ведь на заводе как надо трудиться. Надо команду разогнать. Мы, дураки, платим деньги, портим нервы, а смотреть лучше любую команду, только не «Динамо». Буря эмоций!»

Болельщик – большой знаток футбола. Он как бы идентифицирует себя с игроками, видит все промахи. Из письма: «...мелкий пас проще выполнить, но при этом затягивается время, теряется стремительность; при игре же нападения широким фронтом имеется больше пространства для маневра, возможность

уйти от защитника, открыться... Даже классики мелкого паса – армейцы – отказываются «плести кружева». Почему же в каждой игре командующие упрямо «плетут кружева», хотя вместо кружев у них скорее всего получаются тенега (паутина). Недостатков в игре нападающих много: тут и крайне неточные удары по воротам и изумительно неточные пасы, плохая игра головой, отсутствие рывков, эффектных и разумных обводок и финтов».

Болельщик – человек общественный. Он не только «болеет» сам, но имеет свое мнение, как исправить положение дел, о чем и говорит в своем письме. «Обладая познаниями о футболе лишь в масштабе болельщика, хотелось бы все-таки кое-что предложить.

Во-первых, для клубных команд, играющих на первенство области, учредить призы: лучшему нападающему, вратарю, полузащитнику, самой волевой, самой корректной команде.

Во-вторых, лучше афишировать игры первой группы и давать обзоры в газетах.

В-третьих, для привлечения на матчи болельщиков, особенно детей, установить входную плату... для взрослых – 10 копеек, для детей – 5 копеек.

В-четвертых, из числа способных и надежных специалистов футбола послать учиться двух человек в высшую школу тренеров, чтобы был свой тренер.

В-пятых, из числа болельщиков (вот ведь какая привилегия!) после соответствующего экзамена по теории и правилам футбола и прочих экзаменов, отыскать радиокomentатора для ведения репортажей футбольных матчей по телевидению, так как, слушая футбол, можно подумать, что играют пенсионеры»

Функционер

Представить руководство спортом тех лет, в том числе футбола, помогли нам документы, найденные в Кировском государственном архиве социальной и политической истории: это постановление партии и правительства о развитии спорта, решение Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР, протоколы заседаний Президиума облсовета и футбольной секции, а также характеристики на спортсменов, письма болельщиков, годовые отчеты и многие другие материалы.

Так, на 1959–1960 годы Комитетом по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР были «спущены» методические указания по учебно-тренировочной и воспитательной работе в футбольных командах класса «А» и «Б», там в деталях расписано все: задачи, объем и содержание тренировок, дан план воспитательной работы.

«...Чрезвычайно важное значение имеет повседневная воспитательная работа с футболистами, повышение их политической, общеобразовательной подготовки и производственной квалификации.

Поэтому планом предусматривается обязательное прохождение с футболистами производственного обучения или занятий в средней школе, техникуме, институте. И дальше «развивать чувство ответственности», «достойно вести себя в общественной и личной жизни». Вся работа в футбольных командах должна быть направлена воспитание из футболистов сознательных и активных строителей коммунистического общества». С одной стороны, мы видим заботу государства о развитии спорта, с другой – тотальный контроль за всеми сторонами жизни общества.

В архиве мы нашли три характеристики на футболистов команды «Динамо» изучаемого нами периода: В.Ершова, В.Перетурина, Е.Прусова. Они написаны тренерами и руководителями облсовета. Мы обратили внимание на то, что сразу за указанием года рождения идет указание партийности. (Как будто это в какой-то степени отражало футбольную подготовку спортсмена.) В характеристиках проглядывает стандартный идеал советского человека: «проявил себя с положительной стороны», «морально устойчивый», «работает над повышением своего идейного уровня».

Изначально вятским спортом руководили чиновники – бывшие партийные и комсомольские работники. Так, одним из первых председателей губернского Совета физкультуры был Альтберг, зам. начальника ОГПУ. А Вятский городской Совет возглавлял бывший губернский прокурор, в прошлом спортсмен, И.С.Герасимов. С его именем связано строительство первого губернского стадиона «Динамо» в 1926 году.

В 50–60-е годы Кировский областной совет по физкультуре и спорту возглавлял Н.Малков. На наш взгляд, это была типичная фигура спортивного «босса» тех времен. Приехал в город Киров из районного городка Халтурин, теперь Орлов, где он возглавлял местную комсомольскую организацию. Приказом облисполкома с согласия обкома партии был назначен председателем областного спорткомитета. На этом посту он проявил себя хорошим организатором: умел подобрать толковых помощников, приглашал талантливых тренеров, всеми силами старался удержать перспективных спортсменов в области. Придерживался принципа: вятские спортсмены – для вятской земли. Жилье, ставки, зарплаты, сборы – все это приходилось решать не столько на официальном уровне, сколько путем личных контактов во время встреч «без галстука». Он всегда знал, когда и в какой кабинет нужно зайти, чтобы решить вопрос. Сегодня мы бы сказали, что Н.Малков был хорошим менеджером от спорта. При нем как никогда в области был развит спорт, одержано много побед в различных видах. К сожалению, нечасто область видела хороших организаторов этой работы.

Журналист

Представить мир 50–60-х годов и футбол тех лет помогли журналисты, которые тогда или сейчас писали или пишут о спорте. Мы взяли интервью у некоторых из них.

Нас интересовало, как раньше в газетах писали о футболе, какое место занимали эти публикации в общем объеме информации, как становились спортивными журналистами, что можно было в 50–60-е годы писать про футбол, а чего нельзя, кто редактировал спортивные обзоры.

Из интервью с журналистом Е.А.Петуниным: «Через пять-десять лет после войны была настоящая эйфория футбола. Народ устал от войны, развлечений почти не было: газеты пестрели официозом, одни и те же фильмы шли месяцами. Футбол был отдушиной. Это был повод уйти из дома, из перенаселенных квартир, неустроенного быта, да и возможность почувствовать единое братство горожан, ведь рядом зачастую на трибунах сидели, скажем, начальник цеха и простой рабочий. Их объединяли радость забитых голов и горькое разочарование поражений. С расселением в «хрущевки», появлением телевизора футбольная эйфория стала проходить».

Сейчас футбол стал для многих молодых людей виртуальным: сидит дома у телевизора, на шее – красный шарф (приобщиться к фанатам любимой команды), увлечен компьютерной игрой в футбол».

Журналист В.Г.Попов говорит, что в те годы была всемерная государственная поддержка спорта. Сейчас такой поддержки не чувствуется. Все зависит от местных властей: губернатора, мэра, спонсоров и меценатов. Нет денег – нет соревнований, не развивается спорт.

В 50–60-е годы в Кирове было всего две областные газеты: «Кировская правда» и «Комсомольское племя», поэтому информации о спорте было мало, журналистов тоже. Сейчас выходят десятки газет, и в каждой пишут о спорте. Журналистов стало больше, а профессионализма – меньше.

В газетах тех лет обычно материалы располагались так: политика – хозяйство – «развлекаловка» (куда входил и спорт). Ему, как правило, отводилась последняя страница, текст в газете печатался колонками, вверху заголовки. Объемы текста о спорте всегда были невелики. Публикации носили сезонный характер. Потеплело – начался футбол – пошли публикации, а потом – «мертвая зона». Основными жанрами были заметки информационного характера, интервью с игроками, тренерами, чиновниками от спорта. Почти не было аналитических материалов с разбором «полетов», выводами, перспективами. Материал излагался сухо, по нему было трудно представить спортивную жизнь.

«О многих вещах вообще нельзя было писать. В Кирове было много оборонных предприятий («почтовых ящиков»), они имели свои заводские команды. Но называть в газетах заводы было категорически запрещено. Нельзя было писать о закулисных махинациях, из каких средств финансируется футбол, о внутренних расправах, об инцидентах, которые произошли во время игры. Невозможно представить, чтобы в газетах тех лет написали о том, что игроки оскорбили судью, или произошла давка на стадионе и сломали трибуны, или были пьяными болельщики». Это называлось порочить социалистическую действительность». Таковы были правила игры в советском обществе.

Современное состояние вятского футбола не радует ни спортсменов, ни болельщиков. По мнению профессионалов, исчезли условия, которые были основанием для побед в 50–60-е годы: развалились детские и юношеские спортивные школы, нет футбольных секций в клубах. В области из «северных видов» спорта развит только хоккей с мячом. Спортклуб «Родина» сохранил тренерские кадры, а завод имени Лепсе, спонсор клуба, помог сохранить материальную базу, и этим спас вятский хоккей с мячом. Для футбола в Вятке такого спонсора не оказалось. В области нет тренеров и игроков высокого класса. Стадион «Динамо» и залы для тренировок не отвечают требованиям времени. Современный вятский футбол болен тем же, чем и российский (это показал последний чемпионат мира): нет денег, нет идей (футбольных), сравнимых с мировыми.

Сейчас бывшее «Динамо» города Кирова называется «Динамаш». Кто же сейчас «содержит» «Динамаш»? Проблема денег в футболе не афишируется, но всеми подразумевается. Хотя официально команду поддерживает кировская мэрия, но в действительности основным спонсором «Динамаша» являются коммерческие структуры – ресторанный, гостиничный и рыночный бизнес. В ходе вятской приватизации футбол стал разменной монетой. Вкладывая деньги в издыхающий футбол вятские олигархи соглашались при условии получения магазинов, гостиниц, ресторанов.

В 50–60-е годы игра команды «Динамо» в группе «Б» – пик достижения нашего футбола. Не было фан-клубов, но фанатами были все, так же, как не было в области футболистов экстракласса, но в футбол играли почти все с шести до 18 лет. «Человек играющий» был в 50–60-е годы типичнее, чем «человек фанатеющий» дома ли у телевизора, на стадионе ли – и это было великое преимущество той поры перед этой. Государство стимулировало этот интерес, физическую активность через системы БГТО, ГТО, уроки физкультуры, ДЮСШ. Сейчас человек должен сам делать этот выбор: здоровый образ жизни, чтобы лозунг «О, спорт – ты жизнь» был не для олимпиады, а личный убеждением.

Из работ финалистов конкурса

Ксения Замуховская (г.Москва)

Участие немецких рабочих в индустриализации СССР

Парки культуры и отдыха приобретают в конце 1920-х–1930-х годах особое значение. Если «клубы – школы городской культуры» в условиях, когда большинство населения не могло еще самостоятельно приобщиться к городу, то парки культуры и отдыха – клуб на открытом воздухе, «комбинат культуры», необходимая часть сети клубов, «культурного обслуживания», которая должна существовать наряду с «сетью бытового обслуживания». С конца 1920-х годов начинается переход от термина «организованный зритель» к более широкому – «организованный потребитель искусства». Со второй половины 1929 года началась градостроительная дискуссия, в ходе которой было выдвинуто самое романтическое воплощение приема сочетания парка отдыха и учреждений культуры – комбинат культуры и отдыха – не только ЦПКИО в Москве, но вся Москва – гигантский ЦПКИО; парковые массивы, в которых разбросаны «клубные помещения», притягивающие людей общностью интересов, а не признаком соседства.

В парках культуры и отдыха должны были приобретаться навыки клубной жизни и одновременно удовлетворяться вневременные потребности человека в праздничности отдыха.

ЦПКИО с его непостоянными пространствами, на которых происходили «митинги-массовки», «огромные театрализованные зрелища с тысячами участников и десятками тысяч зрителей», массовые инсценировки, карнавалы, олимпиады, где тярлась грань между участниками и зрителями, соответствовал главным целям организаторов – выявлению творческих способностей посетителей, смотру многообразного самодельного искусства, вовлечению в «советский образ жизни». В 1933 году паркам было предписано «резко повернуться в сторону организации бодрого, веселого, занимательного отдыха».

«С начала 1929 года заведовать ЦПКИО в Москве была назначена 25-летняя Бетти Николаевна Глан <...> С 1925 по 1926 – в аппарате исполкома КИМа. Если сопоставить текст ее воспоминаний и страницы, посвященные паркам культуры в книге Андре Жида «Возвращение из СССР», то кажется весьма вероятным, что именно Бетти Глан была летом 1936 года переводчицей и гидом французского пи-

сателя при посещении ЦПКИО им.Горького.

Б.Н.Глан противопоставляет ЦПКИО, детище первых пятилеток, «ошеломляющим и оглупляющим буржуазным луна-паркам, основной задачей которых было отвлечь людей от социальных проблем и политики». Андре Жид хотя и говорит, что «это место развлечений, нечто вроде огромного Луна-парка», сразу же указывает на особый мир парка, наполненного людьми с выражением спокойного достоинства, который отличает серьезность, благовоспитанность публики, отсутствие пошлости (что он неоднократно подчеркивает), флирта, глупого смеха, повсюду чувствуется радостное возбуждение в сочетании с порядком».

Обычно в 9 часов утра рабочие, прибывшие в парк-клуб, разбивались на группы по возрасту. После оздоровительных мероприятий их ожидали беседы со старыми производственниками, концерты, всевозможные игры, длившиеся до 10–11 часов вечера, когда под звуки специального духового оркестра, провожающего их до трамвайной остановки, они покидали ЦПКИО. В стоимость карточки «День отдыха в парке» включались обед и ужин в столовой «Ударник», разовые коллективные билеты были дешевле индивидуальных, продавались абонементы на 30 посещений, сезонные индивидуальные и коллективные билеты.

За пять лет ЦПКИО посетило 37 млн человек. В будни он обслуживал до 70–80 тысяч посетителей, в праздники – до 150–200 тысяч. На массовом поле парка ежедневно собиралось от 1000 до 5000. В массовых играх, проводившихся один-два раза в шестидневку, участвовало 1000–1500 человек. Эстрада самостоятельности ежедневно вмещала 1500 зрителей, в выходные дни до 6000 зрителей. Духовые военные оркестры насчитывали 200–300 музыкантов. Общий штат парка превышал 2500 человек. В связи с организацией ЦПКИО были возрождены или модернизированы древние профессии: «монтеры эффектного освещения», пиротехники, массовой профессией стала профессия садовник. Примечательно серьезное отношение к ЦПКИО в те годы. В жюри конкурсов аттракционов участвовали крупные архитекторы и художники. К написанию сценариев и оформлению политических театрализованных праздников привлекались наиболее известные литераторы и деятели искусства. 26 августа 1934 года прошел праздник в честь делегации I Всесоюзного съезда писателей с участием делегаций заводов, вузов, школ; организовывались праздники в честь летчиков, первых Героев Советского Союза, члускинцев, поляриков. На сцене Зеленого театра (20 тыс. мест) с июня 1934 года шли спектакли Большого театра, в 1936 году был смонтирован огромный киноэкран, на котором демонстрировался фильм «Цирк». С 1935 года стали проводиться массовые маскарады, шла организованная сдача норм ГТО на спортивных площадках, стадионах, специальной станции на Москве-реке (по гребле и плаванию), все больше места отводилось военизированным мероприятиям.

Все происходившее при реконструкции ЦПКИО к его 10-летию и накануне войны было отмечено «гигантизмом». Грандиозные размеры, небывалый размах, величественность, унификация – таковы требования к зданиям, мероприятиям.

Почти невозможно оказалось сочетать внимание к отдельному человеку с деятельностью для миллионов.

Район Сыромятников считался неблагополучным по части снабжения и благоустройства к началу 30-х годов. Реконструкция и расширение предприятий (кроме «Точизмерителя», «Манометра», швейной фабрики, одним из известных предприятий района становится ЦАГИ им.Жуковского, начавший самолетостроение, здесь был целиком из советских материалов построен самый большой в мире самолет «Максим Горький») опережали коммунальные работы.

В 1931–1934 годах в порядке благоустройства рабочих окраин приводятся в порядок тротуары по Верхней Сыромятнической улице, Нижняя Сыромятническая была залита асфальтом только во второй половине 30-х годов Сыромятническая трамвайная линия, связывающая рабочих завода им.Молотова и других предприятий с Замоскворечьем, Ленинским и Сталинским районами, построена в 1931–1934 годах. В 1936 году в связи со строительством канала Волга-Москва, Яуза, загрязненная, с запущенными берегами становится судоходной, количество воды увеличивается в 20 раз, строятся мосты, в том числе и у завода «Точизмеритель», гранитные набережные. Планируется, что «район реки Яузы станет одним из красивейших мест Москвы. На протяжении р. Яузы – возле заводов им.Молотова, Газового завода, «Манометра» и др. – будет устроен парк культуры и отдыха». Далеко не все из этих планов будет выполнено... А вот замена газовых фонарей электрическими была осуществлена к 1934 году, правда, фонарей было мало и мощность их составляла 60 % к плану (недоставало больших электроламп).

1 января с ворот завода была снята огромная вывеска «Станкострой», и слово «строй» было зачеркнуто. Наверху было написано «завод». Завод вступил в пусковой период. Пропаганда высокого достоинства рабочего человека привлекала немецких экономических эмигрантов, соответствовала их ценностям, ментальности, заставляла терпеть многие недостатки, воспринимая их как временные или местные.

Большое впечатление также производила динамика процессов эпохи индустриализации. Жилищные условия большинства рабочих ужасны, но дома строятся, улицы благоустраиваются, создается представление о прогрессе, перспективе роста, о «светлом будущем», которое приближается совместными усилиями, в том числе и усилиями немецких эмигрантов, непосредственно строивших Станкозавод и его поселок.

Филипп Абрютин (г.Москва)

С «Зингером» по жизни, или Воспоминания о былом

«Паяльники были большие, медные. В переходе между цехами было темно, и разогретый паяльник ярко светился в темноте как уголек из костра. Паяльник нужно было донести как можно быстрее, чтобы он не остыл. Сначала я казалась себе такой маленькой, неловкой и бестолковой. Но потом я немного освоилась, привыкла, и работа стала мне радостной, а трампарк стал казаться родным домом.

Мне нравилось в ожидании паяльника смотреть на кузнецов, которые били своими молотами по наковальням, как их молоты равномерно и сильно плющат красный металл. Мне казалось, что эти люди с молотами очень сильные, что они могут сделать все, что захотят. И под удары молота невольно в моей голове возникла мелодия славной песни:

*Мы кузнецы, и дух наш молод
Куюм мы к счастью ключи!...
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи!
Мы светлый путь куюм народу,
Мы счастье родине куюм...
В горне желанную свободу*

*Горячим закалим огнем.
Ведь после каждого удара
Редает тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает.*

Когда закончилась моя практика в ФЗУ, я поступила на 4-й курс рабфака, то есть, по-современному, подготовительный факультет, в институт ВИММП (Всесоюзный институт масло-маргариновой промышленности), после рабфака я сдала экзамены и стала студенткой института. Много интересного происходило у нас тогда. У нас были синеблужники. Это вроде того, как у вас сейчас КВН. Они ездили повсюду, выступали, высмеивали недостатки, делали шуточные постановки, пели плясали. Вот сейчас вспоминаю один стих:

*Мы синеблужники, мы профсоюзники,
Мы не баяны-соловьи,
Мы только гайки в великой спайке
Одной величественной страны.
А потом еще:
Знают дорогу синие блузы –
Белому – в пузо, с красными – в ногу...*

Ой, что-то подзабыла как дальше, потом припомню – скажу.

Еще мы учились стрелять из настоящих боевых винтовок и потом соревновались. Я даже не ожидала, что окажусь хорошим стрелком, и даже получила значок «Ворошиловский стрелок».

Мы сначала шагали по открытому полю под жгучими лучами солнца, затем шагали по лесу, карабкались верх по горам, преодолевали много горных ручьев... Ветер развевал наши волосы, и мы радостно шагали по вершине и пели:

*Мы кузнецы, и дух наш молод!
Куюм мы к счастью ключи!...*

Боже мой, какие мы были счастливые. В простых одежонках, парусиновых штанах и туфлях, простых сарафанчиках, блузках и майках, с пустыми котомками за плечами... Но, главное, молодые, неутомимые и пытливые. Нам казалось, что весь мир перед нами как на ладони, мы и свершим все, что только не задумаем...»

**Людмила Новичихина,
Екатерина Оприцова**
(пос.Стрелица Семилукского района
Воронежской области)

И.Г.Пащенко – свидетель всех событий XX века

«23 марта 1932 года – мой первый рабочий день на Семилукском огнеупорном заводе, – вспоминает Иван Георгиевич. – Волновался. Но этот день запомнился мне

еще и тем, что целый день была сильная пурга, и я, донбассовский паренек, впервые увидел так много снега. Завод произвел на меня большое впечатление. Очень красивым было здание первого цеха. В ночное время оно напоминало мне океанский теплоход».

Людмила Пушкина
(г.Котлас Архангельской области)

**Мои размышления при прочтении книги
«Котлас – очерки истории»**

По воспоминаниям И.А.Дубровиной, когда в 1953 году в Котласе было воздвигнуто грандиозное по масштабам городка новое здание – Управление Печерской железной дороги – многие котлашане ходили полюбоваться им. Здание поражало не только своей внешней монументальностью, но и внутренним убранством. Самое большое внимание привлекали огромные великолепные картины в позолоченных рамах, копии с полотен великих русских художников: Шишкина, Айвазовского и др. Все эти великолепные копии были выполнены художниками-заключенными.

Глава 6. **«Это вас не касается»** (За фасадом империи)

Денис Степанов,
г. Челябинск, школа № 59, 11-й класс.
Научный руководитель М.С.Салмина

**Донос
как способ
взаимоотношений
человека
с властью**
(По материалам
документов 1920–
940-х годов
Объединенного
государственного
архива Челябинской
области)

Однажды, после моего прихода домой с подготовительных курсов, я сел как обычно посмотреть вечерние новости. И вдруг услышал, что из-за низкой активности налогоплательщиков в налоговой полиции разрабатывается законопроект по привлечению граждан к выявлению злостных скрывателей налогов. А чтобы привлечь народ, полиция решила давать некоторый процент с изъятой суммы налогов человеку, сообщившему о факте утайки. «Вот это да! – удивил-

ся я. – Да о чем они все там думают!» И каково было мое изумление, когда в Научном обществе учащихся среди множества других тем по истории мне предложили написать о доносе. Многие поначалу вообще не понимали моего странного увлечения данной темой. Действительно, тема не только очень заманчивая, но еще и очень щекотливая, сложная с этической стороны.

Никогда не забуду утомительные часы, проведенные в читальном зале в поисках «чего-нибудь о доносе». На горе, по теме доноительства написано очень мало литературы, информацию приходилось выискивать даже в периодической печати. Невзирая на трудности, подходящие книжки и статьи были собраны. Начитавшись всего этого, у меня появилась в работе новая задача: провести хоть какую-нибудь классификацию доноса. Но для классификации требовался материал, которого из книг почерпнуть не удалось. Где можно добыть такой материал? Я отправился в архив. В архиве работа оказалось самой захватывающей, почти детективной. Вы не представляете, какое дикое чувство восторга ты испытываешь, когда открываешь архивные дела, которые (судя по списку исследователей), еще никто до тебя не открывал, просто Колумб какой-то! Во время долгой архивной работы вырисовывалась уже новая задача: изучить явление доноительства в отдельно взятой Челябинской области, тем более что это оказалось новым и неисследованным.

Из истории доноительства в России

Что такое донос? Это информация, которая сообщается индивидом власти. Именно благодаря доносам власть владела информацией, именно благодаря доносчикам власть контролировала ситуацию. И именно благодаря системе сбора информации власть оставалась властью.

Еще во времена становления Московского государства московские князья с целью укрепления своей власти обязывали своих вассалов доносить о замыслах против них.

А Соборное уложение 1649 года уже говорило о смертной казни «безо всякой пощады» в случае недонесения о заговоре против «царского величества»¹. И уже тогда следовало извещать о родственниках изменника, которые ведали об измене и которых тоже ждала смертная казнь².

Петр I пошел дальше. Создав в 1718 году Тайную розыскных дел канцелярию, он делает доноительство профессией. Доносчик, в случае подтверждения сообщенных им сведений, получал половину штрафа, наложенного на обвиняемого. А дальше – больше. Впереди тайная экспедиция Сената и III отделение.

Донос живет и здравствует вплоть до Февральской революции. В 1917 году после смены власти царица неразбериха. Разрушая старые императорские устои, Временное правительство уничтожило систему сбора информации, которая очень могла бы пригодиться. Сохранив ее, Керенский, может быть, удержался бы у власти, своевременно узнав о готовящемся перевороте. Но было поздно. Происходит Октябрьская революция – у власти большевики. Именно им удастся воскресить донос.

В своем стремлении любыми способами удержать власть Ленин возвращается к системе политического контроля, яростным противником которой он был до революции. Он и его соратники «искренне» возмущались тогда применением до-

ноительства. Но все забыто. В условиях разгоравшейся гражданской войны, наиглавнейшей целью партии было своевременное получение объективной информации о реальных настроениях населения. В июне 1918 года создается информационно-организаторский отдел ЦК, куда стали стекаться отчеты о настроениях населения из губкомов³. Начинается активная деятельность по налаживанию связи с людьми «на местах». Но слишком мал был тогда партийный аппарат и слишком плохо он работал. Срочно требовалось учреждение, для которого политический контроль стал бы главной целью существования. Таким учреждением стала ВЧК. Особый отдел ВЧК выпускает циркуляр, в котором разъяснялось:

«1) каждый коммунист обязан прислушиваться к ведущимся вокруг него разговорам, сообщая подозрительное Особому отделу;

2) на месте своей службы каждый коммунист должен наблюдать за подозрительными лицами, информируя Особый отдел;

3) каждый коммунист обязан доставлять Особому отделу сведения об общем настроении учреждения или части войск, где он служит;

4) ни один коммунист не имеет права отказаться дать сведения о том или ином лице;

5) также не может отказаться от поручения познакомиться с той или иной личностью по указанию особотдела, ходить в указанный дом и сообщать, что там говорилось»⁴.

Итак, донос возрожден.

Именно в период тоталитаризма донос расцветает ядовитым цветком, опутывая каждого. При тоталитарном режиме для него существуют самые благоприятные условия. И исторический опыт подтверждает нашу точку зрения. Донос породил страх, которого не было даже в Средневековье. Страх сковывал души, умы и сердца людей.

«А закон? А как же закон?» – спросите вы. И вам ответит А.Я.Вышинский: «Законы надо отложить в сторону»⁵. Законы, начиная с 1927 года, наказывали недонесение о контрреволюционном преступлении⁶.

Официальная идеология только поддерживала донос. Кто был главным героем эпохи? Доносчик Павлик Морозов, который предал своего отца. Лидия Тимашук – предательница своих коллег, имя которой, как писала в «Правде» журналистка Ольга Четчикина, «стало символом советского патриотизма, высокой доблести, непримиримой, мужественной борьбы с врагами нашей Родины»⁷.

Без постоянной информации, поставившейся в центр осведомителями, Сталин бы давно лишился власти. Поиски врагов и вредителей – вот цель доносов. Одновременно под лозунгом развития критики развертывалась кампания по поощрению публичных доносов, демагогических обвинений⁸.

Массовая пропаганда приучала людей к правомерности доносов, призывала громить «врагов» и срывать маски с их «приспешников». Если даже «приспешник» твой родственник. Семья мешала партии. В печати тех лет появляются статьи о необходимости при новом строе отделить детей от родителей⁹. Дружба мешала партии. Любовь мешала партии. По свидетельству А.Солженицына, «доносом пользовались в любовной борьбе: мужчина, убирал нежелаемого супруга, жена убирала любовницу или любовница жену, или любовница мстила любовнику за то, что не могла оторвать его от жены»¹⁰. Все общемировые моральные ценности были подавлены доноительством. «Стукачество» официально провозглашалось новой классовой моралью.

После смерти Сталина Хрущев осудил репрессии, осудил кровавую политику Сталина, но не осужденными остались доносчики.

При Брежневе, во времена застоя доносительство становится иным. Донос теперь не героическая обязанность, а скорее подленькая тихая выгода, обязательно с какой-нибудь целью. Уже нет идейных доносчиков. Если и доносить, то чтобы продвинуться вверх или, например, защитить диссертацию. Если при Сталине грезилась повсюду гнусные вредители, то при Брежневе выявлялись «ярые антисоветчики». И стукачи царапали доносы на человека, если, например, у него были книги «самиздата». КГБ внедряло своих агентов в каждое ведомство или организацию. Агентурная сеть продолжала прекрасно работать, а доносчик продолжал прекрасно себя чувствовать.

И даже в годы перестройки, в годы гласности газета «Известия» напечатала интервью с начальником Управления КГБ А.Бураковым, в котором он говорил о необходимости крепить сеть «нештатных сотрудников в каждом коллективе»¹¹. Опять есть поле деятельности для доносчиков. Что впереди? Не воскреснет ли донос? Не подтолкнет ли растущая потребность в информации к «доносомании»?

Хочется надеяться, что нет. По крайней мере, будущее в наших руках – в руках подрастающего поколения, и я думаю, нам хватит сил и ума бороться с этим отвратительным «феноменом».

Реформаторская сеть Челябинской области: город и деревня (по материалам ОГАЧО)

Далеко, куда по железным дорогам нужно ехать 2000 километров от Москвы, стоит прекрасный город Челябинск, столица Южного Урала. И стоит он уже почти 270 лет среди голубых озер, среди лесов и полей. Мало чем отличался Челябинск от остального СССР и в годы сталинского режима.

Когда А.И.Микоян в Большом театре на собрании актива Москвы говорил, что: «У нас каждый трудящийся – наркомвнуделец»¹², он имел в виду не только Москву, а весь СССР в целом, в том числе и Челябинск. И когда в РСФСР вводился уголовный кодекс 1926 года со знаменитой 58 статьей, он вводился для всех, и для Челябинска тоже. И когда мы рассматриваем феномен доноса для всей страны, он абсолютно также актуален и для Южного Урала.

Но с каких сторон рассматривать донос? Как к нему подойти? В своей работе мы исследуем только политический донос. Его ни в коем случае нельзя путать с простой дачей показаний в чисто уголовном деле. Но эта грань очень тонка, и в то же время эту грань, я думаю, ощущает каждый здравомыслящий человек. Хотя именно в тоталитарном государстве это разграничение полностью стирается. Доносы делятся на добровольные и недобровольные (или «вымученные», как хотите). Когда требовалось убрать неугодного, когда был нужен враг или вредитель и как назло человек так хорош, что на него нет ни одной кляузы, выискивается подходящая жертва из ближайшего окружения, которая вначале пугается и начинает сопротивляться, не желая порочить человека, но с течением времени, под действием или пыток (!), или шантажа, или банальных угроз жизни и здоровью самой персоны или его семьи, раскалывается и подписывает уже давно готовый, составленный по всем правилам донос. И редкий человек выдерживал натиск НКВД.

Мы разделили все добровольные доносы на два типа: на доносы с определенной целью и на доносы без видимой причины.

Доносы бескорыстные выделяет то, что при их прочтении не чувствуется никакой другой заинтересованности, кроме стремления «помочь выявить врагов партии», улучшить работу какой-нибудь организации и т.д. Вот здесь вся загвоздка. Держа в руках только одну бумажку, мы в большинстве случаев не можем проследить, что с ней дальше было, какой резонанс в органах она вызвала. Но если о ее «будущем» есть хоть какие-то документы (и порой даже встречаются ответы на доносы), то ее прошлое окутано почти мистической тайной. Остается только догадываться о причинах написания доноса. Кто знает, может быть и замешана какая-нибудь корыстная причина. Из-за этого мы делаем упор на объект доноса. Если донос написан на конкретного человека, то почти наверняка он имеет причину: человек не понравился или место под солнцем не поделили. Если же донос написан на какую-либо организацию то, скорее всего, это пишут наивные люди, поверившие в мишуру самокритики. Хотя, опять же, может человек знает, что при начале проверки организации (она при поступлении сигналов трудящихся бесспорно начнется), пострадает именно ненавистный человек и, к примеру, доносчик займет его должность. Такой вот дедуктивный метод приходится применять в нелегком деле сортировки доносов. Но это все в теории. На практике обычно гораздо четче вырисовывается картина написания доноса.

Корыстные доносы мы разделяем в зависимости от причин, побудивших написать кляузу. Главная причина – это, конечно, получение выгоды, но выгода бывает разной, и здесь мы попытались привести несколько примеров, разделяя ее на материальную и нематериальную. Как это ни пошло, но писались доносы за продукты, за деньги (обычно маленькие), за льготы (помощь при получении квартиры, например), за карьерный рост (место репрессированного доставалась следующему по должности, а им, как бы случайно, оказывался карьерист-стукач), за помощь в защите диссертации, за освобождение из-под ареста, и так до бесконечности. С такого рода кляузными мы познакомимся поподробней чуть позже. С этим более или менее понятно. Но остается непонятной безразмерность подлости людей, способных из мести или зависти губить человека, причем таким низким способом.

Но вернемся к проблеме классификации. С приведенной классификацией очень удобно работать, но она, безусловно, не идеальна. Она достаточно условна, ведь когда писались доносы, они не подгонялись под какой-то образец. Некоторая часть доносов представляет собой причудливый симбиоз из различных типов, и можно часами ломать голову, размышляя о принадлежности какой-либо «информации». Очень часто люди среди красивых фраз, среди излияний бескорыстной преданности «делу строительства социализма» и «выявления врагов», как бы невзначай вставляли определенное требование за услугу. Например: «Когда меня и мою семью пошлют лечится на южный берег Крыма?»¹³. И куда прикажете отсортировать подобное? Но достоинством разработанной нами классификации является то, что она может применяться к любым доносам, из любого временного отрезка. Конечно, можно различать доносы по другим критериям (по возрасту доносчика: детские доносы кардинально отличаются от взрослых своей наивностью), но на наш взгляд, несмотря на все недостатки, такое деление является наиболее оптимальным, именно им мы пользовались в нашей работе.

Итак, классификация доносов у нас уже есть, можно рассматривать город и деревню в отдельности. Начнем с деревни.

Во время Гражданской войны, когда многие сильные трудоспособные мужчины были оторваны от земли, когда фронт военных действий пролегал непосредственно по территории Южного Урала, сельское хозяйство, а вместе с ним и деревня, пришло в запустение. Голод, разруха, продразверстка не могли не вызвать нареканий крестьянства на советскую власть, которая из-за шаткости своего положения должна была чутко реагировать на настроения деревенских масс. Для контроля за этим выпущенным «дьяволом» начинают создаваться особые структуры по сбору разного рода информации. Для этого набирается штат платных осведомителей. В идеале в каждом селе должен был быть свой сексот. Наглядным примером проводимой политики является еженедельная сводка о жизни станицы Хомутинской, любезно предоставленная неким «станичным информатором С-ной»¹⁴. В этом документе описаны все основные моменты жизни станицы за неделю: сильный голод населения, развитие тифа и других болезней от голода, убой скота и продажа имущества на продовольствие. Из-за некоторого непонимания на местах, из-за несобранности информация в Москву шла неполная и нерегулярная. Слишком было мало людей, желающих помочь государству. По мнению Т.Д.Дерибаса (одного из руководителей ОГПУ), под постоянным наблюдением органов ОГПУ должно было находиться более 2 млн человек. А по его расчетам для «самого элементарного освещения» следовало иметь от 16 до 17,5 тысяч осведомителей, хотя он тут же замечает, что этого количества крайне недостаточно¹⁵. Интересно почитать, с каким трепетом, уважением и любовью относились в середине 20-х годов окружкомы к тем немногочисленным, согласившимся «стучать» людям¹⁶. Читаешь и дивишься, в какой непринужденной форме власти просят информатора Хладояниди (псевдоним), «чтобы в будущем в письмах отмечали и работу Ваших соотарищей, посланных на колхозную работу в Вашем районе». «Окружной комитет уверен, что Вы в будущем будете регулярно информировать его о Вашей работе и о всех неполадках в связи с проведением текущей весенней сельскохозяйственной кампании». Но уже тогда потребность Советов в информации стали активно эксплуатировать нечестные люди в личных целях. Например, открытый донос под названием «Пьяный коммунист» не оставляет сомнений в своей корыстности:

«Пьяный коммунист

6-го февраля с/г (1924–1925)

Приезжает к нам в деревню с 1-го Тяченского Слодтин В.В. заходит к Шитову в избу пьяный, у него в избе был 8-ми лет мальчик Кухаренко Спиридон и говорит: «Ты зачем сегодня не такой, зачем-то тебя в сторону водит», после этого перешел в дом Кухаренко Н.А. и стал звать Шитова – приедем на Осиповский, там у меня еще есть заказано у Войтовой, ее теперь называют богородицей. Слодтин партийный и лесник, состоит в партии 5 лет и был в Красноуфимске комиссаром, как он говорит, что пример беспартийным, как пьют партийные. Долой таких партийцев, поганой метлой из партии вон.

Псевдоним Шпак»¹⁷.

Во-первых, донос под псевдонимом ШПАК, во-вторых, он направлен против конкретного человека. Понятно, что что-то там неладно.

Потенциальный доносчик уже начинал смутно улавливать, куда ветер дует, но все же ему нужны были какие-то указания сверху. И в конце концов нужно

было и подстегнуть доносчиков. И лучшего всего каким-нибудь вознаграждением. Первыми врагами советской власти наряду с «империалистическими интервентами» стали самогонщики, губившие драгоценное зерно. И проводились организационные мероприятия по «собираению сведений о самогонщиках, передаче материалов и сведений милиции на предмет оперативного действия»¹⁸. А кто будет предоставлять такие сведения? Конечно, доносчик. К тому же, если «сведения» подтверждались, то 10 % штрафа, наложенного на самогонщика, шло на премирование. Половина премии – стукачу, четверть – милиционеру, остальное в бюджет¹⁹.

Давайте зададимся вопросом «А кто собирал дань в виде доносов с населения?» Можно посылать информацию и по почте, но уж больно не надежно. Лучше отдавать «послания власти» прямо ей в руки. Благо в каждой деревне присутствовал свой уполномоченный, присланный окружкомом. И согласно одному интереснейшему документу²⁰ «институт уполномоченных ОкрКК – это те шупальца, которые ОкрКК протягивает на места и которые, с одной стороны, помогают ей ориентироваться в положении на местах, связывают работу ОкрКК с местами и, с другой стороны, проводят на местах методы работы ОкрКК как области борьбы с болезненными явлениями». Получается какое-то многолапое чудовище, собирающее «самую свежую, точную и правильную информацию». Вот как прощупывалась деревня по всей стране. Внедренный в деревню уполномоченный, это чужеродное тело, начинало проводить советские законы в жизнь, не считаясь с мнением местного населения.

К 1925 году в члены и в кандидаты ВКП(б) перестали набирать всех желающих. Москва рассылала секретные циркуляры по всей стране, в которых говорилось, что следует обратить внимание на дачу отзывов, рекомендаций и поручительства беспартийным. Теперь надо было особенно тщательно рассматривать кандидатуру каждого²¹. На фоне этого проходит кампания по исключению дискредитировавших себя партийцев. Составлялись специальные списки-таблицы, где наряду с другими данными давалось точное описание, как ведет себя человек вне рядов партии по отношению к РКП(б) и советской власти, а если были антисоветские выступления или если человек входил в антисоветские группировки, то подробнейшим образом писалось «где, когда и в чем выражается»²². Ясно, что и тут не обошлось без помощи доносчиков. У нормального человека это вызовет гнев и желание отомстить. Поэтому работа осведомителей засекречивалась. Даже на бюро райкома, среди ответственных коммунистов нельзя было касаться подробностей состояния осведомительной сети²³, а что говорить про простых смертных. Можно подумать, никто не догадывался, откуда у райкомов информация. Но эп закончился (точнее его сворачивают), и у Советов отныне новые цели. Надо построить социализм, и желательно побыстрее. Начинаются кампании коллективизации и раскулачивания.

И у власти стали появляться сведения о том, что кулак Ш-ов А. сеял 28 десятин, а снял по 50 пудов с десятины, хотя сдавал он по 18 пудов с десятины²⁴. А где хлеб? Кулака под суд, имущество в колхоз, а хлеб – найти. Власть только подталкивала людей к доносу. Донесение на соседа-кулака, скрывавшего излишки хлеба, давало доносчику по закону 25 % конфискованного имущества²⁵. В то время разоблачались при помощи лживых доносов целые «банды» кулаков из зловредного «крестьянского союза». Лицемерие властей заключалось в том, что, рассылая разнарядки по областям, они не могли знать точного количества кулацких семейств. И когда не хватало кулаков, выселяли подку-

лачников. А в этот разряд мог попасть любой, если в его характеристике есть что-то компрометирующее. А оно было у всех, так как доносчик старался. На Челябинский округ в 1930 году приходилось 700 семей, отправленных в концлагерь или расстрелянных, 2550 семей выселенных на Север и 850 семей расселенных по своему округу²⁶. Одному богу известно, сколько из них было репрессировано по доносу своего соседа. Зам. председателя ОГПУ Г.Ягода приказывал «всемерно усилить информационную и агентурную работу на протяжении всего периода указанных мероприятий, обеспечивающую глубокое и всестороннее освещение районов». Указанные мероприятия – это и есть раскулачивание.

Даже детей превращали в предателей, теперь через наивного ребенка ОГПУ знало, что творится в семье. Культ Павлика Морозова, возникшее пионерское движение, увлекали за собой сотни деревенских ребятишек, готовых донести даже на своих родных.

Чистка партии на местах, и в частности в деревне, выражается в увеличении количества доносов. Чистка партии – это отличный повод для сведения счетов. Ведь если тебя исключают, ты лишаешься всех привилегий, лишаешься своего места и, наконец, рискуешь попасть под репрессии. Так что каждый донос, направленный в «комиссию по чистке партии», приобретает кровавый оттенок. Например, гражданка Мария Федоровна пишет о разговоре с женой Б-ина, в котором она, как подруге, наверное, доверила секрет, что ее муж в прошлом зажиточный и имел два дома и что его отца раскулачили:

«В комиссию по Чистке партии

От Гр. (Фамилия неразборчива) Марии Федоровны п.Увелка

Заявление.

Ставлю в известность Комиссии по Чистке партии о том что во время разговоров. С женой Баландина последняя сообщила о том, что когда-то Баландин был зажиточным, имел два дома, отца раскулачили восстанавливали.

В чем и расписуюсь. (Фамилия неразборчива)»

Никогда партследователь, возглавлявший комиссию по чистке партии, не приходил на суд, посвященный очередному исключенцу, без компромата, который тщательно собирался при помощи таких людей, как Мария Федоровна. Компромат считался хорошим, если на суде для подсудимого он оказывался неожиданным. И совершенно неважно было, что в этот компромат насообщали доносчики, будь то грязные деревенские слухи о какой-нибудь половой связи, воровство колхозной картошки или дружеское отношение с кулаками, главное, что наряду с действительно нечестными людьми из ВКП(б), выметались, оклеветанными и порядочные партийцы.

Поначалу даже можно было в деле пользоваться анонимками в обвинении, но потом председатель областной комиссии запретил это. Однако комиссиями на местах было предписано прислушиваться к анонимным источникам. Очень и очень часто людей из партии выкидывали из-за непролетарского происхождения, заботливо вспомненного каким-нибудь доносчиком. Чистку партии можно считать репетицией 1937 года. Именно тогда заложились основы массового привлечения людей к доносительству. Историческая ирония заключается в том, что впоследствии многие из исключенных из партии были репрессированы в годы «большого террора».

Активно толкало деревенских людей к доносу распространенное в те годы селькоровское движение. Этот вид доносительства бесспорно был одним из са-

мых подлых. Стукачи писали доносы в газеты под псевдонимами («Серп», «Молот», «Шило» и т.д.) на большие для власти темы – вредительство, раскулачивание и закон «о пяти колосках». Причем газеты не только публиковали доносы и отправляли их в органы, они поддерживали с филерами настоящую связь через спецрубрику, именуемую, например, «почтовый ящик», где давались инструкции, индивидуальные задания «тайным корреспондентам» или требовались разъяснения по предоставленным материалам. Упомянутый нами закон «о пяти колосках» тоже создал еще один повод донести. Пионерское движение только поощряло это, создавая особые дозорные отряды, поставленные на каждом поле и следящие за колхозным добром. Самых талантливых доносчиков посылали в «Артек». 1 августа на областном слете пионеров-дозорников чествовали пионерку Дусю Аксенову, не испугавшуюся кулацких побоев и донесшую об укрытом хлебе. Все хвалили Дусю и рапортовали о количестве задержанных и посаженных.

В итоге после всех чисток, после деятельности политотделов и всевозможных агитационных движений, деревня была морально готова донести, что очень скоро потребовалось в 1937 году. Вот дела 1937 года: донос, несколько протоколов, приговор и справка о выполнении приговора. Людей судили за поступки 5-, 7-летней давности. А кто спрашивается все помнит? Злопамятный доносчик. Так, член ВКП(б) К-цев Г.Е. пишет в 1937 году, что, работая с 1933 по 1935 годы гарнцевым контролером в Нижне-Увельском районе, он замечал со стороны Д-кого С.А. поступки, не присущие члену партии. К тому же Д-кой С.А. притеснял К-цева Г.Е. Ну как не свести с ним счеты. Усердно вспоминая все грехи Д-кого С.А. он просит проверить его, «не волк ли это в овечьей шкуре». Видно сильно насолил он ему, что не лень написать бумагу в Челябинский обком из Кунгура Свердловской области. Другой донос повествует нам о том, что редактор районной газеты «тормозит в улучшении работы газеты», т.е. откровенный вредитель.. В 1937 году такие докладные не остаются незамеченными. Если не репрессировали, то выгнали с работы – это точно.

Делая выводы по явлению доносительства в деревне и видя, в каком отвратительном состоянии сейчас находится село, становится ясно, что за годы сталинизма деревня подверглась не только физическому уничтожению, но и моральному разложению. Были разрушены дружеские соседские отношения между людьми.

Идеологически город в глазах власти был более устойчив в отличие от «мелкобуржуазной среды крестьянства». Постоянные показательные процессы, основанные сплошь на доносах, утверждали людей в идее безнаказанности доносительства. Эти же процессы направляли доносчиков в нужном направлении. Москва приказывала областям ширить агентурную сеть, морально готовилась к репрессиям. Так, секретарь Челябинского обкома Рындин еще в июне 1937 года, рассылал телеграммы всем горкомам и райкомам, где требовалось мобилизовать трудящихся на всемерное повышение большевистской бдительности на полное «выкорчевывание и разгром японо-троцкистских, бухаринских и иных шпионов, вредителей и диверсантов». К 1938 году были расстреляны почти все «верхушки» обкомов СССР. Кузьма Рындин тоже был расстрелян за организацию правобухаринской банды, за систематическое вредительство. И согласно резолюции Ш Пленума Челябинского обкома ВКП(б), принятой 25 октября 1937 года, ставилось основной задачей парторганизации «выявить и вымести начисто на основе развернутой большевистской самокритики всех по-

следышей рындинской банды, все вражеское охвостье» . Всем ясно, при помощи какого инструмента эта задача проводилась в жизнь.

Главная цель 1937 года была достигнута: народ был запуган и подавлен. Каждый человек знал, что любое сказанное им слово через доносчика станет известно властям. И приходилось осторожничать и бояться. Особенно в городах это было заметно на значимых предприятиях, таких, как Челябинский тракторный завод.

Вообще Челябинск – это плод форсированной сталинской индустриализации. Половина промышленных гигантов в городе построена в годы первых пятилеток. Каждое из них приходилось контролировать со всех сторон. Поэтому на них были созданы целые информаторские сети, по которым текла информация, минуя многих людей и многие организации прямо в Москву.

Началась война и стали создаваться специальные сети, как паутина опутавшие все особо важные объекты. Таким объектом являлся ЧТЗ, а впоследствии и эвакуированный, слившийся с ним Кировский завод.

Создавая информаторскую сеть на ЧТЗ, государство все тщательно продумало. Во-первых, доносчиков, именуемых информаторами или политинформаторами, ни в коем случае не нанимали. Им предлагали помочь государству в сложном положении или просто, как говорится, вербовали. Предлагали такую ответственную работу не каждому, а только проверенным людям, у которых были задатки и способности донести.

О ходе работы по созданию сети постоянно сообщалось секретарю Тракторозаводского райкома товарищу Савину. Так, товарищ Т-бек пишет секретарю, что «несмотря на то, что в районной организации 61 парторганизация, райкомом утверждено только 19 партинформаторов», которые к тому же еще плохо работают. Т-бек просит не ограничиваться 19 партинформаторами, а продолжать увеличивать их количество, более тщательно подбирая людей, приводя при этом те организации, где их нужно было найти . Интересен тот факт, что информаторов выделяли из коллектива. Т-бек пишет, что в других, не приведенных им в документе организациях, выделение информаторов «будет весьма трудно». Почему? Да потому, что в маленьких коллективах люди сплотились и сдружились и вряд ли согласились бы доносить друг на друга. В коллективах побольше всегда имеются какие-нибудь вредные отщепенцы, которых хлебом не корми, дай наподличать. Таких вот изгоев, готовых к доносу на своих соратников, подбирали на информаторскую работу.

Информаторская сеть была довольно сложна в управлении, а руководил ею райком независимо от начальства завода, что ставило начальство в уязвимое положение. Набрав нужное количество доносчиков, нужно было им поставить основные задачи в работе. Для этого проводились своеобразные организационные собрания, на которых информаторам указывалось, на какие аспекты в работе предприятия стоит обращать повышенное внимание.

В райкоме тем временем был создан специальный отдел, занимающийся обработкой доносов. Читая доносы, именуемые политинформациями, бдительные товарищи подчеркивали что-нибудь особо важное и предписывали ознакомить ответственные за это органы. К примеру, после информации Д-ва о необеспеченности конного двора ЧТЗ сеном и беспечности по этому поводу начальника отдела снабжения Я-ча, чьей-то рукой написано «вызвать т. Я-ча в райком» . Вообще райком реагировал на доносы довольно оперативно. Во время работы в архиве мне не встретился ни один документ, не просмотренный в течение хотя бы

недели со дня написания. В случае с информацией Д-ва по ней принялись первые меры в течение пять дней, а повторные уже через одиннадцать дней , Информаторы присутствовали в каждом цехе ЧТЗ (иногда даже по несколько в одном), что обеспечивало прекрасную осведомленность райкома. Кроме обычных будничных новостей, некоторые осведомители писали о сознательных срывах в работе. Например, информатор Б-чев сообщает, что т. Кат-ин из мести своему начальнику цеха т. Зе-чу, занявшему его место при понижении, сознательно сорвал план выпуска деталей, чтобы т. Зе-чу попало сверху . Данная информация была обсуждена на партийном собрании по указанию райкома.

Секретарь РК ВКП(б) Савин постоянно отчитывался перед горкомом, а также отправлял отчеты в обком. Савин представлял интересную и для НКВД информацию, которую они с радостью принимали. Все же обком не устраивали масштабы охвата только ЧТЗ. Ему хотелось охватить все побочные организации, что было успешно проделано. Завелись информаторы в поликлинике, в яслях, в детских садах, в магазинах, в библиотеках, да вообще повсеместно в Тракторозаводском районе. Опять же все эти разношерстные донесения стал принимать райком. И стали сообщать, что комсомолец Б-ов во время обеденного перерыва вел себя «не по-комсомольски» и что кандидат в партию Б-ий напился и устроил драку, что прокурор и его помощник не реагируют на письма (сигналы рабочих), посылаемые редакцией газеты «Наш трактор», а зав.делопроизводством Рудина выказывает нездоровое настроение , что на партсобрании председатель Иванов вел себя нетактично: «плевался и склочничал» , что т. Н-ко в Райфо относится к работе легкомысленно . Власти требовали от осведомителей выйти на более широкие просторы и освещать жизнь первых встречных людей. Куда там, если свои информаторы имелись даже в городе Саранске, где набралась рабочая сила для строительства на ЧТЗ .

Итак, информаторская сеть бесперебойно работает, но начинается война, на ЧТЗ эвакуируют Кировский завод, отменяются выходные и ужесточается режим. ЧТЗ теперь объект особой важности. У райкома появляется множество проблем и задач. Нужно было как-нибудь упростить или обеспечить работу с партинформациями. И выход был найден. На самом заводе, среди всей массы осведомителей были выделены особо отличившиеся в доносительстве и ответственные информаторы, у которых были свои, специальные задачи и которых мы будем называть организационными. Главной целью их существования было взять под свое начальство всех осведомителей завода, которых из-за войны обязали доносить своим организационным политинформаторам в определенные сроки (10–15 дней), при этом подробнейшим образом освещая настроения рабочих и производственную жизнь завода. Организационные политинформаторы собирали поступающие сведения, анализировали, сортировали их и ежедневно направляли их в райком . Они также проверяли поступающие к ним сведения, ставя на каждом доносе свою подпись. Таким образом, райком полностью освобожден от потока заводских доносов, благодаря новой системе он принимал уже готовые сведения. Райкому доставался другой кусок пирога под названием «доносительство». Ему по-прежнему приходилось получать сведения из побочных по отношению к заводу организаций (поликлиника, магазины и т.д.). В связи с военным положением тов. Савин должен был ежедневно информировать о положении в районе горком, а из-за особой важности для обороны СССР Кировского завода и обком, который, собирая информацию о положении на местах со всей области, отправлял ее в Москву.

Перед низовыми политинформаторами в начале войны были поставлены новые задачи. Главное для них теперь стало – своевременно сообщить о фактах контрреволюционной деятельности вражеских элементов, об авариях на заводе и о настроениях рабочих. Особенно о распространяемых в пролетарской среде ложных слухах о войне, с которыми первичным парторганизациям нужно было вести решительную борьбу. Под контрреволюционную деятельность попадали и антисоветские разговоры. Под антисоветские разговоры могли попасть и возмущение беспорядком в столовой, а под злонамеренную диверсию – въезд грузовой машины в провал. Партиформаторами такие сведения собирались, анализировались и в виде информсводок отправлялись в НКВД. Точно такие же сведения направлялись в райком, где их суммировали с полученными сообщениями из других источников со всего Тракторозаводского района.

Обработанная информация в виде ежедневных партиформаций попадала на столы в горкоме и обкоме. Таким образом, информаторская сеть прекрасно помогала улавливать и подавлять недовольство в тылу.

Не стоит думать, что только рабочие занимались доносительством. Им не брезговал и зам. секретаря партбюро М-ев и секретарь райкома Савин, донося в обком о компрометирующем и неправильном поведении зам. парткома т. Зальцмана. Просто, чем выше по служебной лестнице осведомитель, тем больше в его «информациях» собственного мнения.

Очень интересен стиль «партиформаций». Он со временем менялся. До войны подавляющее число «информации» неопрятны (их не то что читать, держать в руках противно), они написаны кривым неграмотным почерком карандашом или ручкой, на всем, что угодно, на заводском чертеже, на миллиметровой бумаге, на всевозможных бланках, обсаленных клочках, на пожелтевших обрывках из тетради, на тетрадных корочках, на кальке, на малюсеньких листках из записной книжки, на грубой шершавой оберточной бумаге, на картоне и даже на куске агитационного плаката. Поработав в архиве и просидев часами над почерками разного характера, понимаешь, что собрать доносы не самое тяжелое, главное правильно понять, что там написано. После войны же ситуация меняется – теперь подавляющее большинство напечатано на машинке с соблюдением правил орфографии.

Большинство таких бумаг озаглавливались просто «информация» или «политинформация»; хотя встречались люди, которые лирически подходили к своим донесениям. Как вы думаете, что скрывается под заголовком «Гнилой либерализм»? Оказывается рассказ о браке на производстве. А как вам такое – «Пост, не достигающий цели». В этом сообщении заботливо повествуется о том, что охранная вышка слишком низка и с нее далеко не видно, поэтому она «не выполняет охранных функций». Наверное, очень многие любили свою работу. Доносить – это такая «романтика».

Бдительный информатор во время обеденного перерыва не только ест и пьет, а еще прислушивается к разговорам окружающих. Вдруг, кто-то скажет что-нибудь антисоветское. Информатор, стоя у тумбочки, всегда услышит и запомнит разговор, направленный на распространение ложных слухов. А если кого-нибудь приняли в кандидаты ВКП(б), то истинный информатор сходит к нему домой и проверит – нет ли там чего-нибудь подозрительного. А если там, к примеру, на стене иконы висят? И после трудового дня, усталый от постоянного наушничанья и от непосильного совмещения двух работ, информатор идет домой. После ужина он садится, нет, не за книгу и не идет гулять по улице, он

вспоминает, что же произошло сегодня днем. Хорошо, что все записано в блокнот, а то память, память... Написав очередное донесение, информатор готовится ко сну с гордым чувством выполненного долга.

Анализируя информаторскую сеть на ЧТЗ, приходишь к мнению, что это сеть не что иное как доносительство, возведенное в ранг профессии. Эта опутывающая завод паутина смотрела через сотни нанятых следопытов тысячами зорких глаз. Кто-то может сказать, что информаторская система имела положительные качества, что с ее помощью власти более точно реагировали на проблемы завода. Что благодаря ей власти успешно контролировали завод, строивший для фронта знаменитый танк Т-34. Но как бы ни было эта система, основанная на подслушивании и наушничанье и множившая человеческую подлость, неприемлема, так как убивает свободу, без которой человеческая жизнь перестает быть жизнью, а становится лишь жалким существованием.

Но что толкает человека к доносу? Как он приходит к нему? Одно из двух: либо человек сознательно идет на это, либо его заставляют. Сознательные доносчики – это не всегда просто подлые люди. Этим людям жизнь могла внушить, что доносительство – это хорошо. Классовая коммунистическая идеология не просто разлагала людей – она коверкала их на всю жизнь. И советское государство, разрушив старое представление о мире, дало людям новую реальность, где донос – это не подлость и не предательство, а высшее выражение честности, открытости и патриотизма. Лживость и противоречивость окружающего мира вносила лживость в отношения между людьми. А где ложь, там донос.

Но встречались люди, которые не хотели доносить, а их заставляли. Вербовка начиналась с простого вопроса: «Вы советский человек?» Каждый, даже самый последний дурак, отвечал: «Да», и тогда следовало утверждение: «Так вы должны нам помочь». И никак не отвертеться и не уйдешь. А если начнешь брыкаться, то пообещают чего-нибудь взамен, а если будешь продолжать, то пойдут угрозы. И человек ломается, становится доносчиком и предателем. Назад пути уже нет.

Доносительство забыто, что в какой-то мере правильно. Но забвение может привести к возрождению. Нужно рассказать всю правду, без утайки про доносительство в целом. И бороться с этим величайшим злом, надеясь на скорое его искоренение.

Из работ финалистов конкурса

Екатерина Конева

(с.Елбань Маслянинского района
Новосибирской области)

Затянувшееся затмение

Весной 1920 года председатель комитета ячейки Иван Баранов при постановке спектакля «Бедность не порок» физически воздействовал на участника Высоковского, который под влиянием поповского сына стал отказываться исполнять роль Мити.

Алексей Штешин

(с.Новый Курлак Аннинского района
Воронежской области)

Дело Расторгуевых

Наверное, главная причина возникновения дела Расторгуевых заключается именно в зависти.

Первый камень в дело заложил Василий Петрович Бурлов, который числился среди самых пламенных борцов за соблюдение всех канонов социализма. Он всегда следовал наказу партии быть бдительным, а поэтому не мог спокойно смотреть на то, как у него под боком наживалась буржуазия, и накопил «телегу» в уездный комитет партии большевиков. Оттуда «бумага» перебралась в ОГПУ.

Дело поехало... Его первый документ (сейчас дело хранится в ЦДНИ г.Воронежа и имеет номер П-6661) датирован 18 августа 1926 года.

Бурлов писал: «По рассказам дедов и как я помню, потомство братьев Расторгуевых принадлежит купцам, деды и прадеды их были купцы (крупные лесопромышленники) и с давних времен имели в своем лесу водяную мельницу, каковая у них сгорела, не припомню, в каком году, за которую они, получив солидную страховку и продав часть леса в 1908 или в каком году, я не помню, построили новую двухэтажную мельницу, каковая, по ихним словам, им встала в 30 или 40 тысяч рублей, технически хорошо оборудованную, которая была изо всех водяных мельниц по уезду, и, кажется, в эту колоссальную сумму не входила ни плотина этой мельницы, ни два вспомогательных предприятия, которые обслуживали несколько районов; имели при ст. Анна лесной двор и хорошо оборудованную баню, каковая, как видно, дала им убыток, или какая их была хитрость, дело, конечно, темное, была хорошо застрахована и сгорела в первый же год, конечно, они получили хороший куш страховки, это было приблизительно в 11-м или 12-м году, и, как видно, баня тоже строилась с целью наживы, дабы расширить свои дела, вести какое-либо следствие нельзя, да и кто поведет, потому что как пристава и земские всегда были у Расторгуевых на попойках, и они всегда пользовались среди местных купцов и деревенских кулаков популярностью, так что всякие делишки утопали бесследно даже где-то не в архивных делах; и взгляд на крестьян был не что иное, как на самое ничтожное человечество; было даже и мордобитие, но всегда проводили эту линию, только имели около себя несколько верных рабов, каковые у них служили шпионами, имели «свашков», которые водили им деревенских девушек, даже были случаи, по рассказам, и насиловали, но кто же в то время мог на них жаловаться, если они были на всяких попойках с земскими следователями и приставами, да и земские начальники и судебные следователи были местные крупные лесопромышленники: Хренниковы и Яицкие, словом, возжи царской власти держали крепко.

Вспыхнула волна революции, мельница, как громадное предприятие, была отчуждена и вообще вся постройка, но они продолжали там жить, а когда фронт был в Курлаке и их искали расстрелять, то они успели скрыться и где-то скрывались несколько месяцев, а дома оставались одни женщины: жена старшего брата Анатолия и ихняя сестра, которая училась в Воронеже на медицинских курсах и будто бы имеет удостоверение, что она происхождения крестьянского, так что ее из школы, благодаря широкого знакомства, не исключили, не мешало бы посмот-

реть, кем же было подписано удостоверение. По уходе фронта они, все три брата, вернулись и женились на деревенских девках, дабы прикрыться хоть чем-нибудь крестьянским, и поселились в своем же доме на этой мельнице, и быстро примазались к зав. мельницей как спецы, и быстро, очевидно, через хорошо знакомых в Губмуке уже сделались главными на мельнице, а зав. мельницей стал плясать под их дудку; плотина, по слухам, была прорвана ими, дабы придрататься, что тот мол руководить мельницей не умеет, и даже, по последнему показанию самого Расторгуева, им была отпущена сумма денег на ремонт ихней плотины, и рабочая сипа им давалась из работавших там рабочих батальонов, а крестьянская дежурная гужевая сила возила на плотину песок, землю и кирпичную щебень, так что плотина была укреплена даровой силой; руководили этой работой сами Расторгуевы и укрепили так, как им хотелось. Губмукой будто бы, да и сам Расторгуев не отрицает, были отпущены средства, но уплываться рабочим не уплывалось, хотя он и говорит, что платил, а кто работал, говорит – нет. План проведен был блестяще, но все же Расторгуевы чувствовали, что не ныне-завтра им придется лишиться лакомого куска и, очевидно, выработали новый план: весной 1922 года от неизвестной для нас причины мельница ночью загорелась, а эти два предприятия (сукновалка и коноплянка) остались, также остались и дома и постройки, которые стояли немного дальше, и, очевидно, план был таков: мол, самое крупное сгорело, а эти мелкие останутся в нашу собственность, так и случилось: съездили они в Воронеж в Губмуку и получили остальное в свое пользование, и по акту, хранящемуся до сих пор в деле УЗУ, какие-то два крестьянина, по слухам, неблагонадежные в пьянстве, им передали, что мол это ерунда осталась, а эта ерунда, по последнему допросу Расторгуева, обслуживает 7 районов и дает дохода около 2 тыс. рублей, но когда поднимали вопрос крестьяне, то они были под защитой зам. зав. УЗУ тов. Акимова»

Если принять во внимание, что это имущество принадлежало трем семьям, то братья Расторгуевы не покажутся такими уж и богачами. Конечно, по сравнению с основной массой крестьянства они были весьма зажиточными, но кто же мешал остальным достичь такого же достатка? В нынешнее время в Новом Курлаке есть немало крестьянских хозяйств, опись имущества которых оказалась бы куда более солидной, но никто не называет этих собственников кулаками. Все знают, каким трудом достается подобное богатство. Я уверен, что и в 1926 году большинство курлакских крестьян прекрасно это понимало.

Вот что писал в своем заявлении М.И.Расторгуев по поводу предъявленный ему обвинений:

«Обвинение мне в агитации против Советской Власти я себя не признаю, я себя виновным так-же не признаю, политикой никогда не занимался, занимаюс своим хозяйством почти без выездно со своего кустарного предприятия. За все время со дня революции никаких Конфликтов у меня с Советской властью не было. Для подтверждение правоты прошу сделать очную ставку, которое заявляли на мои агитации против Совласти. Отношение Совласти ко мне было лояльное, и его мои владение было переданы полностью, что имел до октябрьской революции. Прошу с меня предьявленное обвенение снят и освободит, т.к. сейчас рабочая время и содержание мне под стражей вызовит растройство всего хозяйство и оставит в нужде б человек семейство с душевно больным братом» (сохранена орфография источника. – Ред.).

Свидетели:

Лыгин Антон Игнатович, 53 лет, малограмотный, женат, крестьянин-хлебороб, беспартийный.

«...А сами гуляли повседневно и пили хорошие вина и т.д., приезжали бывшие собратники Ларин Сергей Казьмин, Яицкий Андрей Андреевич, поп Тростянский и др., даже были случаи, что прикажут гражданке с.Новый Курлак Лыгиной Дарье Григорьевне, чтобы она нашла им девок для ихних желаний, и приходили Щербакова Антонина Антоновна, Прокудина Анна Михайловна, Стеганцова Ульяна Филипповна, Фырина Евдокия Прокофьевна и др., которых напоят пьяными и делают над ними, чего хочешь».

[Через год или около того младший брат, Расторгуев Василий Иванович, умер. В селе ходили слухи, что его отравила жена. По словам Рогулькина Н.П., работавшего на мельнице Расторгуевых сторожем, у них пропало сколько-то денег. Подозревали его жену. Он помешался. То ли надоел ей помешанный, то ли ей самой захотелось стать хозяйкой, но только он умер. Пена, бьющая изо рта уже трупа, навела братьев на мысль о насильственной смерти. Через полгода после похорон по настоянию братьев могилу раскопали, труп, почти сгнивший, осматривали врачи-эксперты. Никто не знает, к какому заключению они пришли. Жена же куда-то уехала из Нового Курлака].

Датой 14/XII 1926 г. помечен еще один документ: постановление Наруева, где автор «живописует» братьев Расторгуевых почти как А.С.Пушкин своего Троекурова.

Начало новому обвинению по традиции положил В.П.Бурлов. 20 октября на допросе он показал, что Расторгуевы – людишки хитрые, водили до революции дружбу со всеми станowymi приставами и доносили им о неблагонадежных. Фактов Василий Петрович опять не приводит. Его заявление очень похоже по стилю на чеховское «Письмо ученому соседу»: дескать, кто же иначе, ведь крестьяне-бедняки не могли этого сделать. На простых людей братья Расторгуевы смотрели, как следует из заявления «из коса, много не говорили, но уши держали, как говорят, остро». В конце этого текста Бурлов приводит список лиц, кого можно еще допросить.

Бурлов Федор Данилович (56 лет).

«Особенно Расторгуевы стали “ликовать” после разрыва с Англией. Они устроили по этому поводу пирушку с гармонью, катались на баркасе по Битюгу, было до 20 человек. Так праздновали они победу буржуазии».

Баранов Петр Васильевич (44 года).

«Во время убийства нашего полномоченного представителя тов. Войкова, когда у нас был траур и гудели в с.Анна заводские гудки, я ловил рыбу на реке Битюге. Вдруг вижу (дело было уже перед закатом солнца): плывет баркас Расторгуевых, на котором было до 20 человек народу, которые распевали песни под музыку. На гармоне играл Михаил Расторгуев. Когда баркас стал приближаться, я увидел, что там была вся семья Расторгуевых, торговец Кретинин из с.Анна тоже с семьей, зав. винной лавкой в с.Н. Курлаке Сидоров и др. (не запомнил). Когда я заинтересовался этими событиями, почему это во время, когда траур по тов. Войкову, эта пьяная компания в этот день справляет оргии и вакханалии, я спросил у них, куда они едут, мне с баркаса ответили: «Это вас не касается». А приехали они обратно только наутро. Когда я встретился с Расторгуевым, стал ему говорить, что нехорошо в этот день ликовать, они мне ответили: «До тех пор буду бить, пока не улезешь в грязь по глотку, и останутся только одни столбы». Так монархисты Расторгуевы справляли тризну над могилой убитого буржуазией нашего тов. Войкова. Это безобразие со стороны Расторгуевых открыто издеваться над сов. властью вызвало большое возмущение со стороны крестьян, которые говорили, что вот как допускает сов. власть гулять бывшим помещикам, которые попили с нас кровушки».

Еще Антон Игнатович добавил о фактах издевательства Расторгуевых над де-

вушками. Так, Корношину Анастасию Григорьевну, чтобы она молчала, Анатолий бросил в Битюг, который она едва смогла переплыть. Так же он поступил и с Башкировой Анной Максимовной.

Вообще меня очень удивило то, насколько безграмотен язык всего дела. С ошибками писали все: купцы Расторгуевы, следователи, даже прокурор. Кое-где я исправлял их, а где-то (специально) оставлял.

Естественно, судить братьев Расторгуевых не за что. Как и всякий зажиточный русский мужик, они любили жить «на широкую ногу», кутить напраполю. Все их прегрешения – в прошлом, да за эти грехи бог им судья да совесть.

Не возникает симпатии к обвиняемым, ну, а «свидетели и судьи» просто-напросто вызывают отвращение. Интересно, что В.П.Бурлов свои «довожу до сведения» печатал на той же самой машинке, на которой спустя несколько десятилетий вел переписку с новокурлакскими краеведами...

Никита Новицкий (г.Астрахань)

«Астраханщина»

Читая материалы «Астраханского дела», поражаешься, что в финансовой сфере, на то время самой серьезной и ответственной, творился форменный беспредел.

Приведу в пример инспектора А.М. Белянина, проходившего в качестве подсудимого на процессе. Приехав в 1925 году в Астрахань на должность инспектора 1-го участка, Белянин сразу попал в поле зрения владельцев крупнейшей в Нижнем Поволжье фирмы «Волгарь», специализировавшейся на бакалейно-мучной торговле. Данная фирма взяла «своего» инспектора на полный пансион: компаньоны «по бизнесу» не только взяли на себя расходы по проживанию Белянина в престижном доме в центре города, но и, учитывая слабость 28-летнего инспектора к прекрасному полу, подрядились содержать его пассию, щедро оплачивая ее немые траты на дамские побрякушки и наряды. Один из совладельцев фирмы И.Е.Калинин в своих показаниях на следствии рассказал, что фактически глава предприятия Ф.Г.Батцев, отчитываясь на совещаниях с компаньонами о делах фирмы, в числе прочих затрат неизменно упоминал и о такой статье расходов, как «на Белянина».

К теме «Астраханщины» обращались не только партийные органы печати, но и отдельные лирики.

*Неужель для этого рассеяли
Мы друзей в безвестные гроба,
Чтоб взошло купеческое сеево,
Чтоб в притонах пьяной Алексеевой
Гасла наша сила и борьба?
Неужель для этого утраты
Видели под грохот батарей,
Чтоб сегодня, опытом богатые
Хищные и хитрые Солдатовы
Хвастались победою своей?*

Ксения Замуховская (г.Москва)**Участие немецких рабочих в индустриализации СССР**

Любой путешественник, побывавший в СССР эти годы, отмечал, с одной стороны, перегруженные трамваи, плохое качество уличных покрытий, с другой – восхищался строительством московского метрополитена, прокладкой новых магистралей. Кто-то видел это из окна персонального автомобиля, а кому-то, как немецким рабочим Станкозавода или «Точизмерителя», приходилось приспосабливаться к жизни в городе, где рост численности населения перекрывал все ожидаемые цифры.

Трамвайные вагоны того времени были меньше современных, имели две двери, которые никогда не закрывались. Вторые двери, как и первые, раздвижные, вели с площадки в салон; обычно они тоже были открыты. Важной фигурой в трамвае был кондуктор (попытка ввести перед войной маршруты с электрокомпостерами закончилась неудачей). Большая часть вагоновожатых, кондукторов и стрелочников в 30-е годы – женщины. Стрелочниц в 1930 году была целая тысяча! С самого раннего утра до глубокой ночи эти бедно одетые женщины должны были дежурить на трамвайных перекрестках. В жару, в холод, в дождь и метель они стояли и сидели на раскладных стульчиках и вглядывались в подъезжающий трамвай, чтобы правильно перевести стрелку. В тридцатые годы, чтобы облегчить им работу, на моторные вагоны установили т. н. «лобовые огни» с разноцветными стеклами по бокам от номера трамвая. Пассажирам это нововведение тоже понравилось, помогало издалека определить свой номер и приготовиться к посадке, которая часто напоминала штурм.

В 1933 году к власти в Германии приходит Гитлер, а 8 мая 1934 года около 22 часов милиционер Прохоров, несший постовую службу на улице Разгуляй, услышал крики, доносившиеся с трамвайной остановки. В трамвае, как оказалось, прилично одетый гражданин оскорблял пассажиров, называя их свиньями. Милиционер высадил гражданина. Тот заявил, что никуда не пойдет и не подчинится советским жандармам, после чего ударил Прохорова два раза по голове. В 28-м отделении милиции задержанный стал обзывать милиционеров сволочами, бандитами, жандармами, а потом заявил, что «только через фашизм можно прийти к культуре». Выяснилось, что поборник культуры был гражданином Германии Таулем Густавом Бекманом двадцати трех лет. В 1931 году он приехал в СССР работать проходчиком на шахте метростроя. За свой поступок он получил год исправительных работ и остался работать на шахте.

Глава 7. **Никто** **не спросил:** **как они** **жили,** **как их** **воспитывали** (Народы и религии в России XX века)

Алексей Евстратов,
г.Борисоглебск Воронежской области,
средняя школа № 5, 11-й класс.
Научный руководитель И.И.Иванников

Следы еврейской **общины в городе** **Борисоглебске**

Десятый год я хожу в школу мимо еврейского кладбища, и никогда не обращал внимания на его состояние и на то варварство и вандализм, какие происходят на нем почти круглосуточно. Более того, я и сам в детстве часто играл на нем в войнушку со сверстниками. Мы ловко приспособливали густые заросли сирени под засады, а каменные плиты – под дзоты и доты, а зимой – под каркасы для снежных баб...

И только три месяца назад я узнал, что все это время я ходил мимо кладбища, со слов моего руководителя, «в бессознательном состоянии»... Теперь хожу с чувством неловкости и стыда, и каждый раз на этом месте мне вспоминаются строки из романа Тургенева «Отцы и дети», которые нам читала со слезами на глазах на уроке учительница литературы: «Есть небольшое сельское кладбище в одном из отдаленных уголков России. Как и все наши кладбища, оно являет вид печальный: старые, окружавшие его канавы, давно заросли, серые деревянные кресты поникли и гниют под своими когда-то крашеными крышами; каменные плиты все сдвинуты, словно кто их сталкивает снизу; два-три оципаных деревца едва дают скудную тень; овцы безвозбранно бродят по могилам...»

Наше кладбище выглядит еще ужаснее: сирень и клен густо заселили все могилы; железные ворота с ул.Пешкова так изогнуты и искромсаны, словно над ними неделю потел Шварценегер; каменные памятники почти все свале-

ны; надгробные плиты расколоты, на уцелевших – следы модного сегодня граффити: «КИСС», «РЭП», «ЦОЙ ЖИВ!» и проч.; по всему кладбищу кучами валяется бытовой мусор, шприцы и т.д.

И возникают многочисленные «почему?».

Почему меня тогда во время игры никто не остановил и не выгнал вшаей с этого святого для нормальных людей места?

Почему начальство не замечает этого варварства?

Почему наши евреи, а их около сотни, позволили такое отношение к последнему приюту людей их национальности?

К этим «почему» прибавляется еще куча «кто?».

Кто похоронен в этих могилах?

Кто отвечает за это кладбище?

Кто и когда его основал?

Была ли в городе еврейская община и кто ее возглавлял?

Ответить на эти вопросы – цель моей работы.

Следы еврейской общины

Если есть в городе кладбище и когда-то был молельный дом, значит, община была. Не устроилось бы все это по просьбе или за деньги одного еврея. Если Абрагам Соьер с многочисленным семейством в 1912 году смог уехать в Америку, – а это всегда стоило и сейчас стоит немалых денег, – значит, ему кто-то помог. А кто, кроме членов общины? Местные купцы или дворяне? Это было бы фантастикой или анекдотом.

А когда же зародилась община? Очевидно, в конце XIX века, после того как в город пришла железная дорога. Во всех источниках это время упоминается как время становления экономики, культуры, просвещения и медицины в городе. Только жаль, что документов нет никаких. И надежд на их существование тоже нет, особенно после встречи с директором музея Ю.А.Апальковым. Привожу дословно цитаты из интервью с ним:

«Вы очень смелый молодой человек! Я всегда приветствую любую поисковую работу по истории города, но вам помочь ничем не могу. Еврейская тема всю жизнь закрыта. Тут кропотливая работа опытного краеведа вряд ли даст какие-то результаты. Я более тридцати лет работаю с архивными материалами Тамбовской и Воронежской губерний, но официальных документов по этой теме не встречал. Персоналии, судя лишь по фамилиям, изредка встречались в отчетах городской думы и дворянского собрания... А на архивы время не тратьте даром – ищите в учебных заведениях, на предприятиях, в гимназиях, в больницах, старом военном городке... Идите, молодой человек, в народ...»

Одним словом, «утешил» меня Ю.А.Апальков. А еще больше поразил меня директор комбината благоустройства города М.В.Жданкин. Вот что он мне ответил на все вопросы о кладбище:

«В производственных планах нашего предприятия никогда не числилось еврейское кладбище, поэтому документов Вам дать никаких не могу. За его состояние отвечали те, кому оно принадлежало. Когда его закрыли – спросите нашего главного бухгалтера Марию Павловну – она у нас самый старый работник».

Мария Павловна была еще немногословнее:

«В 1975 году на одной из планерок горсовета сказали, что это кладбище

нужно считать закрытым, и больше туда никого не пускать – пусть теперь все хоронят на новом городском кладбище».

И еще одна история, связанная с еврейским кладбищем, которую мне рассказал руководитель. Во время перестройки самый молодой кандидат в депутаты А.Водолазский, желая поднять свой рейтинг перед выборами и тем самым набрать себе побольше голосов, решил навести порядок на еврейском кладбище. Но почему-то он не пошел к местным евреям, а обратился за помощью к первому секретарю комсомола – наверное, понадеялся на помощь молодежи, которой у нас очень много. Но его «послали»...

Водолазский так в депутаты и не попал. Подрабатывает на разных фирмах, «употребляет», развелся с женой (она у нас в школе учительница начальных классов)...

Вот такое у нас в городе отношение к другой национальности... А если бы в 30-х годах не отдали молельный дом под квартиру, то и община сохранилась, и кладбище было в надлежащем порядке, и семей порядочных было бы гораздо больше в нашем городе. А то у нас сейчас разводов 50:50...

Интервью с «Евреем» Н.А.Дундуковым

Еще до работы над темой, в июне, я ходил с ребятами из «Истоков» по городу – мы собирали старинные вещи, зарисовывали домовую резьбу и записывали уличные прозвища. На улице Ленинской один из коренных жителей сказал, что в доме напротив живет один мужчина по кличке «Еврей».

Мы тогда посмеялись, и я не обратил внимания, а в октябре пришлось искать встречи с этим мужчиной. Удивительно, но Дундуков оказался русским, и сразу же пошел на контакт, пригласив меня назавтра на дежурство – он работает посменно диспетчером. Николай Александрович оказался самым активным и ценным информатором в моей работе. Привожу сокращенное интервью с ним (дословно).

Автор. Николай Александрович, я ищу следы еврейской общины в Борисоглебске, не можете ли Вы мне в поиске? Извините, но у меня к Вам очень щекотливый вопрос по поводу Вашего уличного прозвища. Не обидное ли оно для Вас?

Дундуков. Об обиде и разговору нет. В свое время я, как и мои старшие братья, гордился своей кличкой...

Автор. Николай Александрович, а откуда пошло Ваше прозвище?

Дундуков. Я родился и вырос на еврейском кладбище и прожил на нем до 1979 года. Я туда и жену свою привел из ЗАГСа, и дочка там родилась.

Автор. А где именно Вы жили – на углу Пешкова или в переулке Крестьянском?

Дундуков. Да причем тут переулок?! Я прямо на кладбище жил! Там их молельный дом стоял, в нем мы и жили с тридцатых годов, когда горсовет нас туда вселил как многодетную семью.

Автор. Николай Александрович, а почему Вы гордились своим прозвищем?

Дундуков. Я не один гордился, старшие братья тоже все эту кличку носили. Как сейчас говорят, мы тогда были «крутыми» – мы здорово дрались. Нас в городе побаивались. А дрались мы за кладбище, потому что вся семья с него харчевалась. Я с братьями ловил щеглов, которые обжили кладбищенскую голу-

бую сирень. Мы их учили петь, делали под руководством отца клетки и продавали на базаре. Жили мы очень бедно: мама не работала, а отец был инвалидом. Наши щеглы были в цене: они намного громче и красивше пели, чем с городского кладбища или с Зеленстроя. Да вдобавок они особенные были, наши щеглы – они никогда не пели на жердочке, а всегда слетали на пол, на камушек – обломок могильной плиты – и наслаждались... Они и на ветках никогда не пели – всегда садились на памятник, поэтому их легче было поймать. Многие ребята завидовали и пытались воровать наших щеглов, но мы к кладбищу не подпускали никого и часто дрались, а в город всегда ходили скопом...

Автор. Николай Александрович, что Вы можете сказать про еврейскую общину? Была ли она в городе? Кто ее возглавлял в эти годы?

Дундуков. Про общину ничего твердо сказать не могу. Наверное, была. Я часто видел похороны, собиралось до десяти человек и руководил всеми главврач кожвендиспансера Фердинанд. Потом они читали молитвы в котухе, в коридоре нашего дома, там еще лопаты стояли...

За этот котух Фердинанд каждый месяц маме деньги приносил. Нам часто приносили еду, особенно по праздникам. Опельбаумы приносили и другие. Раза два дядя Володя Ясман приносил, и все время ночью – наверное, побаивался – он же в горькоме работал... Так что мы частенько пировали – жили-то впроголодь...

Еще помню, как я подглядывал и подслушивал, когда они собирались, переодевались во все черное и в шапочки и молились на своем языке. Я, конечно, ни бум-бум в этих молитвах, но было жутко интересно...

Часто жена Опельбаума приходила – сухая такая горбоносая старушка, и все просила маму и нас, чтобы белье не вешали над могилами и не спускали Любку с прикола – коза у нас одно время дойная была.

Автор. А что еще интересного, на Ваш взгляд, было связано с кладбищем?

Дундуков. Да много чего было – жизнь там прошла...

Целый год у меня нянькой была еврейская девочка Розка. Это мне мама рассказывала. В голодном 47-м (мне уже второй год шел) на кладбище пришла старая оборванная еврейка с семилетней рахитной девочкой. Беженка с Украины, еще с войны... А пришла она на кладбище умирать – к своим. Девочка ей чужая была совсем. Еврейка на третий день умерла. Ее тоже Фердинанд хоронил. Ее могила в четвертом ряду, где плиты на еврейском языке надписаны... А Розка у нас почти год жила, а потом жила у многих наших евреев – они ее в детдом так и не отдали. А ты Гришку Камельхара знаешь? Он всегда на площади праздники ведет – так это его мать!

Она, кажется, и замуж не выходила. После ПТУ ее какой-то офицер пригрел... Последнее время она техничкой работала в Доме офицеров...

Автор. Николай Александрович, а Вы потом с Розой общались?

Дундуков. Нет. Она какая-то нелюдимая была, как кошка дикая. Так, здоровались иногда при встрече...

Мы больше всего с Фердинандом общались. Он нас никогда не забывал. Отца лечил, уколы делал, когда он совсем слег, записки и рецепты писал Нарольскому в аптеку, а я за лекарствами бегал. А самого Фердинанда похоронили на городском кладбище. Хоронил его Резак – начальник авиаремзавода. Я с женой, детьми и двумя братьями тоже на похоронах был – грех было не пойти... Я как-то заходил на родное место – тихий ужас... От дома один фундамент остался, а на могилах...

Автор. Спасибо за помощь. Вы очень помогли поиску. Возьмите фотографии на память о кладбище...

Талант, рожденный в Борисоглебске

В начале XX века в городе жила еврейская семья Сойеров, в которой было два брата: Рафаэль и Мозес. Близнецы родились 25 декабря 1909 года. Во время очередного еврейского погрома в 1912 году семья Сойеров бежит за границу из «гостеприимной царской России». В 1915 году Сойеры попадают в США. Жизнь там медом не казалась, но все же Рафаэль с 1914 по 1917 год обучается с братом в частной художественной школе в Нью-Йорке. Какой ценой обходилось родителям это обучение, остается только догадываться. Далее история брата Мозеса в художественном изобразительном искусстве на этом обрывается, а вот Рафаэль с 1918 по 1922 год обучается искусству художника в американской академии искусств у педагога-художника Ги Пэна дю Буа.

Далее биография Рафаэля Сойера как две капли воды похожа на биографию любого эмигранта всех времен и народов: разносчик газет, почты, уборщик и мойщик посуды в ресторане, рабочий на фабриках и заводах.

Но в 1929 году двадцатилетний художник становится одним из учредителей «Клуба Джона Рида». В этом же году Сойер проводит свою первую персональную выставку сначала в клубе, а потом в картинной галерее в Нью-Йорке.

С 1922 года выставки становятся ежегодными. Рафаэль Сойер – художник-реалист. Его картины отображали сцены из жизни американских городских окраин и рабочих кварталов, позднее, с сороковых годов, он пишет портреты своих близких, членов еврейской общины.

Умер Рафаэль Сойер в 1987 году в Нью-Йорке. Его картины представлены в музее Метрополитен в США. А могли быть представлены и в Москве, и в Санкт-Петербурге рядом с картинами Рябушкина и Куприна, но борисоглебцы ограбили сами себя в начале века.

«Последние из могикиан»

Самой крупной фигурой среди борисоглебских евреев был Р.М. Фердинанд. Судя по рассказам многих информаторов, он возглавлял еврейскую общину, хотя документов никаких нет.

Рафаил Маркович родился 1896 году, место рождения неизвестно. На фото 1920 года он запечатлен с коллективом городской больницы – будущая больница им. Семашко. На этой же фотографии был опознан М.Ц. Брумберг. Р.М. Фердинанд был направлен к нам на работу после окончания московского мединститута, приехал он вместе с женой Региной Борисовной. Судя по фотографиям и документам борисоглебского кожвендиспансера, Фердинанд работал в первой городской лечебнице, а затем с 1929 года создал на ее базе кожно-венерологический диспансер и возглавил его. Работал бесценно главврачом до самой смерти.

Как и у многих, в годы войны (1942–1944) у него был перерыв в гражданской службе. Р.М. Фердинанд с начала войны курировал в городе шесть госпиталей, а в 1942 году был призван на фронт и служил на должности начальника госпиталя на разных фронтах.

В 1965 году Фердинанд похоронил свою жену на еврейском кладбище.

В 1967 году Рафаил Маркович умер на рабочем месте, сидя над отчетом в облздравотдел. Похоронили его на городском кладбище со всеми почестями.

Вот что писал о работе главврача кожвендиспансера (газета «Строитель коммунизма», 20 июня 1959 г.) ответсекретарь Ю.Л.Иориш:

«Много труда вложил Р.М.Фердинанд в создание межрайонного кожвендиспансера. Из городской лечебницы постройки 1876 года он создал образцовое лечебное учреждение этого типа во всей Воронежской области. Оборудовал уникальную лабораторию, с помощью коллектива благоустроил прилегающий пустырь под зону отдыха больных и посетителей, разбил цветочные клумбы. Особой гордостью работников диспансера является теплица, дающая столу больных обилие витаминов круглый год».

И как она перекликается с одной статьей «Борисоглебского листка» 1914 года еще об одном враче-еврее:

«Цифра 40–50 тысяч амбулаторных больных, принимаемых ежегодно Н.Н.Масловским и М.Ц.Брумбергом, свидетельствует о той громадной работе, которая падает на земских врачей, в то же время эта цифра может дать и косвенное представление о тесноте, которая царит в маленьких, убогих по обстановке ожидальне, кабинетах врачей и амбулатории».

Отсюда вывод: именно евреи стояли у истоков становления борисоглебской медицины в конце XIX и начале XX века.

Другой яркой личностью в городе был И.А.Резак, советский офицер. Исаак Абрамович родился на Украине, там окончил среднюю школу. В 1941 году без экзаменов поступил в Ленинградскую военно-воздушную академию на инженерный факультет. По окончании академии служил на авиаремзаводах Йошкар-Олы, Дальнего Востока.

В 1945 году в г.Комсомольске женился на чертежнице Лие Наумовне Букингольд, а через год родился сын Юрий, а в 1947 году – дочь Софья.

В 1965 году полковник Резак прибыл в Борисоглебск и служил начальником авиаремзавода до выхода на пенсию.

Исаак Абрамович стал искать контакты среди евреев города и подружился с Р.М.Фердинандом. Очевидно, оба они пытались возродить еврейскую общину, но их попытки не увенчались успехом.

В 1973 году И.А.Резак ушел в отставку, но продолжал работать на разных должностях на предприятиях города. Умер он в 1989 году. Сейчас в городе живут его жена Лия Наумовна, сын Юрий и дочь Софья. К сожалению, И.А.Резак не передал своим детям свои знания родного языка, молитв и обрядов. У Ю.Резака есть сын Ростислав, а у его сестры – сын Марк, который в настоящее время живет и учится в Израиле.

Это первый факт в борисоглебской еврейской семье, когда россиянин по собственному желанию и без всяких препятствий выехал на жительство за границу и свободно приезжает на каникулы, как мы к бабушке в деревню.

Лия Наумовна при всех встречах с ней постоянно подчеркивала с гордостью: «Наша семья – приличная семья. И у многих евреев в нашем старом авиагородке тоже приличные семьи: у Шоммеров, у Гасулей, у Заславских».

Почти все евреи живут этой заботой, поэтому у них нет разводов! В этом, видимо, сказывается менталитет, традиции нации и, возможно, родовые заветы.

Этот многострадальный Корман

Борис Осипович Корман родился 15 апреля 1922 года в г.Речица Гомельской области Белоруссии в семье служащего. В 1939 году поступил на факультет русского языка и литературы Гомельского педагогического института, но в 1941 году начавшаяся война прервала учебу. Позади были два курса. Семья оказалась в г.Коканде (Средняя Азия). В армию Бориса Осиповича не взяли из-за очень плохого зрения, и он стал работать табельщиком на строительстве сахарного завода, где трудился по 12–14 часов.

В 1942 году Корман отправил письмо и зачетную книжку в Ленинградский педагогический институт, и скоро ему сообщили, что он будет зачислен на третий курс.

В это время умерла мать Бориса Осиповича, и ему приходится нелегко. Он подрабатывает то в школе учителем немецкого языка, то в сельскохозяйственном институте преподавателем русского языка и литературы.

Очень рано, уже в 29 лет, Борис Осипович стал заведовать кафедрой, но ректор института не захотел оставить его на кафедре при распределении. Корман с женой вынужден был уехать в Коканд, где устроился учителем в школу.

Борис Осипович сдал два кандидатских экзамена в Сталинабадском педагогическом институте и был принят на должность старшего преподавателя кафедры литературы и при этом – в аспирантуру.

В 1947 году на заседании кафедры обсуждался доклад одного из преподавателей, который был построен исключительно на цитатах из работ Маркса и Энгельса. Одна из преподавательниц выступила с критикой доклада. Борис Осипович был с ней согласен. Его обвинили в космополитизме. В 1949 году Кормана сняли с работы, и в 1950 году он с женой переезжает в Борисоглебск.

Годы работы в г.Борисоглебске можно назвать самыми лучшими и спокойными в жизни Бориса Осиповича. До конца 1971 года Корман работал в Борисоглебском педагогическом институте. Первые пять лет он боялся: вдруг кто-то из Сталинабада узнает, где он, и пришлет донос (о том, что Борис Осипович – космополит). Впоследствии выяснилось, что донос тогда все-таки пришел, но, к чести ректора Константинова Евгения Викторовича, он не дал ему хода.

В 1952 году, когда политическая реакция и, соответственно, антисемитизм были очень сильны, из Воронежа (областной центр) в Борисоглебск была приглашена авторитетная комиссия для проверки работы института. Сноровистые в таких делах члены комиссии мгновенно выудили из списка сотрудников института фамилию «Корман» и пригласили его на заседание в кабинет ректора. Когда Борис Осипович вошел и поздоровался, «главный», не приглашая его сесть, задал вопрос: «Расскажите, Корман, о Вашей теории притеснения студентов». В руках он держал протокол заседания Совета, где было выступление Бориса Осиповича, в котором он говорил о необходимости усилить требования к студентам.

И тут произошло совершенно непредвиденное событие: ректор, а вслед за ним и остальное институтское начальство, поддержали Бориса Осиповича и буквально вырвали его из зубов комиссии.

В 1965 году Борис Осипович получил докторскую степень, а в 1967 году – профессорское звание.

В Борисоглебске Корман написал значительную часть своих научных трудов, здесь он фактически создал кафедру и научную школу, организовал систематический выпуск ученых заметок.

Круг научных интересов Б.О.Кормана весьма обширен, но можно выделить две темы: теория «автора» в художественном произведении и история русской лирики XX века, которые органично слились в его докторской диссертации: в книге «Лирика Н.А.Некрасова» (Воронеж, 1964).

И жизненные обстоятельства, и служебное положение – все складывалось вполне благополучно. Но Б.О.Корман принял решение переехать из Борисоглебска в университетский город.

Из воспоминаний Н.В.Фоминых, проректора ВГПИ, бывшей ученицы Б.О.Кормана: «После отъезда Бориса Осиповича изменилась даже атмосфера и на факультете, и на кафедре, резко снизилась дисциплина студентов как в обучении, так и в поведении. Для института это была огромная потеря... После Кормана мы довольствуемся лишь тем, что к нам изредка с лекциями наезжает из ВГУ И.А.Стернин, профессор Ласунский – такие же умницы, как и Борис Осипович. И после их отъезда на факультете и на кафедре преподаватели долго предаются ностальгическим воспоминаниям о 60-х, о Кормане, о его жене Эмилии Наумовне».

Выбор Бориса Осиповича пал на Ижевск, где на базе педагогического института создавался новый университет. Осенью 1971 года Корман был избран на должность заведующего кафедрой русской и советской литературы Удмуртского государственного университета.

Здесь Корман в 1978 году написал книгу «Практикум по изучению художественного произведения. Лирическая система», которой до сих пор пользуются преподаватели и студенты России и многих зарубежных стран.

2 марта 1983 года инфаркт оборвал жизнь Бориса Осиповича Кормана, известного литературоведа и педагога. Но и за отпущенный судьбой срок ученый сделал немало, так что его имя останется не только в памяти имевших счастье знать его лично, но и в науке, в литературе.

Жена Б.О.Кормана – Эмилия Наумовна – после смерти мужа уехала в США. Сын – Илья Борисович – остался в России. После окончания Борисоглебской средней школы № 3 учился в Воронежском университете, затем работал во многих высших учебных заведениях. Сейчас Илья Борисович – профессор одного из университетов г.Ростов-на-Дону.

Из воспоминаний одноклассника профессионального поэта Игоря Лукьянова: «С Илюшкой я учился с первого по седьмой класс. Один год мы даже сидели за одной партой. Он был в классе заметной фигурой, но не только как отличник. Высокий, массивный, как медведь, добродушный, мягкий, отзывчивый, внимательный, как его отец».

Из воспоминаний однокурсника по Воронежскому университету Ю.И.Резака: «Илья Борисович поражал меня и однокурсников своей работоспособностью, феноменальной памятью. Избегал студенческих пирушек. После окончания университета его оставили на кафедре, а я вернулся в Борисоглебск строить развитый социализм».

Семья Фонштейнов в Борисоглебске

Фонштейн Сергей Александрович (1935–1993) приехал с матерью (после смерти отца) в Борисоглебск в 1954 году. Служил в армии, работал на разных предприятиях города. В 1962 году окончил дорожный техникум, работал до-

рожным мастером, заочно учился в Воронежском инженерно-строительном институте. С 1965 года работал преподавателем дорожного техникума и завучем. На его долю пришлось много работ, трудов и ночей бессонных (вместе с директором) по строительству нового типового комплекса современного техникума. Из воспоминаний дочери: «Папе можно было бы этими делами и не заниматься, но такой уж у него характер был беспокойный – до всего ему было дело... Он года полтора из Москвы не вылезал только с одним проектом. А сколько было забот с лабораториями, техникой – не описать!»

С.А.Фонштейн награжден медалями «Ветеран труда», «Почетный дорожник» и многочисленными дипломами и грамотами. Фонштейн Земфира Михайловна (Козловская) – экономист, после окончания Московского финансового института была направлена в Борисоглебск в городской финотдел. С 1956 года работала в горфо экономистом, начальником налоговой инспекции, главным налоговым ревизором. В 1962 году вступила в брак с С.А.Фонштейном. В 1972 году родилась дочь Катя.

З.М.Фонштейн зорко стояла на страже городских финансов. Как ее только ни называли в заинтересованных кругах! «Неподкупная Земфира», «Штирлиц», «Железная леди». Все информаторы рассказывали о том, какой крутой характер имела Земфира Михайловна, но все также восхищались ее компетентностью и вопросах финансов и экономики города, ее честностью, порядочностью.

В 1997 году З.М.Фонштейн оформила пенсию, но продолжала работать. Через год умерла прямо на рабочем месте – инфаркт.

Рассказывает Л.А.Горячева: «У всей администрации шок был. Она же здоровая была, как лошадь, и тут – на тебе! Это ее новая двойная бухгалтерия доконала, особенно представители мелкого и крупного бизнеса... А на ее похороны почти все бухгалтера и экономисты города пришли – около тысячи человек у «Белого дома» собралось...»

Информатор моя немного слухавила: не только бизнесмены стали косвенными виновниками ее смерти, но и администрация тоже. О разных делишках чиновников ходят у нас целые легенды.

Театр одного актера

Михаил Ефимович Штраймелъ родился 5 мая 1922 года на Украине. В 1940 году закончил среднюю школу и поступил в Одесское пехотное училище, но закончил только первый курс: с 1941 по 1944 год воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Был командиром взвода курсантов, командиром пулеметной роты и командиром взвода разведки. М.Е.Штраймелъ освободил Ленинград. У него много боевых наград.

Во время войны из всей семьи Штраймелей он уцелел один: отец умер от ран в 1944 году, мать погибла при бомбежке, два брата сложили свои головы в партизанах.

На войне М.Е.Штраймелъ влюбился в борисоглебскую радистку Машу Пентухину, а свадьбу сыграли в окопах на передовой. После ранения в 1944 году Михаил Ефимович повез свою жену в родное село на Украину, но села не оказалось: немцы сожгли его дотла, и они приехали в Борисоглебск.

В нашем городе М.Е. Штраймелъ работал военруком в школе (его звание –

старший лейтенант), мастером литейного цеха, но после курсов с 1952 года он работает продавцом в магазине «Семена».

У М.Е.Штраймеля была большая семья, но с 1978 года она пошла на убыль: погиб на флоте сын «при исполнении», в 1999 году в Москве в аварии погибла дочь Татьяна, а через месяц умерла жена...

Осталось у него две дочери: Наталья – учительница и Ася – предприниматель. Еще четыре внука и два правнука. Жизненный путь Михаила Ефимовича сложный и трудный, но он не сломался. Веселее, интереснее и известнее человека чем он в городе, нет. Все его зовут дядей Мишей или Мишей.

Для меня дядя Миша – самый интересный человек из всех, кого я встречал и жизни, и во время поиска. Еще до знакомства с ним я приходил в магазин и смотрел, как он работает. Он никогда не замолкает, даже во время подсчета сдачи покупателю, у него в минуту вылетает комплимент за комплиментом старушкам и девушкам, шутки, прибаутки, способы посадки, хранения, проращивания семян сыплются из него, как из рога изобилия. И все это он делает с таким выражением на лице – просто артист!

А при встрече у него дома Михаил Ефимович меня поразил: он убежденный коммунист – до сих пор является членом КПРФ! Я не могу даже описать, с какой гордостью он мне показывал диплом об окончании Высшей партийной школы, который он мне не дал даже подержать, не говоря уж о ксерокопии! Когда я его спросил об отношении к современной жизни города и России, он так возмущался «всем этим бардаком в стране», что дело дошло до таблеток...

Вот такой веселый, интересный и по-прежнему весь советский дядя Миша живет в нашем городе. По фамилии Штраймель, а в паспорте «украинец».

«Новичок» в классе

Илья Моисеевич Брик приехал в Борисоглебск в конце семидесятых после окончания Московского института и до сих пор работает на физмате БГПИ. Человек одаренный: геометр, физик, математик, программист. Увлекается литературой, зарубежным и отечественным кино – ведет двенадцатый год кинолекторий в кинотеатре «Победа».

У И.М.Брика много научных работ в разных областях, но звания ученого он не имеет – жизнь так сложилась... Брик родом из Коломны, отец еврей, а мать русская, которую он недавно похоронил, после тяжелой пятилетней болезни. А еще на его плечах семья, где он отменный повар и кулинар, дача и многолетние скитания по квартирам – только восемь лет назад он получил благоустроенную квартиру в микрорайоне.

Судьба Брика очень похожа на судьбы многих советских евреев. Правда, на него не было таких гонений, как на Кормана, но в институте на кафедре его почему-то не оставили, а когда он участвовал в областном конкурсе методических разработок как педагог дополнительного образования (он ведет кружок программирования с 1985 года), его блестящая работа по программированию не удостоилась даже упоминания...

И.М.Брик долго жил холостяком, но в 1980 году влюбился в студентку-отличницу с начфака Татьяну Викторовну Кузнецову из Саратовской области. В 1985 году у них была свадьба, в 1986 году родился сын Евгений – мой одноклассник. Женька учится со мной с первого класса и фамилия была у него Кузнецов.

1 сентября 1996 года наша классная на первом уроке с улыбкой представила новичка: «Знакомьтесь, ребята, у нас новичок – Брик Евгений!»

Смеху было! И я смеялся, но теперь точно знаю, что Илье Моисеевичу всю жизнь было не до смеха из-за его фамилии, как и Корману...

А И.М.Брик, как и Корман, очень требователен к студентам. Мне мой сосед-первокурсник с физмата рассказывал, что у них в лаборатории на столе была надпись ручкой: «Лучше задом сесть на пику, чем сдавать экзамен Брику!» Очень красноречивый стишок, но, на мой взгляд, больше говорящий о самом авторе, а не об учителе...

«Свой среди чужих, чужой среди своих»

Представители рода Ясманов появились в нашем городе в начале XX века. По информации Ю.А.Апалькова, в 1914 году петроградский купец Бакинов купил в городе у фабриканта Линке его колбасную фабрику. Вместе с купцом приехал и семейство Ясманов, и его члены работали на этой фабрике. Вероятно, после революции, когда мясоконсервная фабрика стала государственной, глава семьи Борис Ясман оказался не у дел и занялся скорняжным промыслом на дому – стал шить меховые шапки и продавать их на базаре. Отсюда вывод, что на самой фабрике он не работал, а, скорее всего, в одном из цехов на бойне, где снимались шкуры с убитых животных и потом обрабатывались и шли в скорняжный цех. (Этот вонючий на весь город цех работает до сих пор и расположен на старом месте через улицу напротив бойни).

Сын Владимир родился в 1932 году и был третьим и последним ребенком в семье. В 1949 году Володя закончил школу и потом служил в армии. После службы Владимир Борисович работал инструктором горкома комсомола, потом внеклассным организатором в СПТУ № 7 и перед пенсией десять лет работал директором кинопроката.

Владимир Ясман, по словам многих информаторов, личность в городе была знаменитая. Это был совсем обрусевший рубаха-парень, до сорока с лишним лет он не сходил с самодельной сцены. И не только с баяном, как написала его сноха, а больше с гармошкой местного производства. Эти гармошки он же и настраивал и нерабочее время по приглашению мастера цеха, потому что имел абсолютный музыкальный слух. А на гармошке он творил чудеса и за них на конкурсах имел множество грамот. Владимир Борисович совсем не заботился, как другие евреи, о порядочности семьи, а больше о карьере. Он мог выпить с любым человеком и в разных местах. Например, во дворе, и потом от души петь под гармошку песни и даже матерные частушки.

Но какие бы легенды про него ни ходили в городе, все же от своих корней он не отрывался так окончательно, как сейчас это делают другие. Судя по фактам, можно предположить, что Владимир Борисович находился некоторое время меж двух огней: с одной стороны – карьера советского чиновника, с другой стороны хоть редкое и тайное, выполнение поручений Р.М.Фердинанда, например, оплата за «котух» семье Дундуковых...

В.Б.Ясман умер, но остался в городе его сын Александр Владимирович Ясман. Имеет двух детей и фирму «СВЛ. ИНВЕСТПРОМ». Торгует нефтепродуктами, а был директором вечерней школы. К сожалению, он пополнил список отказников (тех, кто отказался со мной беседовать), сославшись на занятость.

Мой краеведческий поиск был осложнен отказом предоставить информацию, документы и т.д. Многие интересные личности совсем не пошли на контакт, другие с удовольствием говорили, но только не о себе. Я долго не мог понять – в чем дело? В моей несолидности? В неумении общаться? Но ведь получалось же у меня с другими!

Только к концу работы я понял причины отказов. Это – закрытость темы (даже у чиновников администрации!); извечный страх евреев (и не только в эпоху социализма), который, по словам моего руководителя, уже переходит из поколения в поколение на генном уровне. Именно отсюда и появляется запись в паспорте у еврея «русский», «украинец». Приведу несколько «причин» отказов, они о многом говорят. «Я не еврей, я – украинец»; «Семейный архив – дело сугубо личное»; «Я очень занят, извините, молодой человек»; «Я не хочу говорить на эту тему»; «Я старый и больной человек и прошу вас меня не беспокоить» (это очень часто и, в основном, через дверь).

К сожалению, я так и не смог ответить на все вопросы, поставленные в начале работы, но я все же доволен даже тем, что хоть немного приоткрыл наглухо запечатанную еврейскую тему в нашем городе.. Я знаю, что это только начало большой работы. Очень много нужно сделать по этой теме. Я даже план наметил:

1. Найти следы Брумберга и других евреев-врачей, стоявших у истоков бори-оглебской медицины.
2. Найти следы учителей четырех городских гимназий.
3. Связаться с сыном Кормана для будущей работы на тему «Человек и малая родина».
4. Попытайтесь перевести с идиша надписи на могильных плитах.
5. Ближе к Пасхе подготовить с руководителем статью в местную газету с фотографиями с кладбища и с моими безответными вопросами.

Одноклассники мне говорят, что это мне теперь не нужно, потому что я в этом году заканчиваю школу, родители того же мнения, но я с ними не согласен. Мне теперь это очень нужно. Чтобы не было так стыдно и обидно и за себя, и за горожан, и за тех евреев, что живут в моем городе, а некоторые родились в нем.

В заключение я хочу рассказать о своей работе с руководителем.

Иван Иванович посоветовал взять мне эту тему с самого начала. Потом мы вместе ходили на кладбище, фотографировали могилы, он учил меня составлять план и искать следы и признаки утраченных захоронений. Мы вместе составляли план работы, придумывали названия главам, разрабатывали вопросы для интервью. Он давал мне советы, к кому следует обращаться, какие книги читать, как читать трудовые книжки и другие документы и по ним составлять биографию человека. Иван Иванович много рассказывал о евреях всего мира, об образовании их государства, о русских художниках, поэтах и музыкантах. А еще он много интересного рассказывал о своих однополчанах-евреях с Байконура: как он ездил к ним после армии в Киев, Львов, Харьков, Владимир-Волынский и в Одессу, и как его там встречали они сами и их родители. По совету руководителя я ходил, как в театр, в магазин «Семена», послушать и посмотреть во время работы на М.Е.Штраймеля перед тем, как взять у него интервью.

Я очень многое узнал, благодаря руководителю, а главное, я теперь хожу по городу почти в «сознательном состоянии».

Марите Руткаускайте,
г.Пермь, гимназия «Ювента»,
11-й класс.
Научный руководитель
А.О.Гребенщиков

Литовские спецпоселенцы: свои или враги?

Что такое история?

Когда я была маленькой, бабушка рассказывала мне о том, что мои родственники были выселены из Литвы силой. Тогда ее рассказы были похожи на страшные сказки. Кто имел право это сделать? Почему это произошло? И что такое выселить силой? Когда мы играли в «Царь горы» и после того, как я оказывалась сброшенной вниз и меня не пускали наверх, мне вспоминались бабушкины рассказы. Но мне казалось: в жизни такое, что рассказывает бабушка, не может быть.

Бабушка больше ничего не рассказывала. Дедушка, который был выслан маленьким, не любил распространяться на эту тему. И я думала, что большая часть из того, что говорят – преувеличение людей, которые хотят, чтобы их пожалели.

Но мои взгляды резко изменились в прошлом году, когда у нас в гимназии показывали выставку: «Пятая графа. Причина репрессий – национальность». После урока многое для меня стало неожиданным, новым. Я снова вспомнила бабушкины рассказы, но сейчас они казались мне еще страшнее. Выставка буквально раскрыла мне глаза на то, как важна в истории жизнь одного народа, состоящего из конкретных людей. Мне стало скучно и обидно на уроках истории. В учебнике много говорят о больших, великих, известных людях, личностях, но забывают о судьбе «маленького человека», с его мыслями, переживаниями, его счастьем и горем. Мои родственники не знатные люди, но это моя история.

Я стала спрашивать папу. Его рассказы дали мне новые сведения, которые он узнал от бабушки. Я начала читать книги о депортации прибалтийских и других народов. В начале учебного года я узнала о конкурсе «Человек в истории» и у меня возникло желание заняться серьезным исследованием истории литовского народа на примере судьбы моих родственников.

Трудность заключалась в том, что между нами тысячи километров. Звонить же в Литву и разговаривать об этом по телефону неудобно. Поэтому я составила вопросы и отправила их по Интернету.

Пока ждала материалов из Литвы, я собирала информацию здесь, в Перми. Я пошла в Информационный центр ГУВД Пермской области, где находились

личные дела моих родственников. Там сидели на вид очень «доброжелательные тети», которые постоянно искоса смотрели в нашу сторону, показывая, что мы тут не совсем желанные гости. Сначала они даже не разрешили нам делать копии с документов. «Этот документ – говорили они, – внутреннего пользования, и мы не можем дать вам его копию». Таких документов было очень много! Но, к счастью, нам разрешили делать себе на листочках записи, которые они потом тщательно проверили. В конце работы в архиве Информационного центра мне повезло: разрешили сделать ксерокопии некоторых документов.

Одновременно я встречалась с моей двоюродной бабушкой Лидией Яковлевной Воробьевой. Ее воспоминания я записала на диктофон, а потом расшифровала.

Я получила по факсу материалы из Литвы. Двоюродный дедушка Теофилюс пишет о том, что ему запомнилось и что потом рассказывали его мама (моя прабабушка) и братья. Это рассказ человека, пережившего страшные испытания сталинского «счастья».

Это помогло мне создать для себя более полную, живую, яркую, но и более трагическую картину, чем у меня была раньше, а также понять взаимоотношения между разными людьми, которые жили в поселке Визияй Кудымкарского района Молотовской области.

Потеря родины. Билет в один конец

Моего прадеда звали Руткаускас Антанас. Он родился в 1906 году в семье крестьянина Руткаускаса Каралиса и Каролины. Прапрадед Каралис занимался сельским хозяйством. У него было 17 гектаров земли. Еще он работал секретарем в местной администрации. Когда в 1922 году умер Каралис, Антанасу было шестнадцать лет. Из-за смерти отца ему пришлось бросить учебу. Он стал главой семьи, и на его плечи легли все тяготы крестьянской жизни. Через несколько лет у него появилась своя семья. Женой Антанаса стала Мария Ярушавичус.

В своих воспоминаниях Теофилюс утверждает, что Антанас женился в 1925 году. Однако Мария в своей автобиографии, которая хранится в ее личном деле, пишет, что вышла замуж за Антонаса в 1921 году. А в протоколе допроса к ее делу записано, что «в 1923–1924 году я вышла замуж за...Руткаускас Антанас»¹. Как можно понимать такое расхождение в годах? Я попробовала решить эту проблему, но для этого мне пришлось ответить на другой вопрос: когда родилась Мария? В личном деле прабабушки фигурируют три цифры: 1900, 1911, 1918 годы рождения. В автобиографии она пишет, что родилась 15 января 1900 года. В нескольких других документах (посемейная карточка, запрос-проверка²) написаны 1911 и 1918 годы рождения. Эту путаницу пытался разрешить комендант спецкомендатуры л-т Конин во время допроса Марите (Марии) 18 сентября 1954 года. Он задает ей вопрос: «Назовите ваш правильный год рождения 1911, 1918 или 1900 году?» Она отвечает: «Мой правильный год рождения 1900».

Однако ее сын, Теофилюс, утверждает, что она родилась в 1906 году. Думаю, что прав Теофилюс. Он пишет: «В 1925 году, будучи 19 лет женился (Антанас) на нашей матери Марии, которой тоже было 19 лет». Я считаю, что Теофилюс не мог ошибиться, так как свои воспоминания он писал в Литве в 2002 году, когда правду сказать уже никто не боится. Кроме того, он долгое время после возвращения в Литву общался со своей матерью, отмечали дни рожде-

ния, юбилеи. Поэтому я могу сделать вывод, что Мария, находясь на поселении, умышленно изменила год рождения. Возможно, этим надеялась добиться улучшения положения семьи. Например, получить какие-то льготы для себя и (или) своих детей. Лидия Яковлева в своих воспоминаниях упоминает о разнице в возрасте между Марией и Антанасом, но не называет точный год ее рождения. За все время поселения прабабушка ни разу не обмолвилась о том, что родилась в 1906 году. Откуда взялись 1911 и 1918 годы сказать сложно. Могу предположить, что ее хотели записать более молодой, чтобы заставить выполнять на поселении тяжелую работу, которая не назначалась пожилым людям.

О том, что год свадьбы – 1921 – нереальный, свидетельствует тот факт, что в это время и Марии, и Антанасу было пятнадцать лет. Скорее всего, в этом возрасте они не могли пожениться по закону. Возможно, что в этом году Мария и Антанас только познакомились. Они жили в соседних поселках: Антанас жил в деревне Бутерманцы Бутерманской волости; Мария же вместе с родителями, Ионасом и Елизабеттой Ярушавичус, проживала в той же волости в деревне Пикушкес. Более правдоподобным выглядит неточное время свадьбы: 1923–1924 годы. Но опять я думаю, что правильный год назвал Теофилюс. Указывая в автобиографии и протоколе допроса другой год свадьбы, Мария исходила из тех же соображений, которые у нее были, когда она скрывала настоящий год рождения. Моя прабабушка была неглупой женщиной. У нее всего два класса образования, но она понимала, как нужно действовать в той или другой ситуации. Этому ее научила жизнь.

В семье Антанаса и Марии родилось восемь детей. Самый старший из детей – Иозас, родился в 1929 году.

Перед самой войной Антанас сделал капитальный ремонт всех хозяйственных построек и частично закупил материал на новый дом. Во время войны он его построил. Каким образом Антанасу удалось построить дом во время войны, когда дома разрушали, а не строили? Иозас в своей автобиографии, хранящейся в личном деле, сообщает: «До соединения Литвы с Советским Союзом отец работал старостой 12 лет»³. Архивные документы не дают однозначного ответа на вопрос: когда именно Антонас был избран поселковым старостой? В своих воспоминаниях Теофилюс говорит, что отца впервые односельчане избрали старостой в 1934 году. Учитывая год рождения самого Теофилюса, я не могу полностью полагаться на его информацию, которую он мог получить только от матери или братьев. Но из этих цифр видно, что Антанас был избран поселковым старостой в первой половине 30-х годов. Теофилюс продолжает: «В 1940 году, когда впервые вошли войска (советские), отец отказался от выборной должности, стал работать только на своей земле». Об этом Теофилюс тоже мог узнать только от своих ближайших родственников, например от Иозаса, который в той же автобиографии пишет: «Когда Литва соединилась с СССР, отец работал с полгода старостой, после чего был освобожден от работы»⁴. Так отказался или был освобожден? Две причины могли побудить Антанаса оставить место поселкового старосты: он уволился по собственному желанию, потому что не собирался связывать себя никакими отношениями с советской властью, так как воспринимал приход русских, как оккупацию Литвы, или он ушел после оказанного на него давления со стороны новых «хозяев».

Вскоре после начала Великой Отечественной войны территория Литовской ССР была оккупирована фашистской Германией. «С приходом немецких войск в 1941 году он также остался на этой должности и работал до 1944 года»⁵, –

рассказывает о муже Мария во время допроса. После этих слов у меня создается впечатление, что мой прадед не покидал должность старосты. Высказывания Марии можно расценивать как заступничество за мужа, она покрывала его, если Антанас действительно оставил должность старосты по собственному желанию только потому, что не хотел служить советской власти. Иозас в автобиографии пишет, что немецкие власти заставили отца работать старостой. Возможно, сын так же, как и Мария, заступает за Антанаса. Их слова отличаются от того, что сообщает Теофилюс: «Во время войны, в 1942 году отца опять избрали старостой». Я думаю, что его ответ лучше отражает события того времени, потому что, как я уже говорила, он пишет свои воспоминания, когда можно не скрывать правду.

И в это время Антанас, как я думаю, строит себе новый дом, потому что для него это время было достаточно спокойным.

Как только войска Красной Армии освободили Литву от немецкой оккупации, Антанас снова ушел с должности старосты. Что произошло с Антанасом после этого? Иозас пишет, что на третий день после освобождения Литвы, отец был взят рабочим на строительство аэродрома, после чего он не вернулся. В автобиографии прабабушки написано, что на третий день после освобождения Литовской ССР прадед Антанас был взят русским солдатом и больше она его не видела. Слова Иозаса и Марии похожи, видимо, они перед тем, как писали этот документ, советовались. Во время допроса в 1954 году Мария говорит еще более конкретно о судьбе мужа: с приходом частей советской армии в июле 1944 года он был арестован органами МВД. Скорее всего, мой прадед действительно был арестован, но сумел сбежать. Антанас не захотел стать пленником советской власти. И он не мог смириться с тем, что его родина была захвачена второй раз и превратилась в часть сталинского государства. Он уходит в лес, в банду, чтобы бороться за независимость своей страны.

17 июля 1945 года – теплый летний день, который на всю жизнь остался в памяти моих родственников. «Рано утром окружили дом и велели собираться, все время была команда «быстрее». Сборы продолжались часа три. Мы брали одежду, пищу, предметы первой необходимости. В депортации участвовал лейтенант, который в 1941 году был ранен, и его выводили, скрывая в тайне, жители. Это знал отец, знала и мать, знал и лейтенант, что о нем знают. Вот этот лейтенант и говорил матери, что берите больше, все пригодится» – так запомнился этот день маленькому Теофилюсу.

Жена и дети Антанаса были высланы из Литвы в «соответствии с распоряжением НКВД СССР № 328 от 16 июня 1945 года как члены семьи активного участника банды национального подполья на спецпоселение сроком (не указан) в Кудымкарский р-н Молотовской обл. без права выезда к прежнему месту жительства» 6 и «по постановлению Алитусского УО МВД Литовской ССР от 6 июля 1945 года как члены семьи участника банды литовского националистического подполья» 7. Как видно из первой цитаты, срок проживания на спецпоселении не указан, зато четко утверждается лишение права возврата в Литву. Исходя из этого, я считаю, что мой родственники были высланы в Кудымкарский р-н Молотовской обл. навечно.

Когда семью моего прадеда выслали, никто им не сказал, за что и почему с ними так поступили. В 1949 году на совершеннолетних членов семьи Антанаса завели личные дела. В них были документы, которые свидетельствовали о пре-

ступления моего прадеда: «Добровольно поступил к немцам старостой, где активно выполнял приказы и распоряжения немецких властей, участвовал в арестах и расстрелах советских граждан, в период немецкой оккупации работал старшиной Бутерманской вол., проявляя активность, поддерживая режим захватнической власти. Он руководил отрядом «Сависовга» в целях борьбы с партизанским движением. Во время освобождения ЛССР Руткаускас сбежал к немцам, после вернулся в банду, где так же активно участвовал в борьбе против советской власти» 8.

Виновен или невиновен мой прадед? По советским законам – да! Но Литва до 1940 года была независимым государством. Я не хотела бы оправдывать или обвинять его. Это сложная проблема, и нужно оказаться в той ситуации, почувствовать на себе ее тяжесть, чтобы делать определенный выбор. Я так думаю. Но советская власть наказала многодетную семью за поступки отца и мужа. Она лишила их родины и всего, что с ней связано. С точностью до наоборот был реализован провозглашенный Сталиным принцип «Сын за отца не отвечает».

Жизнь под стук колес

Станция... Думали ли Мария и ее дети о том, что когда-нибудь вернутся обратно в Литву? «Везли в товарных вагонах, в них было от 30 до 40 человек – несколько семей. Нар не было, только несколько полок, спали на своих вещах, для естественных нужд была дыра, умывальника не было». Так описывает в своих воспоминаниях «интерьер» и условия жизни в вагоне Теофилюс. «Анти-советские элементы», к которым были отнесены дети и жена Антанаса, по законам репрессивной политики не могли рассчитывать на большее.

Сегодня некоторые полагают, что жалобы депортированных народов по поводу условий их «транспортировки» в товарных вагонах необоснованны. Приводят сравнения с возвращением с фронтов Великой Отечественной войны солдат-героев, которых тоже везли в товарных вагонах. Об этом, в частности, упоминает Лидия Яковлевна: «Сейчас многие говорят: “Вот нас везли в теплушках, вот нас везли в вагоне”, в чем же тогда остальных везли? В СВ, что ли? Мне никогда это не понятно было, люди жалуются, что ехали они в таких вагонах, а солдаты-победители в каких ехали? Спальные вагоны у них были или вагоны купе, плацкарт или еще что-то? Такая разруха была после войны, понятно, почему все в одних и тех же вагонах ехали! Кто ездил в СВ? Руководство если только...»

Но почему-то мало кто учитывает такой факт, что высланные во время этапирования были практически лишены какой-либо свободы. «Остановки делались в маленьких поселках, были разными по своей продолжительности, и люди лезли под вагоны для естественных нужд. Вагоны закрывались, охраняли солдаты, сколько их было, трудно сказать, так как ходить во время остановок запрещалось» 9.

Дорога, длившаяся чуть больше недели, для семьи Антанаса и других депортированных стала тяжелым испытанием: «Были побеги, но о них мы узнали только на месте. Были и смертельные случаи: погиб мальчик между вагонами, получила травму и сестра Марите» 10. Не исключено, что случаев гибели людей было больше. Скорее всего, о них не говорили или предпочитали выдавать смерть за побег.

В конце июля товарный поезд с депортированными из Литвы достиг Урала. Последней станцией в «железнодорожной жизни» Марии с детьми стал поселок Менделеево. Их «выгрузили» из вагона и ... (Я попыталась представить, что они увидели, когда вступили на чужую для них землю, что испытали, почувствовали.) ...Тупик железнодорожного пути, серая пустынно-скучающая станционная площадка, окруженная сотрудниками НКВД, вдали виднеются маленькие, хмурые домики, какие-то хозяйственные постройки. Наверное, после этого они с горечью вспомнили свою родную деревню, свой дом. И здесь им жить... У меня бы на их месте возникло гнетущее чувство, может быть, я возненавидела бы все это.

Однако дорога на этом не закончилась. Высланных литовцев распределили по машинам и повезли в город Кудымкар, до которого от Менделеево напрямую около 150 км. Учитывая извилистость и состояние дорог, до центра Коми-Пермяцкого округа (КПО) они могли добраться не раньше чем через семь-восемь часов. Из Кудымкара Марию с детьми направили в поселок Визяй. Оттуда и из других леспромхозов (ЛПХ) за литовцами пришли машины. «Нас должны были везти в тайне, но сломалась машина, и нас оставили. Никто не хотел брать на борт мать с маленькими детьми. После довезли до Демино, из Демино на телеге в пос.Визяй», — так описывает последний день дороги Теофилюс.

Все для них было тайной, начиная с того, где они и куда их везут, и заканчивая тем, какие по характеру здесь люди. Они ехали и думали... А позади них оставались пышные верхушки еще не срубленных и не увезенных в «вечную ссылку» елок и берез.

Визяй «многоликий»

Они приехали в новый поселок, в новый мир, где другие обычаи и традиции, свои правила и порядки. Для них Визяй не просто новое место жительства. Они спецпоселенцы. Здесь мои родственники должны были обрести вторую родину. Но возможно ли человеку обрести ее?!

Поселок, в который поселили Марию с детьми, принял их как очередных спецпоселенцев, еще одну национальность. Лидия Яковлева, которая была одна из первых, с кем познакомилась литовцы, говорит, что в Визяе проживало около семнадцати национальностей! Почему их так много? Дело в том, что в 1937 году, в поселке приступили к строительству леспромхоза, который нуждался в большом количестве рабочих рук. Первоначально в Визяе основную часть населения составляли русские и коми. Но после начала строительства ЛПХ в поселок буквально «хлынул» поток людей из других областей и республик Советского Союза. Среди приезжих были татары, башкиры, мордва, марийцы и несколько других народов.

В своих воспоминаниях Лидия Яковлевна называет три народа, которые были сосланы в Визяй: поляки, буковинцы и литовцы.

Литовцев привезли в Визяй 1 августа 1945 года 11 Лидия Яковлевна называет две цифры — количество высланных из Литвы: около 60 семей, или 275 человек. Теофилюс пишет, что сначала их поселили в частном доме за сельпо, потом они переехали в барак, который раньше служил домом для людей, приехавших работать в Визяйский ЛПХ, и для местных жителей. Этот барак был очень длинным. В нем примерно 40 комнат, и в каждую селили по одной семье. Пло-

щадь одной комнаты не больше 20 м². Это чуть больше однокомнатной «хрущевки», но без кухни и ванной комнаты. Получается, что на каждого члена семьи моих родственников приходилось два с небольшим квадратных метра жилой площади, если ее так можно назвать. Когда в эту комнату въезжали спецпоселенцы, они могли рассчитывать только на стол, несколько кроватей и стульев. Других условий они, наверное, и не ждали! Если обе цифры: 60 семей и 40 комнат — верны, то получается, что часть семей была размещена в других помещениях или несколько малочисленных семей поселили в одной комнате барака.

Лидия Яковлева работала бухгалтером в Визяйском ЛПХ и была среди тех, кто принимал депортированных литовцев. Она говорит, что Марию с детьми сразу же поселили в барак. Это противоречит утверждению Теофилюса. Лидия Яковлева рассказывала мне, что очень сердилась на литовцев за то, что они называют разные фамилии. Но потом они ей объяснили, что Руткаускене — это жена, Руткаускайте — дочь, Руткаускас — мужчина. Так состоялось первое знакомство будущих родственников. Лидия Яковлева оказалась умной женщиной, она все поняла и стала к ним относиться очень по-доброму.

Что представлял собой Визяй? На окраине поселка, около речки Котыс, находилась улица Прибрежная. За гаражом ЛПХ начиналась Гаражная улица. Она тянулась до самых больших в поселке — Финской и Татарской. Последние две улицы получили свое название в результате заселения их представителями определенной национальности.

Жизнь на поселении

«Старики вымерли в первом году поселения, дети остались скелетами, которые сами уже не поднимались», — это воспоминания Теофилюса о самом трудном времени на поселении. Жизнь поставила спецпоселенцев в тяжелые условия.

Лидия Яковлевна рассказывала, что литовцам для того, чтобы как-то поддерживать свое существование, выдавали ссуду. Ее размер она не уточняет, но могу предположить, что эта ссуда была очень маленькой. Во-первых, только что закончилась война, и все силы и средства уходили на восстановление разрушенных городов и сел. Во-вторых, поселенцы — это наказанный народ, и поэтому они не могли рассчитывать на хорошую поддержку советской власти. И они стали менять свои вещи, привезенные из Литвы, на продукты. Вещи, которые были в их поселенческой жизни самым дорогим напоминанием о родине, стали для них спасением от голодной смерти!

Горе не обошло стороной семью моих родственников. В 1945 году, вскоре после приезда, умер самый младший ребенок — дочь Марите. Травма, полученная в дороге, оказалась смертельной¹².

Деньги они начали зарабатывать сами только с 1946 года, когда Марию и Иозаса приняли в леспромхоз. Моей прабабушке дали работу сучкоруба, в это поистине «женское» дело входило махание топором, для того чтобы только что срубленное дерево стало более гладким. Иозаса послали на курсы тракториста. До депортации Иозас окончил начальную школу на литовском языке и проучился три года в гимназии. По словам Теофилюса и Лидии Яковлевны, поселенцы-литовцы хорошо учились, несмотря на языковой барьер, и почти все становились специалистами в своем деле.

Режим спецпоселения, или Правила жизни, которые нельзя нарушать

Помимо тех трудностей, которые доставались поселенцам, как обычным людям, они должны были соблюдать тот режим проживания, который установила им советская власть. В этой части, нарушая хронологический порядок, я расскажу о том, какие требования предъявлялись спецпоселенцам-литовцам и как их могли наказать (и наказывали) за «неподслушания» советской власти.

Правовое положение поселенцев определялось несколькими документами, которые им объявлялись. После этого они давали расписки о том, что ознакомились и несут ответственность за нарушения. Находясь на поселении, в разное время мои родственники подписывали несколько расписок. В личном деле прабабушки и двоюродного деда Иозаса было три расписки.

Я узнала, что термин «спецпереселение» появился в начале 1930 года. Спецпереселенцами называли высланных в ходе принудительной коллективизации раскулаченных крестьян. Через пятнадцать лет, 16 августа 1944 года НКВД СССР издал «Инструкцию по учету спецпереселенцев», согласно которой учету подлежали все контингенты спецпоселенцев¹³. Серьезных отличий в правовом положении и в реальной жизни между спецпоселенцами и спецпереселенцами не было. Мои родственники были спецпоселенцами, по официальным документам относились к категории «литовцы». Постановление «О правовом положении спецпереселенцев» им объявляли потому, что они как спецпоселенцы попадали под его действие.

Запутанной, не совсем понятной для меня остается ситуация с Альгердасом, но по другой причине. Кроме расписки об объявлении Постановления СНК СССР № 35 от 8 января 1945 года, он дал расписку об объявлении ему Указа ПВС от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»¹⁴. Альгердас не должен был подписывать такой документ, так как литовцы не относились к категории народов, которые подверглись депортации в годы войны. По этому указу «навечно» на спецпоселении оставались немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и ряд других народов, высланных в период с 1941 по 1945 год. Самовольное оставление места поселения, согласно этому документу, каралось 20 годами каторжных работ¹⁵. Середина XX века; через две недели после подписания Указа, 10 декабря 1948 года, Генеральная Ассамблея ООН примет Всеобщую декларацию прав человека – а в СССР существует каторга!

Расписка Альгердаса, о которой я только что писала, и содержание других расписок Марии, Иозаса и Витаутаса об ответственности за побег с места поселения подтверждает ранее сделанный вывод о том, что мои родственники были сосланы в Кудымкарский район «навечно». Ниже приводится расписка Витаутаса:

Расписка
1950 г. января 3 дня мне, спецпоселенцу Руткаускас Витовтас с. Антанаса объявлено о том, что за побег с места поселения из Кудымкарского р-на, Молотовской обл. я буду наказан в судебном порядке лишением свободы сроком на 10 лет тюремного заключения, а все члены моей семьи будут высланы в районы Крайнего Севера Якутска
Руткаускас Иозас

Последние расписки Мария, Иозас и Витаутас подписали в связи с объявлением им Постановления СМ СССР от 5 июля 1954 года. Это произошло осенью того же года.

В это время уже не было Сталина и ситуация в стране начинала меняться. Но мои родственники испытали на себе действие сталинских законов.

Первоначально на всех спецпоселенцев были заведены карточки персонального учета, а с июня 1949 года на совершеннолетних стали оформлять личные дела. Из семьи Руткаускасов тогда они были заведены только на Марию и Иозаса. 3 января 1950 года личное дело завели на Витаутаса, а 16 февраля 1954 года – на Альгердаса. На Ону дело не завели, потому что в то время, когда она достигла совершеннолетия, ее уже не было в поселке. Она сбежала 16 июля 1947 года¹⁶, причем ей удалось это сделать только со второй попытки. Когда ее поймали в первый раз, то практически никак не наказали. Заставили работать. Во второй раз побег Оны оказался удачным.

Из Визяя Она добежала до Менделеево. На станции она села в товарный поезд, который шел в сторону Москвы¹⁷, и покинула навсегда место поселения. Две попытки Оны убежать из Визяя говорят о том, что она не смирилась с выселением, о ее непреодолимом желании вернуться домой на родину, в Литву, пусть даже советскую. Интересно, что в то время ей было всего пятнадцать лет. В этом возрасте подростки как раз способны на такие авантюрные поступки. Лидия Яковлевна говорит, что многие убежали с поселения так, как сбежала Она, но очень многих ловили и возвращали обратно.

Через родственников в Литве Она написала в Визяй письмо (символами, понятными только Марии и братьям), что у нее все в порядке, что она добралась до Литвы и живет не в родной, а в соседней деревне, так как там безопаснее. Она сообщила, что вышла замуж и сменила фамилию. Ее объявили во всесоюзный розыск, но так и не нашли. 23 марта 1955 года розыск моей двоюродной бабушки был прекращен, и она была снята с учета спецпоселения¹⁸. После этого ей, наверно, стало не так страшно. Она Руткаускайте самая первая из моих родственников достала себе обратный «билет» в другой конец, на родину....

Поселенцы должны были отмечать свое присутствие в поселке «отметкой» в комендатуре. Сначала они – «отмечались у этого лейтенанта каждый день. ...Через год появился другой комендант и начали отмечать в неделю раз», – рассказывала Лидия Яковлевна о том, как отмечались спецпоселенцы. Если они пропускали «отметку», даже не по своей вине, их наказывали: могли получить выговор, должны были заплатить штраф, арест на 5 суток.

Мои двоюродные деды по своему характеру были непоседы, энергичны как в работе, так и в отдыхе. Особой активностью, даже задиристостью отличался Иозас. 11 сентября 1953 года он пришел в сельский клуб в нетрезвом виде и стал выражаться нецензурными словами. Мне не известна причина его поведения, но я не сомневаюсь в том, что он был способен на такие выходки. Лидия Яковлевна много об этом рассказывала. Участковый уполномоченный Коми-Пермяцкого ОКРО милиции ст. сержант Зубов расценил действия Иозаса как нарушение общественного порядка. Я думаю, что он был прав, но не могу согласиться с наказанием, которое назначили Иозасу – «один месяц принудительных работ с вычетом 25 % по месту работ». Станным мне в этой ситуации кажется то, что в архивном деле Иозаса нет никаких документов по этому происшествию, за исключением справки в том, что он был привлечен к административной ответственности.

Наказание, которое получил мой двоюродный дед, привело к тому, что он должен был много работать, и поэтому, как мне кажется, совершил другое нарушение режима спецпоселения. 15 сентября была очередная «отметка» в комендатуре. В тот день Иозас начинал выполнять большую работу, был занят в течение нескольких дней и не мог присутствовать в Визье 15 сентября просто физически.

Очередная «отметка» была 30 сентября, которую Иозас не пропустил. Но комендант стал его отчитывать за предыдущей пропуск. 2 октября Иозас написал объяснение по поводу своего отсутствия 15 сентября – «не был потому, что находился на работе пятнадцатого, шестнадцатого также работал допоздна, и еще три дня. После того заходил в комендатуру, Вас не было, потому и не отмечился»¹⁹. Видимо, комендант не поверил ему, или объяснение не удовлетворило его, потому что 5 октября Иозасу вынесли наказание – руководствуясь Постановлением СНК СССР № 35 от 8.01.1945 года с инструкцией о наложении административных взысканий, объявленной в приказе НКВД СССР № 376 от 14.09.1945 г. Постановил:

Спецпоселенца литовца Руткаускас Иозас с.Антанаса...подвергнуть штрафу в размере пятидесяти рублей. Обязать деньги внести в Кудымкарское отделение банка... и квитанцию об уплате штрафа представить в спецкомендатуру в 10-дневный срок после объявления настоящего постановления²⁰. Постановление было объявлено 16 октября, но Иозас с ним не согласился. Он обратился в Визяйский ЛПХ за справкой:

Справка

Дана настоящая в том, что тракторист Руткаускас Иозас с.Антанаса в сентябре месяце 1953 г. согласно путевке листов находился на следующих работах: 15.09.53. – поездка на Парму со шпалорезкой, в пути 31 час; 18.09.53. – поездка в Сенино за грузом, в рейсе 11 часов; 19.09.53. – поездка в Чешино за грузом, в рейсе 11 часов. Всего за вторую половину сентября 53 года в рейсе 53 часа. 16.10.53.

Бухгалтер Визяевского ЛПХ Михалева

Однако справка ему не помогла. Постановление было утверждено начальником Коми-Пермяцкого ОКРО МВД и комендант не собирался его отменять. Поэтому Иозасу пришлось заплатить штраф, о чем свидетельствует квитанция об уплате в его личном деле²¹.

Если же поселенец планировал куда-либо уехать, то ему необходимо было получить на это разрешение.

В соответствии с Постановлением № 35 спецпереселенцы за самовольную «отлучку за пределы расселения обслуживаемой спецкомендатуры» несли административную и уголовную ответственность, так как нарушали режим спецпоселения. Наказание в виде ареста на 5 суток 14 января 1952 года получил Витаутас за то, что «без ведома коменданта самовольно выехал в Кудымкар»²².

Иозас, Альгердас – в «тисках» советских законов поселенческой жизни

С 1947 года Иозас – тракторист Визяйского ЛПХ. Как известно, на любой работе случаются неприятности. Учитывая, что литовцы были неместные, к тому

же депортированные, эти неприятности могли случаться с ними нередко. Самое первое известное происшествие, связанное с работой Иозаса, случилось осенью 1950 года. В конце сентября, 26 числа, мастер лесопилки Кузнецова подала заявление на имя поселкового коменданта Плотникова о том, что Руткаускас отругал ее нецензурными словами за то, что она не дала ему денег²³. Я допускаю, что Иозас «обласкал» мастера лесопилки нецензурными словами. Для расследования данного дела был привлечен рабочий Шлятин. В своей объяснительной (которая больше похожа на донос) на имя начальника КПО МГБ подполковника Гаврилова он пишет, что литовцы требовали завышенной кредитовки. Ст. лейтенант П.П.Ракшеев, задача которого заключалась в том, чтобы проверить жалобу Кузнецовой, тоже был на стороне мастера. Он даже нашел доказательства других «злодеяний» Руткаускаса: «угрозы убийства членов семьи партии Чептина и других»²⁴. Причем Ракшеев приложил заявление, написанное самим Чептиным, который обвиняет Иозаса в организации хулиганской шайки из литовцев и угрозах убийства. Это заявление тоже больше похоже на донос.

Расследование инцидента началось через месяц после заявления мастера лесопилки Кузнецовой и длилось всего несколько дней. Плотников и Ракшеев в своих рапортах на имя начальника КПО МГБ подполковника Гаврилова предлагали наказать Иозаса переводом семьи Руткаускасов на постоянное место жительства в Самковский ЛПХ. Но директор ЛПХ заступился за Иозаса, он сказал, что его «надо воспитывать, а не переводить куда-то на работу»²⁵. Коменданту не удалось наказать всю семью, но Иозас «получил по заслугам» – его подвергли аресту на пять суток²⁶.

Уже с 1950 году мой двоюродный дед Иозас и Лидия Яковлевна жили вместе.

В 1952 году совместная жизнь Иозаса и Лидии Яковлевны была прервана. Двоюродный дед был осужден Народным судом Кудымкарского района по статье 74 ч.1 УК РСФСР к одному году тюремного заключения²⁷. Когда я читала документы по этому делу, я не встретила ни одного упоминания о том, за что наказали брата моего деда. В Уголовном кодексе 1926 года нашла первую часть 74-й статьи: «хулиганство, т.е. озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу, действия, совершенные в первый раз, – лишение свободы на срок до трех месяцев, если до возбуждения уголовного преследования на совершившиеся указанные действия не было наложено административного взыскания»²⁸.

Сначала я не могла понять, что произошло с Иозасом! Я допускаю, что он совершил какое-то хулиганство, но налицо произвол – нарушение закона. В архивном документе четко написано: статья 74 ч.1. Он должен был получить максимум три месяца, а получил целый год! Я посмотрела вторую часть этой же статьи: «если означенные действия заключались в буйстве или бесчинстве, или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличались исключительным цинизмом или дерзостью, – лишение свободы на срок до двух лет»²⁹.

Но поняла эту ситуацию, когда обратилась к Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 августа 1940 года, в котором нашла объяснение 74 статьи: «хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях и в общественных местах – караются тюремным заключением сроком на один год, если эти действия по своему характеру не влекут за собой более тяжкого наказания»³⁰.

Иозас отбывал срок наказания в ИТК АА пос.Закамск Молотовской области с 24 февраля 1952 года по 13 января 1953 года³¹.

Вольный поселок Визяй и спецпоселение: психология взаимоотношений

Нельзя не согласиться с тем, что с самого начала поселенцам было тяжело преодолевать все трудности, с которыми они столкнулись в жизни. У них забрали все: родину, родственников, друзей. «Союз нерушимый голодных и вшивых навеки сковал великую Русь»³² – так называли литовцы СССР, и в чем-то были правы. После войны в стране были и голодные, и вшивые, но зато все были горды неистойвой отвагой советских солдат, способных на великие подвиги ради своей родины – СССР. Но для литовцев Советский Союз не был родиной. Они не любили эту страну, Сталина и все, что «помогло» им оказаться в Визяе.

Кроме того, что поселенцам приходилось отмечаться в комендатуре, в первое время они постоянно ощущали на себе настороженные взгляды местных жителей. Их жизнь проходила на глазах у других людей. Взаимоотношения литовцев с местным населением, положение в визяйском обществе зависело от того, как они сумеют себя подать, что и как смогут сделать, смогут ли добиться уважения.

В своей работе я использовала два «устных источника»: Лидия Яковлевна, жена самого старшего сына Марии – Иозаса, местная, и Теофилюс, самый младший из братьев, литовец. Необходимо отметить, что я задала им совершенно одинаковый вопрос: «Как в поселке относились к поселенцам?» На что получили следующие ответы:

Лидия Яковлевна: «Местные хорошо относились, на луга ходили, песни пели. Не было плохого отношения... Молодежь, когда дралась, обзывалась, и чего только не делала. Насчет того, что говорят, что их притесняли, это совершенно не верно».

Теофилюс: «К поселенцам относились по-разному. Большинство женщин и пожилых мужчин – сдержанно, в школе учителя поддерживали местных. Самыми агрессивными были юноши».

Понятно, что однозначного ответа на этот вопрос не может быть, так как все люди разные: кто-то принял литовцев, кто-то нет. Оба мнения: и Лидии Яковлевны, и Теофилюса – субъективны.

Литовцы были чужаками, к тому же высланными, наказанными по решению советской власти. Мнение Лидии Яковлевны заслуживает уважения: в поселке были люди, трезво оценивавшие ситуацию, в которой оказались литовцы. Я уверена, что такие люди помогали им в их нелегкой поселенческой жизни и понимали их. Согласитесь, это важно! В своем интервью Лидия Яковлевна часто повторяла о том, что литовцы были самыми культурными и опрятными из всех народов, приехавших на поселение, что располагало к ним других людей. Но есть и другой аспект, повлиявший на отношение к литовцам в поселке. Как пишет Теофилюс, неприязнь местных окончилась тогда, когда они увидели работающих литовцев. Они работали везде: и на ЛПХ, и в колхозе, и у себя на участках.

Но были и неприятные случаи, инициаторами которых являлись молодые ребята.

«После работы, вечером матери шли в столовую, получали хлеб и суп. Агрессивно настроенные местные нападали, отнимали хлеб, выливали суп, а ведь дома ждали дети, наутро надо было идти на работу. Литовцы, ребята 15–16 лет организовались и устроили засаду. Расправа была такая, что спустя несколько лет потерпевшие говорили: «Да мы были молоды, дураки, но зачем так надо было бить». После этого на женщин больше не нападали. Единичные стычки были», – пишет Теофилюс.

Почему именно молодые ополчились против литовцев? Ну а кому же еще! Я не думаю, что люди в возрасте от 35 лет будут выходить на улицу, чтобы вылить суп. Но такая идея могла прийти им в голову. А молодые ее воплощали в жизнь. Но, с другой стороны, в этом возрасте многие любят подраться. Как говорит Лидия Яковлевна, драки происходили в основном «по пьяни», иногда они говорили: «ты татарин, ты бандит».

О том, что в адрес поселенцев звучали грубые и оскорбительные слова, свидетельствует архивный документ из дела Витаутаса. 7 января 1952 года «коменданту по селу Визяй тов. Плотникову от спецпереселенцев, находящихся на работе при Нельсинском участке Визяйского ЛПХ», было подано заявление. В нем говорилось о том, что тов. Пигилев Василий и рабочий Харин Андрей Васильевич в пьяном виде оскорбляли их «разными словами (фашист, изменники родины и т.д.)». Это происходило в Нельсинском колхозном клубе, «где, как и все желающие культурно провести свое свободное время после работы»³³, присутствовали Рудковский (Руткаукас) Витаутас, Вайшнорас Иван и Станислав, Пужас Адольф, Якус А.М. Кроме того, что спецпоселенцев-литовцев оскорбляли, первый из них получил удар ногой в грудь, а второй – валенком по голове. После этого рабочий Харин собрал вокруг себя несколько человек из своей бригады и продолжал оскорблять спецпоселенцев. Товарищ Пигилев был преподавателем Каштановской школы. Своим поведением он не только иллюстрировал то, как он относится к поселенцам, но и как педагог показывал плохой пример, который мог стать заразительным. И Харин, и Пигилев были членами партии³⁴. Это в определенной степени говорит о том, какие настроения были в партийной организации Визяя. Спецпоселенцы просили принять меры к зачинщикам случившегося. Но в деле Витаутаса я не увидела ни одного документа об удовлетворении просьбы оскорбленных поселенцев.

Но не только местная молодежь выражала свое недовольство, молодые литовцы тоже были очень вспыльчивы. В частности, они не любили, чтобы свои, литовцы, дружили с русскими. В поселке жил литовец по фамилии Рачкаукас, который очень полюбил русскую красивую девушку Надю, сделал ей предложение и... его убили... По официальной версии, вечером, когда Рачкаукас возвращался с лесопилки, он встретил тракториста Можейкаса, который стукнул его по голове палкой и спрятал под мост. Но до сих пор остается загадкой, кто на самом деле убил Рачкаукаса, причем все точно знают, что это сделали литовцы. Следствие тянулось очень долго, и Можейкас взял всю вину на себя, за что получил всего год условно и ежемесячное вычитание (25 %) из заработной платы³⁵. Что побудило литовцев совершить такой поступок? Мне не удалось выяснить всех подробностей этого дела, потому что их никто не знает. Но я не верю, что они смогли убить его только из-за того, что Рачкаукас – литовец, а Надя – русская. Я понимаю, что это не аргумент, но я достоверно знаю о том, что в поселке были случаи заключения браков между литовцами и русскими без пролития крови, как с той, так и с другой стороны. Примером может слу-

жить брак Лидии и Иозаса. Возможно, Рачкаускас что-то не поделил с литовцами, и поэтому его убили. Согласитесь, такое бывает часто и не только в нашей стране.

В своем письме Теофилюс пишет: «бедности колхозников не было границ», он жалеет их, а жалость в этом случае не может соседствовать с ненавистью. Общение – вот, что помогло литовцам и местным колхозникам понять друг друга. «Литовцы, дети шли в окружные деревни менять привезенное на картошку, но, чтобы их обманывали или обкрадывали, не слыхал...», – признается Теофилюс.

И литовцы, и местные помогали друг другу. Как говорит Лидия Яковлевна: «В то время все одинаково жили. Шиковать-то никто не шиковал, на равных условиях жили».

В середине 50-х годов поселенцам-литовцам начинают больше доверять. Именно начиная с этого времени в их личных делах можно найти разрешения на выезд в какой-нибудь город нашей области. Конечно, не стоит забывать, что режим спецпоселения после смерти Сталина стал ослабевать. Но их направляли в другие города не только на работу. Более того, за спецпоселенцев ходатайствуют различные организации. В июле 1954 года в окружную комендатуру МГБ по Молотовской области обратился заместитель председателя КПО окружкома профсоюза лесной и бумажной промышленности с «просьбой разрешить выехать в г. Молотов физкультурникам из Визийского ЛПХ тт. Рудковскому Витасу (Руткаускас Витаутас) и Рачковской Ядвиге для участия в областной спартакиаде в легкой атлетике»³⁶. В деле Витаутаса имеются Разрешения, подтверждающие его участие в областной спартакиаде³⁷. А Иозасу даже разрешили выехать на лечение в Осинский санаторий Молотовской области, который он посетил в первой половине октября 1956 года. Эти факты определенно свидетельствуют о том, что поселковые власти стали доверять литовцам. Отношение к ним стало другим.

В поселке тоже было все спокойно. «Мама не боялась за нас, мы могли прийти и в час ночи и позже. У нас было очень спокойно, не было таких бандитских разборок. И улица на улицу никогда не дрались. Никогда не было никаких угроз со стороны поселенцев, если только, когда напьются», – говорит Лидия Яковлевна.

Возвращение

«В 1956 году, осенью, мать получила орден многолетней матери» – пишет Теофилюс в своих воспоминаниях. Медаль Материнства I степени Мария получила по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 сентября 1956 года³⁸, а на основании этого награждения через полтора месяца, 31 октября, вышло заключение о снятии с учета спецпоселения³⁹. И так, с этого момента все мои родственники получили обратный билет на родину. Наверное, о нем они мечтали всю свою жизнь на поселении, надеялись увидеть свои леса и поля, свой дом.

Но была только одна маленькая задача, которую поставил перед ними Советский Союз: они не имели права проживать в Литве. Но, нарушая строгие советские законы, семья Руткаускасов поэтапно уезжает с места поселения в Литву. В мае 1957 года уехал Иозас, чуть позже Мария, Альгердас, Ионас и Теофи-

люс, в 1959-м – Витаутас, а Пранас вернулся после того, как отслужил в армии. В советской армии также служили Ионас и Альгердас, которые вскоре вернулись обратно из Литвы.

Как я уже упоминала, им нельзя было жить в Литовской ССР. «Старших братьев вызывали в милицию, предупреждали, чтобы покинули Литву через 24 часа. Они писали заявления в вышестоящие организации и ждали ответа. Так продолжалось до 1959 года»⁴⁰ Они жили не в своем доме, а в домах своих родственников, прячась от вездесущих органов советской власти. Но после того как Мария получила документ, подтверждающий, что ее дети служат в армии СССР, им дали прописку в Литве. С этого момента с жизнью в советской России юридически их больше ничего несвязывало. Там, в Визье, у них остались новые друзья, знакомые, с которыми они пережили самые сложные годы своей жизни. Но с ними, без сомнения, навсегда останутся и плохие, и хорошие воспоминания о прошлой жизни.

Вместо заключения

В прошлом году в Литве моему прадеду Антанасу, который был убит 20 февраля 1948 года⁴¹, и другим «лесным братьям» поставили памятник. Этот памятник располагается на месте захоронения более ста пятидесяти человек, погибших с 1945 по 1952 год и представляет собой крест. Память о том, что Литва принадлежала СССР и что Сталин был здесь хозяином, не исчезнет, ее нельзя вычеркнуть из сердец многих литовских граждан. Это не сможет изменить никто, потому что в 40-е–начале 50-х годов Сталин по всей Литве «заложил» на будущее огромное количество «бомб», которые, в виде пострадавших литовцев напоминают о том времени, взрываясь, говорят и кричат о том, чтобы это время больше никогда не повторилось.

Александра Выбач,
Мария Выбач,
 г.Мончегорск Мурманской области,
 гимназия № 1, 8-й класс.
 Научный руководитель Е.А.Зубкова

Крутые повороты судьбы Скакалиных и их потомков на перекрестках истории

Наша учительница, Елена Антоновна Зубкова, много рассказывала нам об историческом конкурсе. Размышляя над ее словами, мы пришли к выводу, что это страшно – не знать своих корней, это равносильно для человека потере памяти. Сейчас большинство из нас не могут не только рассказать, кем были их предки, жившие в начале прошлого века, но даже ответить на вопрос, кто по профессии их бабушки и дедушки. Так мы обижаем не только наших близких, но и теряем шанс достоверно узнать, что же происходило в государстве в те годы. Ведь судьба страны тесно связана с историей людей, которые в ней живут.

Вначале мы задавались вопросом, что может быть важного в жизни наших родных? Мама, бабушка, папа, дедушка... Каждый день, встречаясь с ними, мы воспринимаем их, как нечто естественное, что было, есть и будет всегда. И мы задавались вопросом, как складывались их судьбы на «перекрестках истории»?

Мой папа – украинец; бабушка – русская, хотя родилась она в Узбекистане; отец дедушки полутатарин, полуараб, а его мать полячка, сам же он считает себя русским. Если бы не существовала когда-то многонациональная страна, смогли бы эти столь разные люди встретиться, полюбить друг друга и создать семью? Может в этом и состоит связь истории с судьбами людей? Нам захотелось узнать, как наша бабушка оказалась в Самарканде, и почему после развала СССР нашей семье пришлось из Узбекистана уехать в Россию, стать «вынужденными переселенцами»?

Мы записывали все воспоминания на диктофон. Когда мы прослушивали наши записи, у нас возникало множество дополнительных вопросов, особенно много мучений выпало на долю мамы. Она всегда отвечала на них, даже если ей этого не хотелось, но тогда ее ответы становились односложными. Особенно неохотно она рассказывала о нашем переезде из Самарканда. Выясняя причину, почему мы покинули нашу теплую родину, мы также расспрашивали о

них мамину сестру и бабушку для того, чтобы полнее представить себе картину тех событий.

О.Л.Макаренко, услышав о наших трудностях, с радостью решила помочь нам. От нее мы и узнали историю жизни наших прадедушки и прабабушки. Ее рассказ, к нашему удивлению, дополнила мама. Как она могла узнать эту историю, ведь о ней ничего не знала даже бабушка? Оказалось, что Ольга Лукинична и мама узнали обо всем от Прасковьи – дочери брата прабабушки. История о том, как наша семья оказалась в Самарканде, потрясла нас и заставила задуматься об отношениях внутри семьи, которые могут быть не менее сложными, чем взаимоотношения народов.

Мы благодарны всем, кого мы опрашивали, а особенно маме; ведь именно она заставила всех родных относиться серьезно к нашей работе и отвечать на все наши вопросы.

Исследуя историю нашей семьи, мы выяснили, что наша прабабушка по материнской линии приехала в Самарканд из деревни Красивка Тамбовской области. Что же заставило ее и ее семью проделать такой огромный путь?

В поисках ответа на этот вопрос мы попытались восстановить факты биографии прабабушки. Это было непросто, так как никаких документов, связанных с прошлым наших прабабушки и прадедушки, не сохранилось.

Опираясь на устные рассказы наших родственников, мы установили, что наш прадедушка также был родом из Красивки.

Вот что вспоминает об их знакомстве О.Л.Макаренко: «История эта началась в 20-е годы прошлого столетия. Прабабушка Степанида познакомилась с прадедом Иваном в то время, когда они стояли в очереди для сдачи ржи на мельницу, чтобы смолоть ее в муку. Молодежи заняться было нечем, вот они и устраивали танцы и разные игры». Как нам кажется, очередь была большой, стоять было скучно, и люди общались, разговаривали, а так как Степанида и Иван были примерно одного возраста, то они понравились друг другу и продолжили в дальнейшем свое знакомство на танцах и играх. Но молодым, чтобы соединиться, пришлось преодолеть сопротивление родственников невесты. «Зажиточная семья Степаниды вначале не хотела выдавать ее замуж за бедняка. Но Степанида настояла на своем» (О.Л.Макаренко).

Нас удивило, что зажиточные крестьяне согласились выдать ее замуж за бедняка. Ведь невозможно мгновенно изменить традиции, а, как известно, богатые крестьяне не уважали бедняков, считая их лодырями.

Мы решили уточнить, каков же на самом деле был уровень достатка в семье Степаниды, и для пояснений обратились к И.С.Выбач: «Нельзя сказать, чтобы они были зажиточные. У них были коровы, гуси, утки, свиньи, земли достаточно, чтобы считаться не бедными. В семье было два ребенка: дочь Степанида и сын. Но у сына было пятеро детей».

Мы обратили внимание, что мнение нашей мамы расходится с мнением ее двоюродной сестры Ольги.

Это можно объяснить тем, что их рассказ основан на воспоминаниях, которые они слышали от своей тети, дочери брата Степаниды.

До нас эта информация дошла через три поколения. Многие детали уже стерлись в памяти. Например, сколько было лошадей, и сколько было земли, и уточнить их не представляется возможным.

Рассказы о зажиточности уже скорее похожи на семейные легенды.

Недостающие факты мы попытались дополнить нашими догадками.

Как мы думаем, сын жил с родителями вместе с женой и детьми, ведь раньше женщины уходили из семьи после замужества, а сын оставался в родительском доме. Получается, что хозяйство кормило десятерых: мать, отца, дочь, сына с женой и их пятеро их детей. Конечно, назвать Капкиных богатыми нельзя, но и бедными они не были.

А если обратить внимание на то, что дочь была одна, то можно предположить, что родители ее любили и не хотели идти против ее воли и чувств. Положительную роль сыграло и то, что жених был грамотным (явление редкое в ту пору в деревне).

«Вскоре прадед ушел служить в армию. Он служил в Москве в Кремле. В 1924 году умер Ленин. Ивану, как и всем остальным, разрешили вызвать в Москву членов семьи для прощания с Лениным. Степанида была неграмотна. В Москву она поехала с золовкой, которая умела читать и писать. Иван стоял на посту у гроба Ленина, а Степанида впоследствии при удобном случае рассказывала детям о поездке в Москву для прощания с Лениным» (О.Л.Макаренко).

Относительно этих фактов у нас возникло несколько вопросов:

1) Как прадед оказался в Красной Армии?

2) Почему вступил в партию?

Так как нам приходится работать с устными источниками, то получить ответы на все интересующие нас вопросы мы не можем, а особенно трудно понять причины поступков, их мотивы, поэтому нам приходится строить свои предположения и догадки...

Мы не знаем, по какой причине Иван попал в Красную Армию, но предполагаем, что он вступил туда либо добровольно, либо был мобилизован, как и многие крестьяне в то время. Наверное, сражался он храбро, проявил себя как преданный советской власти красноармеец, именно поэтому в конце Гражданской войны его переводят на службу в Кремль.

Нас заинтересовало то, что Иван вступает в партию сразу после приезда. Видимо, это не случайно, ведь он служил в столице, в самой гуще событий, и там проникся идеями коммунизма (стоит отметить, что пропаганда идей коммунизма в Москве, наверняка, была особенно сильна). Учитывая его бедняцкое происхождение, мы можем прийти к выводу, что у него не было нравственных колебаний по поводу правоты власти, ведь у него не было ничего, что можно было бы отнять.

Став одним из первых коммунистов в районе, занимая должность председателя сельсовета, Иван Андреевич должен был активно участвовать в коллективизации, выполняя указания новой власти. А как отразилась коллективизация на судьбе Ивана и его родных?

«Во время коллективизации родственников Степаниды, которые были признаны “кулаками”, как тогда называли зажиточных крестьян, выслали за отказ вступить в колхоз. Иван был причастен к этому. У него был выбор отправить их в Сибирь или в Самарканд. Но отправил он их в Самарканд. Лошадь, корову, овец у родственников забрали, но они успели продать дом» (О.Л.Макаренко).

Таким образом, между самыми близкими людьми в результате превратностей судьбы произошло деление на своих и чужих. Как такое могло случиться?

В рассказе нашей двоюродной тети есть фраза: «Иван был причастен к этому». Эта неопределенная формулировка заставила нас задуматься, а в чем собственно «это» заключалось? Может быть, Иван был инициатором высылки своих родных? А может быть, он вынужден был подчиниться обстоятельствам в силу своих должностных обязанностей?

Мы думаем, что именно обстоятельства поставили Ивана перед трудной проблемой нравственного выбора. Он не мог спасти родственников жены от раскулачивания, но помог смягчить удар судьбы.

Иван их предупредил заранее, благодаря чему они смогли продать дом, выручить неплохие деньги, на которые смогли обустроиться на новом месте.

Когда встал вопрос о месте ссылки: Сибирь или Средняя Азия, Иван, действуя по принципу: «Из двух зол выбирают меньшее», способствовал высылке родных в теплые края, ориентируясь на слухи об изобилии в Средней Азии.

У нас возник вопрос: а как сам Иван оценивал политику власти?

Он, судя по прозвищу, данному ему односельчанами — «Гвоздь», скорее всего, был уверен в правильности курса партии большевиков, следуя которому, по его мнению, крестьяне придут к светлой счастливой жизни в будущем. Но при этом не мог не сочувствовать горю ссылаемых земляков. Он, по возможности, старался облегчить их участь, предупреждая о грозящем раскулачивании и, ссылая их в Самарканд, где впоследствии возникла «община» ссыльных из Красивки и соседних деревень.

«Во время посевной в деревне всегда оставался один взрослый мужчина. И когда приезжал очередной дежурный из района, этот человек выяснял, за кем пришли, садился на коня и ехал в поля, предупреждая ссылаемого» (И.С.Выбач).

А однажды оставшийся прискакал и сказал: «По твою душу пришли, председатель».

Так жизнь подтвердила правило: запущенная машина убийств не различает тех, кто ей служит и тех, против кого она направлена. Именно такой машиной стала новая власть.

Но односельчане ответили добром на добро, не забыли участия в их судьбе председателя. Они помогли ему бежать от ареста. «Иван решил уехать тайно. Ведь практика убежать от несправедливости существует на Руси еще с древнейших времен. Ивану собрали денег, еду, кто сколько мог. Он, не заходя домой, без документов, с поля убежал в лес, а затем, выйдя на железную дорогу, поехал в Самарканд» (О.Л.Макаренко).

Мы предполагаем, что причиной ареста был донос. Кто донес — неизвестно, но могли донести и сельские активисты, желавшие выслужиться перед начальством и, возможно, занять место председателя. Причиной могло стать желание отплатить за обиды и страдания. Но более вероятным нам кажется первое предположение.

Судьба сыграла с Иваном злую шутку. Оказавшись в беде, он ищет приюта у родственников, что вполне естественно. Но эти родственники были одновременно «классовыми врагами», репрессированными им самим.

Они не закрыли дверь перед человеком без денег и документов.

Как же сложилась жизнь моих родных в ссылке? Кто помог им выжить? Мама неоднократно повторяла фразу: «Капкины устроились на новом месте хорошо, лучше, чем дедушка, благодаря тому, что им удалось продать с его помощью дом до высылки».

Достоверной информацией мы не располагаем. Многие факты стерлись в памяти наших собеседников, а многого они просто не знали. По противоречивым воспоминаниям нам представляется такая картина событий. Вероятнее всего, они снимали первоначально комнату у узбеков. По воспоминаниям тети Паши ее отец устроился на хорошо оплачиваемую работу в питомник, в котором вы-

ращивали и фрукты, и цветы. Питомник раньше принадлежал баю. Всем рабочим выделялось жилье в бывшем байском доме, который поделили на комнаты.

Под крышей этого дома в семье родственников жены и нашел приют Иван. В этом же питомнике он получил работу, но в отличие от своего шурина, низкооплачиваемую и унижительную, которую раньше выполняли рабы – арбакеш (узб. – возчик воды) «Иван сказал, что потерял паспорт, и поэтому смог получить только работу арбакеша – возчика воды, это была унижительная работа, работа для самых бедных» (И.С.Выбач).

Как же сложилась судьба Степаниды после бегства мужа?

«Степанида дождалась осени, продала дом и урожай, взяла детей и приехала в Самарканд... Она устроилась в питомнике, где ухаживала за цветами, делала букеты и продавала их» (О.Л.Макаренко).

Какие же взаимоотношения установились между двумя семьями?

Ивана Капкины не жаловали, и это понятно. Но на Степаниду – на единственную сестру, это не распространялось.

Обида, нанесенная властью, переносилась на Ивана, оставаясь незаживающей раной даже после его гибели в 1942 году. И эта рана напоминала о себе время от времени. По воспоминаниям мамы, во время размолвок тетя Паша обвиняла Ивана во всех бедах. А Степанида, оправдывая мужа, говорила: «Он же не виноват, его заставили».

Но в семье большую тему старались не затрагивать. Лишь тетя Паша чаще других вспоминала об обидах, причиненных Иваном их семье, припоминая их Скакалиным. Почему она делала это, задумались мы?

Нам не известна точная дата рождения тети Паши, но мы знаем, что наша прабабушка Степанида была приблизительно на двадцать лет старше ее. По нашим подсчетам Паше было лет 13–16, когда их сослали (а сослали Капкиных где-то в 1932–1934 годах по словам моей мамы), поэтому она хорошо помнила подробности трагедии, горе родителей, голод. Запечатлевшиеся в ее памяти события озлобляли тетю Пашу, заставляли ее грешить на мертвого.

Но если бы не тетя Паша, мы бы никогда не узнали об этой печальной истории.

Ссылные, по словам нашей бабушки, тоже избегали вспоминать прошлое. На наш взгляд, причиной этого был страх навлечь на себя еще большую беду, и, возможно, людям не хотелось причинять боль себе и другим. Среди ссылных установилось молчаливое согласие; общая беда, сроднившая и сплотившая их, способствовала взаимопониманию. Они сохраняли добрососедские отношения и помогали друг другу.

Когда началась Великая Отечественная война, всех ссылных мобилизовали в армию. Прадедушке, по словам бабушки, было тогда 42 года.

О фронтовой биографии прадеда нам известно немного. Из рассказов родных мы выяснили, что он служил полковым разведчиком на Северном Кавказе. С ним вместе воевал один из земляков, от которого впоследствии его жена узнала обстоятельства гибели Ивана. До нас этот рассказ дошел от старшей сестры мамы, которая больше общалась со Степанидой.

«Разведчики получили задание перейти линию фронта с целью получения нужной информации о расположении врага. Перед уходом они оставляли свои вещи и документы, из которых их имена может узнать противник, командиру полка. У Ивана была бритва, судя по всему из хорошего металла, перед тем, как уйти на это задание, он попросил родственника-земляка, если он не вернется, передать бритву Степаниде, чтобы она ее продала на случай нужды.

Предчувствие не обмануло Ивана. Они попали в засаду, устроенную немцами в винограднике. Были ранены командир отряда и Иван. Ранение командира было очень тяжелым.

Обычно разведчики не оставляли раненых на месте боя, но в этот раз, так как раненых было двое, Иван приказал солдатам оставить ему автомат, а самим переносить раненого командира.

Вечером была собрана группа для его спасения, в нее вошел и родственник Ивана. Придя на место, где был оставлен Иван, они увидели примятую траву, скошенные пулями виноградные лозы, но не нашли ни самого Ивана, ни его оружия».

Это случилось в 1942 году. Несмотря на то, что Иван принимал участие лишь в самом начале войны и никаких наград не получил, он успел показать себя храбрым солдатом. Это подтверждают мамы рассказы о том, что бабушка получила несколько писем от людей, которым Иван спас жизнь.

Бабушке было три года, когда пришла страшная весть об отце. Его она не запомнила, но цепкая память ребенка запечатлела горе, постигшее семью. «Когда началась война, мне было три года, Клаве – 15, Васе – 12, Мане – 9 лет. Большую часть времени я проводила в садике. Когда папа ушел на фронт, стало тяжелее. Однажды (мне было пять лет) меня не забрал Вася, и я осталась ночевать у сторожа в его каморке, так как сама идти домой не могла. Уже в час ночи в окошко постучали, пришел Вася. Он взял меня за руку и повел домой. Там было много людей, все, в основном, в черном. Мама плакала, она прижимала меня к себе и сказала: «Как мы будем дальше жить?» Оказалось, пришла похоронка: «Ваш муж Иван Андреевич Скакалин пропал без вести». Мы до сих пор не знаем, где его могила».

Жизнь семьи Скакалиных стала еще тяжелее, ведь из-за того, что Иван пропал без вести, Степанида не получала пенсии по потере кормильца. Но ее не бросили люди, пришедшие поддержать Степаниду в этот трудный час, скорее всего, это были родственники и земляки Ивана. Впоследствии большинство этих людей были отправлены на фронт. Степанида после смерти мужа с ними больше не общалась.

И хотя Степанида получала деньги как мать-одиночка на маленьких Сашу и Маню, это не могло существенно облегчить им жизнь.

Население Самарканда увеличилось за счет людей, работавших на заводах, которые эвакуировали в Самарканд: «К нам эвакуировали завод из Ленинграда. На этот завод пошла работать и Клава. В городе стало больше русских».

Невольно возникает вопрос: «А где жили эвакуированные?» Мы попытались восстановить картину жизни в военном Самарканде глазами очевидцев.

«Во время войны у многих узбеков забирали одну комнату, чтобы было где жить приезжавшим. Чаще всего комнату для гостей. Местное население не сопротивлялось». Для того чтобы лучше понять, как отразилось подселение приезжающих на жизнь местного населения, мы обратились к старшей сестре нашей мамы с вопросом: «А как выглядели узбекские дома?» Вот что она нам ответила: «Узбекские дома имели ряд особенностей. Во-первых, было три комнаты: кухня, где спали, ели, готовили; комната для гостей и «мехмонхона» – гостиная, говоря современным языком. Там лежали вышитые матрацы, на которых сидели. Была курильня и коврик для молитвы».

Обязательное наличие комнаты для гостей характеризует узбеков как гостеприимных хозяев. Они были готовы помогать людям, хоть и отличающимся от

них внешне, но живущих с ними в одной стране, над которой нависла угроза завоевания. Об этом же говорит и обычай, распространенный в годы войны – «ШАХАР».

«При этом голод был очень сильный. У меня был рахит. Чтобы как-то выжить, мы пряли. Покупали шерсть, мама пряла, мы с Васей щипали ее, а Клава вязала носки, которые мы затем продавали. Электричества не было, и работали мы при свете лучины.

Тогда счастьем было достать хлеб с салом. Когда созрел урожай, мы обирали фруктовые деревья, которые были тогда общими, у кого бы в саду они не располагались.

Когда шла узбечка с лепешкой, подбежит к ней ребенок, попросит кусочек, она и ему даст, и мне даст, если я стояла рядом. Подкармливала меня и соседка – крымская татарка. Все мы были одна семья: русские, узбеки, татары, белорусы, украинцы». Бабушка с благодарностью вспоминает эти кусочки лепешки. Они спасали ей жизнь. Люди не отворачивались от голодного ребенка. Им был знаком голод, и они старались помочь.

Русский язык плохо знали, в основном, «кишлячные», в отличие от «европеизированных» узбеков, хорошо владеющих русским языком. Так называет различных узбеков мама. Определение «кишлячные» нам понятно – это жители кишлаков.

Но «европеизированные»? Мы спросили у мамы, какой смысл она вкладывает в это слово: «Европеизированные узбеки – это начальство. Они все были культурные, интеллигентные. Узбеки все «темные», а у тех, кто был в «элите», кожа у них светлее».

Также мы склонны думать, что понятие «европеизированные» включало не только «начальство», но и городскую интеллигенцию из числа местного населения.

Судя по тому, как мама охотно и подробно отвечала на наш вопрос, мы пришли к выводу, что у нее традиционная одежда узбеков не вызывала неприязни или осуждения, чего нельзя сказать об отношении местного населения, особенно жителей кишлаков к европейской одежде. «Мы могли ходить по моде тех годов: в брюках, свитере, а вот в селе считали, что это вызывающая, безобразно-вызывающая одежда. Если ты прошелся в брюках и нет юбки сверху, то значит, что ты чуть ли не одета, как женщина легкого поведения».

Такое, на взгляд просвещенного европейца, унижение женщины, было, как нам кажется, еще одной причиной того, что мама воспринимала аульских узбеков как дикарей. «Мы никогда не оскорбляли кишлячных узбеков, но тех, кто позволял в наш адрес грубые выходки, мы считали дикими».

Интересно, что во время сбора хлопка люди не только трудились вместе, но и обменивались едой: «Для нас их еда считалась плохой. Что такое этот невкусный суп, приготовленный наспех?! Но у нас в супе всегда было мясо, рис, гречка, макароны – всех этих продуктов у узбеков не было, поэтому они ели вместе с нами. А наш хлеб мы меняли у них на лепешку».

Итак, завершая «кулинарный вопрос», мы пришли к выводу, что хотя для каждой нации своя еда была самой вкусной, в Узбекистане происходил своеобразный обмен традиционными блюдами, и каждый народ стал считать своими многие блюда живущих рядом людей. Для людей порой вкусной считается не та еда, которая свойственна их культуре, а та, к которой они привыкли с детства.

Благодаря этому нам стала понятна легенда из истории Самарканда: «Во время татаро-монгольского нашествия, Чингиз-хан, услышав о вкусных лепешках Самарканда, приказал доставить к себе повара из города. Приведенному повару он приказал испечь лепешку. Тот испек. Та хоть и была вкусной, но не такой, как о ней говорили. Хан спросил, в чем дело. Повар ответил, что в Самарканде своя мука, вода, соль, и поэтому их лепешки такие вкусные. Хан приказал доставить все это повару. Повар испек еще одну лепешку. Вкусную, но все же не такую. Хан спросил, в чем дело, и повар сказал, что дело в Самаркандском воздухе, и без этого воздуха и лепешки невкусные». Так же и люди, несмотря на многообразие кулинарных традиций, привыкли к этому вкусу, к этому воздуху, и это не всегда понятно нам, но о вкусах не спорят.

«Узбеки любили индийские фильмы, – вспоминала мама. – А вот я их не любила, даже в детстве, может, из-за того, что их любили «местные». Мне они казались глупыми, несерьезными. Но на индийские фильмы было трудно попасть. Бывало даже к кассе не пробьешься». Возможно, это было связано с простой сюжета, музыкальностью фильма, хотя, как нам кажется, причиной могло быть и сходство индийской и узбекской культур, но судить об этом не беремся, так как плохо знакомы с этой областью.

Подумав, мы пришли к выводу, что очень важен был обмен традициями. Это проявлялось в обмене рецептами кухни; в женской одежде появились пусть небольшие и не среди всех, но изменения; узбеки, общаясь с русскими, больше узнали о спиртных напитках. Благодаря обмену культурами среди местного населения появились «европеизированные» узбеки, которые были частью «цивилизации», прогресса, им были знакомы все технические изобретения, появляющиеся в СССР и в других странах.

Такие изменения традиций, на наш взгляд, играли положительную роль – Узбекистану становился ближе мир, располагающийся за пределами страны.

Но некоторые традиции исчезали, по-нашему мнению, под влиянием политики государства. Власть, истреблявшая религию, являющуюся хранительницей обычаев, уничтожавшая «кулаков», уничтожала и быт, державшийся веками. Было уничтожено рабство, многоженство, байство, возможно, с нашей точки зрения, это и нехорошие обычаи, но для местного населения это был вековой уклад, привычный порядок жизни, разрушавшийся новой властью. 82 % дворов были объединены в колхозы.

Самое страшное для людей – оказаться оторванными от своих корней. Это значит, что забывается и история народа, и его вековой опыт.

Эта оторванность от своих традиций, которая появлялась у узбеков, казалось, должна была сближать их с другими народами, большей частью также оторванных от своих корней. Но именно это и разъединяло людей. Сильные не по своей воле оказались в такой ситуации, в то время как узбеки могли, говоря простым языком, дотянуться до своей культуры рукой, но они не хотели этого делать, к тому же получалось, что им и не давали осуществить эту возможность. Власть недостаточное внимание уделяла развитию языка, приобщению народа к своим корням, культурному наследию, что усиливало национальные обиды, рождало недоверие и непонимание. На наш взгляд, религия тогда в отличие от власти не разделяла людей.

А наша бабушка, Александра Ивановна Скакалина, вышла замуж за Станислава Хасановича Плюхина. Мама рассказывала нам историю своего дедушки, ставшую семейной легендой, которую она услышала от своей тети – Ироиды

Хасановны Хушмухаметовой (дедушка взял фамилию матери). Прадедушка Хасан, судя по всему, происходил из небедной семьи, учился в гимназии. А потом решил жениться на русской. Нам известно, что он был наполовину татарин, наполовину араб, поэтому в семье строго придерживались мусульманской религии. Мать, узнав, что сын решил жениться на православной, да к тому же русской, несмотря на то, что он был единственным ребенком в семье, выгнала его из дому, лишила наследства и прокляла его и его потомков на семь поколений. Хасан никогда не упоминал о родителях при детях.

Хотя дедушка внешне мало похож на русского, это нашу бабушку не остановило, к тому же он воспитывался и жил в русской среде, русский язык для него родной, поэтому он считает себя русским.

Нас поразило, что, по воспоминаниям мамы, власть давала привилегии местному населению. «Я в комсомоле занималась; допустим, вторым членом горкома комсомола обязательно был русский. Но первым – по национальности узбек. В то время со всей республики ездили делегации детей в Москву. Я туда ездила в 1981 г. Из Самарканда 5 человек послали – в основном узбеков. Старались их посылать. Посылали за хорошую учебу, за активность. Меня – из-за того, что активная по комсомолу была... В комсомоле были все национальности и европеизированные узбеки. Но все местное начальство было из европеизированных узбеков».

Такое же правило распространялось и на подбор партийных руководителей. Как вспоминала наша бабушка: «Первым секретарем партии всегда был узбек, вторым – русский».

Тем самым, с одной стороны, ущемлялись права «русских» (здесь мы по примеру нашей мамы так называем «всех людей, оторванных от своих корней»). Им тяжелее было не только попасть в «правящие круги», но и даже добиться многого в комсомоле, не являясь «отличницей, спортсменкой и просто красавицей», какой и была наша мама. Но, с другой стороны, власть, назначая русского «вторым», тем самым подчеркивала доверие, оказываемое русским, так как русские считались более преданными. Что и понятно. Революция и становление Коммунистической партии произошло именно в России.

При этом наблюдался такой парадокс: несмотря на суверенитет Узбекистана, узбеки подчинялись русским, так как власть осуществляла жесткий контроль из центра. Вот что вспоминает моя бабушка: «Когда приходило сообщение из Москвы, один начальник тут же хватался за сердце. А после звонка из Москвы одного начальника в Ташкенте хватил инфаркт. Сообщения из столицы пугали». Хотя Москва находилась далеко от Узбекистана, она управляла судьбами людей, даже главы республик не чувствовали себя уверенно на посту.

Как нам кажется, такая политика, порождая национальные обиды и обиды на власть, служила разобщению народов.

Но более ярко это проявлялось в отношении власти к высшим учебным заведениям. «Было три узбекских и две русских группы, но в основном все, кто хорошо знал язык, стремился поступить на русское отделение» (мама училась на физико-математическом факультете). Конечно, «кишлячные» узбеки из-за плохого знания языка не могли поступить на русское отделение, дававшее более глубокие знания. Но нас удивило соотношение три к двум. Получалось, что узбекам было легче поступить на свое отделение, чем маме на свое. Вызвано такое соотношение, как нам кажется, было тем, что уровень преподавания в узбекских школах был ниже, но в то же время надо было готовить свои национальные кадры.

Но это, конечно, обижало русских, которым было сложнее поступить в институт, хотя они не считали, что узбеки умнее их.

Еще хуже дело обстояло с медицинским и некоторыми другими институтами. «Для узбеков поступить в медицинский было легче. Получалось так, что человек прожил всю жизнь с цементными полами, которые никогда не моются, он редко мылся из-за отсутствия возможности. Этот человек приезжает в город, где он, если хоть чуточку толковый, сразу может поступить в медицинский институт, так как таких принимали». Конечно, ничего сложного его не спрашивали, так как какие знания он мог получить в кишлаке? Но если среди маминих друзей, в основном не узбеков, мало кто поступал, хотя их знания были лучше, то значит, вопросы, которые им задавали, были гораздо труднее: «Поступить в медицинский русским почти не оставалось шансов».

Мама и ее друзья смогли без «блата», своим трудом поступить в высшие учебные заведения, и не только Самарканда, поэтому не уважали кишлячных узбеков. В то время как «несмотря на все привилегии, которые предоставляла власть узбекам, образованных среди них больше не становилось».

Таким образом, такая политика государства по отношению к высшим учебным заведениям служила выделению одной нации, что не вызывало положительных чувств у другой, и при этом разделяла людей на своих и чужих.

Следствием такой политики был низкий уровень медицинского обслуживания. Поступившие таким способом не становились квалифицированными врачами, медсестрами. «Вот у мамы было запущенное воспаление легких. Если бы не Викина мама (Вика – лучшая подруга Иры, Викина мама – врач) неизвестно, что бы произошло с мамой, потому что в XX веке человек, которого лечил врач, чуть не умер от воспаления легких. Мама приходила к врачу (узбечке), а та говорила, что у нее давление, и давала больничный, не обращая внимания на симптомы. Она не смогла поставить правильный диагноз. Осталась в памяти она у меня еще и потому, что у нее все время были грязные ногти.

Да и не только врачи, но и медсестры тем более не знали норм гигиены. Тетя Маня рассказывала (тетя Маня была старшей медсестрой в роддоме), что у них было не совсем стерильно, и для поддержания порядка нужно было много сил со стороны тети Мани. Медсестры, в основном узбечки, не мыли руки, подавали плохо стерилизованные инструменты. Нянечками тоже, по большей части, работали узбечки, о какой стерилизации может идти речь. Некоторые больные не соблюдали норм гигиены».

Какое доверие может быть к таким медработникам? Гигиена, чистота, стерильность – вот что должно окружать больных. Это вело к тому, что люди либо переставали обращаться к врачам, либо старались попасть на прием к русским.

Приходилось платить, чтобы к тебе относились внимательно. «Узбеки, те, кто побогаче, старались ездить в столицы для лечения, обращались к русским врачам, платя деньги за прием». Доверия к таким врачам быть не могло ни у узбеков, ни у русских. Не у всех были деньги, чтобы платить за лечение, поэтому приходилось терпеть и таких врачей, которые хоть и плохо лечили, но давали больничный».

Моя бабушка страдает гипертонией. И у нас в семье и мама, и ее сестра, и дедушка (С.Х.Плюхин) умеют делать уколы, хотя с медициной они никак не связаны. В Самарканде они не могли доверить делать уколы медсестрам, теперь нам стало ясно почему.

Проследив историю нашей семьи, мы выяснили, что она не раз оказывалась в положении беженцев.

В конце 30-х годов Скакалины нашли приют и спасение в Узбекистане. Наша бабушка родилась уже в Самарканде и прожила там 55 лет. Там же родились и моя мама и тетя. Там прошло их детство, студенческие годы, тетя Таня прожила там до 2002 года, и в возрасте 42 лет последней из нашей семьи переехала к нам.

Вряд ли Скакалин Иван Андреевич мог предположить, что его дочь, внучки и правнучки спустя 66 лет опять вернутся в Россию, причем не на его родную Тамбовщину, откуда он бежал, а окажутся далеко в Заполярье на Кольском полуострове и снова станут беженцами.

А как складывалась судьба мамы после окончания школы? В 1983 году мама поступила в Самаркандский университет, на тот же факультет, что и ее сестра, на физико-математический. На пятом курсе их направили на практику в Киев. Там она оказалась одна среди узбеков, которые не гуляли по городу, а сидели в общежитии. Там же она познакомилась с В.А. Выбач, нашим папой, а через пять месяцев после знакомства, 7 октября 1988 года они поженились. В Луцке, родном городе папы, родились мы. Прожив три месяца на Украине, мы переехали в Самарканд. А через пять месяцев вернулись в Киевское общежитие. Мама получила украинское гражданство. Но мы с сестрой близнецы и родились очень слабыми, врачи говорили, что один ребенок умрет, кто-то сказал, что детей спасет деревня. Тогда папа, к тому времени окончивший Киевский университет, факультет истории КПСС, попросил отправить их по распределению в глухое село Чайкино. Работали они оба в школе. В селе мы окрепли, и родители, не хотевшие, чтобы мы выросли вдали от цивилизации, решают вернуться в Самарканд. Из Самарканда они переехали в Мончегорск.

Какие же обстоятельства заставили их покинуть теплый Узбекистан, мамин родной город и перебраться на холодный Север?

«Когда мы приехали, осталось мало русских школ. Если раньше в Самарканде 90 % были узбеки, то после 91 года многие уехали, остались в основном узбеки. Людей гнал страх. Первыми уехали евреи, когда появилась возможность выезда в Израиль. Затем после Ферганских событий (выступления узбеков против крымских татар) уехали крымские татары. Мы не могли поверить, что всегда дружелюбные узбеки могут устроить такие беспорядки из-за национальности. Многие уехали вслед за крымскими татарами. В то время рассказывали, что угрозы по поводу отъезда из Узбекистана были. Но это самое начало после переворота.

И тогда стали бросаться в глаза различия между бедными и богатыми узбеками. Богатые – европеизированные, могли позволить себе все. У бедных ничего не было. Раньше это было не заметно, так как была прослойка из людей других наций. И когда эта прослойка уехала, между богатыми и бедными оказалось большое разделение. У бедных не было возможности прокормиться, и они отдавали детей на работы: полоть, убирать в доме.

Сама по себе жизнь изменилась. Исчезли арбузы, лук, все, чего раньше было так много, исчезло. Сразу почувствовалось, что люди, которые уехали, занимались делом, выращивали фрукты, овощи; а когда они уехали, узбеки не смогли сразу восстановить рынок. К тому же большая часть сельских жителей переехала в город. Они вели себя нецивилизованно. Могли громко смеяться на улице, указывать на все пальцем. А когда они заселялись в большой многоэтажный дом, то держали на балконе баранов, овец и другой скот. Они не были

привычны к городской жизни, и поэтому вели себя так, как будто они все еще в кишлаках. Их безалаберное отношение к квартирам бросалось в глаза.

Еще в городе ходили слухи, что Самарканд могут захватить афганцы. Люди были напуганы. Поэтому рождались разные пугающие слухи, небылицы. Я ни разу не слышала угроз от узбеков. Кишлачные они очень хорошие. Едва говоря по-русски, они становились моими друзьями».

Соотнеся все воспоминания наших родных и свои детские воспоминания, мы задумались над причинами переезда в Мончегорск.

Мы попытались понять смысл маминой фразы «людей гнал страх».

Это был и страх за жизнь, который появился после Ферганских событий 1991 года, угроз узбеков, хотя их было и немного, слухов о нападении афганцев на Самарканд.

Тревога родителей за наше будущее, боязнь, что мы не сможем нормально учиться. О том, что этот страх наших родителей был обоснован, говорят такие факты. Двенадцатилетняя девочка, с которой мы были знакомы в Самарканде, однажды сказала «Нам учительница говорила, что на Северном полюсе – 100 °С, а на Южном +100 °С». Причиной такой ситуации в школах был отъезд квалифицированных преподавателей. Даже директор родной маминой школы № 42, считавшейся хорошей, гордившейся углубленным изучением французского языка и единственным в городе музеем В.И.Ленина, уехал в Израиль, после чего школу было невозможно узнать (девочка, о которой мы говорили, училась в ней). Именно проблемы с образованием в Узбекистане, как нам кажется, были главной причиной, по которой нам пришлось уехать.

Мама очень любит Самарканд. «Уезжая, я видела во сне не маму с папой, а свой любимый город». Но, вернувшись, мама разочаровалась в нем: «Для расширения улиц стали вырубать деревья. Исчезла привычная тень под сенью вековых дубов, каштанов». Положение в городе ухудшилось, ощущалось бескультурье, упадок нравов. Теперь Самарканд уже не удерживал маму, и она, увидевшая после четырехлетнего отсутствия разительные перемены в знакомом ей с детства городе, решила навсегда порвать с родиной и переехать в Россию.

Из-за бюрократических сложностей маме удалось получить гражданство только через десять месяцев. Особенно трудно было устроиться маме на работу. Ей дали свидетельство, подтверждающее статус вынужденного переселенца, хотя при этом, как всегда в России, маме пришлось выстоять не одну очередь.

Мама старалась не унывать. По ее словам, ей всегда попадались хорошие люди.

Первой маминой работой на Севере была работа воспитательницей детского сада. Там, по ее словам, была очень хорошая заведующая. Она устроила нас в садик без гражданства.

Гражданство нам с Машей дали только после приезда папы. Женщина, оформлявшая гражданство, по воспоминаниям мамы, вначале не хотела ей ничего давать, смотрела на маму с таким видом, «зачем сюда приехала да еще без мужа», но таких эпизодов, как говорила мама, к счастью, было немного.

Папа, когда приехал, почти сразу устроился на работу – учителем в училище.

Мама, проработав в садике полгода, также стала работать в школе учителем. Несмотря на то, что она приехала из другого мира, она не чувствовала себя чужой. Как мне кажется, мама скорее вернулась к себе на Родину, в Россию, где все говорят по-русски, есть русские школы и все одеваются по-европейски, все приобщены к одной культуре.

Вскоре нам дали квартиру, от которой все отказывались, так как она была в деревянном доме барачного типа далеко от центра. У нашей семьи уже было много друзей. К нам приехал мамин двоюродный брат с семьей, также уехавший из Самарканда.

Деревянный дом вскоре сгорел, и нам дали квартиру в новом доме. Как говорится: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Тогда, по воспоминаниям мамы, некоторые коренные мончегорцы возмутились тем, что нам сразу дали квартиру, а они ждут ее годами. В остальном из-за многонационального состава населения, никто не обращал внимания, откуда мы приехали и когда. Мы счастливы, что живем в России.

Но нам сейчас порой из-за нашей собаки Бетти, подаренной маме учениками на 8 Марта, тяжелее общаться с соседями, говорящими на том же языке, что и мы, чем маме в Самарканде со своими «стоязыкими» соседями.

У каждого человека есть своя история. И всегда его судьба связана с другими людьми, так как человек не может жить обособленно от мира. И постоянно между людьми устанавливаются различные отношения. Иногда они зависят от политики власти, но чаще возникают из-за личных симпатий или антипатий. В своей работе мы попытались рассмотреть, как возникают эти отношения, и как они связаны с историей не только данных людей, но и всего государства. И пришли к таким выводам.

Такое явление, как деление на «своих и чужих», будет всегда...

Иногда деление на «своих и чужих» случается между близкими родственниками, как и произошло с семьями Капкиных и Скакалиных, и главной причиной этого стала политика государства, разрушившая, а потом соединившая эти семьи, но, рассматривая тот период, когда они были «чужие» (а Иван так и остался таковым), заставил нас задуматься, что важнее: власть или семейные отношения? В отличие от власти семья редко бросает человека на произвол судьбы.

Отношения между народами – это отношения между людьми, поэтому мы можем представить отношения между русскими и узбеками через общение определенных людей: нашей мамы, бабушки, их «русских» друзей с коренным населением республики, в которой они жили. И мы выяснили, что как и у всех людей отношения эти бывают не только хорошими, но и плохими. К сожалению, не последнюю роль в возникновении отрицательных взаимоотношений между народами играет власть. Но все же будет ошибочно судить о целом народе по его отдельным представителям.

Мы также поняли, что чужими, и даже врагами, могут стать люди под влиянием своих убеждений, черт характера, бытовых обстоятельств. Порой даже соседи могут быть чужими, не общаясь из-за бытовых мелочей.

Другой стороной медали были: гонения власти на религию, недостаточные условия для развития языка и национальной культуры. Сочетаясь, эти факторы грозили узбекскому народу потерей национальной самобытности, положение усугублялось тем, что власть в Узбекистане находилась в руках центральных ведомств Москвы, лишая республику самостоятельности.

Это все было причиной обид на власть, которые невольно переносились на приезжих – их считали виновными в притеснении местного населения.

По-нашему мнению, такая политика способствовала распаду СССР, так как ущемление прав коренного населения была не только в Узбекистане, и именно эта политика привела к делению людей, проживших бок о бок всю свою жизнь, на «своих и чужих».

Из работ финалистов конкурса

Алина Ткачева (г.Астрахань)

«Судьба рода в судьбе человека» (История понтийских греков в России)

Двойка, четверка, девятка – эти цифры понтийские греки считают для себя роковыми. Именно в 1942, 1944 и 1949 годах греки были высланы в Сибирь и Казахстанские степи.

До сих пор историки не могут точно установить количество понтийцев, репрессированных в эти страшные годы. Сложно подсчитать: известно ведь, что учета не велось, а выгоняли из родных домов целыми селами, поселками. По данным газеты «Эллинские диаспоры» только в Абхазии количество высланных достигает 25 тысяч человек. А общее количество насильно отправленных в Казахстан, Урал, Сибирь и другие регионы от 60 до 80 тысяч человек.

Двойка стала роковой цифрой и для семьи Харлампыди. 24 июня 1942 года вышло Постановление Государственного комитета обороны «О членах семей изменников родины». Документ уточнял процедуру преследований родственников «изменников». Кира Константиновна вспоминает из своего детства: «Я помню у нас в доме была металлическая печка. Мама стояла около этой печки, и к нам зашел мужчина. Он говорит: «Вот вам документ на выселение», а мама говорила по-русски очень плохо, она только сказала: «Вот у меня их семь, куда я с ними». Я даже не знаю почему, но этот военный, почему-то сжалился над нами. «Вы куда-нибудь просто спрячьтесь, но только, пожалуйста, уходите отсюда, уезжайте, куда хотите». И вот таким образом мы все расселились... Нас с мамой приютила русская семья и остальных она тоже всех пристроила. Если бы мы не уехали из того дома, то точно бы «загремели» в Казахстан всей семьей. Вот так чудом остались жить еще в Грозном».

Мама Киры Константиновны «иностранный подданная гражданка Харлампыди Ефимия Харламповна» – так значилась она в иностранном паспортном столе г.Грозного, каждые два–три месяца вынуждена была проходить специальную отметку в паспорте (т.е. реабилитироваться). Для этого необходимо было иметь марки госпошлины, которые стоили немалых денег. Потом документы отправляли в Москву. Если даже по вине Москвы запоздают документы, значит, напишут нарушение паспортного режима. К стати, по этому паспорту в стране никуда не брали на работу. Старший брат Николай работал в лавке (грузил овощи) без оформления на работу и хозяин рассчитывался с ним товаром. «Этим пыткам подвергались и мои две сестры Елена и Ольга и два старших брата – Николай и Иван. За нарушение паспортного режима, так как не было денег на покупку проклятых марок, все четверо прошли через лагеря». После того как забрали отца, старших братьев Николая и Ивана, сестер – семье жилось очень туго и сложно. Ефимия Харламповна торговала водой на рынке и однажды милиционер забрал у нее чайник, лишив семью последнего источника существования.

«Детство мое было тягостным. Помню, как ждала маму с рынка, а она шла и плакала, потому что отобрали чайник. Греки, которые были более обеспеченными,

сторонились репрессированных, нищих. Было такое, что очень запомнила на всю жизнь. Крестная приготовила мясные котлеты и пригласила нас с мамой покушать. От котлет исходил ароматный запах, но мы-то такую еду не ели! И мне потом было очень плохо. Прошло 50 лет, а я до сих пор не ем мясные котлеты.

Еще помню, что боялась идти в школу, так как знала, что я – ребенок «врага народа». Мы жили бедно, и в школе мне дали ткань на школьную форму. Я очень плакала, не хотела брать, было стыдно, но мама сказала: «Когда дают, нужно брать и говорить “спасибо”». В школе я старалась, как только могла, учиться хорошо. Так было нужно. И уже с пятого класса ходила в паспортный стол заполнять анкеты, документы. Помню, всегда была длинная, долгая очередь. Когда она подходила, принимал анкеты Карузаев, и он постоянно что-то исправлял, находил ошибки. Все нужно было переписывать и снова стоять в очереди. Так он поступал с каждым человеком. Зачем он это делал, никто не знал, но было ощущение, что чем больше он лишит людей прав, тем ему лучше.

Филипп Абрутин (г.Москва)

С «Зингером» по жизни, или Воспоминания о былом

«Верили в бога? – задумалась бабушка. – Знаешь, в бога совершенно не верили ни мы, ни наши родители, а вот бабушки и дедушки, может быть, и верили, поэтому они совершили над нами обряд крещения. Я не помню, чтобы у нас в школе были такие дети. Хотя многие и ходили в церковь, отмечали религиозные праздники и соблюдали обряды по привычке или для приличия. Ну и потом церковь – это в какой-то степени разрядка от житейских проблем, что ли. Тем более, что в церкви все так красиво, торжественно, празднично. Конечно, это как-то умиротворяет человека, действует на психику человека благотворно. А некоторые, наверное, ходили не из-за того, что по настоящему верили, а просто так, на всякий случай – «а вдруг». Другим проще жить с надеждой на то, что есть жизнь после смерти. Я считаю, что каждый должен сам решить вопрос своей веры».

Гузалия Султанова

(г.Ижевск Удмуртской Республики)

Судьба мусульманского духовенства в XX веке

(На примере семьи муллы Магомедадыя Тагировича Тагирова)

В тот период Магомеддада увлекся трудами ученых-мудрецов, восточных писателей, таких как: Кул-Гали, Авиценна, Каюм-Насери. Но особенно он был увлечен трудами Марджани (свидетельством тому служат сохранившиеся книги на арабском языке, 1900 – 1910 годов, а также его личные записи, в которых нашли отражение изречения религиозного реформатора). В течение всей жизни он поддерживал идеи и взгляды Марджани, которые и помогли ему сохранить преданность и былой энтузиазм верующих в более зрелые годы.

Ученики, как и все находившиеся под давлением антирелигиозной политики государства, часто задавали Магомеддадыю вопрос: «Учитель, существует ли Аллах? Видел ли его кто-нибудь?» На что он уклончиво отвечал: «Вы пьете молоко, а ви-

дите ли в нем масло?» Таким образом он давал детям возможность поразмышлять и самим найти ответ.

Каким образом в столь беспокойное время, время активной антирелигиозной политики советской власти удавалось сохранить мечети действующими, сказать трудно. Однако из рассказов интервьюируемых местных жителей села складываются эпизоды тех времен. Большинство населения продолжало посещать мечеть, выступало против ее закрытия, заступаясь за мулл в силу того, что те не ведут нечестной противоправной деятельности, несмотря ни на что не ведут пропаганды против советской власти. Махалля (религиозная местная мусульманская организация, в которую входили все верующие, существовала при каждой мечети) и муллы села Кестым утверждали, что местные власти не в праве запретить верующим посещать мечеть.

Интересный факт о сплоченности и единстве народа был почерпнут из интервью, взятого у заведующей Кестымским музеем, учителя истории Касимовой Хании. Она сообщила о легенде, существовавшей с начала XVIII века. Легенда гласит о том, как мужчины во главе с кестымским муллой, взявшись за руки, образовали большой круг вокруг мечети. Позади них таким же образом встали женщины, за женщинами – дети. Получилось три живых кольца. Тем самым они не дали разрушить мечеть и оказали сопротивление процессу насильственного крещения.

Однако представители местных властей или же сами учителя (за исключением мулл-преподавателей) часто ходили по домам, интересуясь, не принуждают ли детей читать молитвы и держать пост, ходят ли те слушать проповеди в мечеть. Кроме того, среди населения, особенно среди молодежи, велась активная антирелигиозная пропаганда. Та молодежь, которая не подверглась влиянию атеистической программы и продолжала читать намаз, жить по законам шариата, жестоко высмеивалась.

Сами муллы, наблюдая за происходящим, тяжело воспринимали случившееся. Например, Тагир, будучи пожилым человеком, воспринимал и переживал события тяжелее еще и потому, что не имел возможности предотвратить происходящее. Стоило только начать чтение проповедей, как тут же на него донесли бы и подвергли репрессиям. Вскоре, в 1920 году он умер.

С большим восхищением вспоминает Амина первомайскую демонстрацию в Дербенте. По улицам шли огромные толпы людей с красными флагами. Они кричали, радовались, оживленно разговаривали, детей угощали сладостями.

Но при этом жизнь в городе проходила беспокойно. Часто между еврейским и азербайджанским населением возникали стычки на религиозной почве. Участники стычек забрасывали друг друга камнями.

Азербайджанцы всегда носили кинжалы, которые являлись частью их национальной одежды. Этого очень боялась маленькая Амина. Одежда азербайджанцев состояла из черных папах и войлочных или шерстяных бурок, наброшенных на плечи. Бурки являлись универсальным видом верхней одежды – летом они спасали от жары, а зимой – от холода.

Родители без согласия молодоженов пригласили Магомеддадыю читать никах¹, после чего невеста, учительница, член комсомола, поехала в Базезино и заявила в райком комсомола о том, что ей насильно прочитали молитвы без ее согласия. В результате Магомеддадыя не раз вызывали в райком за то, что он, по их мнению, совращал своей деятельностью молодежь. После этого ему запретили выполнять обряды ша-риата для членов комсомола.

Были и такие случаи, когда в двери мечети, а также и в самого Магомеддадыю, тайком бросали камни. В деревне коммунисты при встрече с ним избегали даже

обыденных разговоров, для них это считалось позором. Султанова Амина сообщает, что как-то выпивший секретарь парткома Минзахир Касимов остановился около него со словами: «Ты что, мулла, весь старый, горбатый, пережиток прошлого еще пытаешься совратить народ? Вот скоро мы закроем твою мечеть, и ты не будешь тут мелькать перед глазами!» На что мулла ответил: «Народ совращает тот, у кого за плечами черт». Как вспоминает дочь Магомедады: «сидя в комнате за дощатой перегородкой, я невольно слышала разговоры родителей. Как-то, это было в 1966 году, в деревню приехал лектор из Казани. Помню только фамилию – Гыйльфанов. Читал в клубе лекцию на атеистические темы. Вот слышу, как отец говорит маме: «Этот лектор пытался зайти в мечеть, проверить документы и вообще мечеть изнутри, но я его не пустил, потребовал, чтобы он показал сначала документы, разрешающие такой осмотр. Сказал ему, что атеистам здесь делать нечего. Сначала соверши омовение, обрати душу к аллаху, потом зайдешь». А во время одной из его лекций в поселке Балезино одна женщина по имени Мунавара сказала лектору: «Ты кто? Бывший сын муллы. Тебя в Татарии перестали кормить балишом², так ты выехал теперь против аллаха лекции читать. У нас до сих пор мечеть есть в районе, а вы в Татарии, наверное, из-за таких, как ты, даже не одной мечети в деревнях не сохранили».

16 мая 1988 года, Магомедады сказал своей дочери: «Сегодня большой мусульманский праздник. Отнеси детям саттаку (милостыню) на первый этаж (там жила многодетная семья с семью детьми), подай всем нуждающимся независимо от национальности и погладь их по голове». В этот день он умер.

Иван Попов
(г.Барнаул Алтайского края)

Православие на Алтае в последней трети XX века. **Испытание богоборческой властью** (На примере духовной жизни И.Т.Лапкина)

Игнатий вспоминает: «Как-то брат мой, Аким, наслушавшись Марти Ивановны в школе, что бога нет, пришел домой с подобным ультиматумом и сел за стол, не помолвившись... Отец получил об этом уведомление от матери, и, зажав голову молодого «атеиста» меж ног, проучил ремнем, на «пользу пошло, уже из-за стола вышел верующий». Сейчас Аким (отец Иоаким) служит батюшкой, и вера крепнет день ото дня».

Однажды в части, где служил Игнатий, показали фильм по роману В.Гюго «Отверженные». Главную роль, Жана Вольжана, исполнял Жан Габен. Солдаты, уставшие за день, зевали, кто-то вовсе спал – им было неинтересно. Игнатий же буквально вобрал этот образ. Пошел еще раз и еще раз на этот фильм, потом еще в городе ходил. Достал книгу, прочел несколько раз. Нет, ошибки нет, он все так и понял, как хотел автор сказать. Вот она, цель жизни, так и сказано: «Спасти не жизнь свою, но душу».

Иногда Игнатий, глядя на звезды и тьму между ними, думал: «Вот я живой, но я умру и буду гореть и никогда даже на шажочек не придвинешься к концу. Если бы всю вселенную, все звезды и галактики разложить на песчинки, на молекулы, то счет этому есть: перебрал бы по единой, но тут никогда...» Игнатий хватался за голову, ему хотелось кричать: «Увы мне, увы! Мать, зачем ты пустила меня на свет,

на какое горе я живу. Мне уготована гибель, и нет мне выхода, нет покоя!» Много об этом плакал Игнатий, особенно, когда был в бане и жар ощущал.

«Да, это так, – вздыхала его душа, – я знаю давно, что есть ад, это мое место, и никто не пойдет туда за меня, я грешен и нет мне выхода, пусть хотя и внутри меня разорвались все атомные бомбы, но и тогда Бог соберет все, и я буду гореть, буду мучиться...»

Игнатий – библейский фундаменталист. Библия, в особенности Новый завет, – это фундамент всей его каждодневной жизни, с которого он ни ногой, уже сорок лет, как обратился.

Игнатий во время глобального дефицита духовных книг в конце 70-х стал изобретателем «магнитофонизации». Были записаны на магнитофон на 62 магнитофонных катушках (около 600 часов звучания) творения св. Иоанна Златоуста. <...> К 1986 году каталог фонотеки Игнатия составлял уже 200 кассет. Два месяца непрерывного звучания. Начитаны и размножены были: Библия, Жития святых с I до XIX века, «Добротолубие», «Лествица», «Исповедь блаженного Августина», «О подражании Христу», Фомы Кемпийского, книга проповедей о Дмитрии Дудко, «Исторический путь православия» о. А.Шмемана, апологетические книги баптистского автора Рогозина.

Чисто религиозной тематикой Игнатий (как, впрочем и Златоуст, не ограничился. Был записан «Архипелаг ГУЛАГ» с собственным послесловием Игната, знаменитое послание патриарха Тихона.

Можно бы Игнатию и не ходить в туалет в суде, но сортир деревянный на улице, и когда пойдешь, можно увидеть своих. Игнатий просился. Не ввели. Он настаивал. Упирались, толкали в машину. Игнатий решал: пусть связывают, я, дескать, больной, мне не доехать. Скрежетали зубами, ввели в сортир. А там – щели. Стоят родственники христиане, лучше вас никого нету. Мать постоянно крестила Игнатия. «Да услышит тебя, мама, и всех вас Господь». На обратном пути срывал Игнатий какую-нибудь травинку, на память, совал в карман.

После суда были у Игнатия свидания с родными. Все по телефону (смотреть через кабинку); объявили ему, что завтра на этап. Были сборы недолги – что можно, оставил в камере. Попрощался Игнатий со всеми. Даже со сверчками попрощался. Их несколько было в камере. Игнатий им крошек давал и каши. Пели всеми ночами, и усы, как антенны. Игнатий с интересом наблюдал за ними, как сверчки в гости друг к другу ходят, как токуют, знакомство заводят – все им рассмотрено.

Заплакал Игнатий горькими слезами. Просил сменить режим на более строгий, меру наказания более жестокой сделать или выкуп взять за бороду, как делал Петр I, которому, мол, даже стрельцы говорили: «Голову руби, бороды не касайся», – так убеждал Игнатий. Ничто не помогло. Казах только вылупил глаза на Игнатия, не ожидая, что в бороде может быть столько ценности, наверное, тут не просто борода, подумал, а что-то другое. Потащили Игнатия в парикмахерскую. Стриг его какой-то чеченец. Оттяпал бороду ловко, как голову отрезал. Разрешили взять бороду до Суда Божьего. А чечен бреет и говорит Игнатию: «А не накажет меня Аллах?»

Ложка у Игнатия в чехольчике, сам сшил. Этим веслом подгробал к себе, думал, выплывет ли на свободу? Там чахотка, туберкулез и прочие хвори иногда таились в пустой чашке. Не прожевал – чашка твоя свиньям, пей через край, так сподручнее, стыд забудь. Профессора спорили, в какую сторону наклонять тарелку при конце еды. К себе, только к себе – это твердо знали эзки. Да не пролей... Иногда к Игнатию тянулись с черпаками – на, батя, а то совсем отощавешь, ешь, старина, да помолись о нас, чтобы амнистию Горбачев не забыл дать... В этой-то столовой

и застала Игнатия весть о досрочном освобождении по Указу (горбачевскому). Он только-только в этот момент съел первое. На радостях подскочил и крикнул раздатчику: «Мне второго не надо! Я пошел на свободу!»

Сквозь ажурное плетение царских врат, отодвинув завесу, какой-нибудь, привыкший к спокойной работе батюшка, увидев Игнатия в толпе прихожан, вздыхал и говорил: «Игнат пришел. Придется проповедь говорить, а то ведь накапает владыке...»

«Заговорили о “наболевшем” теперь, когда запрета нет. А я об этом говорил и писал за десять лет до того, и заперли. Интересно и это. Но верно, что и это по милости Бога моего и Сына Его Иисуса Христа. Вспоминаю «Очарованного странника» Н.С.Лескова. Все говорили ему: «Замолчи, не пророчествуй», как пророку Иеремии, но дух говорит: «Ополчайся, ополчайся». Так и я: Протопоп Аввакум мне очень дорог и близок с его «рассвирепевшей» совестью», – говорит Игнатий.

Филипп Абрютин (г.Москва)

С «Зингером» по жизни, или Воспоминания о былом

– Бог с тобой, Филипп, какая же я украинка!?

– А кто же ты, бабуля? Ведь, твоя мама украинка, да и папа, наверное, частично украинец.

– Ну, конечно, если по крови считать, то я наполовину украинка, а наполовину русская, ну, может быть, с примесью польской или белорусской крови. Но ведь главное в национальности не кровь, а, наверное, воспитание. А воспитание у меня русское или, точнее, советское.

– Ну, вот видишь, а еще говоришь, что не украинка – вон как зажурылася. Да разве это плохо – быть украинцем?

– Нет, украинцем быть неплохо, но у нас теперь настоящий украинец должен быть вроде как националистом. Нужно обязательно ругать москалей, и все беды украинские ставить в вину России: и революцию, и голодомор, и чего только не придумают...

Как что-то не ладится, так все виновато «то» время и Советский Союз. И колхозы виноваты, и пионеры виноваты, и коммунисты. Получается, что в наших бедах, в том, что жизнь становится хуже и труднее, виноваты только другие.

Да разве голодомор только на Украине был, да разве устроили его только русские? Там, в правительстве СССР, кого только не было: и грузины, и армяне, и евреи, и азербайджанцы, и узбеки, и татары, а уж украинцев всегда было полно

Вот этого я не терплю. Папа нас учил, что все люди равны, будь ты хоть киргиз, хоть немец – все равными должны быть, а второе – не надо сваливать на других общую беду. Если сам не умеешь, то других не вини, а если умеешь, то возьми и сделай, покажи другим, как надо.

Ксения Замуховская (г.Москва)

Участие немецких рабочих в индустриализации СССР

В начале второй пятилетки наиболее сложный период налаживания производства в ходе советской индустриализации был пройден. Рынок квалифицированной ино-

странной рабочей силы в СССР достиг нескольких десятков тысяч человек, а советские газеты продолжали писать о тысячах, если не миллионах безработных инорбочих, готовых ехать на стройки социализма. Создавалась иллюзия, что при желании можно на Западе любое количество квалифицированных пролетариев и заставить их трудиться в тех же условиях, что и советских рабочих. Время «ухаживания» за инорбочими прошло.

Одновременно с ликвидацией льгот и привилегий и приближением иностранцев и по отношению, и по реальному материальному положению к советским гражданам нарастало воздействие на приехавших эмигрантов идеологического прессы. На второй план ушли не только экономические интересы страны (экономика, безусловно, все еще нуждалась в квалифицированных специалистах), но и прежняя забота об авторитете СССР на международной арене, особенно в газетах зарубежного пролетариата.

Приход к власти Гитлера вбил один из последних клиньев в надежды на скорую мировую революцию, в которой именно с германским пролетариатом связывались особые надежды.

Тенденция к изоляционизму СССР стала особенно заметной. С этим во многом связаны те принципиальные изменения в отношении к иностранным эмигрантам, которые происходят примерно с 1933 года. На них перестают смотреть, – а на уровне конкретных предприятий это особенно рельефно заметно, – как на «старших друзей страны Советов», более сознательных, опытных и образованных товарищей, лучших представителей международного пролетариата. Им перестают создавать особые условия, учитывать особенности менталитета и проч. Теперь «они» должны целиком и безоговорочно приспособиться к советской жизни и усвоить, что отношение к ним будет таким же, как ко всем остальным советским гражданам, без всяких послаблений. Более того, они становятся объектами шпиономании.

Интересно, как изменяется в книге Гудова описание роли иностранных специалистов и рабочих в 30-е годы. Сам Иван Гудов работал сначала подсобником, затем учился по вечерам и освоил профессию фрезеровщика, работая на немецких станках; идя на рекорды, нарушал технологические правила, будучи человеком сметливым, организованным, стремился найти способы к сохранению качества и увеличению количества изготавливаемых деталей, но это не всегда, особенно в начале, удавалось, бывали поломки, столкновения с наладчиками-немцами, иногда доходившие до конфликтов. В 1938 году Гудов пишет о большинстве иностранцев резко, обвиняя в некомпетентности, высокомерии, подозревает в шпионаже на «зарубежных хозяев». 1938 год – разгар шпиономании и репрессий; арестованы немцы Рицманн, Эндтер, работавшие в одном цехе с Гудовым, расстрелян один из лучших ударников Станкозавода Эдвальд Риппергер...

В изданиях 60–70-х годов, говоря о тех же случаях, Иван Гудов, уже достигший «высот», разделяет немцев на «хороших», тех, кто «заразился нашим духом», с симпатией говорит об австрийских шущбундовцах, тех, кто прилежно трудился, и тех, от которых «пора освободиться». Трудно сказать, как реально относился в 1935–1938 годах стахановец Иван Гудов к своим немецким коллегам, которые, как Христиан Эндтер, сдавали 100 % продукции на «отлично» (для сравнения, у Гудова – 56 % на «отлично, 44 % – на «хорошо»), перевыполняли план, как Рицманн на 427 % (у Гудова в это же время – 410 %), состояли в тех же профсоюзных, а часто и комсомольских (Морген, наладчик-изобретатель первого пролета) и партийных (Риппергер) организациях.

**Екатерина Гладилкина,
Наталья Каменцова,
Ольга Кучук,
Алексей Куреньков**
(г.Энгельс
Саратовской области)

История дальневосточных корейцев, депортированных в Казахстан

Видимо, только что сошедших с эшелона корейских переселенцев, изнуренных длительной кошмарной поездкой в «телячьих вагонах», сразу же подключили к политическому лицедейству под названием «выборы». И это при том, что они остро нуждались не в «агиткухне», а буквально во всем, что касалось элементарного выживания. С другой стороны, этот факт лишний раз свидетельствует о противоречивости статуса, в том числе политического, корейцев-переселенцев.

Корейский колхоз им.Карла Либнехта в Акмолинском районе спустя короткое время тоже стал главным поставщиком овощеводческой продукции для областного центра. Долгие годы в городе существовали два специализированных овощных ларька, куда на волах, лошадях, а потом на машине завозили свежие овощи, бахчевые, прочую продукцию полей трудолюбивых корейских земледельцев, которые быстро обустроились на новом месте в тяжелейших условиях.

Артем Мусихин
(г.Киров)

Моя семья в истории Вятского края XX века

Отправленным из Летки в Киров детям коми сначала было очень трудно жить в чужом городе, потому что они плохо знали русский язык.

Бабушка вспоминает, что азы русского языка она познала в школе, еще учась в Летке. В начале войны им преподавали русский язык по два часа два раза в неделю. Ей очень повезло, что с ней за одну парту посадили русскую эвакуированную девочку. («Эвакуированных» в Летке было очень много – практически они жили в каждом доме). Соседки по парте помогали друг другу в познании языков. В Кировской городской школе учителя знали историю бабушки и снисходительно относились к ней, и уже через два года она стала одной из лучших учениц.

Бабушка рассказывала, что в школе часто не было света, в такие моменты им в темноте рассказывали новый материал, многое она помнит до сих пор. Особенно ей нравились «путешествия» вслепую, когда они в темноте перечисляли страны, путешествуя куда-нибудь. На родительские собрания с большим удовольствием ходил дед – там внучку только хвалили. К тому времени обоих его сыновей уже не было в живых. Один сын – Иван – по привычке напился сырой воды из реки Вятки (в Летке всегда пили сырую воду из реки), заболел тифом и умер. Это было весной во время половодья, когда вся слобода Дымково, расположенная выше по течению, была затоплена и вода была как никогда грязная.

Людмила Пушкина
(г.Котлас Архангельской области)

Мои размышления при прочтении книги «Котлас – очерки истории»

Семье Шильман, где была одна мать и четверо детей, пришлось жить сначала в свинарнике. Гильда, которой было в то время пятнадцать лет, вспоминает, что было ужасно холодно, одежды, подходящей для нашего севера, у них не было, дети были обуты в тонкие ботиночки. Немецкие семьи стали обживать свинарник. Загоны, предназначенные для свиней, отгораживали досками и клеивали газетами. По прибытии на Макариху семьям выдали продуктовый паек: две буханки хлеба и три селедки.

По воспоминаниям, которые сохранились в семье Эпп: «Весь поселок Бор (около Котлас Узла, место обозначено на карте) построен ссыльными, поселок красивый, добротный. Дом строили так: пятером пять домов сразу. Все пять домов поднимали одновременно, все на одну высоту. Не из дерева, как принято на Севере, а делали опалубку и заливали внутри цементом, дома как бы шлакоблочные. Сразу провели отопление – батареи от печки. Держали много скота: корова, куры, гуси. Работали все. Дом полон людей, атмосфера дружелюбная, Эппы всегда при деле. В доме все функционально, продуманно. Каждый метр земли приносит доход. Женщины умели шить, вязать, консервировать, печь. Дети также трудолюбивы». Моя мама очень уважает этих людей. Они приветливы, улыбки, умны, трудолюбивы. Мама родилась на Севере, в семье, которая по советским временам считалась обеспеченной. Жили во многих местах, в том числе и в Архангельске, но впервые побывав в доме Эппов в семнадцать лет, до сих пор помнит это удивление-восхищение.

Филипп Абрютин (г.Москва)

С «Зингером» по жизни, или Воспоминания о былом

Основная часть населения, ясное дело, были кубанские казаки. Мне всегда казалось, что они смотрели на приезжих и иногородних очень недружелюбно. Отличить на улице казаков от иногородних можно было легко: по одежде. У женщин были такие стеганые на вате кофты, обычно синего или голубого цвета в горошек, длинные юбки. А мужчины ходили в кубанках, рубашки с воротниками-стойками и пуговичек много, брюки, в сапоги заправленные. Потом как-то все различия в одежде исчезли, но в годы войны вдруг опять появились на улицах казаки, одетые по-старому, они прямо как грибы после дождя выросли. Вспоминаю – иду по улице, а навстречу такой красавец идет: кубанка, черкеска по талии, газыри, сапоги блестят, а в руке плетка, идет он и ею поигрывает и по сапогам похлестывает. Я почему-то всегда их боялась, всегда сторонилась: мы ведь для них были вроде второго сорта – безземельные и не имеющие своего жилья и хозяйства.

Хотя я потом размышляла, что основания для гордости у казаков, конечно, были – ведь они были свободными людьми, сами возделывали землю и еще страну защищали от военных набегов. Постепенно они стали как бы особой национальностью или народом что ли – ведь там, кроме русских и украинцев, было много дру-

гих национальностей, все они постепенно смешались. Но зачем было нос задира́ть перед другими простыми людьми? Вот это мне кажется напрасным.

Ксения Любимова (г.Пермь)

История спецпереселенцев в Ныробском районе

К 1944 году, когда были переселены в НСО калмыки, только Барабинский район принял несколько тысяч эвакуированных из оккупированных немцами районов СССР и 545 семей (2037 человек) депортированных немцев Поволжья. Всех их разместили в пустующих домах, землянках, частных квартирах. Поэтому к 1944 году свободного жилья в сибирских деревнях и селах не было. Да и села Барабинского района были невелики. Нахожу в книге В.Саратова «Большая вода» описание своей родной деревни накануне войны. Маленькая деревня в одну улицу, небольшие с подслеповатыми окнами дома, улица, поросшая гусиной травой. Прямо на улице, возле домов, сушатся сети. Моя рыбацкая деревня приняла, обогрела, расселила бо-лее тридцати эвакуированных из Ленинграда, Мелитополя, Воронежа, 30 немцев-переселенцев. И поэтому калмыков селить было негде. «...Их привезли зимой плохо одетых, голодных, в изорванной одежде. Было такое впечатление, что их как выловили где-то в степи, так и везли. Поселили их на краю деревни в пластанке (пластанка – это землянка, сложенная из пластов земли)».

Проверявшие бытовые условия проживания калмыков в Барабинском районе отмечают грязь, завшивленность, отсутствие белья, редкое посещение бани (в Зюзинском с/с один раз в месяц), наличие таких болезней, как дистрофия, особенно среди взрослых, трахома, туберкулез, сифилис (правда, количество заболевших невелико). Немаловажную роль играл и психологический фактор: насильственная депортация, оторванность от родины, языковой барьер, поначалу предвзятое отношение местных жителей. «Когда нас привезли в Кармаклу, то местные говорили: “Понаехали с рогами, хвостами, копытами...”». Это потом, как говорится, стерпится – слюбится, а поначалу местных жителей удивляло в калмыках все: и внешний вид, и необычная национальная одежда, и странная покорность судьбе, нежелание бороться за жизнь (здесь, наверное, сказалось особенность буддизма – религии, которую исповедуют калмыки), но потом, как рассказывает Александра Григорьевна Дружинина: «...вместе жили, вместе работали, привыкли друг к другу, да и беда-то у всех была общая...»

В многонациональном Барабинском районе, где рядом мирно живут мусульмане, казахи и татары, православные русские и украинцы, католики поляки, протестанты немцы, вряд ли могли возникнуть антикалмыцкие настроения на религиозной или национальной почве. Из воспоминаний З.Н.Кожевниковой: «Нас с мамой поселили в Кармакле, в доме Клавдии Кочергиной. Как нам жилось? А кому в войну хорошо жилось? Бы-вало, что и местные по 5 человек в сутки умирали, а нам все-таки государство помощь давало – муку, крупу, сахар. Мама пошла работать дояркой, огород посадила».

Вернуться после войны на Родину калмыки смогли только после смерти Сталина. «Как только Сталин умер, они все снялись с мест, только их и видели. Все уехали». Уехала на родину и Бата, а вот Киста не успела. Умерла от болезни, и была похоронена в Квашино. Семья Урусовых осталась в Сибири. «Когда я вспоминала наш дом в Элисте, то он мне казался большим, светлым. В 1958 году поехала на

родину в Элисту, нашла свой дом. Он стоял маленький, покосившийся. Вокруг дома рос старый разросшийся сад, а в саду полуосыпавшийся окоп, в котором прятались во время налетов моя мама, я, братишки. Долго стояла, смотрела, вспоминала, а потом уехала назад в Сибирь, где меня ждали муж и дети...».

К сожалению, приходится отметить, что и сегодня некоторые из немцев-спецпереселенцев продолжают нести на себе клеймо отверженных. Так, бывший репрессированный немец Штеклейн Антон Николаевич был вынужден обратиться за помощью, так как соседка «шесть лет терроризировала его»: унижала, оскорбляла, называя его «фашистом», скашивала сено на его сенокосе, угрожала расправой, часто кричала ему: «Убирайся в свою Германию!» «Так и придется униженным умирать. Здесь я – чужой, и в Германии никому не нужен!» – со слезами на глазах сказал нам Антон Николаевич.

«Никто не спросил: как они жили, как их воспитывали. Погиб-ли все, защищая родину вашу», – Кукушкина Мария Пименовна.

Глава 8.
**«В моей
голове
остался
вопрос...»**
(Репрессии
в Советской
России)

Полина Реутова,
г.Пермь, лицей № 1, 11-й класс.
Научный руководитель А.И. Казанков

**«Меня избивали
и мучили...»**
(Правдивая история
ликвидации
«финской агентуры»
в г.Молотове
в 1942 году)

Необходимое предисловие

– А-а! Вы историк? – с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз.
– Я – историк, – подтвердил ученый и добавил ни к селу, ни к городу: *Сегодня на Патриарших будет интересная история.*
М.А.Булгаков

История и История

Первая – небольшая, человеческая, короткая. И на первый взгляд может показаться, что она с большой буквы – только потому, что попала в начало предложения.

Вторая – большая (может, даже Всемирная), развернувшаяся на тысячелетия. Но, если вдуматься, из чего возникает та, большая История, если не из podobных «маленьких» историй?

И разве не нуждаются профессионалы в честно рассказанных и хорошо документированных историях?

Задуматься об этих четырех различных смыслах слова «история» и попытаться ответить на возникшие вопросы я была вынуждена, решая: что же именно я хочу написать? И решение пришло само собой: я хочу написать простую историю о непростой, трагической человеческой истории. Ту самую, которая постепенно открывалась мне по мере того, как я вчитывалась (буквально, до боли в глазах разбирая написанное) в дело № 33 фонда Р-1366 – фонда прокуратуры Пермской области.

Но до того как я впервые раскрыла дело в Государственном архиве Пермской области (ГАПО), уже произошло множество событий, не упомянуть о которых я не могу.

Попав на социологическое отделение лица № 1, я достаточно хорошо представляла, что история происходит и историю изучают, но имела самые смутные представления о том, как ее пишут. Поэтому предложение написать собственное историческое исследование меня заинтересовало. На собрании, специально устроенном для нас кафедрой истории лица мне в числе прочих было предложено на выбор несколько возможных тем. Я выбрала ту, которая предварительно называлась «Репрессии в период Великой Отечественной войны» и предполагала знакомство с содержанием одного из недавно рассекреченных дел фонда областной прокуратуры. Моим научным руководителем был назначен Александр Игоревич Казанков.

В июне 2002 года вместе с научным руководителем я впервые попала в архив и приступила к работе.

Общий принцип моего научного руководителя: «Я могу объяснить, как искать, но не знаю, что ты найдешь». Конечно, ему пришлось сначала объяснить мне разницу между следствием и надзором, т.е. органами НКВД и прокуратуры. Он помогал находить нужную литературу, когда мне потребовалось познакомиться с содержанием 58-й статьи (да-да, той самой) Уголовного кодекса РСФСР 1926 года. Потребовалось объяснить мне и значение непонятных поначалу слов, вроде «кассационная жалоба», «нацмен» и т.п. Но разбираться в истории о том, как весной–летом 1942 года в Перми следователями НКВД была «создана» и ликвидирована диверсионно-террористическая группа, возглавляемая «резидентом» финской военной разведки Михаилом Кривошеиным, мне пришлось самой.

Начало

У всякой истории есть свое начало. Эта началась для меня в тот момент, когда я впервые увидела архивное дело № 33 из фонда прокуратуры Пермской области.

Особого впечатления дело не производило. Толстая (более полутора листов) канцелярская картонная папка блеклого серовато-коричневатого цвета. Внутри – бумаги разного формата и вида. Исписанные выцветшими чернилами, плохо очищенными карандашами, отпечатанные на разболтанной машинке (пятые, наверное, совершенно «слепые» копии). Постановления об аресте, мере пресечения,

протоколы, материалы очных ставок, обвинительное заключение, приговор, кассационная жалоба – кипа документов пока еще не вполне понятного назначения.

Постепенно продираясь сквозь казенные формулировки, фантастическую орфографию (пунктуация отсутствует вовсе) каракулей обвиняемых, понимаю, что мое дело – «ящичек в ящичке», т.е. дело о следственном деле № 1980. А в этом «втором ящичке» – история семи человек, в которой было все – предательство, насилие и произвол, глупость и безграмотность, жертвы и палачи. Это и есть та история, которая начиналась как анекдот, превратилась в трагедию, а закончилась фарсом и которую я хочу сейчас рассказать так, как сумела понять и представить себе.

Ошибка «резидента»

Когда холодной мартовской ночью 1942 года работница завода № 10 Наркомата боеприпасов Клавдия Егоровна Кусакина входила в цеховую душевую, то ни она, ни тем более мывшиеся там мужчины, знать не знали и ведать не ведали, к каким последствиям это приведет. Что увидела Клавдия Егоровна сквозь клубы пара, навсегда останется тайной, а вот что она услышала – нам известно, так как эта гражданка не поленилась сочинить донос и дать показания органам НКВД. Вот это поражающее простотой и безыскусностью описание:

«19 марта сего года я с работницей Быстровой в 23 часа зашла в комнату душа в цехе № 1, где было 8 человек рабочих, и обратилась к Кривошеину, есть ли у него на участке детали, который ответил:

– Пускай вечно не будет ничего, меня это не касается, – после этого он стал говорить о пребывании на фронте и в плену у финнов. Он заявил:

– Петрозаводск разрушили сами бойцы Красной Армии, финны были еще далеко, а наши войска уже побежали. У Петрозаводска сдались в плен без одного выстрела 4-й дивизии. Я также был в плену у финнов. Они с пленными обращаются хорошо, мне дали супу, хлеба, банку консервов, 2 пачки папирос и отпустили. Напрасно я ушел из плена, надо было остаться у них. Я никому не поверю, что они с пленными обращаются плохо, это все врут. А здесь кормят плохо, а норму требуют выполнять, если выработаешь 1000 деталей, тебе дают 1400 шт. Надо объявить голодовку, чтобы с завода всех выгнали и завод закрыли»1.

Итак, Клавдия Кусакина стояла и слушала, а Михаил Кривошеин болтал (вспоминается плакат тех лет: «Не болтай! Враг подслушивает!»). Как часто бывает, должно быть, в сугубо мужских компаниях он «травил байки», сообщая «фронтные были». На жизнь жаловался. Привирал, между прочим. Впоследствии он укажет, что в плену никогда не был, и сообщит, что это могут подтвердить в 52-м полку 37-й дивизии. Поскольку даже в царившей тогда неразберихе организовать подобный запрос не составляло труда, то, скорее всего, обманывать Кривошеину в данном случае не имело смысла. «Финский плен» на самом деле был мифом. Но, поскольку на финском фронте-то он действительно был, то вполне мог встречать бойцов, действительно бывших в плену, слышать их рассказы, а сейчас, ради красного слова, приписать их себе (по моему мнению, все мужские рассказы о боевых подвигах, охоте, рыбалке вообще сразу следует делить, по меньшей мере, на два).

Между тем, криминал уже был на лицо. Кривошеин болтал, кто-то, следовательно, слушал – вот тебе и агитация. Причем самая что ни на есть антисовет-

ская: Красную Армию очерняет – раз, фашистов восхваляет – два, к антисоветским выступлениям подстрекает – три, ослабить советскую власть посредством закрытия оборонного предприятия хочет – четыре. Статья 58 УК РСФСР пункт 10, десять лет исправительно-трудовых лагерей – минимум (в мирное время), верхний предел наказания – не ограничен. А тут еще это крайне подозрительное пребывание в плену...

Конечно, ничего кроме слов не было, но говорить подобные слова было тогда, в 1942 году опасно. Слушать и не донести – тоже. Возможно, именно поэтому Клавдия Егоровна и сообщила «куда надо». А, может быть, были иные причины. Ведь едва ли подобные разговоры были тогда редкостью: слишком памятен был ужас прошлого, 41-го года. Не могли не «болтать» в городе Молотове, переполненном эвакуированными, ранеными, военнослужащими, жившими сплось и рядом в обстановке жутчайшей неустроенности и работавшими «на износ». Возможно, что у работницы Кусакиной были и какие-то личные счеты с бригадиром Кривошеиным?

22 апреля 1942 года заместитель начальника 3-го отделения ЭКО (экономического отдела) УНКВД лейтенант государственной безопасности Монин составил постановление на арест Кривошеина Михаила Алексеевича (1902 года рождения, уроженец деревни Юферята Перво-Ключевского сельсовета Шабалинского района Кировской области, из семьи крестьян, русский, гражданин СССР, беспартийный, образование низшее, по профессии слесарь²; в 1938 году судим по ст. 116 УК РСФСР, приговорен к трем годам лишения свободы – отбыл³, до ареста – военнослужащий рабочей колонны № 1022 при заводе № 10 имени Дзержинского⁴, проживал: г.Молотов, ул.Плеханова, дом 41, барак 25).

Лейтенант ГБ Монин, рассмотрев показания Кусакиной и материал в отношении Кривошеина, нашел, что Кривошеин с августа 1941 года и до ноября 1941 года служил в Красной Армии и находился на Северо-западном фронте. В октябре был в плену у финнов и из плена финнами был отпущен. Работал на заводе № 10 бригадиром, систематически среди рабочих вел антисоветскую агитацию, направленную на восхваление фашизма, опровергал сообщения Совинформбюро о зверствах фашистов над военнопленными, высказывал намерения перейти на сторону немцев при отправке на фронт.

23 апреля 1942 года Кривошеин, подозреваемый в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10 ч. 2 статьи УК РСФСР (в дальнейшем я буду обозначать пункты статьи 58 так, как это делал следователь, т.е. 58-10 ч. 2), был арестован, и уже 2 мая был привлечен к следствию в качестве обвиняемого¹.

25 апреля материалы по обвинению Кривошеина принял старший следователь следственного отделения ЭКО УНКВД Молотовской области младший лейтенант ГБ Робинзон. И приступил к «производству расследования». Собственно, расследовать было нечего: в антисоветской агитации Кривошеин полностью изобличался показаниями гражданки Кусакиной. Но была в деле одна деталь, открывавшая заманчивые перспективы: пресловутое пребывание в плену. Ведь плен – это возможность вербовки иностранной разведкой, это возможный «канал» связи (финны Кривошеина отпустили – зачем? с какой целью?). Честолюбивому старшему следователю Робинзону пришлось в голову, что гораздо внушительнее, чем обвинение в заурядной «болтовне», было бы раскрытие орудовавшего прямо в сердце индустриального Урала, прямо на оборонном заводе НКБ финского «шпиона и диверсанта», который – конечно! как же иначе! – сформировал там диверсионно-террористическую группу.

Судьба «резидента»

В то время действовало негласное, – но практически не знавшее исключений правило: если человек арестовывался – он уже был виновен и с вероятностью 100 % будет осужден. «Производство расследования» и по форме, и по содержанию мало отличалось от инквизиторского: расследование не ставило целью установление истины (истина была ясна заранее), оно лишь «приводило в согласие» обвиняемого и ту истину о нем, которая была известна «компетентным органам». Что, в свою очередь, предполагало хотя бы минимальное соответствие личности Михаила Кривошеина той роли, которая ему предназначалась. Между тем, трудно было найти человека, столь мало подходящего в шпионы и агенты-диверсанты.

Что (и на основании чего) можно сказать об этом сорокалетнем беспартийном, ранее судимом уроженце Кировской области? Вот, например кассационная жалоба, написанная им собственноручно. Неровные строчки. Корявые, крупные, пляшущие буквы. Мысль формулируется с трудом, что приводит к языковым конвульсиям: «Я челаовек марограматной батракак и вчем прошу верховный суд смягчит меры наказания так как я был советкий гражданин и опят хочу бы преданым гражданином Советкой Власти» (сохранена орфография и пунктуация оригинала). Так (и в таких выражениях) действительно мог писать человек, едва наученный азам грамоты. Какую, спрашивается, «шпионскую информацию» он мог сообщить, а тем более собрать? Какая разведка вербует слесарей, едва умеющих связать пару слов? В приговоре будет указано, что имущество приговоренного конфисковано не будет – ввиду отсутствия такового. Голь перекатная, обитатель рабочего барака Кривошеин, едва понимающий, в чем его обвиняют, но, тем не менее, клявшийся искупить свою вину кровью, для роли «финского резидента» не подходил категорически. (Скорее всего это понимали и следователи, так как в обвинительном заключении слова о «передаче сведений шпионского характера» будут, а п. 6 ст. 58 УК – шпионаж – нет.)

Это не имело ровно никакого значения. Его заставили признаться, признаться во всем. Робинзон предъявил Кривошеину обвинение в том, что в 1941 году тот, «находясь в действующей армии, добровольно перешел к белофиннам, сообщил расположение своей и других воинских частей о вооружении и другие сведения шпионско-разведывательной и диверсионной работы, дав подписку о своем сотрудничестве с финской разведкой, был зачислен в вооруженный отряд и проводил диверсионную и шпионско-разведывательную работу против Советского Союза, а в 1942 году, прибыв в г.Молотов, среди работающих на заводе Дзержинского систематически вел антисоветскую агитацию клеветнического и поражического характера, распространял антисоветские провокационные слухи о положении на фронтах Отечественной войны и клеветал на Красную Армию¹.

Направляя после вынесения приговора кассационную жалобу в Верховный суд, Кривошеин напишет, что его избивали и мучили, грозили сгноить в тюрьме. И, конечно, вскоре он стал называть «сообщников».

2 июня 1942 года был арестован Ткаченко Иван Михайлович (1905 года рождения, уроженец с.Спасское Бурлацкого р-на Орджоникидзевского края, из семьи крестьян-середняков, русский, гражданин СССР, беспартийный, образование низшее, в 1921 году был исключен из рядов ВЛКСМ, в 1937 году родного брата за хулиганство осудили к трем годам тюремного заключения, до ареста –

боец стройколонны № 1022 при заводе № 10 Наркомата боеприпасов; проживал в г.Молотове по ул.Плеханова в доме 41 бараке 22).

Старший следователь Робинзон нашел, что Ткаченко, прибыв в октябре 1941 года в г.Молотов, будучи зачислен как военнослужащий в рабочую колонну № 1022 при заводе № 10, стал проводить среди военнослужащих колонны антисоветскую агитацию клеветнического и пораженческого характера. На допросе 28 апреля 1942 года Кривошеин заявил, что Ткаченко, «являясь враждебно настроенным к существующему в СССР строю», создал антисоветскую повстанческую группу: «Однажды в разговоре с Ткаченко он заявил мне, что создает на заводе группу лиц с тем, чтобы организовать из них отряд, при этом заявил, что у него уже есть ряд людей, которые изъявили желание быть у него в отряде. Он предложил мне дать свое согласие войти в состав организуемого им отряда, на что я дал ему свое согласие»³.

По словам Кривошеина, Ткаченко говорил: «Чем так жить и мучиться, лучше уйти в банду, там хоть с голода не умрешь, вот настанет тепло, так много найдется таких, как мы. У нас будет создан большой отряд, а насчет оружия беспокоиться не следует. Оружие мы достанем всегда. Мы можем совершать нападения на составы, которые везут оружие, на перегоне останавливать поезда, забирать себе оружие, надо нам только не медлить с этим делом. Я скоро вам всем добуду документы совместно с Пулькиным»⁴.

Для следователя это был настоящий подарок. Легко превращая намерения в действительность, он утверждает: была группа-то, причем мнимая банда дезертиров столь же легко превращается в повстанческий отряд. Поэтому изменяется и квалификация вины.

Согласно предъявленному 17 июня обвинению, Ткаченко уже подозревается в преступлениях, предусмотренных ст. 58-2 (вооруженное восстание, захват власти в центре и на местах), 58-10 ч. 2 (все та же антисоветская агитация), 58-11 (пункт, отягчающий вину, если преступники вступили в организацию).

Всю первую половину июня Кривошеин и Ткаченко продолжали, путаясь и сбиваясь, называть фамилии знакомых и подписывать протоколы, составляемые следователем. Аресты тоже продолжались. 17 июня было утверждено постановление на арест Готвенко Ивана Калистратовича (1902 года рождения уроженец г.Сталинграда, из рабочих, русский, гражданин СССР, беспартийный, грамотный, в сентябре 1940 года в Ереманском районе был судим по ст. 74 УК РСФСР, приговорен к году лишения свободы – отбыл; работал токарем на заводе № 10; бывший военнослужащий стройколонны № 1022 при заводе № 10; проживал в Молотове по ул.Плеханова, 41б. 21); и Баранова Александр Ивановича (1899 года рождения, уроженец д.Сениха, бывшей Кандауровской волости Пучевского р-на Ивановской области; из рабочих, русский, гражданин СССР, беспартийный, грамотный, бывший военнослужащий стройколонны № 1022, работал токарем на заводе № 10, проживал в г.Молотове по ул.Плеханова 41, б. 22). 18 июня оба были арестованы.

20 июня был арестован Пулькин Михаил Федорович (1911 года рождения, уроженец д.Негачева Пустарсенского с/совета Расмешковского р-на Калининской обл., из крестьян-середняков, по национальности карел, беспартийный, образование низшее, бывший военнослужащий строительной колонны № 1022 при заводе № 10, работал в артели «Коопремонт» в г.Кунгуре, проживал в г.Кунгуре Молотовской области по ул.Карла Маркса, 153).

Разумеется, все они были арестованы на основе «оговора» Кривошеина и Ткаченко (первый честно признается в кассационной жалобе, что «наврал на себя», забыв упомянуть, что он «наврал» и на других). Всех троих подозревали в преступлениях, предусмотренных ст. 58-2, 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР (стандартный набор). Арестовано уже пять человек – «диверсионная группа» была набрана. Выбывая из подследственных показания (вспомним слова Кривошеина «меня избивали и мучили»), старший следователь Робинзон шаг за шагом сочинял свою историю.

Выходило примерно так: в конце февраля – начале марта 1942 года агент финской разведки Михаил Кривошеин приступил к формированию группы (тут у следователя не сходятся концы с концами, в апреле Кривошеин говорил, что это он дал согласие Ткаченко на участие в банде). Первым был завербован Пулькин, с которым «шпион» Кривошеин был знаком еще до появления в г.Молотов, по совместному пребыванию в г.Кунгур. Следующим был завербован Ткаченко, и то ли он порекомендовал трех бойцов стройколонны № 1022, то ли (по версии Ткаченко) они были привлечены Кривошеиным. Пулькин порекомендовал Баранова, немедленно согласившегося на вербовку.

Примерно в первой половине июня на допросах Кривошеин начинает вдруг говорить о планируемых диверсиях: «Мне было поручено подобрать из числа бойцов Красной Армии лиц, недовольных советской властью, направлять их на распространение антисоветских клеветнических измышлений в адрес советской власти и из них же создать антисоветскую группу, которая должна будет совершать диверсии по взрыву железнодорожных мостов, складских помещений, пускать под откос воинские составы и разрушать железнодорожное полотно. В состав созданной мною повстанческо-диверсионной группы входили Ткаченко, Пулькин, Готвенко и другие»¹ – все это читается как статья из уголовного кодекса.

Далее, во второй половине июня еще более определенно: «Спустя 3 дня мы снова собрались, где Ткаченко нам сообщил фамилии трех бойцов стройколонны 1022, которых он привлек для совершения диверсионного акта на заводе. Помню сейчас только одну фамилию, названную им, это Попруга. Он также, как и мы, враждебно настроен к существующей власти в Советском Союзе, возводил клевету на руководителей ВКП(б), при этом каждый раз выражался по адресу руководителей ВКП(б) нецензурными словами»².

Отметим, в деле появляется новый фигурант (Попруга), и происходит что-то странное. Кривошеин гладко, как по-писаному (что ему не свойственно в принципе), начинает сообщать о подготовке диверсионных актов. Про нецензурные слова – это его, это он мог запомнить и даже процитировать. Материалы, небось, в своем кругу руководителей ВКП(б). Остальное, разумеется, придумано. Почему – догадаться не трудно. Созданной следователем группе нужно подобрать внушительное дело. Ну, если не дело, то, по крайней мере, – замысел.

И вот 2 июля 1942 года Готвенко, Баранов и Пулькин были привлечены по делу в качестве обвиняемых. Готвенко был обвинен в преступлениях, предусмотренных ст. 58-2, 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР³, Баранов – в преступлениях, предусмотренных ст. 58-2, 58-10 ч. 2, 58-11, 19-58-9 УК РСФСР⁴, Пулькин – в преступлениях, предусмотренных ст. 58-2, 58-10 ч. 2, 19-58-9 УК РСФСР⁵. До этого подобные обвинения не предъявлялись никому. Конечно, эти новые пункты обвинения рикошетом вернутся к Кривошеину.

8 июля 1942 года Кривошеину были предъявлены дополнительные обвинения. В процессе следствия были добыты «новые материалы», свидетельствующие

щие о том, что Кривошеин помимо антисоветской агитации совершил преступления, подпадающие под ст. 58-1б, 58-2, 19-58-9, 58-11 УК РСФСР⁶. Первый пункт 58-й статьи говорил о том, что контрреволюционным признавалось всякое действие, направленное на ослабление советской власти. В 1934 году в первый пункт были вставлены подпункты, и подпункт 1б подразумевал измену Родине, действия, совершенные в ущерб военной мощи СССР.

Настал черед последних арестов. Кривошеи «сдаёт» еще двоих. 27 июля 1942 года были утверждены постановления на арест Абдурагимову Рассула (1918 года рождения, уроженец д.Дейбук Дохадаевского р-на Махачкалинской обл., из крестьян, по национальности даргин, гражданин СССР, беспартийный, образование низшее, бывший военнослужащий стройколонны 1022, работал на заводе № 10 Наркомата боеприпасов в ОТК строительства, проживал в г.Молотов по ул.Плеханова, 41, барак 21) и Попруга Владимира Карповича (1899 года рождения, уроженец д.Кобеньки Полтавской обл., из крестьян-бедняков, по национальности украинец, гражданин СССР, беспартийный, образование – четыре класса, бывший военнослужащий стройколонны 1022, работал токарем на заводе № 10, проживал в г.Молотов по ул.Плеханова, д.41 барак 22).

28 июля 1942 года Абдурагимов и Попруга, подозреваемые в преступлениях, предусмотренных ст. 19-58-9, 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР 3, были арестованы. А 11 августа Абдурагимов и Попруга были привлечены по делу в качестве обвиняемых.

Старший следователь Робинзон наверняка был доволен. В результате его действий из жителей второго барака, что по улице Плеханова, 41, собиравшихся в мастерской у Кривошеина язык почесать да власть поругать, была «организована» группа диверсантов, планировавшая (страшно сказать!) взрыв основного цеха № 7 завода № 10 НКБ и пуск под откос военных эшелонов. Каждый из них был подведен под «растрельную» статью (и не одну), и все на основании слов избитого, измученного, запуганного «марограмотного батракака». (Причем по большей части слова эти принадлежали самому следователю, и лишь подписывались Кривошеиным.)

Оставалось составить обвинительное заключение, что и было сделано 30 августа 1942 года. Перечислив все возможные вины семерки «диверсантов», старший следователь Робинзон предлагал применить к обвиняемым Кривошеину, Ткаченко, Готвенко, Пулькину и Абдурагимову высшую меру наказания – расстрел с конфискацией имущества, а к обвиняемым Попруга и Баранову применить лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет каждому⁴.

После этого следственное дело № 1980 было направлено Военному прокурору Уральского ВО.

Конец «резидента»

На некоторое время в нашей истории повисает пауза. Арестованные сидят, дело путешествует по инстанциям.

И 13 сентября надзорная инстанция вмешивается. В деле хранится документ, подписанный заместителем Военного прокурора Уральского ВО Яковлевым. Ознакомившись с делом № 1980, Яковлев находит, что каких-либо данных о том, что обвиняемые готовили совершение диверсионного акта на

заводе № 10 следствием не установлено, все они работали в цехе № 1 и к цеху № 7 отношения не имели. Обвинения основаны на показаниях Кривошеина, который и являлся инициатором разговоров на эту тему. На высшую меру наказания в отношении Кривошеина Яковлев был согласен, но Ткаченко, Пулькину и Абдурагимову предлагал дать по 10 лет ИТЛ, учитывая то, что они были ранены на фронте. Применение расстрела в отношении Готвенко Яковлев считал нецелесообразным, а с предлагаемой мерой наказания в отношении Баранова и Попруга был согласен¹.

Заместитель прокурора Уральского ВО Яковлев вряд ли был ревнителем законности, человеколюбом и вообще – грамотным профессионалом. Чего стоит тот факт, что, соглашаясь на применение высшей меры наказания в отношении Кривошеина, Яковлев не обратил внимания на то, что в деле нет каких-либо следов, например, запроса в отдел СМЕРШ соединения, где тот служил. Да и вообще материалов, подтверждающих не только вербовку финской разведкой, но и само пребывание в плену. Но уж слишком грубо было «сшито» дело, и ему хватило здравого смысла указать на это.

18 сентября 1942 дело было направлено на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР и ... словно в воду кануло.

Прошло два месяца.

20 декабря 1942 года Военный прокурор г.Молотова получил от Абдурагимова из тюрьмы № 1 корпуса 1 камеры 25 такое заявление: «Прошу сообщить за кем числится мое дело. Следствие мое закончено 28 августа 1942 года. Прошу ускорить мое дело и направить меня на фронт»². Всего таких заявлений было четыре. В последнем, датированном 21 января 1943 года Абдурагимов грозился объявить следственную голодовку в ом случае, если его не пошлют на фронт или в лагерь³.

Прошло еще два месяца.

К 17 февраля 1943 года решение по делу все еще не было получено⁴. Особое совещание так и не стало рассматривать дело № 1980.

Прошло еще два месяца.

И обвинители пошли другим путем. 26 апреля 1943 года следственное дело по обвинению Кривошеина, Ткаченко, Готвенко, Пулькина, Баранова, Абдурагимова, Попруга было направлено на рассмотрение Военного трибунала Уральского военного округа⁵.

19 мая 1943 года дело из Военной прокуратуры Уральского ВО поступило в Военный трибунал Уральского ВО⁶.

27 мая 1943 года на подготовительном заседании Военного трибунала Уральского ВО в Выездной сессии был заслушан доклад помощника Военного прокурора Уральского ВО по Молотовской области по делу № 1980. Обвинительное заключение утвердили, исключив из него за необоснованностью обвинения по ст. 58-2. Дело было назначено к слушанию в закрытом судебном заседании без участия государственного обвинения и защиты¹.

И вот наконец 3 июня 1943 года Военный трибунал Уральского ВО рассмотрел дело № 1980 и приговорил:

Кривошеина на основании ст. 58-1 б к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, без конфискации имущества за отсутствием такового у осужденного;

Ткаченко и Готвенко на основании ст. 58-10 ч. 2 с санкцией 58-2 к лишению свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет каж-

дого с последующим поражением прав на 5 лет каждого с конфискацией имущества;

Баранова и Попруга на основании ст. 58-10 ч. 2 с санкцией ст. 58-2 к лишению свободы с отбытием в исправительно-трудовых лагерях на 8 лет каждого с последующим поражением прав на 3 года каждого без конфискации имущества за отсутствием такового. Попруга по ст. 58-11 за недоказанностью предъявленного обвинения был оправдан;

Пулькина и Абдурагимова к лишению свободы с отбытием в исправительно-трудовых лагерях на 6 лет каждого с последующим поражением прав на 3 года каждого без конфискации имущества за отсутствием такового².

Приговор по сути означал крах первоначального замысла следователя. Поскольку обвинения по ст. 58-2 (вооруженное восстание) были исключены, перед нами вовсе не повстанцы.

Казалось бы, тут наша история и должна была бы закончиться. Но вышло не так.

9 июня 1943 года Верховный суд СССР (высший судебный орган СССР, осуществлявший надзор за судебной деятельностью судов СССР) получил от заключенного Кривошеина Михаила Алексеевича кассационную жалобу. К моменту ее подачи «резидент» Кривошеин находился в тюрьме более года. Он был сломлен морально и физически: в августе он будет числиться коечным больным, и не доживет до середины октября. Поэтому его жалоба — это стон отчаяния, последняя попытка обреченного. Она, как ни странно, возымеет действие, но будет слишком, слишком поздно.

А вслед за кассационной жалобой Кривошеина 20 июня 1943 года в Военную коллегия Верховного суда СССР, которая осуществляла надзор за судебной деятельностью военных трибуналов и рассматривала отнесенные к ее ведению уголовные дела, поступила кассационная жалоба от осужденного Абдурагимова Рассула.

Странный это был парень — Рассул Абдурагимов. Человек, оставшийся для меня загадкой. По множеству черточек явно выбивавшийся из ряда «молотовских диверсантов». Ему было 24 года, и он явно принадлежал к другому поколению. Умел врать и приbedняться, когда это было выгодно. Например, утверждал, что получил низшее образование, и при этом работал в Отделе технического контроля строительства. Говорил, что плохо понимает русский язык, а, между тем, его кассационная жалоба написана практически без грамматических ошибок накатанным, убористым почерком образованного (ну уж школу-то точно закончившего) человека. Абдурагимов хорошо знал, какие факты биографии следует выпячивать (сын маленького горского народа, веками угнетаемого, и т.д.), и выражался языком газет того времени («полчища иностранной буржуазии», «уливаясь кровью и устилая трупами», «хищники из гитлеровской берлоги» и т.п.). При этом имел мужество бомбардировать заявлениями военную прокуратуру, требуя отправки на фронт, и грозить голодовкой. И в своей кассационной жалобе он, признавая свои вину (часть которой перекладывается, правда, на Кривошеина, Ткаченко и других), просит отправить его на фронт.

Военная коллегия Верховного суда СССР нашла, что приговор Военного трибунала от 3 июня 1943 года основан на противоречивых показаниях обвиняемых, и 23 июля 1943 года вынесла определение о возвращении дела на доследование с момента предварительного следствия².

9 августа 1943 года заместитель 3-го отдела 2-го Управления Главной Военной прокуратуры Красной Армии Недбайло дал указания по дальнейшим действиям, касающимся следственного дела № 1980 и осужденных по нему Кривошеина, Ткаченко, Готвенко, Пулькина, Баранова, Абдурагимова и Попруга: «В процессе доследования необходимо тщательно перепроверить показания Кривошеина, данные им на предварительном судебном следствии, о его вербовке финской разведкой. Обратит особое внимание на то, что в кассационной жалобе Кривошеин категорически отрицает не только вербовку, но и вообще пребывание его в плену у финнов. Это обстоятельство нужно проверить путемсылки отдельного требования в отдел контрразведки «СМЕРШ» армии, в которой служил Кривошеин. Не исследован также вопрос об организации антисоветской группы на оборонном предприятии, и в этой части, кроме показаний самих обвиняемых, от которых они отказались, никаких доказательств в деле не имеется (выделено мною — П.Р.)»³.

14 августа 1943 года начальник тюрьмы НКВД в письме просил Военного прокурора Уральского ВО принять соответствующие меры, касающиеся заключенного Кривошеина, содержащегося в тюрьме «с нарушением», так как 3 июня 1943 года он был приговорен к расстрелу Военным трибуналом Уральского ВО. Также начальник тюрьмы сообщил, что «данных о рассмотрении дела от Военного прокурора Уральского ВО, за которым заключенный Кривошеин согласно извещению Военного трибунала Уральского ВО от 25 июля 1943 года был перечислен, ему не поступало»¹. В переводе с канцелярского на русский это означает примерно следующее: у меня тут заключенный есть, Кривошеин, за вами числящийся, очень плох, помрет скоро, а мне отвечать. Вы уж или расстреливайте его, коли приговорили, или пересматривайте его дело.

Тем временем громоздкая бюрократическая машина начинала реагировать на указания сверху.

Согласно определению Военной Коллегии Верховного суда СССР от 23 июля 1943 года 17 августа помощник Военного прокурора УралВО по Молотовской области в адрес Управления НКГБ Молотовской области направил следственное дело № 1980 для доследования².

Только 26 августа дело № 1980 было принято к следственному производству отделом УНКГБ по Молотовской области. При проверке местонахождения обвиняемых для вызова на допрос оказалось, что Кривошеин находился на коечном лечении в больнице тюрьмы № 1 и ввиду тяжелого состояния на допрос следовать не мог. Остальные после суда Военного трибунала УралВО были направлены в лагерь для отбытия наказания. И 27 августа 1943 года следствие по делу № 1980 было приостановлено до выздоровления обвиняемого Кривошеина и установления местонахождения и прибытия в УНКГБ Молотовской области остальных.

5 октября 1943 года Кривошеин, находясь в тюрьме № 1 под стражей, умер от дистрофии. И 14 октября следствие по обвинению Кривошеина было прекращено за смертью обвиняемого³.

Так закончилась жизнь крестьянского сына, простого слесаря Михаила Кривошеина. Здесь же обрывается вымышленная судьба агента финской разведки, диверсанта и главы повстанческой группы, «антисоветского агитатора» Михаила Кривошеина. Их так и не успели разделить — реального и выдуманного. Но он был не последней жертвой.

В декабре 1943 года следствие в отношении Баранова из-за смерти подсудимого было прекращено⁴.

Дальнейшие события напоминают фарс. Дело «доследовалось» до мая 1944 года. И ВСЕ ОБВИНЯЕМЫЕ, В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ, БЫЛИ ОСВОБОЖДЕНЫ.

Раньше всех – Абдурагимов (14 марта 1944 года) – «за недостаточностью улик» дело прекращено.

Готвенко, Ткаченко и Пулькина все-таки судили повторно 9 мая 1944 года, на закрытом заседании Молотовского городского суда, и приговорили-таки по ст. 58-10 ч. 2: Ткаченко и Готвенко к 3 годам без поражения прав и конфискации имущества, Пулькина – к 2 годам без поражения прав. Ну не извиняться же перед ними! Пусть спасибо скажут, что «учитывая болезненное состояние» (т.е. попросту – инвалидность), освободили из-под стражи¹.

Последним вышел на свободу Попруга (дело прекращено 13 июля 1944 года). К моменту освобождения он страдал дистрофией второй степени и к физическому труду был не годен².

Эпилог

Страшная история. Глупая и нелепая. Потрясающая именно своей обыденностью. Нет пафоса, нет громких имен. Нет открытых процессов с журналистами. Мир ничего о них не знал, все делалось «под сурдинку». Две жертвы, четыре инвалида, «не годных к физическому труду». Но ведь – из десятков миллионов жертв. Ведь там, за стеной тюрьмы и за «колючкой» лагерей кровь рекой лилась. Случались истории и помасштабней, и пострашней.

Что в ней особенного? Что она может прибавить, например, к «Архипелагу ГУЛАГ»? Зачем нужно было ее писать?

В том-то и дело, что нет в ней ничего особенного, она могла произойти в эти годы где угодно и с кем угодно. И к «Архипелагу» она ничего не прибавит. Но прикосновение к этой истории что-то «прибавило» ко мне, – если вы понимаете, о чем я.

Из работ финалистов конкурса

Надежда Мацакова
(с. Усть-Вымь Республики Коми)

Чтобы не повторилось

Трагична судьба священнослужителей. О.Павел (Малиновский) 25 августа 1937 года расстрелян и похоронен неизвестно где. В конце 2001 года в Стефановском соборе в Сыктывкаре был оглашен список канонизированных священников. Верующие ждали этого дня с волнением, надеясь услышать в этих списках имя о. Павла (Малиновского), однако надежды их не оправдались. К великому удивлению, он не был причислен к лику святых. Благодаря просьбам верующих, накануне Рождества следующего года к канонизированным страдальцам за веру причислен и о. Павел (Малиновский) из села Усть-Вымь, расстрелянный в 1937 году.

Почему этот человек был расстрелян? Я попытаюсь найти ответ на этот вопрос.

В первом томе «Мартиролога» на странице 921 я прочитала следующее: «Малиновский Павел Васильевич, 1874 года рождения, русский, место рождения Шелота Вельского уезда Вологодской губернии. Место проживания – село Усть-Вымь Коми АССР, священнослужитель. Арестован 6 августа 1937 года. Осужден тройкой при УНКВД Коми АССР по статье 58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания».

1937 год... Отдаленное коми село, окруженное со всех сторон нетронутой тайгой. До ближайшего села Айкино 25 километров, но добраться до него крайне сложно из-за тяжелых климатических условий. Усть-Вымь – обычное коми село, где люди работали от мала до велика, чтобы выжить.

Еду в Сыктывкар в Национальный архив Республики Коми, затем в Национальную библиотеку (бывшую Ленинскую), листаю пожелтевшие от времени листы. «Малиновский Павел Васильевич, протоиерей. В 1894 году окончил Вологодскую Духовную семинарию со званием студента. 13 декабря 1894 года назначен на должность надзирателя Усть-Сысольского Духовного училища, в какой-то состоял до 31 декабря 1897 года. Епископом Вологодским и Тотемским Алексием 14 ноября 1897 года определен на должность священника Усть-Вымской Благовещенской церкви. 28 января 1898 года епископом Великоустюжским Гавриилом рукоположен во священника. Состоял настоятелем Усть-Вымской Благовещенской церкви до ее закрытия в 1933 году.

С 1898 года состоял заведующим и законоучителем Усть-Вымской мужской двухклассной церковно-приходской школы. В 1909-1910 годах был законоучителем Вогваздинского земского училища, в 1909-1914 годах – заведующим Усть-Вымской женской церковно-приходской школы.

В 1902-1905 годах состоял в должности депутата по делам следственным и хозяйственным по 2-му округу Яренского уезда. За усердную и полезную службу 29 марта 1905 года награжден набедренником, 14 апреля 1910 года – скуфьей. Определением Святого Синода от 25 марта 1917 года награжден камилавкою. Награжден серебряной медалью в память 25-летия церковных школ.

После 1918 года проживал в Усть-Выми. После закрытия Благовещенской церкви служил в Ибской Свято-Казанской церкви того же прихода. После закрытия в июне 1935 года Ибской Свято-Казанской церкви занимался крестьянским хозяйством».

Далее решаюсь поехать в Сыктывкар в архив Управления ФСБ РФ по Республике Коми, чтобы увидеть страшный документ – дело № 6058.

И вот я в Сыктывкаре... Передо мной строгое серое здание, где хранятся тайные документы, к которым не было допуска столько лет. С замиранием сердца и нетерпением, с ходатайством о работе в архиве и паспортом на руках вхожу в Управление ФСБ, но дальше проходной меня не пустили. Начальник УФСБ никак не мог понять, зачем простой сельской школьнице понадобилось изучать секретные архивные дела. Мне, естественно, отказали, хотя обещали на коллегии разобрать мое письменное заявление и по почте отправить решение. Ни с чем возвратилась домой. На следующий же день отправляю письменный запрос, не надеясь на чудо.

Однако мои надежды оправдались, и через две недели получила приглашение для работы в архиве УФСБ.

С замиранием сердца прикасаюсь к делу № 6058.

Обычная тоненькая, немножко потрепанная папка со строгой пометкой в правом углу «Совершенно секретно». Всего 27 листов, но эти листы – свидетели того короткого времени с 6 по 23 августа, которое провел о. Павел (Малиновский) в тюремном аду. На этих листах – жизнь священника длиной в 17 дней.

Санкция на арест, ордер № 66 на обыск, протокол обыска, постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения, анкета обвиняемого, протоколы допросов, обвинительное заключение и выписка из протокола с постановлением: «расстрелять». Дело сдать в архив.

Возникает масса вопросов...

Третий лист – ордер № 66 на арест и обыск... Интересно, почему в качестве понятия присутствует житель деревни Арабач, что находится в 40 километрах от села Усть-Вымь?

Ответ нашла из беседы со старожилками села. Устьвымчане очень уважали священника и не хотели брать «грех на душу». Никому не хотелось видеть унижение ни в чем не повинного человека. В маленьких населенных пунктах люди знают друг друга, и все село «отвернулось» бы за такой поступок.

Читаю протоколы допросов. Пытаюсь найти, какую контрреволюционную агитацию вел священник? Оказывается, обвинялся, в частности, в том, что «систематически вел контрреволюционную деятельность за открытие церкви в деревне Казанский Иб», не хотел сдавать церковные ценности, говорил о приближении войны, вел агитацию о перемене власти, особую роль сыграл сбор подписей прихожан, просивших о. Павла (Малиновского) начать службу в Ибской Свято-Казанской церкви. Вот за это и стал он «врагом народа».

Арестован был 6 августа 1937 года и расстрелян 25 августа того же года. Еще раз и еще раз изучаю дело № 6058. Неужели этого достаточно для такого страшного приговора, как расстрел?

Алексей Епифанов

(г.Пугачев Саратовской области)

Голод 1921 года в Пугачевском уезде

Продразверстка в уездах Самарской губернии носила изощренный характер. Хлеб из крестьянских амбаров изымался подчистую. В одном из донесений от 22 февраля 1921 года председателю уездного исполкома К.Грибанову крестьяне писали, что «в счет продразверстки сданы даже сухари». По дворам зажиточных крестьян ходили активисты, выискивая припрятанный хлеб с помощью «щупа» – длинной, толщиной с мизинец, проволоки с выщербленной выемкой на конце. Погруженный в землю, он обязательно зачерпнет своей выемкой несколько зернышек. Продотряды свирепствовали всюду, сжигали ометы сена и соломы за укрытость пшеницы или ржи. Наказания за невыполнение планов были жестокими: повальные обыски, избиения, издевательства. «В Самарской губернии в 1920 году в ходе продразверстки было отмечено множество фактов избиения крестьян продармейцами. Крестьян, не выполнивших норму сдачи продовольствия, закрывали в холодные амбары, арестовывали в массовом количестве без предъявления конкретного обвинения. Особенно отличался своей жестокостью некто Туркин, начальник милиции в г.Николаевске Самарской губернии, который набивал небольшие помещения людьми и держал их там сутками, пока они не выполнят норму сдачи продовольствия»¹.

Чоновские отряды, проводившие невиданными по жестокости мерами продразверстку в деревнях, обрекая крестьянские семьи на голод, в первую очередь снабжались продовольственными пайками. Их семьям помогали. Зарождение приви-

легированного сословия нравственно развращало только что родившееся советское государство.

Продразверстка создала почву для крестьянских волнений.

К середине весны 1922 года части особого назначения покончили с крупными повстанческими крестьянскими формированиями и вплотную занялись ликвидацией мелких отрядов. Почти два года (1922 и 1923 годы) советская власть в уезде держалась усилиями красноармейцев, держалась штыками.

Голод 1921 года – первый в истории нашего уезда искусственно организованного голода. Косвенное признание об организации голода государством я нашел в «Отчете Пугачевского уездного экономического совещания на 1-е октября 1921 года»: «Санитарные условия жизни рабочих и крестьян с первой половины 1921 года резко ухудшились и, особенно, крестьян, ибо государственная хлебная разверстка 1920 года в большинстве случаев взяла от крестьян весь хлеб, почему в некоторых селах заметное недоедание началось еще с января месяца. Служащие и рабочие горо-да находились в лучших условиях, ибо до августа им выдавался сносный паек. Особенно голодают с марта и апреля месяца следующие села: Ивановка, Клиновка, Семеновка, Клопиха, Любичское, Милорадовка, Корнеевка, Родионовка, Большая Таволожка, Ивантеевка, Николаевка, Марьевка, Бартеневка, Падовка, Малая и Большая Глушицы, Богородское и многие другие»².

В конечном счете, вся система мероприятий по борьбе с голодом дала положительный результат: голод отступил. Жизнь в уезде понемногу стала налаживаться. Но деревне был нанесен сильнейший удар.

**Екатерина Рощина,
Евгений Черников**

(г.Пугачев Саратовской области)

«Собирая... доброе основание для будущего...»

В неофициальной справке, которую нам дал один из бывших сотрудников ИТК-17, говорится о существовании лагеря для политзаключенных – священников, их прислужников и зажиточных крестьян – в Верхне-Вознесенском монастыре с 1921 по 1926 год. В 1972 году при раскопках, строительстве цеха, на месте литейного цеха в ИТК-17 были обнаружены кельи, в которых сохранились различные фигурки, крестики, иконы. Часть из них были переданы в Саратов, а часть находится в церкви на территории колонии. В 1978 году при строительстве клуба на территории ИТК-17 было обнаружено захоронение игумена (настоятелины). На надгробной плите было выбито, что она похоронена в 1872 году. Сама же надгробная плита и останки были перевезены в Саратов. А вот официальная справка: «История учреждения берет начало с ноября 1924 года, когда на юго-востоке г.Николаевска, ныне город Пугачев, на месте ранее находившегося там женского монастыря по решению руководства губернии был открыт дом исправительных работ, позднее переименованный в 1926 году в дом заключения. Заключенные, отбывающие здесь наказание, причем мужчины и женщины содержались вместе, были задействованы на следующих работах: мужчины – на пошиве обуви, женщины – на пошиве ватных одеял. Помимо этого содержащиеся здесь лица выполняли сельскохозяйственные работы: растениеводство, животноводство, овцеводство. Также производились строительные работы».

В ноябре 1927 года согласно приказу НКВД СССР на базе Пугачевского дома заключения была создана Исправительно-трудовая колония (ИТК) № 17 Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний по Саратовской области. Эта колония – одно из старейших исправительных учреждений. В настоящее время оно высоко держит звание передового исправительного учреждения в составе Управления исполнения наказаний УВД по Саратовской области. Документальные свидетельства о существовании лагеря политзаключенных в архиве мы не обнаружили.

Почему советская власть так беспощадно уничтожала в Пугачевском уезде духовенство, разграбляла и разрушала церкви и монастыри? В краеведческом музее нам дали справку: пять монастырей и 40 церквей к концу 30-х годов были стерты с лица земли. Чем объяснить это варварство XX века? Ответы искали в архивах, в беседах с людьми старшего поколения. Разгадка, как нам кажется, в существовании устойчивых монастырских традиций – открытое нравственное противостояние советскому режиму и защита крестьянства.

Никита Новицкий
(г.Астрахань)

«Астраханщина»

Да, взятки, и разврат, и пьянство, и казнокрадство на промыслах в Астрахани имели место. Одного только и не было – столь желанного для оправдания политических репрессий «правого уклона». Слишком велика была в 20–30-е годы ностальгия по командно-административным методам Гражданской войны.

На второй день открытого процесса под звуки марша к зданию театра подошла толпа рабочих с плакатами, знаменами и лозунгами, на которых были написаны слова: «Смерть – “астраханщине”!» Событие, происходившее на улицах города, у здания театра, не могло не привлечь внимания. Председательствующий суда Азеев доложил, что демонстрация трудящихся просит допустить на суд делегацию. Просьба была удовлетворена. В зал была пропущена делегация, состоящая из красноармейцев и краснофлотцев, рабочих заводов, рыбных промыслов, железнодорожников, грузчиков и моряков.

Выделившись из толпы и подойдя к трибуне, рабочий Трусовского завода Усанов бросает в зал гневные слова: «Здесь сидит целая шайка контрреволюционеров. Мы же пришли сюда как потерпевшие...» Обращаясь к подсудимым, он говорит: «Вы – предатели... Вам не удастся смазать значение этого процесса, вы – враги рабочего класса! Мы считаем вас активным подрывным отрядом мировой буржуазии против советского государства, и вы не имеете права рассчитывать на снисхождение пролетарского суда».

Я считаю, что эта речь была заранее написана и имела целью еще больше запугать подсудимых, доказать, что пощады и снисхождения не будет. В какой-то мере она сыграла свою роль.

Подсудимые, понимая, какой приговор их ждет, отчаянно отказывались признать себя виновными по статье 58-7, при этом многие признавали свою вину по статьям 117-1 и 118-й. Однако инициаторам процесса было важно показать, что «астраханщина» – это «организованное наступление классового врага». Общественный обвинитель Филев, устанавливая виновность подсуди-

мых путем доказательства субъективных намерений, заявлял: «Некоторые, быть может, скажут: «Когда я давал взятку, я не хотел экономической контрреволюции. Хотел, не хотел, разговор особый. Судят не за желание, не за хотение, а за реальные действия и их последствия. А общая целеустремленность очевидна»».

Экономическая ситуация конца 20-х–начала 30-х годов была благодатной почвой для взяток и коррупции. Чиновничий беспредел как карал, так и давал процветать настоящим безобразиям в сфере частного предпринимательства. Взятка стала решающим козырем в расчетах между чиновником и частником.

В своей подлинной сути этот процесс «астраханщины» носил чисто экономический характер. Но в угоду веяниям преступления чиновников приобрели политический окрас. Это было сделано с целью усугубить их, дать процессу широкую огласку, добиться смертной казни и тем самым проявить жесткую линию партии. Таким образом, И.В.Сталину нужно было продемонстрировать усиление власти на всех фронтах, добиться страха и беспрекословного подчинения всех эшелонов власти. Этот процесс стал показательным, из него сделали отвратительное политическое шоу. По моему, то, во что превратили «Астраханщину», доказывает несостоятельность власти Сталина, способного действовать только террором, репрессиями и другими жестокими способами.

Стремление вызвать у простых людей ощущение тревоги по поводу всепроникающей руки вредителей и диверсантов, нагнетание в стране атмосферы страха и нетерпимости имело и сугубо практическую цель – направить недовольство населения, вызванное социальными антагонизмами нэпа, в сторону реальных либо мифических «врагов».

Ксения Замуховская
(г.Москва)

Участие немецких рабочих в индустриализации СССР

Немецкие рабочие оказались активными участниками бурных и трагических событий 30-х годов. Стержнем этих событий стала попытка чрезмерного форсирования индустриализации, быстрее вывода экономики СССР на уровень, достигнутый в те годы передовыми капиталистическими странами.

Логика действий советского руководства была проста: сосредоточить в руках государства все ресурсы, закупить на Западе необходимую технику и технологии (а значит, сразу получить все, к чему пришли западные страны за десятилетие постепенного развития) и, опираясь на эту базу, обеспечить новый рывок, опередив незадачливых учителей.

Для этого был создан колоссальный аппарат насилия и террора, на который в значительной мере опирался режим. Страну принудили к промышленному скачку, который в конце концов превратил ее в военную сверхдержаву. Созданная ценой невероятных жертв, сталинская система, несмотря на мощный промышленный рывок и определенные попытки приспособлений к мировым реалиям 30-х годов, обрекла народы СССР на чрезмерное напряжение сил и непомерные утраты, уже тогда предопределившие характер последующего развития советского общества и его судьбы.

Филипп Абрютин (г.Москва)**С «Зингером» по жизни, или Воспоминания о былом**

Каждый настораживался и думал со страхом: «Неужели рядом с нами тайный враг?», а иногда сердце екало: «А не придут ли за мной? Вдруг я тоже сделал что-то неправильное и опасное для революции?» Но мозг не хотел в это верить: «Я ведь не враг, значит, за мной не должны прийти, наверное, приходят только за виновными. Ох, поскорей бы всех их выявили, и это время закончилось». Таких «врагов» оказалось много, и каждую ночь ждали и думали, кто будет следующим, кого заберут».

Александр Колган(д.Стрельна Сухиничского района
Калужской области)**А нужно было-то всего лишь обжить родной клочок земли**

Церковь просуществовала до 1937 года. Судьба последнего священника отца Николая весьма трагична. К его дому от зернового склада насыпали дорожку из пшеницы. Утром пришли представители власти и предъявили ему обвинения в краже зерна. Больше он в деревню не вернулся. Через несколько дней закрыли храм. Ценную церковную утварь увезли в город. Иконы стали бросать в костер, некоторые иконы старушки спасли. Сбросили колокол с колокольни. Дошла очередь до креста, но крестьяне – народ богобоязненный, и поэтому сбрасывать крест никто не пошел. Тогда вверх полез председатель Ян. Добравшись до середины стены, он сорвался вниз. Больше испытывать судьбу никто не стал. Крест обвалился вместе с куполом в середине 70-х годов. Арестовали бывшего председателя первого товарищества в деревне Болдыреве Романкова, отца будущего Героя Советского Союза. Сослали сына священника Юрия, пострадали два священника и еще несколько зажиточных крестьян. После надругательства над церковью молодежь и даже дети стали ругаться матом, невзирая на недовольство стариков. Раньше даже слово «черт» считалось ругательным, не говоря уже о мате, его вообще не было слышно. Религиозные люди считали, что скоро придет Антихрист и настанет конец света. Гуричева Марфа несколько лет не сажала на огороде никаких овощных культур, все ждала Планиду. По деревням стали ходить еще больше обездоленных и нищих, перед войной их поток уменьшился, паспортов у колхозников не было и, чтобы уехать из села в город, нужно было проявить известную изобретательность или завербоваться на стройку.

Эдуард Демьянец

(пос.Абулак Оренбургской области)

Репрессированные абулакчане: как им помочь?

Мой поиск начался со встречи с Петуховым Андреем Александровичем. Он много рассказал мне о своем отце, Петухове Александре Адамовиче: он был репрессиро-

ван 9 сентября 1937 года тройкой Управления Народного комиссариата внутренних дел Оренбургской области из п. Абулак Абулакского района, работал столяром, и реабилитировали его 16 июня 1989 года. Его арестовали по доносу, что он, якобы, собирался совершить покушение на жизнь главы государства И.В.Сталина, убить его, но никто не учел того, ведь это никого не интересовало, что Александр Адамович боялся отроду даже «зарезать курицу», а тут – человека. Внесудебный орган – тройка – по статье 58-11 Уголовного кодекса РСФСР приговорила его к высшей мере наказания – расстрелу. Конечно, через несколько десятилетий его оправдали, как и многих других, но суть в том, что его единственный сын и две дочери в несовершеннолетнем возрасте остались без отца, да и отцу на момент ареста было только 53. Несмотря на то, что Андрей Александрович был ужасно унижен, оскорблен, он все же не оставил Родину, «невзлюбившую» его, защищал ее честь и свободу от немецких оккупантов до победного конца. Он, естественно, совершил огромный подвиг для своей страны, после чего остался инвалидом. У него есть медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда».

Я обратился к его дочери Александре Александровне, но она отказалась рассказать мне об отце и о себе, так как она была ужасно напугана в 30-е годы, и теперь, спустя более полувека, ее все равно не покидают страхи. Но я все-таки узнал немного о ней из картотеки Народного музея боевой славы Абулакской средней школы № 1 (п. Абулак, ул.Актюбинская, 89), обратившись к руководителю музея Н.В.Михеевой. Оказывается, ей пришлось пережить много ужасного: во-первых, я узнал, что она в восемнадцать лет работала в Армейском хирургическом полевом подвижном госпитале, входящем в состав 57-й армии, в гангреном отделении, – хирургической медицинской сестрой (во время Великой Отечественной войны), и, конечно, можно представить, что она могла видеть, работая там, ведь в этот госпиталь поступали раненные с линии фронта; во-вторых, ей пришлось пережить репрессию отца, Сентэ Александра (Шандора) Францевича, 1894 г.р., которого комиссия Народного комиссариата внутренних дел СССР и Прокуратура СССР по статьям 58-18, 58-8, 58-9, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР приговорили к высшей мере наказания – расстрелу. Александра Александровна работает, находясь на пенсии, библиотекарем в нашей школе. С ней можно поговорить, но только не о репрессиях, так как она думает, что могут вернуться те далекие, но для всех заповнившиеся 30-е годы.

**Людмила Новичихина,
Екатерина Опритова**(пос.Стрелица Семилукского района
Воронежской области)**И.Г.Пащенко – свидетель всех событий XX века**

Помнит Иван Георгиевич и сложный период репрессий 30-х годов, но рассказывает об этом не так охотно, как о работе завода. Вместе с заводом он жил, радуясь успехам и преодолевая возникающие проблемы, а здесь... «Не было никакой ясности, что происходит. Арестованы директор завода, главный инженер, начальник производственного отдела, начальник лаборатории, механики цехов. Главное было в том, что ты не знал, коснется тебя это или нет...»

Был случай, когда директор завода М.Д.Гризик на совещании в присутствии секретаря райкома ВКП(б) назвал Ивана Георгиевича троцкистом. Это произошло, когда И.Г.Пашенко без разрешения директора под свою ответственность остановил на срочный ремонт предельно износившийся пресс. «Ну, думаю, ночью дома не ночевать – арестуют», – вспоминает Иван Георгиевич об этом неприятном случае. Но тогда все обошлось: на следующий день, когда Иван Георгиевич пришел на работу, оказалось, что арестовали директора. За что? Видимо, ответа на этот вопрос мы получить не сможем.

1937 год: огромная ответственность главного механика завода, а за плечами всего двадцать шесть лет. «Мне не с кем было даже посоветоваться. Поговоришь с одним, с другим... Смотришь, а они арестованы...» – делится с нами своими воспоминаниями Иван Георгиевич.

Ксения Любимова
(г.Пермь)

История спецпереселенцев в Ныробском районе

«...Привезли нас на катере, сгрузили на берег, и там недалеко была деревня Годья. Тут все семьи жители этой деревни разобрали по своим домам, а нашу семью никто не взял, так как одна наша сестра инвалидка была... а мамочка была худенькая, изнуренная трудом, и все дети были малы. Извозчик на лошади привез нас в поселок Гаревка и свалил нас в пеньках, так как поселка еще не было, а были одни пеньки да куча веток. Стало холодно, а нам негде было укрыться ни от холода, ни от голода... так мы всю ночь делали шалаш... Утром пришел бесчеловечный комендант и посылает нашу мамочку работать, зная, что семья наша голодная... Вечером мамочка отпросилась у коменданта в деревню, вернулась только утром, принесла немного картошки, немного зерна».

Смертность среди спецпоселенцев была очень высокая: умирали от голода, цинги, пожаров, сурового климата. Когда мы спрашивали бывших спецпоселенцев, как люди все же выживали, одни сказали, что выжили самые сильные, другие отвечали – так бог пожелал. Третьи уверены, что «все зависело от местного руководства». Четвертые отвечали, что люди выжили, потому что трудились, работали, не жалея себя. «...Начальник трудбательона сказал, чтобы больных не было. Тогда мы взяли тех, кто не мог встать, понесли в лес. Отошли даль-ше от барака, наломали веток, уложили больных на них, разожгли костер и ушли работать. Возвращаемся – живых почти не осталось».

Екатерина Сергиенко
(с.Новая Сыда Краснотуранского района Красноярского края)

В далекой сибирской глубинке

(Мои земляки-краснотуранцы в годы Великой Отечественной войны)

43-й многим напомнил 37-й. Размах получила борьба с «саботажниками», «врагами». Бывший колхозник сельхозартели «Завет Ильича» Моисеевского сельского

совета Вебер Виктор занимался хищением хлеба – срезкой колосков ржи с полосы, принадлежащей колхозу. Мать его Вебер Мария принимала от сына ворованный хлеб, обрабатывала для употребления в пищу. Нарсуд Краснотуранского района приговорил Вебер Марию к 5 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года, В.Вебер – к 1 году лишения свободы.

Зубарева Матрена Михайловна (с.Сорокино), будучи на работе, совершила хищение трех пустых мешков, которые были обернуты на ногах, обуты в катанки. На обыске, при выходе были обнаружены и изъяты. Приговор: тюремное заключение сроком на год.

К трем годам лишения свободы с поражением избирательных прав приговорен колхозник из сельхозартели «12 лет Октября» Беллыкского сельского совета Разенко. Он был командирован в Идринский район на трех колхозных лошадях, от истощения все лошади пали.

Немало руководителей колхозов попали на скамью подсудимых за «антигосударственную практику в вопросе хлебозаготовок, так как допустили расходование хлеба на внутриколхозные нужды».

«За кулацкий саботаж в хлебодаче» привлечен был к уголовной ответственности по ст. 58-14 УК РСФСР председатель колхоза «Память Ленина» Бузуновского сельского совета С.Г.Шадрин. Он раздал на трудодни колхозникам 539 центнеров пшеницы, «преимущественно пригодной к сдаче государству». Чтобы скрыть следы преступления, предложил кладовщику Моценко спрятать ведомости на 119 центнеров.

Ломались людские судьбы, на первый взгляд, из-за нелепых, глупых вещей.

Были большие потери при уборке. Голодные, измотанные люди равнодушно смотрели, как ветер разносит по току обмолоченное зерно, как хлеб травится скотом, как уходит под снег зерно. И будут весной опять гореть поля, и будет щелкать кнутом объездчик, прогоняя с дымящейся стерни голодных баб и ребятишек, собирающих промороженные и обгоревшие колоски.

Ольга Туровская
(г.Байкальск Иркутской области)

По ту сторону войны...

Однажды утром Андрей как обычно пошел за лошадьми и по дороге зашел в лес поест бруснику – стакан молока в качестве завтрака не мог насытить, а живот аж резало от недоедания. Не заметил, как пролетело время, взял лошадей и пошел работать на поле. Когда пришел, оказалось, что опоздал. «Мне казалось, я был там несколько минут. А брусника была такая вкусная, хоть и недоспелая – красная такая, сочная. Тогда она казалась мне вкуснее всех сладостей на свете; чем больше ел, тем больше хотелось. Еле оторвался, пришел на поле – выговор мне устроили, да еще и по статье какой-то прогнали».

И за что? Только за то, что на несколько минут опоздал! Это яркий пример той несправедливости, даже не социальной, а если так можно выразиться, моральной, когда человеку, тем более четырнадцатилетнему ребенку, доставалось из-за каких-то мелких нарушений, а на крупные, похоже, никто не смотрел. Зачем было привлекать такое огромное внимание к мелочам, когда нужно было концентрировать его на всеобщей борьбе за выживание в тяжелых жизненных условиях военного

времени, когда нужно было смотреть на большое, а не на малое, видеть главное, а не второстепенное, причину, а не следствие? Зачем нужно было разводить целые батальоны из-за нескольких «похищенных» колосков вместо того, чтобы попытаться помочь; зачем стране нужно было давить ту силу, которая и помогла ей выиграть войну – простых людей? На такие вопросы было бесполезно отвечать тогда, в советские сороковые, и сейчас спустя много лет...

Екатерина Панина

(г.Волчанск Свердловской области)

Первый волчанский угольный разрез – сталинская стройка НКВД (1942–1945 гг.)

Попытаюсь сравнить условия жизни строителей-трудармейцев и строителей-заключенных. Пока шла война, всем волчанстроевцам было одинаково тяжело. Те и другие жили в бараках, скудно и однообразно питались, над ними висела угроза повторных репрессий. Но в 1946 году к трудармейцам приехали семьи, и жить от этого им стало гораздо лучше. В этом же году им стали давать земельные участки для строительства жилья, так в поселке родились целые немецкие улицы. Казалось бы неплохо (заключенные-то по-прежнему жили в бараках под охраной, за колючей проволокой). Но в 1948 году все немцы-трудармейцы на Волчанке были взяты на учет спецпоселения – спецкомендатурой № 62 г.Красноурьинска (поселок тогда относился к Красноурьинскому району), а сняты с учета только в январе 1956 года. Долгие восемь лет хождений в спецкомендатуру, унижительных отметок, невозможность выехать даже в соседний город, не имея на руках временного пропуска... Для меня это противоестественно и дико. Такое отношение к человеку напоминает мне обращение с вещью. Разве кто-то из советских немцев предполагал, что после того как их сорвут с родных мест, ликвидируют Немецкую республику, унижения для них не кончатся, а только начнутся?! А вина их состояла только в том, как сказал А.Г.Бимлер, «что родились у немцев-родителей». Они еще долго не могли почувствовать себя полноценными гражданами своей страны. Не меньший моральный ущерб был нанесен и заключенным Богословлага. И те, и другие были репрессированы ни за что.

Сейчас трудармейцы вспоминают Богословлаг и Волчанстрой с обидой, с возмущением, в душе каждого из них остался глубокий след. Например, А.Г.Бимлер до сих пор возмущен тем, что был «признан социально опасным по национальному признаку», а К.Х.Вервейн и по сей день (а прошло уже 60 лет) живет в страхе перед государством.

Иван Попов

(г.Барнаул Алтайского края)

Православие на Алтае в последней трети XX века. Испытание богоборческой властью

(На примере духовной жизни И.Т.Лапкина)

«Я придумывал в детстве виды казни этим извергам рода человеческого – большевикам-атеистам. Но надо быть сильным. Надо быть ловким, неуловимым. Ловил

сусликов, потом купил велосипед. Суслика, поймать, ободрать, его шкурку высушить, сдать – 3 копейки, а если повезет, то 4–5 копеек, а первый сорт – 6 копеек. Да за 8 штук трудодень, но этого не дадут, обманут, урежут. Добыто ружье. Заряды. Прячась, стреляю прямо с велосипеда на полном ходу, снимаю одной рукой воробья, коршуна. Трачу деньги на ножи и, пася коров, целыми днями мечу ножи. Плавать надо, и, главное, хорошо нырять, целые часы провожу в воде; по деревьям лазить. Дома турник, канат, шест, городки. Замучил всех, рано утром на зарядку, готовлю свою команду для террора. Потом уже, в техникуме записался в секцию стрельбы: 99 из ста выбивал. Занимался боксом, успехи были очевидны... но для чего? – Игнатий добавляет с усмешкой: Сам себя обрек на смерть. Спать ложился и под головой нож, топорик, ружье рядом всегда. Собака. Живым не дамся.

На флоте знал себя хуже всякого пса, столько грехов насобирал, что сам себя ненавижу. Думки о смерти были все чаще и отчетливей. Когда у нас матрос взял карабин и офицера убил, и еще несколько человек, а у других один из автомата весь караул – 13 человек на тот свет отправил. А еще у нас было собрание, контр-адмирал выступал, ожидали войну с Америкой из-за Кубы, что туда ракеты завезли. Умру, а что дальше? Ад, огонь, из детства слышал такую фразу, что Бог говорит людям вроде бы так: Терплю до конца, а буду мучить без конца» – вспоминал Игнатий.

На суде Игнатий так и не мог отделаться от впечатления, что идет балаган-маскарад, опереточные игрушки сидели за столом – казалось, вот, кто-то засмеется – и все рухнет... Но шестеренки уже зажевали, тянули Игнатия. Суда не было, а тошнотворная комедия привыкших к таким инсценировкам-судам. Никому не дают высказаться, никого не слушают.

Привозят из крайсуда сразу же в тюрьму, в СИЗО. Солдаты, которые возят в суд, они не к тюрьме принадлежат, а отдельная воинская часть, они только на внешней охране и на сопровождении. Учатся, все с комсомольскими значками. Речь такая, что смысл трудно уловить. Игнатий слушал, слушал, потом одному говорит: «Ваш рот напоминает полную парашу, на поверхности плавают две крошки хлеба, и их нужно выловить и съесть». То есть так редки смысловые слова, единичны, а только горловое бульканье слышится. И при всей этой переполненности низостью, мерзостью, еще и патриотизм. Несчастные...

Но бывалые ээки, которые пришли с Игнатием этапом, говорили, что года два назад вот этот красный уголок (ленинская комната) – в нем все стены до уровня головы и пол были залиты кровью. Били арматурой и в корытах отмачивали, бросались на проволоку, вешались, вскрывали вены, выковыривали из стен проволоку ржавую, глотали, чтобы получить воспаление внутренностей – сдохнуть даже, но уйти отсюда...

Людмила Пушкина

(г.Котлас Архангельской области)

Мои размышления при прочтении книги «Котлас – очерки истории»

10 октября 2002 года в школе № 17 был открыт музей «Макариха». Открытие музея прошло в состоянии эмоционального подъема. Участники кружка «Макариха» показали гостям театрализованные страницы художественных произведений о репрессиях на Макарихе, представили музей. Среди гостей было много репрессиро-

ванных, членов их семей. О музее, о работе ребят прозвучало много теплых слов. Гости говорили о нужности нашей работы.

Но прошло несколько дней, и к нам пришли представители городской ветеранской организации. Они настороженно отнеслись к содержанию нашего музея и встречу подытожили словами, что мы идем неправильным путем, не тем занимаемся. А информация, представленная у нас, во многом неправдива, искажает историю. Т.е. мы на примере музея убедились, что среди взрослых, грамотных и влиятельных людей бытует разное отношение к сталинским репрессиям. Есть люди, которые считают, что ни к чему поднимать такие вопросы.

Побывал в музее и В.Титов, главный редактор новой книги о Котласе. Он не одобрил музея, его тематику, пытался объяснить необходимость отдельных эпизодов из сталинских репрессий.

Вероятно, редактор проигнорировал знающих специалистов оттого, что в очерках и не ставилась задача показать реальную картину репрессий. В очерке «Котласлаг» стиль изложения сухой, газетный, не чувствуется трагедия живых людей. Например, такая строка: «Люди, прибывшие сюда по злой воле из разных уголков нашей страны...»

Под «разными уголками нашей страны» подразумевается и Средняя Азия. Нашлись свидетели этапа из Средней Азии в Котлас. Житель улицы Устье, что рядом с Макарихой, Елсаков Александр Петрович вспоминает, что «они были одеты в свою традиционную одежду – халаты. Загнали их всех в бараки, а к утру все и замерзли. Вырыли один огромный ров, всех в нем и засыпали». Жительница деревни Кумиха под Котласом Мария Матвеевна Цирковцева вспоминает, что спецпереселенцев не только эшелонами доставляли в Котлас, а гнали пешком от Вологды. Она «девочкой наблюдала, как доставляли спецпоселенцев. На подводах, санях – дети, женщины и мужчины шли за подводами. У них были узлы и небольшие мешки. Узбеки, таджики. Мужчины шли в полосатых халатах и тибетейках. А мороз был в 30 градусов. Женщины закутались в платки». Просматривая в местной печати воспоминания людей, подвергшихся репрессиям в то время, нам не удалось встретить воспоминания высланных из Средней Азии. Местные жители вспоминают об их массовой гибели, поэтому мы предполагаем, что все переселенцы из Средней Азии погибли на дорогах Севера или в Котласе.

В моей голове остался вопрос – кому и зачем нужно было массовое уничтожение невинных людей, семей?

Глава 9. **«Но мы знали, что так надо...»** (Великая Отечественная война)

Максим Егоров,
г.Владимир, гимназия № 3, 10-й класс.
Научный руководитель О.Н.Гуреев

**Страницы
времени:**
человек и эпоха
в дневнике
Юрия Никифорова
1937–1944 годов

Уже много лет учащиеся гимназии № 3 г.Владимира, в которой я учусь, ведут работу по увековечению памяти выпускников, погибших в годы Великой Отечественной войны.

В 2001 году мы совершили экспедицию в Витебскую область Республики Беларусь. Мы посетили могилы трех выпускников нашей школы – Александра Сорокина, Геннадия Довженко и Юрия Никифорова. Все они погибли в 1944 году, освобождая Белоруссию.

Летом 2001 года нам удалось найти племянницу Юрия Никифорова Ирину Ивановну Лактионову. Юрий Никифоров был родным братом ее матери Елены Сергеевны Никифоровой. С детства Ирина Ивановна слышала рассказы матери и других членов семьи о Юрии. В семье Никифоровых бережно хранится все, что было связано с ним: фотографии, рисунки Юрия, фронтовые письма. Самая большая ценность семейного архива – личные дневники Юрия Никифорова, которые он начал вести в 1937 году, еще учеником школы № 3. Дневники Юрий

вел практически до последних дней своей короткой жизни. На встрече с Ириной Ивановной Лактионовой мы впервые увидели эти дневники, а потом родилась идея силами школьной театральной студии «Art–Мастер» поставить спектакль по дневниковым записям Юрия. Премьера спектакля «Дневник лейтенанта» состоялась 7 мая 2002 года. Девять мальчишек играли одну роль – Юрия Никифорова. Я тоже участвовал в спектакле и, готовясь к нему, все больше и больше погружался в дневники. Ирина Ивановна разрешила нам сделать с них копию.

При чтении дневников создавалось ощущение, что ты переживаешь события, описанные автором, что человек из далеких 40-х годов XX века общается с тобой.

В ходе исследования мы работали и с подлинниками дневников, которые хранятся в личном архиве Ирины Ивановны Лактионовой. Это две тетради, трофейная записная книжка, разрозненные листы с записями. В первой тетради записи велись с 26 ноября 1937 года. Юрий Никифоров красочно оформил обложку своего первого дневника. На ней в правом верхнем углу он поместил свою фотографию, по краям сделал орнамент, по диагонали поместил надпись «Дневник». Записи он делал практически ежедневно, синими и зелеными чернилами ровным, каллиграфическим почерком.

Второй дневник записывался в «Книге для записей» в толстой, серой, полотняной обложке. Записи во второй тетради начаты 1 января 1940 года и закончены 21 апреля 1942 года. Дневники были продолжены и на фронте. Часть фронтовых записей велась в трофейной, немецкой, карманной записной книжке, часть – на отдельных листах. Фронтовые дневники написаны менее разборчиво, часть записей делалась карандашом, сведения были отрывистыми. Особенно трудно было расшифровать записи в трофейной записной книжке размером 8 на 4 см. Здесь миллиметровые карандашные записи полустерлись, читать можно только с увеличительным стеклом.

После ранения в сентябре 1943 года Юрий Никифоров лежал в госпиталях городов Калуги и Владимира и оставил дневниковые записи дома. Последняя запись в дневнике сделана 15 января 1944 года.

«А если враг...»

26 ноября 1937 г.

Веселый и радостный шел я домой, напевая песенку: «А если враг нашу радость живую отнять захочет в упорном бою, тогда мы песню споем боевую и встанем грудью за Родину свою».

«Времена не выбирают...» Герой нашего исследования прожил недолгую жизнь – погиб в 23 года. Семь последних лет жизни вел дневник. Человек во времени, время в дневнике.

Юрий (Георгий) Никифоров родился 17 мая 1920 года во Владимире в семье Сергея Ивановича и Ирины Ивановны Никифоровых. Отец Юрия был служащим, работал в различных учреждениях г.Владимира. Мать не работала, занималась воспитанием детей. У Юрия было три сестры – старшая Валентина и младшие Руфина и Елена. Жили Никифоровы на ул.Урицкого в доме № 12. До революции улица называлась Подсоборной. Со двора дома была видна Клязьма и заливные заклызьменские луга. На крутом холме возвышался величественный Успенский собор. По праздникам звонили колокола на соборной колокольне. В 1929 году собор закрыли, колокольный звон прекратился.

Юрий Никифоров учился в школе № 3. Вместе с ним в школу ходили его сестры Руфа и Лена. Родителей радовала целеустремленность Юры: он хорошо учился, прекрасно рисовал, занимался фотографией. Как и многие мальчишки того времени, мечтал стать военным.

В десятом классе, в ноябре 1937 года, начал вести дневник.

Первая запись в дневнике – о самом главном в жизни: «26 ноября 1937 г. Сегодня мой день осенен радостью! Я получил повестку явиться в гор. отдел НКВД. Но я не дрожал, я шел туда смело, потому что я знал, что пришел, наконец, ответ от т. Ежова. Еще в сентябре я подал заявление Народному комиссару внутренних дел, Генеральному комиссару государственной безопасности товарищу Николаю Ивановичу Ежову с просьбой послать меня учиться в училище НКВД. И вот сегодня в гор. отдел на мое имя пришел ответ от Николая Ивановича. Он пишет, что я поздно написал письмо и мне придется подождать до будущего года. Товарищ из 2-й комнаты велел мне подать заявление в августе месяце на его имя. Я был очень рад тому, что такие люди, как Н.И. не забывают ни одного «незаметного человека». Я велел передать товарищу Ежову искреннюю благодарность. Веселый и радостный шел я домой, напевая песенку: “А если враг нашу радость живую отнять захочет в упорном бою, тогда мы песню споем боевую и встанем грудью за Родину свою”»¹.

Юрий счастлив! Сбывается его самая главная мечта – стать военным. Он действительно верит, что ему, «незаметному человеку», помог сам Н.И.Ежов. Оптимизм, искренний патриотизм переполняют его. Получив повестку, Юрий с радостью идет в городской отдел НКВД. «Но я не дрожал, я шел туда смело», – пишет он. Об этом говорится не случайно, ведь в 1937 году повестка в НКВД для многих советских людей ассоциировалась далеко не с радостью, а с приговором, заключением, лагерем...

Но Юрий живет другой жизнью: он учится в выпускном классе, готовится к поступлению в училище НКВД, думает о своей будущей профессии: «8 апреля 1938 г. Красный пограничник! Как много понятий вкладывается в эти два слова: сила, организованность, дисциплина, смелость, культура – все это связано с родной советской разведкой. Почему я решил стать пограничником? Потому что люблю свою страну. Люблю ее за ту заботу и любовь, которыми окружает она меня, – сына рабочего. Ведь мой отец прожил до революции тяжелую жизнь (хотя, как старый человек, он в этом не сознается). Я, будущий командир погранзаставы, обещаю, что право на образование, право на труд и отдых – великое право, завоеванное нашими отцами, я буду охранять, не щадя своей жизни».

В дневнике он часто писал о размолвках с отцом, спорах. Отец иногда мог в кругу семьи резко отозваться о «политике партии и правительства», подшучивал над сыном.

«7 декабря 1937 г. Вечером был на собрании избирателей 26 избирательного участка. В 11 часов сел писать лозунги. Отец стал поправлять и смеяться надо мной. Он вывел из терпения. Я бросил кисточку, обрызгав лозунг и диван краской. Лег спать. Не спится. Стал писать дневник... Потом опять лозунг. В час лег».

У самого Юрия нет сомнений в политике партии, он в полной мере ощущает себя «советским человеком»: «12 декабря 1937 г. Особенно ярко, празднично, нарядно выглядит сегодня город. В два часа пошел в свой избирательный участок (здание городского Совета) и выполнил долг гражданина Союза ССР – отдать свой голос за кандидатов блока коммунистов и беспартийных т. Шестако-

ва – народного комиссара легкой промышленности и т. Симочкина – секретаря обкома ВКП(б). Я надеюсь, что мои кандидаты сумеют выполнить свой долг перед народом! Этот день долго будет неизгладим в моей памяти!»

1938 год. Процесс над так называемым «право-троцкистским блоком»: «27 февраля 1938 г. В ночном выпуске последних известий с глубоким удовлетворением и одобрением встретил сообщение прокуратуры Союза ССР о предании суду Бухарина, Рыкова, Ягоды. Трижды презренные мерзавцы ставили своей задачей насильственное свержение советского правительства. Карающая рука советского правосудия выразит единодушное мнение всего 170-миллионного народа и выполнит самый суровый и беспощадный приговор для всех без исключения подсудимых. Провел общешкольный митинг о сообщении прокуратуры СССР, о предании суду «право-троцкистского блока». Юрий даже в личном дневнике воспроизводит пропагандистские штампы: «глубокое удовлетворение и одобрение», «карающая рука советского правосудия», «трижды презренные мерзавцы».

Но жизнь идет своим чередом. Школа закончена, впереди – поступление в военное училище.

«10 августа 1938 г. Приехал из Лосиноостровска. Зачислен кандидатом 1-го курса Московского военного училища ПВО им. Менжинского».

Юрий стал курсантом военного училища. Новая жизнь вдали от дома, новые знакомства, новые цели.

«22 сентября 1938 г. Этот день надолго останется в моей памяти. Сегодня общим парт. собранием я утвержден кандидатом в члены ВКП(б)». Что значила для Юрия партия? Партия ассоциировалась у него с Родиной, а необходимость стать членом ВКП(б) была естественной потребностью.

«1 января 1939 г. 1939 год – новый счастливый год встречал в клубе училища. В последние часы старого года просмотрел пьесу «Пограничники». В 0 часов 00 минут старший политрук на сцене зрительного зала срывает последний лист календаря – 31 декабря 1938 г. и... настал новый 1939 год. На сцене уже – 1 января 1939 года. “С Новым годом, товарищи! За новые большевистские победы под руководством великого Сталина!” Слышится громовое “ура!”. Сколько радости и веселья на лицах людей! Веселье идет до 4 часов 30 минут утра».

Юрий с радостью встречает 1939 год, верит в мощь своей страны, в справедливость правительства. Курсанты военного училища, в котором учился Юрий, участвовали во многих государственных мероприятиях: парадах и демонстрациях; совершали агитационные походы в окрестностях Москвы; стояли в почетном карауле на похоронах государственных деятелей и деятелей искусств.

2 марта 1939 года Юрий делает в дневнике запись о похоронах Н.К.Крупской: «Страна хоронит Н.К.Крупскую. Несу оперативный наряд на Красной площади. Нахожусь около левой трибуны Мавзолея Ленина, около Кремлевской стены за трибуной. Приближается траурная процессия. Около стены проносят венки. Вижу Молотова, Сталина, Ворошилова, Шверника. Митинг окончен. Члены правительства несут катафалк с урной через левую трибуну Мавзолея. За елями вижу нишу и подставку для орденских подушечек. Льются скорбные звуки. Раздается троекратный орудийный выстрел. Воздух сотрясают звуки “Интернационала”».

Юрий пишет в дневнике о своих приездах во Владимир из училища. Дома его всегда ждут отец и мать, младшие сестры, школьные друзья. Для них он не только сын, брат и друг, но уже человек из столицы, который может о многом рассказать...

Февраль 1940 года стал черным месяцем в семье Никифоровых. Против родителей Ирины Ивановны и Сергея Ивановича были выдвинуты обвинения в антисоветской пропаганде. 27 февраля телеграмма об этом была направлена в училище, где учился Юрий.

«7 апреля 1940 г. 5 апреля перед обедом выписался из лазарета. К 17.00 с командиром роты к комбату. Сердце уже предугадывало. Только в 18.15 пришел комбриг и комиссар. Суть в роковом для меня дне 27 февраля (получена телеграмма по обвинению родителей как «врагов народа»). Решение отдела кадров – отчислить. С курсантами не знал, что и говорить. Стыд и большое горе».

Из Москвы Юрий едет домой во Владимир. Он подавлен, это отражается в дневнике: «17 апреля 1940 г. Как и все эти дни бесцельно шатаюсь. Скука грызет! Сходить куда? Глаза стыдно показать. Был в ГК и в горно. С 20-го должен быть закреплен за Домом пионеров заведующим оборонно-физкультурным отделом. Но устраиваться не хочется. Хочется на лето уехать с глаз долой из города. В лагерь, а там... что видно будет. Пришел из бани. Мыться пришлось с бойцами. Какая грязь кажется после училища».

Родители арестованы. Состояние Юрия и сестер – смятение, подавленность... В дневнике – трагедия семьи.

«23 апреля 1940 г. 3.50. Увели отца. Обыск. Затем мать».

«18 июля 1940 г. Суд над отцом. Впервые испытал такой тяжелый удар. В душе накопилось много горечи и обиды за несправедливость следственных и судебных органов».

«20 июля 1940 г. Свидание с отцом. Какая низость и мерзость может быть со стороны близких родных! Теперь понятно, кто, желая сберечь свою жалкую шкуру, погубил ни в чем не повинного отца!»

«19 ноября 1940 г. Писать много не могу. Мать осудили. Как много в душе накопилось злости! Выходит – не жизнь, а всего-навсего существование. Жизнь?!»

По запросу И.И.Лактионовой из управления ФСБ Владимирской области были получены судебные приговоры на С.И.Никифорова и И.И.Никифорову. Отец Юрия был осужден за «антисоветскую пропаганду» по 58-й статье за то, что он «на протяжении 39–40 лет систематически ведет антисоветскую агитацию и дискредитирует руководителей ВКП(б) и советского правительства» на 3 года. Приговор матери был – 5 лет: «Ирина Ивановна достаточно избобличается в том, что на протяжении четырех лет с 1936 г. систематически ведет антисоветскую агитацию и высказывает террористические намерения против руководителей ВКП(б) и советского правительства»². Обвинения строились на их высказываниях о советском строе, правительстве, уровне экономики в стране.

«13.08.36 г. говорила: «Стахановское движение есть издевательство над рабочим классом. Коммунисты сами не работают, а заставляют работать других. У власти сидит банда. Если бы у власти был Троцкий, жизнь была бы лучше».

25.02.39 г. говорил: «Жизнь была хороша до 1925 г., а после ничего не стало, рабочие сидят голодные, людей душат, разве это жизнь?»

5.02.40 г. «На Финском фронте массовое отступление Красной Армии» и выразился нецензурной бранью против вождя ВКП(б), заявляя, что он как враг, который в целях честолюбия готов погубить страну.

15.02.40 г. говорил: «Вы, коммунисты, одни только жизнь и хвалите. Вам нельзя говорить правду. Вся жизнь построена на обмане, при царе было гораздо лучше».

Видимо, муж старшей сестры Валентины в течение двух лет доносил на родителей своей жены. Арест родителей расколол семью. Символом этого стала семейная фотография, сделанная в 1940 г. Из фотографии вырезано лицо Валентины. Много нелестных слов о старшей сестре и ее муже Юрий написал в своем дневнике...

Жизнь Юрия превращается в «существование» без радостей, записи в дневнике краткие, отрывистые: «24 марта 1941 г. В военторге сшили шинель и брюки. Ладно, теперь хоть есть в чем ходить. Плохо, что нет гимнастерки».

22 апреля 1941 года Юрий делает запись о свидании с матерью: «Ночью, около 4 часов, приехал во Владимир из Коврова, куда ездил к матери. 21-го утром был в тюрьме. Приняли только передачу. Выхлопотав свидание, сильно замерз. Свидание было очень коротким. Мама очень изменилась. Вид очень беспокойный и нервный».

После исключения из училища, ареста и осуждения родителей резко меняется тональность дневников: оптимизм, гордость за свою страну уступают место отчаянию, разочарованию. В это время Юрий работает военным инструктором в Доме пионеров. Его задача – готовить подрастающее поколение к будущей войне, угроза которой становится все более реальной. Юрий это полностью осознает. Вот отрывок из его статьи «Военная игра пионеров и школьников», опубликованной в газете «Призыв» в начале 1941 года. В этой статье описывается военно-спортивная игра владимирских школьников в Заглязменском лесу: «В морозном воздухе затрещали станковые и ручные пулеметы... Модели оружия, добротные сделанные юными оружейниками из дерева, работали безотказно. Противник усиливал ответный огонь. Наступление приходилось вести короткими перебежками между деревьями, то и дело скользя на лыжах по искрящемуся снегу с винтовками наперевес».

Конечно, в начале 41 года это пока еще игра. Однако именно такие игры формировали психологию будущих воинов.

Война. Запись в дневнике Юрия: «23 июня 1941 г. Сегодня приехал из Иванова, куда возил команду на республиканские военно-физкультурные соревнования. Вчера, 22 июня, в 12.00 выехали. На вокзале в Иванове, не найдя представителей обкома, пошел к военному коменданту и только здесь узнал наполовину происшедшее днем. Комендант заявил, что объявлена мобилизация, мне необходимо ехать обратно во Владимир. Город во тьме. Купил баранок, хлеба и пряников, накормил девчат и после разговоров улеглись. На вокзале масса народу, много военнослужащих. В вагоне только и разговоров о войне. На станциях много мобилизованных, с плачем провожаемых родными. Война началась!»

С сентября 1941 года Ю. Никифоров работает военруком во владимирских школах: «5 сентября 1941 г. Вот уже пятый день работаю военным руководителем 1-й и 2-й школы. Уроков очень много. Программы новой нет. Приходится вести уроки, придерживаясь прошлогодней. С Домом пионеров поступили очень коротко – закрыли. Получил расчет, с лишком 200 рублей. Школы к новому учебному году не готовы, классы переполнены, не оборудованы. С каждым днем все труднее и труднее. У ребят только и слышны разговоры, что о буфете, где дают 100 граммов черного хлеба по повышенным ценам. В городе ходят всевозможные слухи...» С первых дней войны во Владимире начинают оборудоваться госпитали для раненых. Часть госпиталей была расположена в зданиях школ, поэтому школы объединяются, дети учатся по 3–4 смены, в классах учится по 60 человек.

Еще в военном училище Юрий был зачислен кандидатом в члены ВКП(б). После ареста и осуждения родителей вступление в партию было поставлено под вопрос: «5 сентября 1941 г. Перед партсобранием заходил к Гусевой. В анкете она дала рекомендацию, но до сих пор ее не написала и сегодня заявила, что дать мне ее не может, потому что я поддерживаю связь с родителями. Ну так что ж! Теперь я еще более убежден, что интересы у меня (как и большинства населения) и членов партии разные. Стоять за такую партию особенно не приходится. Думаю, что на партсобрании был в последний раз».

Отношения с родителями, которые вырастили, воспитали, боль за отца и мать, горе семьи для государства становятся «связью с родителями». У Юрия меняется отношение к коммунистической партии, на страницах дневника – крамольные мысли: «Стоять за такую партию особенно не приходится», «интересы у меня... и членов партии разные». Эти фразы в 1941 году могли стоить Юрию жизни.

В первые месяцы войны Ю. Никифоров пытается уйти добровольцем на фронт: «9 октября 1941 г. Вчера в 11 часов прибыл из Иванова. Проходил отбор в парашютный десант. Медкомиссию прошел без сучка задоринки. На отборочной был отчислен по причине дискредитации родителей. Все прошедшие медосмотры, а их оказалось годными из 48 человек не более 20, были отправлены в Тейково. Часть непригодных была отправлена тут же на Ленинградское направление, а остальные приехали обратно во Владимир. Но и здесь утешаться не пришлось. Вручили многим повестки явиться к 23.00 для отправки на фронт. Я же в числе немногих был оставлен до особого распоряжения и вечером давал уже уроки. Ребята встретили мое возвращение с большой радостью. Поехав в Иваново, все мы были обмануты комиссаром. Он заявил, что все до одного приедете через два дня, с собой ничего не берите, расчет не производите. Все это заявил, а сам был извещен, что люди будут отправлены на фронт. Каково же уехавшим в действующую! Они не взяли ни одежды, не произвели расчета, а некоторые не простились и с семьей. А ведь все почти отцы семейства, 4, 7, 12, 14 годов рождения. Я среди них был самым молодым! Как им не хотелось ехать!»

В октябре 1941 года, когда фашисты стояли на подступах к Москве, Владимир превращается в прифронтовую зону: «19 октября 1941 г. Уже четвертый день без перерыва, сплошным потоком идут автомашины с так называемыми “беженцами” из Москвы, машины с противотанковыми орудиями, с зенитками... И так день и ночь. Уже четвертый день старшеклассники работают на земляных работах по укреплению города. Посещаемость в средних классах катастрофически упала. Настроение народа плохое: высказывают открыто недовольство. Цены на продукты растут с каждым днем. Это настроение разделяют и сами руководители. На заводах идет разбор оборудования. Полная подготовка к эвакуации. Рабочие глушат с горя спирт. В ГК тоже подготавливаются. Жгут. Началось! Но пока не все! Все впереди!»

Во Владимир из Лосиноостровска эвакуируется Военное училище, в котором учился Юрий. Он подает просьбу о зачислении в училище. 31 октября получает положительный ответ, повторно зачисляется в ПВУ имени Менжинского.

«31 октября 1941 г. В 11 часов получил повестку. “Были сборы недолги”. С большим трудом достал хлеба на 10 дней следования к месту назначения».

Эшелон с курсантами направляется в Сибирь. Под Омском они проходят краткосрочные курсы младшего командного состава. Затем – на фронт.

Записки фронтовика

26 апреля 1942 г.

С этой тетради начинается новый дневник – «Записки фронтовика»

День за днем Юрий Никифоров делал записи о боях, отступлениях, наступлениях, раненых, убитых... Вспоминал о родителях и сестрах, делал отметки о присланных и написанных письмах... Записывал, какие книги читал, какие фильмы смотрел с однополчанами, что ели, а чаще – сколько времени не ели... И все это в 1942-1943 годах, день за днем, на фронте.

Юрий сознавал важность своих записей: «Больше года храню я пожелтевшие тетрадные разрозненные листы. Они покрыты грязью, были не один раз в воде и под снегом. Карандашные строки разбираются с большим трудом. Эти строки дороги мне. Они являются летописью хроники дней великой войны. Вот почему я решил их переписать, сохраняя стиль, внося некоторые грамматические поправки. И после того как они будут переписаны, их подлинник придется предать огню. Жаль, но ничего не сделаешь! Придет время, возможно, с подругами и товарищами, с сестрами и родными я буду с любовью читать их, а если придется умереть на поле бранном, пусть их читают мои командиры и бойцы. Нет! Переписывать не буду. Пусть листы будут грязны, написаны разным карандашом, пусть будут некоторые слова неразборчивы, но они близки к сердцу, они написаны под огнем, в жару и холод, когда тебя часто подстерегала смерть» (16 июня 1943 года).

«Записки фронтовика», как определил их сам Ю.Никифоров, были начаты им в Сибири. В Омской области Юрий Никифоров вместе с другими курсантами Московского военного училища им Менжинского готовился к отправке на фронт: «26 апреля 1942 г.: с 24 числа зачислен во взвод связи 10 СБ бригады... Части готовятся к отправке... На днях едем».

27 апреля эшелон двинулся на фронт. Омск – Петропавловск – Курган – Свердловск – Красноармейск. В пути Ю.Никифоров описывает настроение новобранцев и офицеров: «30 апреля. Дисциплина в батальоне очень низкая. Прощает воровство, пьянство, грубость, неподчинение командному составу, со стороны командования наблюдается рукоприкладство». Несколько дней в пути солдаты ехали впроголодь. 4 мая прибыли в Вятские Поляны: «Голодные бойцы, живущие на сухарях, селедке – устремились на рынок. На рынке на деньги же купить ничего нельзя, а если удастся, то с большим трудом. Буханка хлеба, осьмушка махорки – 100 рублей, одно яйцо доходит до 10 рублей. Идет обмен хлеба на бельё, которое выдали как НЗ, махорку на мыло».

7 мая – Арзамас, Муром, затем, минуя родной Владимир, по Ленинской (ныне Казанской) железной дороге на Москву.

В Москве долго не задержались.

9 мая 1942 года – первый марш: «Разрушенный Волоколамск. Остановились на привал в сосновом лесу, что в 10 км от города. Следы недавних боев. Местность кругом минирована. Несчастные случаи от взрывов».

Под Волоколамском часть, в которую входил взвод Ю.Никифорова, расквартировалась до конца июля. 13 мая получили оружие. «А то все время часть была без единой винтовки, да и сам я не имел оружия с 1940 года», – записал Юрий в дневнике.

14 мая – еще одно знаменательное событие для бойцов: «После обеда командование 8-го гвардейского корпуса принимало в свои ряды нашу часть. От-

ныне я – гвардеец. Парад. Даже неудобно произносить это слово к проходившим кое-как людям, не полностью вооруженным, плохо одетым. Некоторые из них не носили оружия по несколько лет. Нет! Это не мощные, радующие глаз парады на Красной площади! И их, вероятно, не будет долго».

После этого – постоянные тренировочные маршброски, учеба, стрельбы.

26 июля получен приказ о наступлении: «Теперь, вероятно, начнется другая жизнь. Вперед».

1 августа 1942 года. Первый бой, отраженный в дневнике двумя скупыми строками: «Первое крещение. Под пулеметным и минометным огнем на линии. Артиллерийская перестрелка. Нахожусь на К.П. Смеркается».

Первый бой ломает представление человека о жизни и смерти. Поэт Д.Самойлов так размышлял о роли первых боев в жизни солдата: «Первый бой оформляет солдатский фатализм в мироощущении. Вернее, закрепляется одно из двух противоположных ощущений, являющихся базой солдатского поведения. Первое состоит в уверенности, что ты не будешь убит, что теория вероятности именно тебя оградила пуленепробиваемым колпаком, второе, напротив, основано на уверенности, что не в этом, так в другом бою ты обязательно погибнешь. Формируется все это просто: живы будем – не помрем... Только с одним из двух этих ощущений можно быть фронтовым солдатом»³.

Первый бой перешел в первые бои, которые продолжались весь август.

«2 августа. Первые убитые и раненые. Бой за село. Задача – перейти на правый берег реки».

«3 августа. Весь день бой идет непрерывно, идет артиллерийская перестрелка. Минометный и орудийный огонь. Активные действия авиации. Продолжается поток раненых».

«4 августа. При переходе на ПКП заблудился. Ищу путь под огнем. Идет весь день бой при участии авиации и танков за переправу...»

«18 августа. День – ураганный минометный огонь. Усиленная бомбежка с воздуха. Действуем остатками бригады... Наше наступление отбито с большими потерями».

«19 августа. Из 22 человек взвода осталось 10 человек. Уже двое убитых. Снова большие потери».

«20 августа. В темноте вместе со штабом отступаем в район Ясной Поляны... Попали под сильный минометный огонь и бомбежку. Завалило землей, обожгло тело. Раненые...»

29 августа бои временно прекратились: «Весь день в штабе бригады. Составление списков убитых и раненых. От 700 слишком человек – 108... Во взводе по уточненным данным из 22 – 6 человек».

Вспоминаются слова А.Твардовского из стихотворения «Я убит подо Ржевом»:

*Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.*

В страшных боях под Ржевом взвод под командованием Ю.Никифорова принимал участие в конце ноября – начале декабря 1942 года. «1 декабря утром Хлепень пала, доставшись нам дорогой ценой. За эту операцию противник понес

большие потери в авиации. Не проходило дня, чтобы не было сбито пятка самолетов. Детская радость охватывает сердце, когда ты видишь стервятника, обжато пламенем, падающего камнем вниз. И наоборот, это сердце сжималось болью до глубины души при виде подбитых и обгорелых наших танков».

И снова огромные потери: «3 декабря. Людей только подбросят, как их опять нет. Опять держат оборону два человека... Уже нет командира батальона по строевой части Сурикова – ранен, ранен начальник штаба, а сейчас комбат Баикин, убит секретарь партбюро Зверьков, убит секретарь КСМ, без вести... НШ Корнеев и много-много командиров и бойцов ранены и нашли себе могилу у реки Держа».

Очень часто Юрий писал в дневнике о своих однополчанах: иногда фамилии встречаются несколько дней подряд, а затем – «убит». Конечно, отношение к смерти на войне совершенно иное, чем в мирное время. Солдат каждый день рискует своей жизнью, видит смерть товарищей. Человек на войне начинает относиться к смерти как к чему-то предопределенному. Подобные размышления встречаются и в дневнике: «Заехал Александр. Дал ему свой адрес. Кто знает, как сложится судьба. Возможно, одному из нас придется написать, где тот или другой в жаркий день или сентябрьский дождливый день найдет вечный покой под плакучей березой или в чистом поле».

Описание гибели однополчан в дневниках отсутствует. Наверное, даже для человека на войне переносить эту боль на бумагу было слишком трудно. Читая дневник, можно только догадываться о трагедии отступлений и наступлений...

Уже через год Ю. Никифоров снова вспоминал бои на Ржевском направлении: «20 мая 1943 г. Долго думал о подбитых танках в районе ж/д Сычевка – Ржев, вспоминал нашу операцию в ноябре и декабре на этом участке. В памяти маячит изрытая земля под Ржевом. Нет, этой земли не забыть».

К середине 1943 года еще не все убитые солдаты были захоронены: «29 мая. По дороге еще с августа прошлого года лежат трупы». Вспоминаются наши экспедиции, разговоры с поисковиками в Белоруссии, Калужской области. Не только через год после боев, через пятьдесят лет тысячи солдат так и не захоронены.

Бои августа 1943 года на том же Ржевском направлении. Снова огромные потери: «14 августа... Перед обедом с командиром минроты Соколенко был на поле, где только что прошел бой. “О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?” Десятки трупов красноармейцев и немецких солдат и офицеров». К сентябрю перешли в наступление, но освобожденная земля приносила не только радость: «1 сентября. 18-километровый марш по освобожденной земле среди разрушенных сел, подбитых танков и орудий, по трупам солдат».

Да, можно согласиться с тем, что война меняет отношение человека к смерти. Но, читая дневник лейтенанта, осознаешь, что, видя и (что самое главное) переживая гибель однополчан, Юрий все больше и больше ценил жизнь. Не только свою, но и подчиненных. Жизнь человека.

Жизнь на войне – не только бой. Это, прежде всего, фронтовой быт. В дневнике Юрий Никифоров пишет о распорядке дня, жилом помещении (землянке, блиндаже, доме в прифронтовой деревне), обмундировании и обуви, досуге, прочитанных книгах. Автор дневника много пишет о фронтовых товарищах, иногда о командовании.

Голод часто был естественным состоянием.

«29 апреля 1942 г. Выданные сухари и пара селедок давно съедены. Подтянув ремешки, легли спать».

«4 августа... Ночь взвода в лощине. Весь день не ел».

«8 августа. После упорного боя занята высота в районе Марьино. 21.30... Нахожусь на КП. Сильно проголодался...»

«9 августа. К вечеру сильно заболела голова. Весь день ничего не ел».

«4 апреля 1943 г. Батальон вторые сутки сидит без хлеба. С продовольствием большие и большие затруднения».

Конечно, на войне «не до жиру – быть бы живу». Однако в дневнике есть страницы, где в отсутствии нормального питания напрямую обвиняется командование: «11 мая 1943 г. Последние дни, особенно сейчас, в эшелоне возросло недовольство командного состава, в том числе и бойцов, командованием батальона. Сегодня в обед – жидкая похлебка, а вечером вовсе не варили, не кормили. В то время как командование варит, жарит, едят в три горла. Партбюро молчит...».

Иногда набирали в лесу малины, грибов, находили трофейные продукты в немецких окопах. Особенно запоминается запись, сделанная 1 сентября 1942 года: «Братва занялась пилить старую березу – там мед». Иногда сами покупали продукты: «2 сентября. Сегодня сходил в соседнюю деревню, купил ведро картофеля. Замечательное кушанье, с маслицем, а то давно картофеля не ели. Все замечательно закусили». Хлеб и картошка часто были единственной пищей: «15 сентября. В полдень небольшой привал. Хлеб, картошка и – снова на ногах».

Однако с июня 1943 года появляются записи об улучшении положения с питанием: «6 июня. День за днем идет очень быстро. Все хорошо – вот людей немного. Питание хорошее, стали регулярно получать дополнительный паек».

Бои, перерывы между ними сопровождаются в дневниках описанием землянок, блиндажей.

«24 октября. Стоит холодная погода. Утром выпал снег. В землянке тепло. Клонит ко сну. Сырая погода вызвала появление воды в землянке...»

«3 ноября. 23.30. Жарко горит печь. Слабый свет карманного фонаря тускло освещает землянку».

«24 ноября. К вечеру устроились в отепленных хорошо оборудованных блиндажах».

Во время боев солдаты, наверное, мечтали о землянке: «15 декабря. Сколько испытаний и лишений в эти дни. Без сна, а в свободную минуту мороз сковывает все жилы и не дает уснуть, побегать нельзя – обнаружишь себя – будешь снят, не разжечь костер... Голодный или холодный котенок. Руки не могут свернуть сигарку. Выручаем друг друга, вертим, кто может».

Походные условия давали о себе знать. Часто встречаются записи о том, что месяцами Юрий не раздевался, спал в одежде, мучили блохи, вши. Большая радость – новая форма: «7 ноября 1942 г. С утра получено теплое, новенькое комсоставовское обмундирование – шинель, сапоги, гимнастерка, суконная шапка, брюки диагональные, носки и портянки, свитер и овчинный жилет».

Особое значение для Юрия имели письма родных и знакомых. Письма были единственной связующей нитью с домом, с Владимиром, с довоенным прошлым. Воспоминания о доме – наиболее трогательные страницы записей: «26 января 1943 г. Лег рано. Долго не мог уснуть. Думал обо всем: и о доме, и о сестренках и родителях, и о днях перед войной».

4 июня 1942 года Юрий получает первое письмо из дома: «С сегодняшнего дня вновь наладилась переписка с домом... Дома, судя по письму, все благопо-

лучно. Хорошо, что сестренки разделались с “заботливой” родней Платоновыми». Юрий на фронте, а дома, во Владимире, трагедия продолжалась. Родители в лагере. Сестры Руфа и Лена порывают отношения со старшей сестрой Валентиной... Позже Юрий иногда писал, что Валентина с мужем продолжает вредить сестрам. Записи о маме и папе в дневнике – после каждого письма из дома.

«14 июля. Вместе с фотокарточкой получил Ленино письмо... С папой и мамой есть связь – они почти рядом. Дома все хорошо. Остается благополучно вернуться домой». С родителями переписываться нельзя, связь только через сестер: «26 августа. Получил письмо от Руфы. Утешенья мало – здоровье папы и мамы плохое».

В августе 1942 года Юрий вновь пытается вступить в партию. Единственная преграда – арестованные родители: «28 августа. С уполномоченным неприятный разговор. Попрекания о родителях?» И все-таки 11 сентября Юрий стал коммунистом. Об этом в дневнике два коротких предложения: «Партсобрание батальона. Приняли единогласно в члены ВКП(б)». Здесь уже нет восторженных комментариев, которые встречались в 1937-1938 годах.

Настоящий праздник 4 ноября 1942 года: «Получил письмо с сверхрадостной вестью – папа вернулся домой. Слезы брызнули от радости. Послал открытку». Отец Юрия, Сергей Иванович Никифоров, провел 3 года в заключении. А мать пока еще сидит.

По дневникам можно проследить, как Юрий переживает о родных, заботится о них, посылает посылки и деньги, зная, что жизнь в тылу не менее тяжела, чем на фронте.

«7 ноября 1942 г. Перед обедом – короткий митинг. День морозный и солнечный. Падает редкий снег. Обед. Собрались в землянке. Выпили. Мой первый тост за Родину и родных».

«21 ноября. Принесли письмо от папы, которое я ждал больше двух недель. Написал в четыре страницы ответ. Мамы до сих пор нет».

17 декабря 1942 года Юрий сделал в дневнике запись об отправлении новогодней открытки во Владимир. Открытка сохранилась. Она адресована папе, Лене и Руфе.

«9 сентября 1943 г. К вечеру получил письмо от папы. Строки о здоровье мамы вычеркнуты цензурой».

Но, несмотря на все тяготы фронтовой жизни, на душевные переживания, связанные с родителями, у Юрия Никифорова на войне находилось время на чтение.

«7 сентября 1942 г. Сегодня с Почхвой мы – патрули в городе Карманово. Патрулируем, а затем ходим на высоту пообедаем. Сейчас достали лирику Пушкина. Читала вслух, лежа на лугу. Изредка идет артперестрелка. Почхва заснул. Я продолжаю читать Пушкина! Душа отдыхает! Давно мечтал достать его пленительные стихи».

Письма из дома, книги... Все это записано в перерывах между боями. Война продолжалась...

«14 сентября 1943 г. К вечеру получил боевой приказ на наступление. Неужиная, вышел на рекогносцировку... Шинель мокрая. Сильно взволнован».

15 сентября Юрий получил ранение:

«К 4 часам Звягин привел взвод. Все в порядке. Организовал связь. Достал ракеты и ракетницу. Позавтракал. Линии трассирующих пуль и разрывы мин. В траншеи сыплется песок. В 5–8.50 – начало артподготовки. Эти строки при-

ходит писать в санбате д.Кукуево. Во время артподготовки противник вел орудийный и минометный огонь. Находясь на КП у телефона командира СБ около 8.45 был ранен осколком разорвавшегося снаряда в два места левой руки. Вырван большой клоч ткани. С ранением оставался на месте, но только через полтора часа стал отходить. Петр Иванович, мой комиссар, крепко поцеловал и заплакал. Простился с ребятами. Не без труда добрался до санроты. Девчата с любовью сделали перевязку, наложили шину. Каждая старалась чем-либо подсобить. Мария Васильевна заплакала. Машина доставила в МСБ. По дороге, увидя меня, сели старшина пулроты и Колюхов. Операционный стол. Просьбы оставить в МСБ безрезультатны. Сходил в старое расположение. Ребята покормили. После бессонной ночи крепко уснул».

Из санбата через Ельню, Спас-Деминск, Сухиничи эшелон с ранеными прибыл в Калугу: «21 сентября. Рано утром эшелон прибыл в Калугу. Пришел в распределительный госпиталь, а затем в госпиталь 699. Баня, перевязка, обед и ужин. Рука чувствует себя хорошо. Еще вчера начал крутить сигарки. По дороге в госпиталь, а он находится в здании Дома пионеров, встретил командира взвода Данилова. Колоссальные потери в людях».

В Калуге Ю.Никифоров находился в госпитале до 2 октября: ходил в кино, гулял по городу, встречался со старшеклассниками и комсомольцами. 3 октября ранены офицеров, срок излечения которых превышал 60 дней, эвакуировали в Москву. С Курского вокзала Юрий бежал, сел на поезд до Владимира.

«5 октября. Владимир. Здание бывшей поликлиники – госпиталь. Сейчас только что пообедал и хочу черкнуть о моем финише. В 23 прибыл на вокзал. Дома не ждали. Слезы и радость. Коротко побеседовал и направился в госпиталь. Принять отказались: нет продаттестата и направления. Велели придти завтра в 8. Снова дома, беседа, выпили. Лег в 4, а в 8 был в госпитале. Началось хождение по мукам. МЭП и этапно-заградительная комендатура. В числе 4-х направили в госпиталь 5859».

Долгожданная встреча дома: «Эти дни будут неизгладимыми в моей памяти. Я их буду помнить и в окопе, и в блиндаже, и в бою, и на марше, зимой и летом. Сколько лишений, одиночества и мучений пришлось испытать за эти два года! И вот ровно через два года я вернулся в родной дом. Дома отец, дома мать, которая вернулась за несколько дней до моего приезда, дома Руфа и Лена. А ведь родителей я не видел более трех лет. И из этой кабалы они вышли живыми. Дома такой же уют, как и при мне. Иуды Вальки нет. Да, она и не заслужила, чтобы о ней вспоминали. Радужный прием. Слезы радости».

Юрий находился в госпитале во Владимире до 15 декабря. Почти каждый день бывал дома, встречался с друзьями. 8 ноября было получено сообщение о награждении Ю.Никифорова орденом Красной Звезды.

В конце декабря 1943 года – начале января 1944 года Юрий в Москве и Калуге выправляет орденские документы, ждет направление в действующую армию.

И.И.Лактионова сказала нам, что у Юрия была возможность остаться в тылу по ранению. «Я не трус», – ответил Юрий и снова пошел на фронт. Новый 1944 год Юрий встречал в Калуге:

«31 декабря 1943 г. Прожит еще один военный год. Прошел год лишений, опасности и тоски по дому. Прошедший год был счастливым для меня: я встретил семью, встретил любимых родителей, с которыми разлучился более 3 лет назад, более 2 месяцев побывал дома и рад их хорошей жизни. Год сохранил мне жизнь и принес правительственную награду. Через 10 часов наступает но-

вый 1944 год! Буду надеяться, он принесет счастье всей нашей семье! В эти минуты все мои помыслы и думы о родной семье. Иных мыслей у меня нет».

На Курском вокзале он решает на один день перед отправкой на фронт захватить домой во Владимир: «В 23.00 дом. Дома! Даже трудно поверить».

15 января Юрий сделал последнюю запись в дневнике и оставил его у родителей: «Скоро поезд. Прощай родной дом! В 44 году вернусь! Вернусь и буду жить!» На фронте идут первые бои за освобождение Белоруссии...

В марте 1944 года родителям Юрия Никифорова приходит извещение о гибели сына. В нем сообщалось, что старший лейтенант Никифоров Юрий Сергеевич погиб в бою 23 февраля 1944 года, похоронен у деревни Шведы Витебской области. Вскоре приходит письмо однополчанина – Федора Фомичева. Имя Ф.Фомичева часто встречалось в дневниках Юрия, они вместе были еще в Сибири. Федор Фомичев сообщает в письме, отосланном в конверте Юрия, что он погиб в бою 22 февраля и захоронен на кладбище деревни Братково.

Ирина Ивановна Лактионова вспоминает: «Сколько себя помню, в нашем доме незримо присутствовал Юра, мой дядя, о котором всегда говорили: «добрый, честный, справедливый...», словно он был где-то рядом. Я смотрела на фотографию – очень симпатичное лицо, светлые, грустные и очень серьезные глаза. В День Победы перед фотографией ставили свечу, это был день слез... Часто из старого кожаного портфеля доставали папки с надписью «Документы Юры»: фотографии, дневники, рисунки Юры, фронтовые письма, извещение о смерти».

Семья точно не знала, где его похоронили. В 60-е годы Ирина Ивановна начала поиски. После войны советские солдаты из братской могилы в д.Шведы были перезахоронены в с.Крынки. Родственников погибших не оповещали тогда о перезахоронениях, сведения не пересылались и в военкоматы, откуда были призваны солдаты. Поэтому в «Книге Памяти Владимирской области», изданной в 1994 году, сведения были указаны по похоронке: «Никифоров Георгий Сергеевич. Род. 1919. г.Владимир. Призван в армию в 1939. Лейт. Погиб в бою в февр. 1944. Похоронен в д.Шведы Витебской обл.»4.

Мать Ирины Ивановны, Елена Сергеевна, и ее тетя, Руфина Сергеевна, несколько раз ездили в село Крынки Лиозненского района Витебской области. Во время одной из поездок они установили на братской могиле фотографию Юрия.

В октябре 2001 года Ирина Ивановна была с нами в Витебской области, проехала по местам боев, посетила могилу дяди. Мы передали в школу с.Крынки копии фотографий Юрия, отрывки из его дневников.

«В полях за Вислой сонной лежат в земле сырой Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой...» Лежат они и под Москвой, и под Смоленском, и в Белоруссии...

Уроженец г.Владимира, мой земляк Юрий Никифоров погиб пятьдесят девять лет назад.

Перед моими глазами прошла вся жизнь Юрия Никифорова. По дневникам мы проследили взросление человека, изменение его мировоззрения. В обстоятельствах жизни, бытовых мелочах высвечивается эпоха 30-40 годов XX века. Юрий Никифоров в дневнике причисляет себя к «большинству», он советский человек. В середине 30-х годов он идеализирует советский строй, политику Сталина. Арест родителей меняет тональность дневников, отношение Юрия к партии.

В условия тоталитарного строя высказывать свои мысли даже в кругу близких было крайне опасно. Доносы на отца и мать Юрия – тому подтверждение. Дневник становится для него своеобразной отдушиной: только бумаге Юрий доверял свои сокровенные мысли, сомнения.

Делая записи на фронте, Юрий подвергал себя серьезной опасности. За некоторые дневниковые страницы в условиях военного времени Юрию могло грозить более тяжелое обвинение, чем «антисоветская пропаганда». Но и на фронте человеку требовалась душевная свобода, поэтому Юрий продолжал писать дневник.

Изучение дневников Юрия Никифорова помогло мне по-другому взглянуть на события Великой Отечественной войны. Теперь война для меня не просто страница истории, не просто череда наступлений и отступлений. Исследование судьбы моего земляка привело меня к пониманию ценности человеческой жизни и свободы.

Из работ финалистов конкурса

Оксана Прудникова

(станция Каргинская Боковского района Ростовской области)

Дети войны

Я обратилась за помощью к Баркиной Варваре Прохоровне, которая рассказала мне:

«Оккупировав станицу Каргинскую в начале июля 1942-го, немцы организованно стали наводить свои порядки. В центре станицы повесили плакат с предупреждением: “За убийство одного немецкого солдата – расстрел 25 мирных жителей, а за убийство офицера – 50”».

Немцы обходились с мирными жителями по-зверски. Заходили в дома, требовали пропитание, отбирали последнюю краюху хлеба. “Матка, давай молоко, яйки”. Вот, что выучили по-русски немцы. Им для вымогательства большего и не надо было. Мы пытались хоть как-то спрятать малочисленную еду. Немцы, не найдя ничего на столе, принимались лазить по всем местам, где можно было спрятать. Боясь фашистов, мы прятались в подвале собственного дома, где спали на соломе и тряпках. Малочисленное хозяйство, которое мы имели в первые же дни, забрали, оставив корову, которую каждый день сдаивали. Но больше всего мы боялись не немцев, а наших, русских, которые у них работали».

Почему русский человек начинает настолько ненавидеть своих соотечественников? Может он озлоблен? Тогда, что или кто вызвал в нем эту злобу? Если взглянуть в недалекие тридцатые, то можно увидеть, что в те годы проходила политика коллективизации, аресты по политическим мотивам и многое другое... Арестантов отправляли в тюрьмы, трудовые лагеря. Немногие вернулись оттуда. А кто вернулся перед войной, стал питать злость к окружающим, за несправедливое отношение к нему. Кто-то шел к немцам из-за жадности к власти...

Иногда в кинофильмах о Великой Отечественной войне мы видим светлую ее сторону: солдаты лежат на белоснежных кроватях, перевязаны чистыми бинтами. «Неправда это, – говорит Баркина Варвара Прохоровна, – как можно показывать такую ложь, ведь это кардинально меняет мировоззрение людей. Люди совсем по-другому начинают смотреть на войну».

Кому как, а Варваре Прохоровне пришлось повидать всю подноготную этой самой войны. Как она вспоминает, перевязочных материалов не хватало. Поэтому бинты приходилось стирать по несколько раз, без моющих средств. И этот едкий запах крови и гноя еще очень долго преследовал ее. «Я долго не могла есть, так как запах гноя, впитавшийся в мои руки и одежду, не давал мне делать этого. Приходилось часами простаивать у операционного стола, помогая хирургам проводить операцию. Ноги зудели, и я не могла снять сапоги, так как они были распухшими».

Ольга Туровская
(г.Байкальск Иркутской области)

По ту сторону войны...

Несмотря на все тяжелые социальные условия – голод, нищету, холод – в душах людей, не запятнанных памятью жизни, продолжала теплиться надежда о переменах к лучшему. Казалось, еще совсем чуть-чуть, надо только еще немного потерпеть, постараться, усердно работать, и наступило бы оно – то великое светлое будущее, которого так долго ждали, ради которого столько сделали; оно зальет своими яркими красками все людское горе, и все будет хорошо.

Но наступил сорок первый, и великие надежды пришлось отложить на неопределенный срок...

В начале июня четыре семьи из Мангиртуя погнались продавать коров в Улан-Удэ – крупный административный центр Бурятии, находящийся в двухстах километрах от деревни. Среди семей были Андрей с отцом Филаретом: «В Улан-Удэ прибыли с отцом 22 июня, только приехали на заезжий двор, нас сразу же попросили идти на митинг. По радио выступал Молотов, объявил о начале войны». У всех первой реакцией был шок, никто не мог и не хотел верить в то, что только что услышали собственными ушами. Спустя минуту, когда толпа очнулась от оцепенения, одна женщина истерично, испуганно крикнула: «Батюшки, да что ж это! Война! Война, Алешка! Горе!!!»

Началось волнение. Андрей был поражен этой новостью. Он читал о войне двенадцатого года в старом учебнике истории, старики рассказывали о русско-японской, о Первой мировой, но у тринадцатилетнего мальчишки в голове никак не могло уложиться, что что-то подобное может произойти с ним, сейчас, в его время.

Андрей был напуган в большей степени неизвестностью предстоящих событий, но страха своего Филарету не показал. Он только спросил у него: «Отец, что же мы теперь будем делать?» «Как сейчас помню – он помолчал, оглянулся вокруг и на меня взглянул. Видно было, что он тоже взволнован, но показывать этого не хочет. Ответил так: «А что ж делать? Драться будем». На всю жизнь запомнил его слова. Тогда подумал: “Какой у меня отец все-таки сильный”. А что с матерью-то будет?»

Александра Корсакова,
Полина Корсакова

(пос.Приволжский Кимрского района
Тверской области)

Вдовья доля. Вдовый век

Из воспоминаний Полины, дочери Никифора (ей в 1941 году было шесть лет): «На войну провожали в тот раз папу и еще двоих из деревни. Мама плачет, а папа ее успокаивает: “Не расстраивайся так. У тебя только двое, а вон у них-то по пятеро” (имел в виду детей). Никифора забрали в 1941 году. Его жене было 1941 – 1907 = 34 года, сыну 1941 – 1928 = 13 лет, матери приблизительно лет 70».

Главной заботой было прокормить и воспитать детей. К Христине вернулось ее вдовство: ушел Никифор – в доме, по хозяйству все лежало теперь на Прасковье. Христина только помогала, ведь ей уже под 70 лет.

«В деревнях неоккупированных территорий остались женщины, дети и старики: 86 % всей рабочей силы»¹.

Пахали на себе. Рассказывает Полина, плачет: «Плуг на себе таскали. Мама с Фатеем, еще двое таких же из другой семьи соберутся и в 3 семьи пашут огороды на себе. Привяжут веревки к плугу... (плачет). После войны тоже так пахали». С одной стороны, Христине сейчас, в свое «второе вдовство», было легче, чем в «первое», так как она была не одна, а с Прасковьей, на которую и легли все заботы. Но, с другой стороны, Христине было и труднее, так как ей было уже под 70 лет, силы уже не те. Не было лошади-помощницы. Самое тяжелое, что теперь она и без мужа, и сын ушел на войну. Открылись затянувшиеся были раны, полученные от потери мужа. Прасковье в это время было 34 года, на руках пятилетняя дочь. В доме остался один мужчина – 12-летний сын Фатей. Прасковье тоже было не легче, чем Христине: все заботы на ней. К тому же работать приходилось не только по хозяйству, но и в колхозе, а то и на других работах. Никифора ранило, он попал в госпиталь в Коломну. Его жена Прасковья поехала к нему проведать, повидаться. Рассказывала своей дочери Полине: «Сама не помню, как доехала, не верится, что добралась. Все время на попутных, да и то не сажали, не пропускали. По дорогам все больше военные машины шли». Повидалась Прасковья с мужем, уехала, а больше его и не увидела.

Хоть и поженились Никифор с Прасковьей без любви, а по расчету, но повенчались, а значит, на всю жизнь друг для друга – вторая половина, горе и радость – вместе. Бросила хозяйство, детей, отпросилась в колхозе, поехала, а порою и пошла. Видимо, и ему, и ей очень хотелось повидаться. Христина, конечно, хотела повидаться с сыном. Но в 70 с лишним лет куда поедешь во время войны?!

Никифор потом погиб: ехал в кузове грузовика вместе с другими солдатами, снаряд попал прямо в машину.

Похоронка

Вспоминает Полина, дочь: «Я на улице, бабушка кричит: “Поля! Поля! Беги домой! Ведь отца-то убили!” А дома мама плачет, кричит в голос, причитает: “Желанная ты моя дружечка! Да на кого ты меня оставил!..” Потом до года молились за упокой: утром, вечером, ночью – читать. Мама после всего сядет на сундук в чулан – плачет и причитывает. Ее уговаривают: “Да хватит, да не причитай так”. А мы с Фатеем сидим на печке, я еще маленькая, не понимала, а Фатей плачет...» После похоронки Прасковья носила только темную одежду. А траур продолжался: после войны умерла Христина

на, свекровь. Только жизнь наладилась (сын женился, дочь замуж вышла, внуки родились), сын внезапно умер от сердечного приступа, оставил пятерых детей-сирот. Прасковья так и говорила: «У меня теперь всегда траур: то поминки, то похороны»

Мы: «Так Прасковья одна и прожила? Никого у нее не было? Никто не сватался?»

Полина, ее дочка, наша бабушка: «Я еще маленькая была, подросточком, к маме сватался один мужчина, видный такой. Он наш деревенский скот пас. Хороший мужчина, серьезный. А я его возненавидела так, что и маму чуть не возненавидела. Дома все опостытело, идти домой не хотелось. Так мама с ним и рассталась». Из-за детей Прасковья решила остаться вдовой, хотя и была у нее возможность выйти замуж второй раз, прожить более легкую жизнь. Выходит, она добровольно выбрала вдовью долю, предпочла прожить то, что на роду написано, что Господь дал, вдовый век.

Дом Христины стал вдовим: две вдовы в нем, Христина, потерявшая сына, Прасковья, оставшаяся без мужа. Одна теперь надежда: подрастет Фатей, возьмет хозяйство в свои руки.

Место отца теперь занял Фатей.

Александр Колган

(д.Стрельна
Сухиничского района
Калужской области)

А нужно было-то всего лишь обжить родной клочок земли

Все верили в силу нашей армии, но в октябре 1941 года наши войска оставили Сухиничи. Отступали они столь стремительно, что не успели эвакуировать медицинский склад, находившийся в церкви. И крестьяне стали тащить все, что там находилось, по домам, но НКВД работал и в таких условиях. И хотя в селе телефона не было, кто-то не поленился добежать до Сухиничи и донести в НКВД на моего прадеда Канунникова Василия: якобы он нелестно отзывался о советской власти. И его забрали в этот же день, больше о нем никто ничего не знает. На следующий день в село пришли немцы. Вот что вспоминает Канунникова Анна Михайловна, 1903 года рождения: «Погода стояла летняя, на небе ни облачка, летали паутинки, и казалось, что войны нет. Вдруг в этой тишине стал слышен шум, дети побежали смотреть. Немцы шли в Стрельну. Старушки стали креститься и прятать все в избах. При виде этого хотелось кричать: “Где же наши самолеты, почему они их не бомбят?”

Наслышавшись о зверствах немцев, жители стали прятать молодых девушек. В доме Маркиных умерла девочка, и мы решили отвести к ним в дом девчат – невест, одев их похуже. Посреди комнаты стоял гроб, а крышку от гроба поставили так, будто в доме еще покойник. Девчат усадили по лавкам. Хитрость удалась, едва открыв дверь, немцы ушли прочь.

Филипп Абрютин (г.Москва)

С «Зингером» по жизни, или Воспоминания о былом

«К удивлению, немцы нас не тронули, и когда увидели у меня на руках Виту, они вдруг обрадовались, стали улыбаться, агукать и все время говорили: “Дойче мэд-

хэн! Унзэрэ мэдхэн!” Вита у меня была беленькая, кудрявая, и она, вероятно, напомнила им их детей, оставшихся там, у себя на родине в Германии. Они начали доставать фотографии своих детей, жен и возбужденно что-то говорили.

В общем, эта первая группа немцев, которая остановилась у нас, нас не обидела. Эти немцы были очень вежливыми и аккуратными. Оказывается, и среди них были люди, которым война радости не доставила. Никогда я от них не слышала ругани или грубости. Я помню, если вдруг они поздно возвращались, то разувались на улице и босиком заходили в дом, чтобы не шуметь и никого не разбудить.

Вообще, я им очень удивилась. Помню, смотрю на них и думаю: «Вот, вы, простые люди, у вас дома остались любимые семьи, дети, жены... Вы пришли на чужую землю, пришли в чужой дом, сидите за чужим столом, потихоньку выпиваете из маленьких рюмочек водку, улыбаетесь нам, а завтра что? А завтра возьмете свои винтовки и пойдете убивать наших мужей и братьев, будете выволакивать из домов евреев, бить, убивать... Вы говорите, что не хотите этого делать, что вас заставляют это делать, и, вообще, вы пришли сюда не по своей воле. Почему?! Почему человек делает преступления, которые его заставляют делать какие-то тираны?!.» Я смотрела на все, что вокруг меня происходит, и в голове у меня вертелось лишь одно: «Страшная бессмыслица!»

Наталья Колган

(г.Барабинск Новосибирской области)

Сибирью связанные судьбы... Спецпереселенцы-калмыки на территории Барабинского района Новосибирской области

«...Я помню степь, ковыль и парящего высоко в небе орла. Рядом мама, братишки, и страшно хочется пить. Потом крик: «Самолеты!» Они с гулом кругами летали над нашими головами, стреляли, а по полю бегали кричавшие от ужаса люди. А еще помню, как по полю бегал и кричал верблюд. Потом его не стало. Мама целый день пряталась с нами под обрывом реки Шерей. Мы стояли по колено в воде, а потом целую неделю мама несла нас назад в Элисту. Пронесет одного метров сто, оставит и возвращается за другим. Ночью мы вернулись домой, а утром похоронили двух братьев. Мы с мамой остались одни, потому что папа ушел в партизанский отряд (вся элистанская милиция была в партизанах, а затем после освобождения в декабре 1942 года Элисты – в Красной Армии...»

Дмитрий Середа (Тула)

Жизнь русского среднего класса в XX веке

Советский «средний» класс со своими знаниями и опытом был полезен как на фронте, так и в тылу. Все делали общее дело, но иногда судьба разбрасывала семьи по фронтам, лагерям, тыловым городам, и они собирались только после победы. Также я увидел, что война уравнила всех советских граждан, большинство бедствовало. Довоенные скромные привилегии были отменены сами по себе. А в повседневную жизнь нашей семьи вошли такие понятия военного времени, как фронт, окружение, эвакуация, эвакогоспиталь, заключение и ГУЛАГ.

Екатерина Сергиенко

(с.Новая Сыда Краснотуранского района Красноярского края)

В далекой сибирской глубинке

(Мои земляки-краснотуранцы в годы Великой Отечественной войны)

Тема тыла, на мой взгляд, – одна из наиболее неисследованных в историографии минувшей войны. Жизнь села, колхозов – в особенности.

Каждый колхоз должен был сдать государству обязательные поставки по хлебу, картошке, мясу, молоку, шерсти, яйцам, сушеному картофелю, овощам, табаку и селу. Каждый двор, имеющий корову, должен был сдать 215 л молока при жирности 4,2 % в качестве налога, потом обязательно сдавать на закуп по чисто символическим ценам масло и свиное сало.

Помимо обязательных поставок государству, колхоз сдавал зерно в счет так называемой натуроплаты МТС. Дело в том, что основные работы (пахота, культивация, уборка урожая) производились МТС. За эту работу колхозы производили натуроплату зерном в госфонды. К ней прибавлялась гарантированная оплата механизаторов МТС. Колхозники же, которые работали лишь прицепщиками на сельхозмашинах МТС, получали мизерную оплату. То есть урожаем из колхозов выкачивался до зернышка. Зерно сразу же вывозилось на заготпункты, элеваторы, чтобы не могло быть использовано колхозниками.

Вот и первый экзамен войны – хлебоуборка 1941 года. Не хватало тракторов; в неопытных руках техника часто выходила из строя; некому и нечем было ремонтировать. Рылись в металлоломе, отыскивали старые детали. В горячее время не хватало времени на сон.

Над головой – небо, сидели на жестком железном стуле, открытые всем ветрам и дождям. В холод – мерзли, а летом донимала жара. Мужчине тяжело, а каково женщине, молоденькой девчонке! Туго с одеждой и с обувью, с питанием, недоедали. Силенок мало было, и заводили трактор вдвоем.

Старики, которые до войны редко выходили из дома, да и то лишь на свой огород, вернулись на работу в колхоз. Как писала тогда газета «Социалистический путь», колхозницы-старушки: Кашицина (70 лет), Суликова (98 лет) в сельхозартели «Свобода» Сорокинского сельского совета работали на копке картофеля. На работу выходили рано утром и кончали поздно вечером, выкапывали по 3–4 сотни ежедневно каждая.

В колхозе «Красный партизан» была организована бригада в 40 человек из нетрудоспособного населения, в шутку названная «Молодежная». В этой бригаде работали люди от 75 до 83 лет. И работали неплохо. Убирали пшеницу.

72-летний Ульянов Иосифович Богдан работал сторожем селюпо в Алгаштыке. Когда большая часть колхозников ушла на фронт, Ульянов поставил перед собой задачу – работать за троих. В ночное время, когда все жители спали, он шил бойцам Красной Армии стеганые брюки, фуфайки, шапки-ушанки и другие теплые вещи.

В Усть-Сыде бригада девочек-школьниц жила в поле на культстане. Работать начинали в четыре-пять утра и работали дотемна. Повар Улита Семеновна к четырем утра готовила завтрак, к часу дня – обед, к 11 часам вечера – ужин.

Все трудоспособное население было обязано участвовать в прополке посевов, сенокосе, уборке и обмолоте зерна, на вывозе хлеба. В обязательном порядке привлекали школьников с 4-го класса. Из них формировали бригады во главе с

учителями: отдельно мальчиков и девочек. Работали в день по восемь и более часов. Неделями жили в поле, отпуск только в баню. Постоянное чувство голода, холода, от которого казалось никогда не избавиться. Спали на нарах, прикрытых соломой. Что на себе – тем и укрывались. Утром, замерзшие, выходили в надежде согреться на солнце. Работая, в нетерпении поглядывали на культстан: не выбросил ли повар белую тряпку – сигнал обеда. Как его ждали – жидкий крупяной суп и черный хлеб. С утра повар проезжал по деревне, собирая сумки, узелки с домашними гостинцами: огурцы, лук, молоко. Да не каждый мог отправить и это.

«Работать по-военному». Этот лозунг стал законом жизни тыла. Вот какой призыв был опубликован в районной газете 1941 года: «Сейчас, когда многие наши товарищи ушли на фронт бить подлую фашистскую свору и их орду, женщинам и девушкам необходимо здесь, в тылу, заменить ушедших на фронт комбайнеров и трактористов. Смелее овладейте трактором, комбайном. Не допустите, чтобы с уходом в армию у нас в тылу ослабла работа...».

«Это ваш фронт», – говорили <подросткам> и поднимали в три часа утра, чтобы идти в поле. И закрепляли за ними пару лошадей. И грузили они мешки по 50–70 кг. Четырнадцатилетний Шура Алексеев из сельхозартели «Красный партизан» (Сыда), работая на волах, взял себе в помощники десятилетнего Леню Баранова. С первого дня работы мальчишки перевыполняли норму. Невиданно щедрую награду за свой труд получил Шура Алексеев – его премировали сапогами, рубашкой и брюками.

Мальши из начальных классов с корзинами и ведрами отправлялись на сбор колосков вручную. Вслед за скашиванием ребятишки сгребали колосья конными и ручными граблями.

Екатерина Панина

(г.Волчанск Свердловской области)

Первый волчанский угольный разрез – сталинская стройка НКВД (1942–1945 гг.)

Заголовки «Бюллетеня» пестрели призывами: «Завершить сегодня все недоделки в бараках нового поселка!», «Закрепить производственные успехи, достигнутые в дни фронтового декадника!», «Устранить все недоделки и дефекты на 4-м и 3-м углеподъемных сооружениях!» Не отставали от заголовков и лозунги: «Работайте по-фронтовому, выполняйте с честью эту почетную задачу!», «Боритесь в дни фронтового декадника за право участия в слете отличников производства!», «Шире размах трудового соревнования!» И так далее в том же духе.

Роль «Бюллетеня» ясна – повышение производительности труда, скорейшая сдача разреза в эксплуатацию. Именно с этой целью заключенных, перевыполнявших план, хвалили и ставили в пример другим, а отстающих работников ругали. В № 5 и 6 «Бюллетеня» я нашла две маленькие заметки, связанные между собой и показавшиеся мне интересными. В № 5 читаем: «Столяры лесозавода Лейман и Буянов имеют высокую квалификацию, но вырабатывают только по одной норме. Почему? Да потому что сделать больше не хотят. А ведь стоит им захотеть, они станут отличниками производства». И уже в № 6, т.е. через два дня, пишут: «...Столяры Лейман и Буянов, которые до сих пор больше одной нормы не давали, сработали вместе за пятерых» Неужели на рабочих так повлияла статья в газете?»

Артем Мусихин
(г. Киров)

Моя семья в истории Вятского края XX века

Детские годы моей бабушки пришлись на тяжелое военное время. Она была вторым ребенком в семье из восьми детей. Вместе со своим старшим братом Анатолием, в возрасте тринадцати и пятнадцати лет они ходили за 35 километров пешком в город Слободской, где покупали ворованные с фабрики заготовки для спичек, которые потом доделывали и продавали на базаре в городе Кирове.

Григория Евдокимовича отправили на фронт в августе 1941 года. Он рассказывал своим детям, как он в самом начале войны контуженный попал в окружение. В одиночку несколько месяцев он пробирался на восток к «своим», питаясь в основном кукурузой (в эти время в деревню Летка пришла похоронка, но не была вручена из-за неясной формулировки). И как он был разочарован встречей со «своими» – всех, кто выбрался из окружения, поместили в казарму и долго выясняли обстоятельства. Даже не выпускали в туалет. Контуженный, он долго не слышал, поэтому некоторое время ему пришлось служить поваром, где он научился вкусно готовить. Григорий Евдокимович имел военную профессию минометчика и закончил войну в августе 1945-го в Чехословакии. Он рассказывал, что после объявления в мае победы около Праги еще долго шли бои, все лето погибали русские солдаты. Без слез он не мог вспоминать эту войну.

Когда просочились слухи о приходе в деревню похоронки, Ульяне Емельяновне приснилась погибшая 22 июня 1941 года на лесоповале свекровь (Кетова Екатерина Афанасьевна). Во сне она сказала, что всячески пытается оберегать сына от смерти. Этот сон оказался пророческим – в марте 1942 года пришло от него письмо с фронта. Смерть Екатерины Афанасьевны в первый день войны была странной. Во время заготовки дров в лесу пилили сразу четыре дерева недалеко друг от друга. Была хорошая погода, и вдруг налетел какой-то вихрь, и все четыре дерева разом стали падать в ее сторону одно на другое и сильно придавили ее. От полученных травм она скоро умерла.

Людмила Пушкина
(г. Котлас Архангельской области)

Мои размышления при прочтении книги «Котлас – очерки истории»

Свидетели вспоминают, что на Макарихе было два огромных капустных поля и большая силосная яма. Силос делали из зеленых листьев капусты. Узнав об этом, из Лименды пришли голодные немецкие дети спецпереселенцев из Повольжья 10–12 лет. Все они были истощены. Они забрались в яму, чтобы набрать в мешки капустный лист. Их поймал и избил ручкой лопаты работник совхоза. Дети падали на землю, как подбитые воробьи. Весь капустный лист он приказал засыпать обратно в яму, а детям сказал: «Фашисты, лезете в яму, коров-то чем зимой кормить буду? А вас сюда привезли, чтобы вы отдохли».

Гильда своими глазами видела, как хоронили в юго-западной части кладбища Макариха умерших немцев, хотя и похоронами это назвать трудно. Для перевозки

тел был оборудован на телеге специальный большой ящик. Сзади дощечка-защелка убиралась и тела ссыпались в общую яму.

Ольга Туровская
(г. Байкальск Иркутской области)

По ту сторону войны...

«Все мы для фронта работали. Что заготовить успели, что вырабатывали – все туда шло. Нам мало что доставалось – почти ничего. Силы последние измождены были, с голоду и холоду мучались, смотреть было страшно; беды были. Но мы знали, что так надо и старались не жаловаться – терпели». Далекую победу ковали все – кто на фронте и в тылу, в партизанском движении или подполье. А спустя много лет «умными фразами» в учебнике для старшеклассников запишут цитату: «В этот период [имеется в виду 1-й период войны] советский народ под руководством Коммунистической партии успешно решил сложные задачи превращения страны в единый боевой лагерь, перестройки всего хозяйства на военный лад. Были созданы условия для коренного перелома в ходе войны».

Да уж, конечно, как же здесь обойтись без Коммунистической партии, когда на самом деле последнего работника в колхозе лишали куса хлеба. К чему эта режущая слух гегемония Коммунистической партии, советской власти, воспевающейся во всех книгах послевоенного времени, зачем эти красивые декорации, за которыми тысячи умерших с голоду и по лагерям. Зачем? Кого хотела обмануть эта литература? Тех, кто видел эти ужасы войны?.. Скорее, это риторические вопросы. Возможно, страну спасло то, что и простых людей, тружеников тыла, не покидала надежда.

В небольшой краеведческой летописи села Мангиртуй в военные годы говорится о том, что в пору посева и уборки, а также покоса, работников каждый день кормили супом, но на самом деле это бывало редко, а сам суп больше напоминал жиденькую похлебку. (Может, конечно, здесь просто не уточнена эта деталь, но в этом случае летопись содержит неточности.)

Трудовые будни сильно изматывали. Андрей вспоминает: «Спать я часто хотел – переключая рычаг на тракторе, спать хочется, глаза аж слипаются, а впереди еще большое поле – конца не видно – все убрать надо, работу продолжать. Домой бывало приду, ноги не держат. Зайду в избу, Агня даст мне чего перекусить, и сразу на боковую, прикроюсь только телогрейкой немного, чтоб не замерзнуть ночью, и сплю до утра как убитый. А утром опять вставал и шел на работу вместе с Борисом, стараюсь не опаздывать. Иногда сильный голод пробирал, когда наступали дни, что есть почти нечего было. Тогда вечером работу закончишь, пойдешь украдкой, сорвешь пару колосков, чтоб никто не видел, да сестрам припрячешь в куртешку маленько. Боялся, чтобы не заметили. В степи у нас трава совсем бедная была. В лес пойдешь, там травы какой-нибудь пожухешь, ягод – летом проще было – растений много, а зимой – беда».

Да, зимой была беда. Наступала она рано, а дети продолжали работать босиком даже поздней осенью, когда иней лежал, но мерзли страшно, грели их в лошадином навозе.

Таня также начала работать – кормила овец. Меж тем в Сибири в это время стоял ужасный голод. Сибирь голодала, а ведь здесь война не нанесла никакого ущерба! В марте 1945 года Сталину в очередной раз донесли о тяжелом положении в Чи-

тинской области (которая, граничит с Бурятией). Никакой реакции. В тот год в этой области собирали по 1,3 центнера зерна с гектара. Дети крали корм у свиней...

Сталин молчал.

Людские силы были измотаны до предела, дети уже просто плакали – от безысходности, и зря Андрей пытался их утешить. Теперь все было черно, беспросветно, безнадежно.

Но... наступил май!

Екатерина Конева

(с.Елбань Маслянинского района
Новосибирской области)

Затянувшееся затмение

Но ни Емельян, ни его товарищи по нарам не только не роптали, но и в мыслях не держали обиды на государство. Полураздетые, истощенные, хронически простуженные и надсадно кашляющие, они горды были тем, что своим трудом как могут, так помогают Родине в трудный час. Это не было рисовкой, не было следствием успешной пропаганды; эта было откликом изболевшейся человеческой души, насильно изолированной, оторванной от привычного мира своей родины, на ее боль – в лице родных, падающих на полях сражений, матерей, жен, детей, пухнувших от голода...

Ольга Туровская

(г.Байкальск Иркутской области)

По ту сторону войны...

Агнея, которой к сорок четвертому было уже одиннадцать лет, вместе с восьмилетней сестрой Таней сделали самодельную мельницу – начали молотить зерно на хлеб. Их изобретение стали использовать в колхозе – за ведро смолотой муки один стакан доставался девочкам. Конечно, они были несказанно рады. И чтобы прокормить себя и братьев старались за день перемолоть как можно больше муки; так и перебивались. Еким подрос, в два с половиной года уже бегал по дому, весело щебетал, смеялся, плакал, даже пытался сестрам помочь, но они его оберегали от своей работы, опасно было оставлять ребенка рядом с собой, когда рубишь дрова. Советский народ совершал просто подвиг. Калинин тогда сказал: «У нас необыкновенно широко, разносторонне и эффективно развернулись творческие силы, инициатива и изобретательность нашего богато одаренного народа. И все это сказалось не только в ведении самой войны, но буквально во всех отраслях жизни государства». Это хорошие слова, но, может быть, Калинин не совсем прав, увидев в трудовом подвиге народа творческие силы и изобретательность. Скорее это был упорный труд, многочисленные лишения, жертвы, приносимые во имя победы. Это была жестокая трагическая борьба, к которой люди просто вынуждены как-то приспособляться подручными средствами, с которой не всегда совмещается бодрый тон вышеприведенной цитаты.

Глава 10. «Проверки фиксировали одно и то же» (Жилищный вопрос)

Александр Трескинский
совместно
с **Василием Емельяновым**,
г.Великие Луки Псковской области,
гимназия.
Научный руководитель И.В.Буйко

«Помни, Саша!»

В своей работе мне хотелось рассказать о том, как жили, чем занимались мои предки, об их нелегком жизненном пути, который пришлось пройти на самые трагичные периоды истории России и СССР XX века.

Мой дед, Трескинский Иван Васильевич, родился 2 июня 1923 года в деревне Жуковка Петровского района Саратовской области. Село находилось на северо-западе области. В далекие времена, когда крестьяне были крепостными, семью предков дедушки Ивана продали барину по фамилии Жуков в село Жуковка. Приезжающих новичков спрашивали, откуда они. Отвечали: «Мы из Трескино» или говорили: «Мы Трескинские». А поселок Трескино находился в соседней Пензенской губернии. Он существует в Пензенской области до сих пор.

Когда дедушке Ивану было пять-шесть лет, у его отца с дедом был хороший срубовой дом – пятистенка с двумя половинами, прихожая, кухня, где находилась большая русская печь, кровати, стол, а вдоль стен – широкие лавки. В те времена какой-либо особой мебели ни у кого не было. Крыши, как правило, крыли соломой, лишь у немногих, в том числе и у Трескинских, крыша была обшита железом. Еще была большая рига, где хранились непровеянное зерно, сено, мякина. В то время у редкой крестьянской семьи не было риги.

Российское крестьянство кормило всю страну, много зерна и сельхозпродукции шло на экспорт. И семьи в те времена были большими – жили в одном доме по два-три поколения, детей было по пять и более.

Мой прадед Трескинский Василий Яковлевич был немного замкнутым, малоразговорчивым, не пил и не курил. Его скромность и простота были необычайными. Всю жизнь его преследовал какой-то ложный стыд, он никогда и ничего не мог попросить взаймы, хотя сам часто давал без отдачи. К примеру, в 1935 году, находясь семь суток в поезде Москва – Душанбе, без денег и продуктов, он так и не решился попросить у кого-нибудь немного хлеба.

В 1917 году он женился на моей прабабушке Гаврилиной Анне Дмитриевне, которая родилась в 1900 году.

Прабабушка Анна, в отличие от прадеда, была совершенно другого склада. Хотя и неграмотная, но смелая, решительная, напористая, не боялась самой тяжелой работы, от которой иногда отказывались мужчины. Она могла подойти к любому человеку с просьбой, и ей редко отказывали. Во многом благодаря ей же, ее дети остались живы во время голода. Семейная жизнь прадедушки и прабабушки продолжалась недолго: в 1919 году Василия Яковлевича призвали в армию, и в Гражданскую войну он почти четыре года воевал на бронепоезде № 86 «Красный Сибиряк». Бронепоезд вел боевые действия на восточном фронте против войск генерала Колчака. Придя из армии, прадед вместе со своим отцом продолжали упорно трудиться: разводили лошадей, занимались сельским хозяйством и строили планы на будущее. Но им не суждено было сбыться – наступил 1928 год. Спокойная жизнь закончилась, крестьян стали облагать налогами в на зерно. После выплаты налоги увеличивались еще больше. Поползли тревожные слухи о колхозах. Думали, гадали: что это такое? В разговорах появились слова: «богатый», «бедный», «кулак», «середняк», «батрак». Мужики спорили, ругались, доказывая друг другу кто, что и как нажил и что имеет. Пропаганда среди народа делала свое дело, делила их на непримиримые группы, заставляя доносить друг на друга, «обливать грязью». Не верилось, что еще вчера они жили в мире и согласии.

Прошел слух, что в церкви с колокольни будут снимать колокол, и вскоре слух подтвердился. Из города приехали вооруженные уполномоченные, подобрали людей, которые полезли на колокольню привязывать веревки и распиливать балки. Сбежалось все село. Женщины плакали, мужики вздыхали, но открыто противиться боялись. Сбросили колокола не только в Жуковке, но и во всем Уметовском районе. Все погрузили на телеги и увезли в город.

Продолжалась агитация за вступление в колхозы, готовились списки. Активисты действовали где уговорами, где угрозами. Не видя другого выхода, мой прадед Василий Яковлевич вынужден был отвезти весь сельхозинвентарь на колхозный двор и оставить там самое дорогое – породистых лошадей. Кто не сделал этого добровольно, у того все отобрали насильно.

По всем селам и деревням составляли списки семей, которых будут отправлять в Архангельскую область, г.Котлас. В их число попала и семья моего дедушки. Колхозные активисты ходили по домам, отбирали все, что можно взять, открывали сундуки, забирали одежду, обувь, снимали с людей хорошие вещи, заставляя надевать старые. Мать дедушки надела на него две рубашки, двое брюк, уложила в постель и сказала: «Ваня, смотри, не снимай с себя одежду, а то они все заберут. Скоро нас угонят». Дедушка не спал всю ночь, боясь, что их сейчас куда-то погонят. Через несколько дней к дому подъехали подвода, и уполномоченный сказал, чтобы все быстро собирались. Взяли кое-какие оставшиеся вещи, посадили детей (у дедушки Вани к тому времени уже были сестра Лида 1925 г. р., брат Борис 1927 г. р., сестра Клава 1929 г. р.), постояли с опу-

щенными головами, мысленно прощаясь с родным домом, и тронулись вместе с другими в сторону г.Петровска, куда прибыли утром совершенно измученные. Дедушка проснулся и увидел большой зал, заполненный людьми, пол черен от грязи, накурено, гул стоит от разговоров, всюду мешки, узлы, вещи, кто сидит, кто лежит на лавках. Около дверей стоит военный с винтовкой.

Дней через пять подали состав из «телячьих» вагонов. Стали грузить вещи. садиться в вагоны. Тысячи «кулаков» с женами, детьми, престарелыми родителями везли в Архангельскую область. Через некоторое время стали в рупор повторять две фамилии, этим людям предлагали забрать вещи и выйти из вагонов. Одна из этих фамилий была Трескинский. Не понимая, в чем дело, семья дедушки выбралась из вагона и выгрузила вещи. Семье дедушки повезло: областная комиссия признала высылку семей, члены которой участвовали в Гражданской войне на стороне Красной Армии, незаконной. Позже узнали, что по прибытии в г.Котлас около четырех тысяч семей выгрузили в лесу и оставили там. Основная масса людей погибла от голода и холода, невозможных для жизни условий.

Прожив неделю у знакомых в селе Петровское, семья дедушки вернулась в Жуковку. Вселились в свой разграбленный дом, но ненадолго. Моего прапрадедушку Якова все-таки забрали и отправили в Казахстан, на станцию Уштобе, строить Турксиб. Там нечеловеческие условия, голод, болезни валили людей, смерть была массовой. Умер от дизентерии и мой прапрадедушка Яков Федорович Трескинский.

Осенью 1930 года прадедушке Василию вместе с семьей предложили переселиться в другой дом или попросту выгнали из собственного. Отобрали корову и кур. Семья ела черный хлеб и похлебку, сваренную из картошки с водой. От плохого питания умерла маленькая сестра дедушки Клава. В 1931 году почти все односельчане уже работали в колхозе. Рано утром бригадиры ходили по домам и стучали в окна, говорили, кому куда нужно идти на работу и что делать. Работали с утра и до темна, праздников и выходных дней почти не было. В обеденный перерыв людей рассаживали на землю вокруг караваев хлеба и разрезали его на пять-шесть частей. Чтобы никто не был обижен, делили так: один отворачивался спиной к сидящим, а другой, показывая на пайку хлеба, спрашивал: «Кому?» Потом наливали похлебку, начинался обед. Голодные дети крутились рядом, и родители делили еду с ними. Учетчики вели книгу, в которую записывали, кто, сколько, чего сделал. Вечером объявляли: «Петров выработал один трудодень. Семенов – половину трудодня» и т.д.

На зиму кормов почти не было запасено, и начался падеж скота. К весне 1932 года в Жуковке примерно половина поголовья скота пала от голода. Колхозникам осенью 1931 года выдали по 0,5 кг ржи на трудодень. Люди прятали зерно, как могли: на чердаках, в подполье, зарывали в землю. Активисты производили обыски, они ходили с пиками и протыкали ими подозрительные места. Если пика проходила через мешок, и на конце, в желобке оставались зерна, мешки отбирали, обрекая людей на верную смерть.

Зима 1931–1932 года была трудной, почти все запасы были на исходе. Отец дедушки у знакомого кузнеца из соседней деревни изготовил ключ от своего отобранного амбара и по ночам потихоньку приносил «ухвось» – смесь ржи, проса и травы – корм для кур. Из нее варили кашу на вид черную, а на вкус горьковатую, но и этому были безмерно рады. Мать дедушки ходила в соседнюю деревню к своему отцу и оттуда приносила печеный хлеб и картошку. Она долго мучилась, но однажды, надев нищенскую суму, отправилась по деревням

просить подаяние. Так ей удалось собрать примерно полмешка муки, которую она оставила у своего родного брата-активиста. Через некоторое время она пришла, чтобы забрать муку, но ни муки, ни брата не было. Всю долгую дорогу назад она проплакала, представляя, как ее с надеждой ждут голодные дети.

Наступила осень 1932 года. Проработав весь год за трудовни, колхозники получили по 200 г ржи на день. Отец и мать дедушки – примерно два мешка – 100–120 кг на всю семью. Урожай в колхозе был неплохой, но его весь отправили в город, не оставив даже на семена. Начался настоящий голод. Колхозники начали таскать мясо падших животных со скотомогильника. Дети ходили по полям с ведрами и отливали водой кротов.

Мать дедушки из мелко измельченной травы – мурыжника, гусятника или лебеды с добавлением небольшого количества ржаной муки пекла лепешки. Они были мокрые, пахли травой, но все равно их ели. Варили также суп из листьев крапивы с добавлением той же ржаной муки. Голод свирепствовал по всему Поволжью. Умирали целыми семьями, в некоторых деревнях оставалось по десятку жителей, некому было хоронить умерших, которые попадались где угодно: в домах, на дороге, в поле, в лесу.

В это время председатель колхоза вызвал прадедушку Василия Яковлевича и сказал: «Люди умирают, хоронить их некому. Бери любых из оставшихся лошадей, телегу, подбери себе напарника, будете ездить по селу, собирать умерших и отвозить их на кладбище. Иначе начнется эпидемия, и мы все умрем». Найдя себе помощника, прадедушка Василий с утра до вечера ходил по селу и забирал умерших односельчан из их домов, а также тех, кто умер на улице. Нагрузив телегу умершими, они везли их на кладбище. Трупов было так много, что их просто вываливали на землю и ехали за следующими. За ночь часть тел обгрызали и растаскивали одичавшие голодные собаки. Эта «работа», если ее так можно назвать, была тяжелой и изнурительной. Прадедушка с напарником выбились из сил, стали опухать, передвигались с большим трудом, у них началась «куриная слепота». Так как кроме них продолжать это дело было практически некому, председатель выписал им по одному литру молока и одному килограмму зерна на день. Это очень сильно помогло, а может быть и спасло в тот период жизнь всей семье моего деда.

Прадедушке Василию во время своей страшной работы пришлось столкнуться со случаями людоедства. О таких людях надо было немедленно сообщать уполномоченному представителю. Приезжала милиция, и обезумевших от голода людей увозили. Больше их никто и никогда не видел.

Мне очень трудно было всему этому поверить. В то время, когда в Поволжье умирали тысячи и тысячи русских людей, на запад шли эшелоны с отобранным у колхозников зерном. Узнав об этом, французские рабочие отказались разгружать вагоны, хотя газета «Правда» писала в то время, что в СССР голода нет и колхозники полностью обеспечены хлебом.

Осень 1933 года. Прадедушка Василий понял, что на трудовни он почти ничего не получит, и его семью ждет голодная смерть. Вместе с соседом они стали понемногу приносить домой в полах одежды рожь. На них донесли. За такое расхитительство полагалось до 10 лет тюрьмы. Прадед стал скрываться на чердаке у своей сестры. Но нужно было срочно что-то предпринимать – дома оставались голодные дети.

Прадеда Василия уже повсюду искали активисты. Он передал своей жене, что будет ждать ее с детьми у ее отца в Новодавыдовке. Нужно было срочно куда-то

уезжать. Решили в Москву, к мачехе прадеда. Уезжать пришлось очень быстро, так что не успели забрать даже Ваню (моего дедушку), который в то время был в школе (там стали немного кормить). Придя из школы, увидел пустой дом, соседка сказала, чтобы он шел к своей тете. Вскоре состоялся суд. Напарнику прадеда дали 4 года тюрьмы, а прадеду, как сыну кулака, дали бы лет 10 тюрьмы.

В Москве матери дедушки удалось устроиться на стройку, где она таскала кирпичи на заплочных козлах. Прадеду же пришлось опять переезжать, так как кроме липовой справки, документов у него не было.

Все это время дедушка Ваня жил в деревне, у своей тети Мани. В конце весны дедушку отправили в Москву к родителям с военным билетом (был зашит в полушубке тетей Маней) для отца. Его тетка купила у односельчанки, у которой погиб муж. В Москву дедушка прибыл 2 мая 1934 года, его встретила мать. После голодной и нищей деревни дедушка был как во сне. Улицы заполнены празднично одетыми людьми, играют духовые оркестры, на дорогах множество красивых машин. На дедушку прохожие стали обращать внимание. На нем был старый, разваливающийся полушубок, на ногах валенки с голыми пятками, а на голове облезлая шапка. Мать привела сына в маленькую комнату, которую ей дали как рабочей, искупала, передела. Из подкладки полушубка достали военный билет, в котором значилось: «Курышев Степан Лаврентьевич», под этой фамилией и именем и прожил мой прадед, Трескинский Василий Яковлевич, до самой смерти в 1987 году.

Получив документы, прадед быстро собрался и уехал в Душанбе (Сталинабад) к сестре своей жены, которая перебралась туда, спасаясь от голода. Оставшейся в Москве с тремя детьми прабабушке пришлось жить на мизерную зарплату. Ввели карточную систему, но на детей карточки не давали. Младшие брат и сестра дедушки ходили к булочной просить хлеба, сам же он просить стеснялся, ему было одиннадцать лет. Дедушка пошел в школу, по результатам экзамена его оставили в третьем классе на второй год.

В 1935 году отменили карточную систему, дедушка перешел в четвертый класс. Прабабушке удалось скопить немного денег, чтобы уехать с детьми в Душанбе к мужу, где он работал грузчиком на арматурном заводе имени Серго Орджоникидзе. Прабабушка устроилась уборщицей на завод, а жить временно пришлось у ее сестры Маши. В 1936 году отец и мать дедушки Вани покупают кибитку 3х3,5 метра – жилье с глиняными стенами.

В это время в стране шли массовые репрессии – бесследно исчезали люди. Отец и мать предупредили дедушку, чтобы он молчал о том, кто они такие и откуда. Если кто спросит, почему у отца другая фамилия, то надо отвечать, что он не родной, а родной отец умер.

И в это время произошел невероятный случай – отца дедушки встретил бывший хороший знакомый и радостно закричал: «Земляк! Трескинский Василий!» Многие это видели и слышали. Так открылось то, что прадед не тот, за кого себя выдает. Через день пришла повестка, которой предписывалось ему явиться утром с вещами в НКВД, кабинет такой-то. Все решили, что это конец. Сын кулака, сосланного в Казахстан, заочно осужденный за хищение зерна, живущий под чужой фамилией неизвестно где взятого военного билета, по законам того времени заслуживал расстрела или длительной ссылки, откуда мало кто возвращался живым. Бежать было некуда, да и с семьей тогда неизвестно, что будет.

Собрав кое-какие вещи, и со всеми попрощавшись, прадед явился в назначенное время к указанному кабинету. Ему сказали ждать. Ждать пришлось до

самого вечера. Подобное ожидание было одним из методов подготовки к допросу. Допрашивали отца дедушки два следователя, по очереди задавая вопросы. Прадедущка не стал изворачиваться и лгать, а честно рассказал о своей жизни. Он рассказал, как честно работал, но у него все отобрали, как воевал за советскую власть на бронепоезде. Прадедущка показал им маленький клочок бумаги из журнала, где на чистой обратной стороне было написано, сколько времени он служил и что отпуском не пользовался, также там была подпись и печать командира бронепоезда № 86 «Красный Сибиряк». Его допрашивали до самого утра. Записав все показания, дали расписаться и отпустили, сказав, что все проверят, а ему посоветовали никому не рассказывать о допросе в НКВД. А если понадобится, то его вызовут.

Дома не было предела радости. Прадедущка вернулся живым и невредимым – по тем временам случай невероятный.

Осенью 1940 года дедушка Иван закончил восемь классов и после успешной сдачи экзаменов стал студентом 2-го курса коммунально-строительного техникума. Об окончании десятилетки нечего было и мечтать, надо было скорее включаться в работу и помогать родителям.

1941 год. Крыша кибитки, в которой жила семья дедушки, сильно просела и грозила обвалиться. Нужны были доски, но в то время их не продавали в безлесной республике. Прадед Василий договорился с заведующим складом на станции, откуда возил кокс на завод, купил 10–15 горбылей и привез их домой. На него кто-то донес. Дали один год принудительных работ при тюрьме по пространенной тогда статье «мелкое воровство».

22 июня по радио передали выступление Молотова. Германия напала на СССР. Война!

В августе 1941-го прадеда отпустили из тюрьмы и отправили на фронт. В июле 1942 года в военкомат вызвали дедушку, сформировали группу и отправили в г. Ката-Курган Узбекской ССР. Здесь в конце августа в составе маршевой роты отправили в г. Алма-Ату в 118-й отдельный запасной батальон. Призывников одели в форму и обучили военному делу.

После непродолжительной учебы солдат посадили в вагоны и повезли к фронту. Эшелоны шли на северо-запад, на станцию Вышний Волочек Калининской области. Прибыли в воинскую часть, кругом палатки, землянки. Дедушка попал в 435-ю отдельную роту связи 373-й стрелковой дивизии. 10 октября пошел снег, похолодало, наступила зима. Солдатам, прибывшим из Средней Азии, было особенно тяжело, поскольку они не привыкли к холодному климату.

В конце ноября 1942 года дивизия вступила в бой западнее города Селижарово. За несколько дней наступления потеряли несколько тысяч человек, а продвинулись не более чем на 10 километров. Немцы пошли в контратаку. Во время их наступления дедушке вручили несколько пакетов со срочными донесениями командиру полка и командирам отдельных батальонов.

Шквальный огонь заставлял падать, ползти, двигаться короткими перебежками. Всю ночь он разыскивал адресатов, вручая пакеты, а повсюду лежали убитые, стонали раненые, и без привычки было очень страшно. Наступило утро. Дедушка еще долго разыскивал отдельный пулеметный батальон и его командира, но тщетно. Голодный и измученный, он ходил по переднему краю, пока не наткнулся неожиданно на двух солдат, тащивших пулемет. На вопрос, где находится пулеметный батальон, они ответили: «Был, вот только мы остались».

Зима 1942/1943 года была холодной, ночью морозы ниже тридцати градусов пробирали до самых костей. Поступил приказ передать пакет командиру 1239-го стрелкового полка Степанову. Найдя блиндаж, дедушка вошел и обратился к командиру по форме, но замерзшие губы произнесли что-то невнятное. Полковник Степанов, уже немолодой, воевавший в Гражданскую войну, на груди много орденов и медалей, на лице большой шрам. Взяв пакет, внимательно посмотрел на деда и спросил: «Ты, почему без валенок?» На что дедушка чуть слышно ответил: «Не дали». Командир полка молча вышел из блиндажа, дедушка за ним. «Вон сколько валенок», – сказал полковник и указал рукой. Дед обрадовался и, повернув голову, стал искать глазами валенки, но кроме чернеющих на снегу трупов солдат, еще не убранных после недавнего боя, ничего не увидел. Тогда комполка сказал: «Иди к моему повозочному, возьми топор и отруби любому ноги по колено. Отогреешь, снимешь, будут тебе валенки». Испугавшись такого совета, дождавшись, когда полковник ушел в блиндаж, дедушка во весь дух помчался в расположение своей роты.

В 1943 году дивизию отвели на пополнение в район Селижарово. Деда перевели в первый линейный взвод связи связистом-линейщиком. В его обязанности входило быстро и своевременно обеспечивать связь различных подразделений, немедленно устранять повреждения на линии, которых было очень много во время военных действий. Катушки с проводом весили до 15 кг. На спине – вещмешок, на левом плече карабин или автомат, на правом плече – катушка с телефоном, иногда тащили две. С таким грузом связистам приходилось быстро передвигаться, разматывая провод, через лужи, болотистую местность, траншеи, сугробы и т.д. Некоторые подрывались на минных полях.

В начале февраля 1943 года дивизию погрузили в вагоны и перебросили под город Великие Луки. В конце февраля 1943 года она была перебросена на ст. Бологое, и дедушка стал служить в составе 619-го отдельного батальона связи. В армии были введены погоны со знаками отличия, а рядовой состав стали называть солдатами, а не красноармейцами. Дедушка переписывался с отцом, который в это время находился совсем близко, под Ржевом.

Поступил приказ о срочном продвижении в район Курска. Погрузились в эшелоны, двинулись к месту назначения.

В начале июня началось основное сражение. По словам дедушки, это был настоящий ад, такое даже трудно себе представить. Танки лезли друг на друга расстреливали в упор, вставляли на дыбы. От рева моторов, выстрелов, разрывов снарядов, лязга и скрежета металла стоял невообразимый грохот. Участником боев на Курской дуге был и мой прадедущка Василий, который там получил ранение в ногу.

Дедушкина же часть двигалась с боями на Запад. К концу 1943 года вышли к Днепру, где почти всю зиму стояли в обороне. 1944 год февраль. 373-я стрелковая миргородская дивизия освобождает города на Украине: Черкассы, Умань, Ямполь и др.

Первый большой освобожденный город – Краков, подошли к реке Одер, это уже территория Германии. Питание сразу улучшилось, да и в подвалах брошенных домов чего только не было: консервированные мясные, овощные, фрутовые продукты, соленья, копченые окорока, колбасы, варенье, вино, наливки, всего не перечесать. Капитальные двух-трехэтажные частные дома, обставленные красивой мебелью, паркетные полы, туалеты с унитазами, отдельное помещение для купания с ванной, во всем чувствовалась основательность и по-

рядок. Ходили буквально с открытыми ртами от изумления, многие такого отроду не видели, ибо большинство солдат было из сельской местности. Дедушка часто повторял, что советская пропаганда всячески обманывала свой народ, говоря о тяжелой и нищенской жизни в странах Запада, но то, что они увидели своими глазами, не нуждалось ни в каких объяснениях. От увиденной роскоши стало очень обидно за свою страну, за наших людей, свою семью, какие мы нищие и как примитивно живем. Одно утешало, что вошли уже в Германию и скоро добьют немцев, а после войны станет жить легче и лучше.

Июнь 1945 года. Дедушке 22 года. Возвращение на Восток почти таким же путем, как пришли. Он становится водителем заместителя начальника стрелковой дивизии подполковника Бежинова на личном автомобиле «Опель-Олимпия». Помогал по хозяйству, пилил, колочил дрова, приносил воду и т.д.

Август 1946 года. Приказ о расформировании 373-й стрелковой дивизии. Направление в город Львов шофером. Дали полторку ГАЗ-АА. Перевозка различных грузов, продуктов и т.д. Кормили плохо, но иногда удавалось «сколотить» на еду. 1948 год. Шестой год службы в армии. Получил американский «студебеккер». Работать стало легче, но от службы устал.

Февраль 1948 года. Объявили о демобилизации солдат 1923–1924 годов рождения. Железнодорожный вокзал города Львова. Подали теплушки – вагоны с трехъярусными нарами, посреди – печь-буржуйка, но все равно очень холодно. Проехали Киев, Пензу, Куйбышев, Оренбург, Актюбинск. Выгрузились в городе Ташкент, где выдали необходимые документы. Сели на поезд Ташкент – Сталинабад и через два дня грязные, уставшие, похудевшие вышли на вокзале города Сталинабад. Никто не встречает. Война давно закончена. Час ходьбы пешком и вот поселок Хлопковый, тесно прижавшиеся друг к другу «кибитки» – небольшие строения из глины для жилья. Дедушка сильно волновался. Ведь он столько лет не был дома, не видел своих родных. Радость встречи в таких случаях трудно, наверное, описать, да и не к чему. Главное вернулся живой.

Кибитка была очень маленькая, примерно 3 на 3,5 метра. Теперь там проживало пять человек: прадед Василий, прабабушка Анна, сестра Лида, брат Борис (скоро должен быть демобилизован), сестра Галя, теперь и дедушка Иван. Вставало много проблем: нужно было одеться, обуться, помочь родителям, восстановиться в техникум, найти работу, устраивать личную жизнь. Случайно встретил старого знакомого. Он предложил за неплохие деньги сплавать по горной реке бревна. Дедушка согласился, так как таких денег на производстве было не заработать. Сбивали два плота, ставили спереди и сзади рулевые весла и плыли вниз по течению 200 км. Кто не плавал по горной реке, тому трудно представить и понять, что это такое. Река Каферниган (в переводе с таджикского языка – «неверная») бурная, капризная, постоянно меняющая русло, с каменистыми отвесными берегами. Одно неверное действие – и все может закончиться трагически. Плыть нужно было четверо суток. Сплавили 20 плотов, заработали деньги, на которые дедушка купил себе самое необходимое, подремонтировал кибитку, помог родителям и смог продолжить учебу в техникуме, окончил курсы шоферов первого класса и автомехаников с правом работы на автомобилях всех категорий. Устроился на работу водителем пожарной машины с одноуровневой кабиной в техникуме, который с отличием закончил в 1950 году. Получил долгожданную комнату для жилья при пожарной части и в 1951 году женился.

5 марта 1953 года дедушка находился на работе в пожарной части. Неожиданно объявили всем собраться в местном клубе. Когда все расселись по мес-

там, вошел человек в военной форме и, вынув из папки несколько листов бумаги, стал читать прерывающимся от волнения голосом: Умер наш дорогой и горячо любимый Иосиф Виссарионович Сталин. Из его глаз покатались слезы. Он сел на стул и закрыл лицо руками. Пришедшая с ним женщина взяла листы и более спокойно прочитала текст, где говорилось, что все потеряли величайшего гения человечества, продолжателя дела Ленина – товарища Сталина.

Был объявлен трехдневный траур, выдали красные повязки с черной каймой. Дедушка и его отец Василий очень обрадовались, услышав это известие, они уже давно поняли, какую роль сыграл Сталин в уничтожении миллионов людей нашей страны. Кровавая машина уничтожения, созданная Сталиным, чуть не погубила семью дедушки. И как бы в подтверждение того, что истина всегда восторжествует, прадедушке в этот день исполнилось 55 лет. Это был двойной праздник, который отметили небольшим застольем. Утром, 6 марта, дед вместе с другом Жорой Шлезенгером шел по городу, у него было хорошее настроение, он шутил и даже улыбался. Друг его остановил и говорит: «Ты что, с ума сошел, хочешь, чтобы нас навсегда забрали, как моих родителей!» (Отец и мать Жоры были арестованы по так называемому «Делу врачей»), и выругался матом. Дедушка опомнился и стал себя вести как положено. Из репродукторов слышались скорбно-приторные речи руководителей государства, в перерывах играла траурная музыка. Слащавая хвала в адрес Сталина на протяжении более 20 лет звучала и до этого изо дня в день: «Товарищ Сталин – это Ленин сегодня, наше солнце, наше будущее, товарищ Сталин – наша слава, гордость, товарищ Сталин – наш отец, наш кормчий, рулевой, товарищ Сталин – великий ученый, величайший полководец, стратег, тактик, выигравший войну. Товарищ Сталин говорит, учит, предупреждает, указывает, направляет...» И т.д., и т.п.

В начале 1954 года прадедушка высказал идею о строительстве дома на участке земли, принадлежавшем родственнице жены дедушкиного брата Бориса. В кибитке жить было почти невозможно, она могла разрушиться в любое время даже от дождя. Ранней весной стали готовиться к строительству нового дома: завозили глину, песок, гальку, камень, цемент и т.д. Дом решили строить из сырцового (глиняного) кирпича на двух хозяев – прадеда и дедушку с двумя отдельными входами и общим двором.

1955 год. Жили уже в новом доме, но продолжали строиться: пристроили веранды, соорудили сараи для угля, дров, баню, летнюю кухню. Приходилось много работать, да и средства нужны были немалые. Рядом на участке возвел большой дом из жженого кирпича сосед (по тем временам такой кирпич был очень дефицитным и дорогим). Познакомились. Иван Полушин, тоже фронтовик, работал на такси. Подружились. Сосед, видя тяжелое материальное положение дедушки, предложил его устроить на работу таксистом, по тем временам денежную работу. Нужна взятка была начальству таксобазы. Дедушка продал кое-что из вещей, помогли деньгами отец и брат. Вскоре нужную сумму передали соседу, а через неделю деда взяли на работу и дали старую «Победу». Началась новая работа, машина часто ломалась, не хватало запчастей, многое приходилось покупать, но все равно, материальное положение заметно улучшилось. На такси ездили в основном люди состоятельные, часто не брали сдачи, оставляя «чаевые».

1956 год. Исторический XX съезд Компартии Советского Союза. С закрытым секретным докладом о культе личности Сталина и преодолении его последствий выступил Н.С.Хрущев. Доклад не был опубликован в газетах, не пе-

редавался по радио, но выдержки из него через некоторое время стали зачитываться перед трудовыми коллективами. Многие были просто ошарашены услышанным, но не мой дедушка и его отец, которые испытали многое на себе. Дед по ночам часто слушал по радио «Голос Америки» и другие радиостанции и знал содержание доклада.

В этом же году 27 февраля у дедушки родился сын – Сергей – мой папа. Все были рады этому событию.

1957 год. Дедушка продолжал работать таксистом. Забот прибавилось, нужно обеспечивать семью, но это приятные хлопоты, главное – есть хорошо оплачиваемая работа. Пришла повестка из ГАИ. Дедушка по опыту знал, если официально вызывают в государственные органы – жди неприятности. В назначенное время прибыл к зданию ГАИ. Знакомый работник ГАИ спросил причину вызова, на что дед пожал плечами. Тот сказал, что еще человек пять таксистов вызывали в разное время. Дед нашел кабинет, который находился вдали от других, постучал в дверь, ему открыл человек среднего возраста в гражданской одежде. Предложил сесть к столу, закрыл дверь и, присев напротив, положил перед дедом лист чистой бумаги и ручку. Затем начал говорить: «Я майор КГБ, вызвал вас по важному делу. Вы человек образованный, не пьете, не курите, работаете на общественном транспорте. Встречаетесь с разными людьми, слышите их разговоры. Мы хотим, чтобы вы информировали нас о людях, которые в своих разговорах плохо отзываются о нашем государстве, наших руководителях, порочат советскую власть, и немедленно сообщали в органы КГБ о таких случаях. Выбирайте себе любой псевдоним и приступайте к работе». Дедушка понял, что его хотят сделать осведомителем или сексотом (секретный сотрудник). Далее майор предложил написать обязательство о сотрудничестве и подписаться. Дедушка сначала растерялся, потом взял себя в руки. Майору сказал, что он фронтовик, долго служил в армии, прошел хорошую школу, да и в семье его учили правдивости и честности, и такую работу он выполнить не сможет. Майор повысил свой тон, стал угрожать и запугивать, что деда уволят с работы, будут преследовать и т.д. Видя, что угрозы не действуют, перешел от «кнута» к «прянику». Он начал говорить о больших перспективах, что перед дедушкой открывается возможность окончить институт, не посещая его, получить диплом, стать руководящим работником и т.д. На это дедушка ответил, что окончил техникум с отличием и может с легкостью поступить в любой институт, если это будет нужно. Так продолжалось два часа. Ничего не добившись, немного подумав, майор сказал, чтобы дед написал подписку о неразглашении состоявшейся беседы.

Дедушка вышел на улицу взволнованным и раздраженным, делая для себя вывод, что вербуют многих, и кто-то наверняка соглашается сотрудничать с органами КГБ.

1958 год. На автобазу, где работает дедушка, пришли новые автомобили «Победа». Сосед-таксист, Иван Полунин, зашел вечером к деду и говорит: «Не надоело тебе ездить на старой машине и лазить под ней, постоянно ремонтировать. Я в хороших отношениях с начальником колонны, если хочешь, переговорю, а ты заплатишь и получишь новую машину». Дедушка отдал нужную сумму и через некоторое время получил сверкающую новой краской «Победу». Работать стало легко, никаких поломок. Стал ездить на большие расстояния за город, появились очень хорошие заработки.

Прадедушка, Трескинский Василий Яковлевич умер 11 марта 1987 года. Грустно осознавать, что только после смерти он смог вернуть свою настоящую фа-

милию, которая значилась на памятнике, и в церкви при отпевании произнесли его настоящее имя. Многие соседи, которые провожали в последний путь прадеда и знали его не один десяток лет как Курышева Степана Лаврентьевича, увидели совсем другую фамилию.

Я родился в 1988 году, у меня была уже сестра Алена 1981 года рождения. Как рассказывает папа, жили мы очень хорошо. К тому времени родители заработали хорошую благоустроенную квартиру, купили новую машину, построили за городом в живописном месте дачу. Папа работал прорабом на заводе, мама преподавала в финансовом техникуме. У них была стабильная высокооплачиваемая работа. Дедушка занимался пчеловодством, у него была большая пасека. Папа ему помогал, здоровье деда улучшилось.

В феврале 1990 года в Душанбе начались массовые митинги. Молодежь, подстрекаемая фанатично настроенным духовенством, призывала к расправе над русскоязычным населением. Русскоязычное население работало в основном в производственной сфере: на заводах, фабриках, предприятиях, транспорте, в строительстве, энергетике и т.д. Местное население в основном было занято в сфере торговли, общественного питания, бытового обслуживания, сельском хозяйстве, на руководящих должностях, в системе распределения. Коммунистическая партия давно отстранилась от решения острых проблем, возникших в среднеазиатском и других регионах страны. Кроме агитационных плакатов типа: «Да здравствует нерушимая в веках дружба народов СССР» и портретов руководителей государства и республик, люди ничего не видели.

В городе начались массовые беспорядки, погромы. Вооруженные толпы осадили здание ЦК КП Таджикистана, громили и поджигали магазины, киоски, машины, дома. Людей били палками, камнями, железными прутьями. Было много убитых и раненых. Милиция практически охраняла только здание ЦК, остальные сотрудники, которых в обычное время в городе было очень много, разбежались по домам и переоделись в национальные одежды – чапаны (халат) и тюбетейки. Руководители предприятий вместо того, чтобы сразу утром отпустить людей домой, успокаивали, что ничего страшного не происходит, работайте спокойно. Сами же в момент опасности на персональных машинах разъехались по домам. Общественный транспорт был полностью парализован. Добираться приходилось пешком, на большие расстояния. Все были подавлены и растеряны.

Моя сестра Алена в тот день возвращалась домой из школы с подругой, в них начали кидать камнями местные подростки. Им помог мальчик из старших классов, который схватил их за руки, и они бегом кинулись домой. По воспоминаниям папы, он тоже находился на работе и слышал выстрелы, которые доносились из центра города, но не думал, что все настолько серьезно. Услышав какие-то крики, он вышел из здания и, увидев, бежавших по улице нескольких плачущих женщин, завел их в контору. Стали расспрашивать, что произошло. Они сказали, что ехали в городском «Икарусе», вдруг дорогу перегородили люди в национальной одежде с палками. Открыв двери, сказали, чтобы русские выходили, и стали их избивать, женщинам удалось вырваться и убежать. С большим трудом папа добрался домой (приходилось прятаться в подъездах, за домами, увидев очередную толпу погромщиков). Очень все беспокоились за маму, так как она задерживалась с работы. Чуть позже ее и несколько других преподавателей подвез до дома сотрудник. Обзвонили родственников. Слава богу, все были живы и здоровы, кроме мамино отца, которого избил подростки на улице.

На следующий день, рано утром, во всех районах города собирались мужчины, создавали группы самообороны. Вооружались кто чем мог: охотничьими ружьями, палками, обрезками труб, арматурой и т.д. Ни милиции, ни военных не было. Все понимали, что защищать себя нужно самим. Люди были брошены на произвол судьбы. Примерно только через три дня прилетели военно-транспортные самолеты, которые доставили военных из разных регионов страны. Был введен комендантский час, город стали охранять патрульные машины и группы солдат. Дедушка сразу сказал, что нормальной жизни в республике больше не будет и нужно немедленно уезжать.

Мама и ее родная сестра отослали около ста запросов в различные вузы страны и решили, откуда придет первый ответ, туда и поедут. Первое письмо пришло из города Великие Луки Псковской области. Так мы оказались в этом городе, где сейчас и живем. Дедушка еле успел купить (обесценивались деньги) маленький однокомнатный домик в городе Ртищево Саратовской области. Нашим семьям повезло, мы успели быстро уехать, а многие, уехавшие позже, не смогли устроиться на новом месте, вновь возвращались назад. На переезд уходило много средств, деньги стремительно обесценивались, люди становились нищими, без жилья и средств. Для сотен тысяч людей переезд с обжитых мест стал настоящей трагедией.

Папа горько шутил, что нам не привыкать, у нас есть опыт нашего дедушки и прадеда, которых в свое время выгнали с родных мест из своих домов, теперь наша очередь испытать, что это такое. Папа очень сожалеет о том, что никогда не сможет мне показать, где похоронен прадедушка Василий, который мечтал о правнучке и говорил, что тогда ему умереть будет спокойней, значит, он не зря прожил свою жизнь.

Летом мы с папой ездили к дедушке Ване, в Ртищево. Последний раз мы были у него семь лет назад. Дедушка постарел, на следующий год у него будет юбилей – 80 лет. Папа с дедушкой вспоминали о том, как жили, о многочисленных родственниках, которые не смогли выехать из Душанбе, о знакомых и друзьях, которые разъехались по всей стране в поисках пристанища и которых они никогда больше не увидят. Очень грустно. Расставаться с близкими всегда очень тяжело. Когда мы стояли возле поезда, дедушка сказал мне, чтобы я хорошо учился, слушался родителей и уважал старших, не совершал плохих поступков и был достойным человеком. Еще он сказал, что, может быть, мы больше уже никогда не увидимся и чтобы я не забывал о своих родственных корнях, подарил мне на память три магнитофонные кассеты с воспоминаниями о жизни своей семьи и своих предков и добавил: «Помни, Саша!» Чтобы услышать его голос, я иногда их прослушиваю, а краткое содержание я попытался изложить на бумаге.

Из работ финалистов конкурса

Дмитрий Середа (Тула)

Жизнь русского среднего класса в XX веке

Начало самостоятельной жизни иногда получалось нелегким. После свадьбы молодые (семья Рухлядовых) переезжают в Сызрань (Павел Петрович получил назначение или сам нашел место – неизвестно). Не все складывалось гладко в жизни молодоженов. В Сызрань они переехали со своим приданым и сняли квартиру. Летом поехали к родителям в Корсун и остались ни с чем – дом в Сызрани в их отсутствие сгорел. Причиной сильного пожара явилась варка варенья во дворе одного из соседних домов. Сгорело все приданое Анны Рихардовны. Родители кое-что опять собрали, и молодые вернулись в Сызрань. По рассказам Павла Петровича, поселились они вначале в имении графа Орлова за городом: граф выделил семье ветеринарного врача пустую комнату. Первое время спали на матрасах, набитых соломой.

Андрей Меньшенин

(г.Мончегорск Мурманской области)

Поколение 30-х как «фундамент» нашего общества на примере жизни моей бабушки

«Барак как-то был поделен на две половины. В каждой половине – семь комнат и большой коридор. У тетки было пятеро детей. Жили мы все в одной комнате. Уж сколько она метров – не помню, но небольшая. Как-то вот все помещались, спать укладывались по двое на кровати. Да мебели-то никакой и не было. Стол да табуретки, что-ли. Печка, конечно, дровами топили. Кухня вроде общая была в коридоре. Но как-то все по комнатам готовили – и с дровами экономнее, и теплее, и кучнее как-то... Вода – с колонки. Туалет ужас какой холодный. Вот такие удобства. Продукты впрям не покупали – не на что, да и хранить негде. Съедали все сразу. Хотя что-то иногда в сарайке хранили или за окно выносили. Из семьи работали всего-то тетка да двое детей. Разве можно было мне сидеть на иждивении, надо искать работу...»

...А в это время моя бабушка собралась уходить «на пенсию». Трудовой стаж, насчитывающий долгие годы, незаметно приближал Евгению Серафимовну к этому рубежу. За свой труд имела благодарности, отличия «Победитель социалистического соревнования», «Ударник коммунистического труда». Посещая учебные семинары в санэпидстанции и сдавая сантехминимумы, повышала свой профессиональный уровень. Родной коллектив во главе с профсоюзным комитетом ходатайствовал перед горисполкомом о выделении ей с дочерьми 2-комнатной квартиры. Это было настоящим подарком к пенсии. Квартира на улице Бредова казалась огромной (тридцать два квадратных метра) «Неужели все мое?!» – ахала она... А я задумался, тридцать лет бабушка стояла в «очереди» на улучшение жилищных условий, почти что весь свой трудовой стаж. И только выработав его, удо-

стоилась от государства права на получение того жилья, о котором мечтала, – квартиры. Даже представить себе страшно, сколько лет бабушка (и ей подобные) жила в холодных, продуваемых стенах, разделявала дрова и носила воду с улицы. И это в «лучшей» стране, где партийная идеология воспекает заботу о человеке. Мне захотелось наглядно проследить по годам изменение жилищных условий бабушки в период ее жизни в Мончегорске, начиная с того первого угла в комнате тетки в бараке. Вот такая таблица у меня получилась:

Год очередного переезда	Возраст бабушки	Занимаемая жилплощадь	Характеристика жилплощади
1952	19 лет	Барак, угол в комнате. 6 человек у тетки	Чужое жилье, дрова, вода – с улицы
1953–1955	20 лет	Общежитие, комната на 5 человек. снабжал	Чужое жилье, но комбинат отоплением и водой
1956–1960	24 года	Деревянный дом, кухня в коммунальной квартире. Своя семья – 4 человека	Чужое жилье, дрова, вода – с улицы
1961 – 1971	29 лет	Деревянный дом, комната 12 м ² . Своя семья – 4 человека	Свое жилье, дрова, вода – с улицы
1971–1981	40 лет	Каменный дом. Комната 14 м ² . Своя семья – 3 человека	Впервые удобства: водопровод, отопление
1982 и по сей день	50 лет	Каменный дом. 2-комнатная квартира. Своя семья – 3 человека	Впервые – отдельное благоустроенное жилье!!!

Конечно, бабушка была очень довольна. Но задумывалась ли она, что это должно было произойти раньше? «И эту-то не так просто было получить. Сколько я выходила в горисполком... Бывало, ужин нужно раздавать в саду, а завком на кухне заглянет: «Женя! Беги скорее в горисполком, там Прохоров прием ведет». Ой, думаю, уже так устала туда ходить; уже, кажется, ничего не надо... Уж сказали бы окончательно «нет», чем так мурыжить... Ведь однажды пришла туда, а уборщица на этаже (знакомая) и говорит: «Слышала, что отняли у тебя. Не дают!» Господи! Я бросилась в сад, там поднялась вся общественность за меня. Вот так, благодаря девкам и получила... И то уже знала, что моя будет квартира, уже документы выпи-

сала, а заведующая Ольга Тимофеевна сказала: «Женя, никому не говори, пока не переступишь порог. Сейчас все люди – враги...» И я молчала, а так хотелось поделиться радостью». Поэтому бабушка считает, что квартира ей досталась дорогой ценой. И я с ней согласен: тридцать лет ждать, а на последнем этапе еще и добиваться – как в сказке. (Бабушка всегда стремилась сказку сделать былью, и здесь у нее получилось!)

Сказкой мне представилась и история с Татьяной Васильевной, которая пятьдесят лет мечтала об установке ванны: замучилась сидеть очереди в бане да выкручивать руки стиркой, набирая и сливая воду из корыта. Не было у нее средств и возможностей. И вот, в сказке помогла золотая рыбка, а Татьяне Васильевне – корреспондент городской газеты. Ванну баба Таня получила в 80 лет! Она вспоминает об этом: «Корреспондент-то пришла ко мне из газеты по 80-летию-то, я и рассказала, что баня закрывается – для меня это прям беда, у меня ведь до сих пор ванны нету. Сфотографировали меня да статью написали, а еще позвонили в «Службу заказчика». Ну, а там уж я, как научили, написала заявление. Со Службы-то позвонили в домоуправление. Домоуправ пришел, все замерили. А мне все не верится, ведь столько лет ждала. Все отговаривались раньше с домоуправления-то, что не поставит ее тут... А уж когда привезли теперь да занесли в квартиру-то, уж тогда я и поверила. И поставили все они сами, справились. Правда, кухню пришлось уменьшить, зато ванну поместили. Уж как я была довольна да рада. Испекла пирожков, угостила всех, кто делал, и домоуправа. Все хорошо! Дай бог здоровья!» А соседи комментировали тогда: «Баба Таня все никак не налюбуется ванной, даже сухой тряпочкой протирает...» Конечно, это у нее теперь самое дорогое для нее и новое, что есть в квартире. Ведь Татьяна Васильевна, как и Алексей Григорьевич с Евдокией Гордеевной по сей день живут в тех же стенах и с той же мебелью, которую приобрели в 50 – 60-е годы. Да, терпения этому поколению не занимать.

Ксения Замуховская
(г.Москва)

Участие немецких рабочих в индустриализации СССР

Дом-коммуна в 5-м Донском переулке вошел в историю советской архитектуры. Это было не рядовое сооружение, а воплощение «научной организации быта», характерной для конструктивистских экспериментов конца 20-х–начала 30-х годов. Функции здания жестко расчленены: в узкой, растянувшейся на 200 м «пластине» в восемь этажей по сторонам коридора располагалась тысяча «спальных кабин» на двоих по 6 м² каждая; в трехэтажной «дневной группе» были объединены вестибюль, столовая, спортзал, залы для занятий. Связывались дневной и спальный блоки через санитарный корпус, проходя через который жилец коммуны обязательно принимал душ и переодевался в большой раздевалке с индивидуальными шкафами. В спальне с искусственной вентиляцией были только две кровати и два табурета, все личные принадлежности, необходимые для занятий, оставались в читальном зале. Интерьеры нарочито суровы и обнажены. Построенный в 1929–1930 годах комплекс сразу же был переоборудован под студенческое общежитие, а общественный блок использовался не только студентами, но и жителями соседних улиц и переулков.

Мы можем с уверенностью считать, что немецкие рабочие не раз приходили в это здание, выражавшее идеи новой жизни, той жизни Москвы, которая ее идеологами представлялась следующим образом: «Молодая работница вместо того, чтобы коптеть около примуса, после работы, пообедав в ресторане кухни-столовой под звуки оркестра, среди цветов, едет на автобусе готовиться к состязанию по плаванию в зимний бассейн, а оттуда в новый, небывалый по структуре и формам театр Мейрхольда».

Иностранцы-функционеры располагались строго по своему рангу и значению в каждой из многочисленных комнат гостиницы на улице Горького «Люкс». Более высокопоставленные – внизу. На самом верху – по несколько человек в комнате – технические работники Коминтерна. Обитатели гостиницы жили изолированно, имея мало контактов с простыми людьми, практически не ощущая бедность, царившую в стране. Они пользовались спецраспределителями, многие предметы домашнего обихода покупали в «Торгсине». В 1931–1932 годах, когда в СССР была объявлена борьба с «уравниловкой», в «Люксе» отгородили часть помещения столовой, там кормили лучше более высокопоставленных жильцов.

Обитателей этой гостиницы могли перевести, предложив освободить комнату, в гостиницу «Балчуг» – местожительство «обычных» эмигрантов. Такое предложение означало немилость, а в 1936–1937 годах могло предвещать арест.

Ирина Шитик

(г.Тулун Иркутской области)

Труд и быт советских людей в 40–50-е годы XX века

В 40-е годы острой проблемой продолжала оставаться жилищная. В годы войны строительство и благоустройство жилья носило эпизодический характер. В основном шло строительство простейших домов, общежитий, бараков. Связано это было с расселением эвакуированных переселенцев, мобилизованных на работы в различные отрасли экономики Восточной Сибири. Некоторым семьям приходилось жить в палатках. Естественно, что в бараках, землянках и палатках ни о каких удобствах и речи быть не могло, были лишь деревянные топчаны, на которых приходилось спать, или спали на полу. Матрацы и подушки заменялись мешковинами, набитыми стружками, которые у многих затем исчезали, ибо стружка пускалась на растопку печей.

Большинство не имело белья. Не было ни умывальников, ни освещения.

Проверки фиксировали одно и то же: грязь, нехватку инвентаря, одеял, жуткую тесноту и т.д., и в конце 40-х годов, как и в начале войны, вместо стульев стояли чурки, дымились печи, не работали туалеты, не подвозилась вода, и всю зиму эта проблема решалась путем таяния льда и снега. Потребление воды из водопроводов было невелико. Некоторые семьи решали проблему топлива, разбирая деревянные заборы, изгороди, тротуары, крыши и прочие деревянные строения.

В городах и сельской местности не хватало мыла, воды, тазов, поэтому население не имело возможности почаще мыться. Мыло заменяли щелочным раствором. В чугуна засыпали золу, кипятили и отстоявшийся раствор использовали в качестве мыла.

Гузалия Султанова

(г.Ижевск Удмуртской Республики)

Судьба мусульманского духовенства в XX веке

(На примере семьи муллы Магомедадья Тагировича Тагирова)

Дом, где жила семья Тагировых с 1948 года, был небольшой, одноэтажный, сложенный из камня. Крыша была покрыта черепицей. Располагался он недалеко от центра города, возле центрального рынка. Крыльца у дома не было, дверь выходила сразу во двор. В доме стояли две железные кровати. Печи не было, в ней не нуждались, так как климат был теплый. Имелась керосиновая плитка – «керосинка», на которой семья готовила пищу. Посуда была преимущественно фарфоровая, стеклянная и алюминиевая, ложки – деревянными. Также имелись стол и стулья. Пол был земляной. Во всем доме было только одно небольшое окошко, увешенное занавеской (снизу белая прозрачная бязь, а сверху «шертэр» – ажурная хлопчатобумажная ткань). На полу лежала циновка, на которую стелились домотканые половики. Подушки и матрас были перовые, наволочки и простыни – из белой бязи, покрывала на кровати – из цветного хлопчатобумажного материала.

Стены в доме покрывались побелкой. На стене висели часы, вышитые полотенца и зеркало.

Электричества не было, источником света служила керосиновая лампа и свечи.

Что характерно, местом для намаза была кровать. Рядом с кроватью стоял сундук с одеждой и бельем. Домашний инвентарь хранился в шкафу для посуды.

Двор был большой. Росли фруктовые деревья: айва, яблони, алыча. Овощи не выращивали. Зарабатываемых Магомедадьем денег хватало на хлеб, овощи и мясо. Питались в основном рыбой, которой торговали браконьеры на дальних перелюках рынка. Рынок был большой, торговали в основном мужчины, одетые в белые брюки, рубашки и тюбетейки. Торговые ряды представляли собой ряды деревянных полок.

Артем Мусихин

(г.Киров)

Моя семья в истории Вятского края XX века

Жизнь на поселении в Архангельской области была очень трудная, но люди, как могли, выживали. Емельян Андреевич рассказывал моей бабушке, что в бараке, где жили поселенцы, крысы ночью кусали детей. Емельян Андреевич наделал много крысоловок и переловил практически всех крыс. Вообще он был очень коммуникабельным и добрым человеком, его довольно быстро (через три года) реабилитировали.

Первые четыре года наша семья не имела квартиры, мы жили поочередно то у одной бабушки, то у другой. Потом бабушке дали однокомнатную квартиру, и мы остались жить в отдельной комнате площадью 9 м² вчетвером. Соседями у нас была семья мамино брата, состоящая тоже из четырех человек. Было очень тесно, но зато все детские вещи использовались четыре раза – переходили «по наследству», потому что все дети рождались через год по очереди. Все кровати у нас были раскладные, и вечером оставался только один свободный метр, все осталь-

ное занимали спальные места. Мы все «выросли» в одной коляске, которую подарила бабушка самой первой внучке. Игрушки были тоже общие. Мама рассказывает, что в те времена было очень плохо с продуктами. Ей приходилось вместо спокойной прогулки постоянно ходить с детской коляской по магазинам и стоять в очередях. Однажды она забыла мою сестру в коляске у магазина, обрадовавшись какой-то покупке.

Гузалия Султанова
(г.Ижевск Удмуртской Республики)

Судьба мусульманского духовенства в XX веке (На примере семьи муллы Магомедадия Тагировича Тагирова)

В качестве небольшого отступления можно привести пример. Уже в более поздний период, в 1972 году, в д.Рысово Амина увидела в доме у одной старушки такую обстановку, о которой читала только в исторической литературе. В доме располагались одни нары, застланные домоткаными половиками. В углу стоял сундук, в котором хранилось постельное белье, перина, одеяла, подушки, вышитые цветными нитками. На стенах висели небольшие часики и зеркало, увешанные домоткаными полотенцами. Здесь же располагалась печка небольших размеров. Рядом с печкой на стене находилась полка для домашней утвари, прикрытая занавеской из хлопчатобумажной ткани. Окна были занавешены цветными хлопчатобумажными шторками, снизу украшенными кружевной тканью. Несмотря на то, что бабушка была старая и одинокая, в доме было очень чисто. А на вопрос Амины, почему она сохранила такой интерьер древнего жилища, она ответила, что привыкла к нему с детства и сохранила его, чтобы поддерживать дух тех времен. Она не могла смириться с нравами и бытом нового общества. Ее муж умер от старости, а сыновья погибли на фронте во время Великой Отечественной войны. Дом ее был очень старый, ушел наполовину в землю так, что окна располагались невысоко над землей. Бабушке было около ста лет. Деревня Рысово, в которой она жила, в скором времени подлежала затоплению, так как с целью увеличения мощности Камской ГЭС требовалось увеличить размеры Камского водохранилища. А еще бабушка говорила: «...Когда ко мне придут души умерших родственников (у мусульман существует поверье, что души умерших родственников, навещают места своего пребывания при жизни, чтобы повидаться с родными, услышать молитвы; обычно, это происходит в ночь с четверга на пятницу), то они не узнают свой родной дом, огорчатся по этому поводу, будут страдать».

Глава 11. «Буквально помогает нам дышать...» (История и человеческое достоинство)

Ильсия Шакурова,
г.Казань,
школа № 39, 10-й класс.

Шакур Рахимов – король конокрадов?

XX век стал одним из самых драматических в истории России. Массовые репрессии, затронувшие практически каждую семью, голод, война, унесшая миллионы жизней – эти испытания выпали на долю наших предков. Они жили в тяжелые годы. И очень многие воспоминания о тех годах до сих пор берегут их души.

Моя бабушка, Камалиева Нурида Галиаскаровна, 1924 года рождения, является живым свидетелем невзгод, выпавших на долю односельчан, жителей села Чутеево. Да, село Чутеево необычное. Оно издревле считалось «гнездом конокрадов». И, соответственно, подвергалось постоянным гонениям со стороны власти как в царский период, так и после революции.

Имя Рахимова Шакура мне знакомо с детства. Брат моей прабабушки Сафа был женат на его дочери, Минлехан, а по обычаям татарского народа сноха входила в дом мужа, поэтому семьи сразу же сблизились, ведь жизнь дочери в семье мужа всегда находилась под пристальным вниманием со стороны отца.

Моя бабушка обычно с таким уважением, почтением и некоторой гордостью говорит: «Шакур-абзы – наш кода (сват. – И.Ш.)». Вместе с этим бабушка говорит: «Они же банда! Они же были вооружены! У них все было так налажено, что комар носа не подточит. Документы, деньги, подкуп чиновников, продажа племенных лошадей в Сибири – все всегда было безупречно».

Через столько лет молва о нем не стихает. В Кайбицком районе Республики Татарстан, где находится деревня Чутеево, ежегодно в первых числах июня проводится сабантуй, посвященный памяти Шакура, которого ласково называют «бабай» (дедушка – И.Ш.). Там главный приз присуждается победителю конных скачек.

Зная точку зрения моей бабушки, я решила сама разобраться в этой легендарной личности. Мне хотелось узнать об этом человеке все, что было написано и напечатано в газетах и журналах. Оказалось, что интерес к Шакуру не прошел и до сегодняшних дней. Начиная с 1926 года, почти ежегодно появляется статья о нем.

Главной целью моей работы было узнать, почему эта личность такая масштабная, чем он заслужил всенародную любовь, почему он оставил такой глубокий след в истории татарского народа? Я нашла стихи, песни, посвященные Шакуру Рахимову.

«Имя вора Шакура осталось в памяти, словно имя сказочного героя. Нельзя, однако, упускать из вида то обстоятельство, что между вошедшим в легенды и подлинным Шакуром имеется существенная разница. Как бы там ни было, народ на мякине не проведешь, никогда не будет он воспевать ненавистных душегубов», – так писал Ракиль Зайдулла в журнале «Идель».

В своем исследовании я хочу выяснить:

- 1) как влияла на формирование личности Шакура политика того времени?
- 2) действительно ли существовала банда Шакура?
- 3) был ли он убийцей?
- 4) терроризировал ли он крестьян округа?
- 5) грабил ли он больницы и кооперативы?
- 6) как влияла помощь Шакура на положение крестьян в голодные годы?

Шакур Рахимов

«Одним из распространенных и социально опасных преступлений было в это время (первые годы советской власти. – И.Ш.) конокрадство, причинявшее громадные убытки хозяйству возрождающейся деревни». «Конокрадство – бич татарских сел и деревень», «Конокрадство и борьба с ним» – пестрели заголовки газеты «Красная Татария» в те годы. «Деревня Чутеи Молькеевской волости Свияжского кантона была известна во всей округе как конокрадское гнездо, а Шакура Рахимова, проживающего там, называли “королем конокрадов”. Далеко за пределами республики распространил атаман свою деятельность»¹.

Основателем деревни Чути принято считать крестьянина Чути Киреева. «Независимый нрав основателя деревни Чути Киреева проявлялся не только в неподчинении режиму. В 1670 году в процессе насильственной христианизации жители деревни вынуждены были покинуть деревню, прятались по соседним селам и лесам. Даже насильно крещенные возвратились в ислам»². Так вышло, что Чути оказалась единственной мусульманской деревней в округе.

Конокрадство как профессия передавалось по наследству от деда к отцу, от отца к сыну.

Наш прадед, Садык хаджи, неоднократно пытался наставить Шакура на путь правоверного мусульманина, каковым он сам являлся. Но ответ звучал приблизительно так: «Дело, унаследованное мной, нельзя прекратить в один день, что

суждено, то и будет. За все должна быть расплата». Не знал он тогда, что расплата может оказаться столь суровой. Шакур, будучи человеком неординарным, талантливым, получил не только самую яркую славу, но и самое жестокое наказание. По сути, пострадал он лишь за то, что называли его Шакур-Карак («карак» в переводе с татарского языка – вор. – И.Ш.).

«Дело шакуровцев»: Вчера в 5 1/2 часов в помещении Восточно-педагогического института открылось судебное заседание по делу шакуровцев. Состав суда: председатель тов. Немцов, нарзаседатели – член ТЦИК гг. Ибрагимов и Рагс, представитель гособвинения тов. Рогинский, секретарь тов. Соболев. Процесс проходит в переполненном зале» (Красная Татария. 1926. 6 ноября).

«Шакур Рахимов – человек среднего роста, довольно упитанный, энергичный старик с седеющими усами и небольшой бородой, по внешности он напоминает богатого башкира или татарина-торговца, одетого в серый татарский кафтан и тюбетейку, разрисованную вышивкой. Сидит молча, часто хмурясь, изредка перекидываясь парой фраз со своим соседом, худощавым и угрюмо-сосредоточенным татаринном» – так описывает внешность нашего героя К.Т-ин, журналист, ведущий хронику из зала суда по делу «Шакуровщина»³.

«Шакур абзый был очень образованным, религиозным человеком, ходил в мечеть, не пропускал пятикратного намаза, часто цитировал суры, выделяя наиболее важные на его взгляд»⁴. «Мне пришлось встретить очень пожилого татарина, в котором я узнала крестьянина Цивильского уезда, волость и деревню я уже забыла, по имени Шакур... В настоящее время Шакур уже сгорбился, в былое время это был высокий здоровый татарин, на базаре ходил не иначе, как с кнутом...»⁵

«Почему же шакуровская шайка долго не попадалась? Они хорошо организовали свое дело. Когда в деревню входили поняты, дети бежали предупреждать, женщины выгоняли скот, прятали имущество, переносили из дома в дом, даже сжигали»⁶.

К концу Гражданской войны в Поволжье свирепствовал голод... «В 1920 году в счет продрозверстки из республики было вывезено более 10 миллионов пудов хлеба. Из уездов и волостей забирали хлеб подчистую, включая и семенной. Под угрозой оказался весенний сев»⁷.

Вот что сообщалось в одном из официальных документов от 21 марта 1921 года: «На ст. Казань голодный люд продолжительно осаждал вагоны, пытаясь их вскрыть или просверлить отверстие с целью хищений. Здесь борьба с таким явлением была нелегкая, так как желающих достать таким способом хлеб было очень много. Среди них мы видели стариков, женщин и детей, с изможденными от голодовки лицами, едва державшихся на ногах. Вид этих людей говорил за то, что никакие угрозы им не страшны, ибо они голодны. За четыре дня настоящей стоянки в Казани было застрелено военной охраной 30 голодных, застигнутых на месте хищения, но эти суровые меры были бессильны: живой голодный переступал труп убитого собрата, пытаясь достать то, чего не успел взять первый»⁸.

Зимой 1922 года голод принял еще большие масштабы. Пустели целые деревни. В январе 1922 года в республике голодало 2,4 миллиона человек. К этому же году относится и дело, с которым я работаю.

Итак, 4-й том следственного дела против Шакура в 348 листов посвящен расхищению семян овса, гречки, гороха, льна. Приложены поименные ведомости-списки распределения семян среди населения деревни (кому один пуд, кому два). Почти все население грамотно, ставят подписи арабской вязью. Есть и родовые

знаки (у кого вилы, у кого стремяна, у кого три треугольника). Причем в деле факт расхищения семян не подтвержден. Указано на небольшие приписки и некоторые исправления. Видимо, когда эти документы подшивались к делу о шакуровщине, предполагалось, что Свияжский кантон, будучи «гнездом бандитизма и конокрадства», должен был подвергнуться наглому грабежу со стороны Шакура и его шайки. Ведь в округе царит голод, а тут зерно осталось в целости и сохранности. Однако для проведения процесса необходимо было огромное, массивное дело, и том в 348 листов был присовокуплен к делу. Позже мы встретим очень много документов с заявлениями о том, чтобы дело рассматривалось отдельно от дела о шакуровщине, так как оно никакого отношения к Шакуру не имеет.

В своем очерке из зала суда корреспондент К.Т-ин дает такую характеристику Шакуру Рахимову: «Если верить тому, что о себе говорит Шакур, то перед зрителем встает образ деревенского благодетеля, друга бедняков, какого-то крестьянского Соломона, к которому односельчане прибегают во всех нужных случаях как к мудрецу, на совет которого можно положиться. Шакур не отрицает, у него есть недостаток, но он готов делиться с бедняком своим избытком»⁹.

Моя бабушка любит рассказывать: «Несмотря на засуху, продрозверстку и голод, невспаханных, незасеянных полей в округе не оставалось. Не все люди могли себя обеспечить семенным зерном. Шакур никому не отказывал: давал зерно и лошадей на время посевной».

«Шакур заходил в бедные дома, интересовался житьем-бытьем, и уходил, ничего не говоря. А утром под дверями тех домов, которые обошел накануне Шакур абзы, находили кто один, кто два, кто три пуда зерна. За всю жизнь ни одного человека не обидел»¹⁰. А в то время село насчитывало 800 дворов!

«В своей округе Шакур пользовался большим авторитетом, его банда, а насчитывались в ней десятки человек, никогда не крала у бедных. А вот беднякам лошадей, случалось, дарили. Помогал Шакур нуждающимся людям и продуктами. Оттого и чтят чутеевцы его память. Тем более что был случай, когда Шакур спас жизнь многим крестьянам в Гражданскую войну. Говорят, умел он людей к себе расположить, слушались его. За советом приезжали со всех окрестностей, даже из Ульяновска»¹¹.

Мой прапрадед, Садык хаджи, четырнадцать месяцев провел в хадже и вернулся с полностью расстроенным здоровьем. В его отсутствие его жена, Шарифжамал, вела торговые дела мужа. После возвращения из хаджа, во время поездки за товаром с ним случился сердечный приступ, он потерял и деньги, и товар. Вернувшись домой, он предложил супруге на выбор: «Хочешь – продолжай дело, хочешь – закроем магазин. Я тебе мешать не буду, но и помощника из меня не получится».

Так прапрабабушка стала вдруг бизнес-леди. По тем временам, на зависть односельчанкам, у нее была лисья шуба, наган, шаль, которая проходила через кольцо и совершенно немыслимые валенки ручной работы, кукморские, с узором. Раз в два года она выращивала племенного жеребца для казны, что приносило ей огромный доход. Его кормили и растили по определенной методике. За ним присматривал соседский старик, тоже Садык, а его жена носила воду из колодца для семьи прапрабабушки. И за все годы, хоть она и жила в самом чреве «бандитского гнезда», у нее ни разу не украли не то что лошадь, даже булавки!

Потому-то и не нашлось никого, кто бы дал показания против Шакура и его семьи, не было ни одного настоящего свидетеля. Удивительно, но у этого человека не было врагов: ни в родном селе, ни в округе.

Даже К.Т-ин (корреспондент газеты «Красная Татария», писавший очерки из зала суда) попал под его обаяние. «На Шакура ходили смотреть школьники как на легендарного «героя-конокрада»¹². «Рахимов совершенно отрицает за собой всякую вину, наоборот, выставляет себя благодетелем деревенской бедноты»¹³.

Заказчики и исполнители

«Приходится сказать о необходимости срочных мероприятий для ликвидации гнезда бандитов:

Во-первых, необходим немедленный арест Шакура Рахимова и Ко.

Во-вторых, очистка всего низового соаппарата от преступного элемента и предание их суду совместно с Шакуром и Ко.

В-третьих, высылка авторитетной комиссии или товарища со следственным аппаратом и арест виноватых лиц, облеченного полномочиями по советской и партийной линии.

В-четвертых, создание широкого процесса с привлечением участия общественного мнения в лице самих крестьян.

В-пятых, изучение материалов с точки зрения зарождения «Шакуровщины» с принятием мер к предотвращению возможности новых зарождений подобной «Шакуровщины».

Только при условии немедленных и решительных мер против «Шакуровщины» мы сумеем привлечь крестьянство к делу, т.е. развязать их язык и восстановить на должную высоту авторитет местного низового советского аппарата.

С Коммунистическим приветом

ВРИД Начальника Татарского отдела ОГПУ

/Штахановский/»¹⁴.

Этот документ я нашла в 24-м томе следственного дела и считаю его основным, раскрывающим всю суть процесса. Удивительно то, что этот листок вложен не в начало, не в конец, а находится в середине, хотя он относится к самому началу следствия. Он объясняет многое. Здесь явно виден социальный заказ.

Агент ОГПУ Зариф Баширов был направлен со специальным заданием в деревню Чути. В первом томе дела «Шакуровщина» имеется его подробный отчет, более похожий на литературный опус. Так как он написан арабской вязью, то я смогла пользоваться только переводом. В этот отчет собраны все сведения о географическом расположении села, о пейзаже. Есть история происхождения села, история семьи Шакура.

Собраны все слухи негативного характера: о конокрадстве вообще, об односельчанках, о том, кто с кем общается, о том, кто из волостного начальства бывает в селе, какие отношения сложились у председателя колхоза с Шакуром и его семейством. Так как у всех были дружеские отношения, то Баширов преподнес все в том виде, в котором это требовалось его начальству.

Заказ был получен, и он выполнялся. Впоследствии каждому эпизоду, описанному Башировым, будет придано огромное значение. Эти эпизоды дадут начало следственным томам. По ним же будет написана масса литературных произведений, очерков, статей. Каждому эпизоду будет найдено доказательство, часто несоответствующее действительности. Будут опрошены сотни людей. Эпизоды послужат главным обвинением в служебных преступлениях милиции

Свияжского кантона. Шакур станет всего лишь поводом для чистки рядов милиции АТССР.

Красочно описанное «убийство комсомольца Даминова», кочующее из произведения в произведение: «бандитская расправа» – это единственное убийство в селе в тот период. И вдруг в обвинительном заключении я нахожу: «Сын делегатки Даминовой Низамутдин Тимершин был убит в деревне Чутеи 25 мая 1925 года на почве попытки со стороны Низамутдина Тимершина увести дочь известного вора-конокрада Салахутдинова Гильмутдина (Корсака)»¹⁵.

Во-первых, Рахимов Шакур тут вообще ни при чем.

Во-вторых, дети Шакура тут тоже ни при чем.

В-третьих, да, девушек в этом селе воруют, но парней, которые на воровстве попадают, наказывают временами очень жестоко.

«Узнав об избииении своего сына, Даминова явилась к председателю сельсовета с просьбой прийти на место происшествия. Он это сделать отказался»¹⁶. Так при чем тут конокрады? Где тут Шакур? Похищение людей – не хуже конокрадства? Как можно защищать человека, который хотел похитить девушку и пойман на месте преступления? Как можно обвинять отца девушки только за то, что он по слухам конокрад? Здесь идет явная подтасовка фактов. Авторы постоянно путают фамилию убитого, факт убийства (где-то написано, что он был убит, где-то, что он был избит). Фамилия Даминов идет от того, что главным свидетелем в деле об убийстве была мать Низамутдина Тимершина, которая являлась делегаткой от села Чутеево (хотя непонятно, что за делегатка), но так как авторы ссылались на ее фамилию, то и сына называли в основном Даминовым. Поэтому я и привожу цитаты с разными фамилиями.

Почему я так детально рассматриваю вопрос об избииении Низамутдина Тимершина? Потому что во всех последующих документах, публикациях на тему «шакуровщина» этому эпизоду придана политическая окраска. Так как это единственное убийство за все годы, то, придав ему вид жестокой расправы над комсомольцем Тимершиным, власти и средства массовой информации, освещавшие процесс, смогли убедить всех в том, что у Шакура «все руки по локоть в крови». Было страшно браться за исследование, так как все говорили именно эту фразу. Поэтому первая часть моей работы заключалась в том, чтобы найти «кровавые» дела Шакура. Я взялась за работу, даже не предполагая, что я найду в следственном деле. Я хотела ознакомиться с материалом, взглянуть объективно на эту личность. А в том, что это личность интересная с исторической точки зрения, я не сомневалась.

Арест «банды конокрадов»

При аресте Шакура Рахимова и его окружения начальник уголовного розыска республики Мухаметжанов предупредил, что в случае побега кого-либо он первым делом будет стрелять в Шакура. На что Шакур ответил на татарском языке. Далее прилагается перевод его слов: «Мои утята от меня никуда не уйдут». Я считаю этот перевод неточным, некорректным, искажающим истинный смысл фразы. Не мог Шакур в этот момент сказать слово «утята». Скорее всего, он употребил слово «бэбкэлэрем», что в истинном переводе означает «детки», «малыши». Если подразумевается слово «утенок», то добавляется слово «урдэк», а вместе произносится «урдэк бэбкэсе», гусенок – «каз бэбкэсе» и т.д. Слово «бэбкэ»

обычно используется для выражения нежности, теплоты, заботы. Поэтому мы можем говорить, что это искажение привело к фактической ошибке. Причем эта некорректность запоминалась и активно использовалась уже Зарифом Башировым, корреспондентами, и, конечно же, автором книги «Шакур Карак» Е. Суховым.

Чтобы не исказить смысл реплики Шакура в этот момент и впечатление М. Мухаметзянова, надо понимать быт, культуру, поведение патриархальной семьи в те годы. А все, что делали дети Шакура, это нормально для татарской семьи. Пользуясь безграничным авторитетом, любя не только своих детей, но и всех односельчан, будучи истинным мусульманином, он был уверен в том, что дети его не бросят. Мухаметжанов явно утрирует слова и поведение Шакура Рахимова и остальных во время ареста.

Думаю, что Шакур не мог даже в мыслях допустить того, что этот арест обернется годовым заключением и приговором к расстрелу. В то время за конокрадство не приговаривали к высшей мере наказания. Тысячи людей, вооруженных топорами, вилами, косами вышли на дорогу, по которой отряд красноармейцев вел арестованных. Повсеместно дорога перекрывалась, народ был готов разорвать в клочья отряд. Все ждали знака от Шакура. Он же разводил толпу рукой, и по этому проходу шли как арестованные, так и их сопровождение. Видимо, Шакур абы верил в правосудие.

Следствие и приговор

Но попасть под арест легче, чем выйти на свободу. Привожу очень интересный цикл статей, опубликованный 19–26 ноября 1967 года в газете «Советская Татария» под названием «Конец атамана» об успешно проведенной операции двух следователей В. Панюкова и Е. Григорьева:

«Следствие по делу банды между тем шло своим чередом. Постепенно, день за днем вырисовывалась картина преступлений. Зловещая, полная цинизма и жестокости».

Но вот передо мной следственное дело. Начато в августе 1925 года, закончено в ноябре 1926 года, 12 статей обвинения.

С первых же документов дела меня удивляет стиль, в котором написаны протоколы допросов. В своей основе это воспоминания двухгодичной давности: «Федоров будто ему сказал, что он». Складывается ощущение, что главная цель дела «Шакуровщина» не выявление бандитизма, не поиск конокрадов, а борьба за чистоту рядов милиции.

Идет описание бесчинств, которые творили милиционеры, осуждение их недостойного поведения. Многие документы не подписаны или подписаны арабской вязью, что означает, что подписавшийся не может прочесть протокола. И также: «Пьянство, разгул давал тем самым повод к развитию конокрадства». Хотя как разгул с пьянством связаны с конокрадством?!

Из протокола допроса Ишимова от 25.12.1925 г.: «Да, в бытность мою были слухи, что Шакур Рахимов, Гариф Мазитов, Шакуров Сабирзян и др. занимались конокрадством. Однако дел о них у меня не было».

Одни и те же дела плавно перетекают из тома в том, о конокрадстве буквально пара слов, да и то одни мелкие дела. Интересно, что одни и те же фразы повторяются бесконечно много раз, например, я встретила в 3-м томе речь, которую читала еще в 1-м.

Сейчас у нас время двойной морали, поэтому никого не удивляет, что власти, говоря одно, делают совершенно противоположное. Взять деньги для инспектора ГИБДД не проблема; а платить мзду представителям власти (милицейским чиновникам), я думаю, во все времена было делом приемлемым. Я считаю, Шакур Рахимов, с точки зрения представителей местного милицейского начальства, выказывал уважение к ним: угощал, дарил подарки. Учитывая авторитет и достаток, которым обладал Шакур, чиновники не простили бы ему невнимания к своей персоне.

Из следственного дела видны совершенно противоположные факты. Задерживались все, кто мало-мальски имел отношение к деревне Чутеево. Читаю свидетельские показания, которые в основном содержат ответы отрицательного характера, ссылки на незнание. Дело явно рассыпалось на мелкую мозаику и никак не хотело приобретать единую форму. К нему просто присовокупляли другие дела начала 20-х годов, которые имелись в делопроизводстве Свяжского кантона.

Насколько мне известно из следственного материала, всего по делу проходило 46 человек. Верховный суд установил и приговорил:

- освободить 17 человек;
- к 1 году лишения свободы – 3 человек;
- к 2 годам лишения свободы – 1 человека;
- к 3 годам лишения свободы – 2 человек;
- к 4 годам лишения свободы – 1 человека;
- к 5 годам лишения свободы – 3 человек;
- к 8 годам лишения свободы – 3 человек;
- к высшей мере наказания – расстрелу – 16 человек.

Я так полагаю, что истинными бандитами суд признал лишь половину задержанных – 22 человека. Необходимо помнить, что это все происходило в 1926 году.

Из приговоренных:

- должностные лица – 32 человека;
- хлебопашцы – 16 человек.

Хлебопашцы – это жители села Чутеево. Странно то, что должностных лиц, которые, казалось бы, никакого отношения к Шакуру не имеют, в два раза больше. Отсюда и огромный объем дела – 40 томов.

«По крупицам собирало следствие улики против Шакура. Тот хитрил, изворачивался, не признаваясь порой даже в том, в чем бывал изобличен. Долго не признавался он в ограблении Клячинского кооператива и Ногаткинской больницы. Но при обыске в домах бандитов были найдены валенки фабричного изготовления и эмалированные кружки с буквами ОМС. Такие валенки имелись только в кооперативе села Клячино, а кружки в больнице села Ногаткино» 17.

Этим двум делам посвящены тома № 13 и № 23, ни Шакур, ни его семейство ни в чем не признались. Относительно валенок Шакур дал разъяснения, на каком рынке, у кого и когда он купил эти валенки. Валенки конфисковали, повезли заведующему кооператива на опознание. Заведующий выразился в следующей форме: «Ввиду ветхости и поношенности, а также отсутствия клейма я не

могу сказать, что это именно те валенки, которые были у нас украдены».

Относительно кружек, которые в числе прочих вещей были украдены из Ногаткинской больницы, заведующий этой больницей даже не мог вспомнить, о какой краже идет речь. Когда следователь по особо важным делам прислал ему бумагу, содержащую список украденных вещей и явную угрозу смещения с должности, заведующий все вспомнил и подтвердил похищение из его больницы кружек с буквами на дне ОМС. Хотя даже если и кружки, и валенки были ворованные, это вовсе не может никак указывать на то, что их украл именно Шакур Рахимов.

«Так под давлением собранных улик преступники раз за разом были вынуждены признаться в совершении краж» 18. Во всем следственном материале я не нашла ни одного признания, ни одного настоящего свидетеля, ни одного доноса. Из чего я сделала вывод, что все политические дела того времени составлялись не на основании доносов, а прикрываясь грифом «совершенно секретно», переносились в обвинительное заключение уже в искаженном виде. Подследственные, находясь более года под арестом, были доведены до отчаяния. Неоднократно объявлялись голодовки, о которых подробно написано в томе № 16. Регулярно подавались заявления от следственных заключенных, содержащихся в КАЗЦЕНТРОМЗАКЕ в числе 18 человек по Свяжскому делу (бывшие ответственные работники и служащие).

Мазитов Гариф просил выпустить беременную жену из-под ареста, ссылаясь на то, что она имеет шестерых детей, старшему из которых девять лет, младшему – восемь месяцев. Доведенный до отчаяния, он в очередном заявлении пишет: «Если невозможно выполнить, прошу детей на время заключения передать в детдом, мать – в дом старости, и все имущество сдать по описи на хранение сельсовету» 19. Причем, жена обвиняется в попытке дачи взятки должностному лицу в размере 30 рублей (в некоторых документах продуктами питания) двух-, трехлетней давности. Мазитов Гариф неоднократно объявляет смертельную голодовку, которую освидетельствует тюремный врач, снимая с себя ответственность за жизнь заключенного.

На томе № 16 написано: «Разная переписка и заявления по Чутеевскому делу, не имеющая существенного значения». Всего 455 листов. В этом томе собраны все документы периода нахождения следственных заключенных в КАЗЦЕНТРОМЗАКЕ, их заявления прокурору с просьбами ускорить рассмотрение дела, заявления об объявлении голодовок, медицинские освидетельствования, докладные записки от надзирателей, отчеты следователей. Из документов, содержащихся в этом томе, видно, как тяжело, медленно шло следствие. В то же время в деле имеется документ того же Зарифа Баширова от 18.07.1926 года, в котором он пишет председателю Верховного суда РСФСР о том, что со слов жены Ахтямова «шайка Шакура и Низаметдинов, Бикчентаев и Ишимов забрали в руки всех надзирателей тюрьмы и делают, что хотят. Благодаря такой свободе и таким хождениям они нанимают людей для ложных показаний и готовят себе почву для освобождения на суде. Они могут убить лиц, указавших их, а также могут совершить побег из тюрьмы» 20.

Этот документ полностью противоположен документам из тома № 16, из чего следует, что и все предыдущие отчеты и письма Зарифа Баширова также являются искажением действительности. Хотя он же и пишет в своей докладной записке: «Происшествия, имевшие место в последнее время в связи с известным воров Шакуром привели меня в сильное волнение; они также способство-

вали упадку настроения среди крестьян окрестных с деревней Чутеи... В Казани мне один из интеллигентов сказал: «история вора Шакура не достигла тех размеров, как писали об этом в газетах, Низамутдинов, Ишимов, Бикчентаев невиновны, их обвиняют лишь левые коммунисты». Я понял, что некоторые интеллигенты даже хотят защищать их в организованном порядке»²¹.

Этот человек действительно считает, что если бы его дело не приобщили к делу Шакура, то его бы не держали так долго под стражей, люди верят в правосудие, обращаются к прокурору с подобными заявлениями, считая, что они страдают по недоразумению. Мне же кажется, что все это – не роковые ошибки. Это преднамеренное увеличение объема дела. Возьмем тот же 4-й том. Он полностью посвящен распределению зерна по семьям. Видимо, следователи думали, что если Шакур – бандит, то он должен был отобрать, присвоить все это зерно. Хотя из рассказов моей бабушки, которая родом из этой деревни, следует, что все наоборот: он считал святым делом мусульманина помочь с посевной. В его округе не было ни одного незасеянного поля! А ведь это 1925 год!

Баширов, конечно, и представить себе не мог, что спустя многие годы его слова станут серьезным подспорьем в моем исследовании. Он писал много и обстоятельно. В этом же письме он просит вознаграждения «Фатыху Баширову и Хасанову по 100 рублей за то, что они остались голодными оттого, что принимали участие в раскрытии шайки»²². Такая постановка вопроса похожа на премию платным агентам НКВД.

Насколько ошибались интеллигенты в оценке масштабов дела о «шакуровщине»? Выше я писала, что половина заключенных, находящихся под следствием полностью признаны невинновыми (17 человек); семеро получили незначительные сроки с учетом предварительного заключения от года до четырех лет; шесть человек получили от 5 до 8 лет с учетом предварительного заключения; а 16 человек были расстреляны.

В чем же обвинялся Шакур Рахимов?

В обвинении основного обвиняемого Шакура Рахимова идет перечисление всех дел, которые рассматривались в ходе следствия, и приписано, что он являлся организатором, руководителем, разработчиком планов нападения, держал, хранил и сбывал краденое. Конкретнее:

1. Совместно с членами своей шайки с 6 на 7 сентября 1920 года путем пролома пола совершил кражу из Киянчинского кооператива.
2. В конце 1923 года как главарь шайки получил от членов одну лошадь – кобылу гнедой масти, добытой не установленным следствием путем.
3. В начале 1924 года принял участие в обсуждении плана совершения кражи из Пильненского отделения райсоюза Нижегородской губернии.
4. В конце марта – начале апреля 1924 года совместно с Афлятуновым Файзрахманом и Сабиром Шакуровым, а также другими, не установленными следствием лицами, совершил кражу носильного платья и домашних вещей...
5. 14.02.1924 года путем пролома забора проник во двор, путем подбора ключа к замку 1 амбара и взлома замка другого амбара похитил хранившийся там хмель в количестве 32 пудов.
6. В 1923 году продал за 5 пудов ржи подложную учетно-кредитную карточку, за-

полненную не обнаруженным следствием лицом.

7. В мае 1926 года купил в Яльчике на базаре заведомо краденую лошадь.

8. Систематически давал взятки за укрывательство членов своей шайки:

- В виде взятки начальнику кантонной милиции Бикчентаеву дал принадлежащую им заведомо краденую лошадь.
- В виду угощения Прокурору Свияжского кантона Низамутдинову, принимая его у себя дома и пьянствуя с ним по нескольку дней.
- Летом 1923 года дал взятку в виде отреза прокурору Низамутдинову.
- В течение 1923–1924 года угощал у себя начальника Свияжской кантонной милиции Сагеева.
- В период 1923–1925 годов – угощение + самовар нарслеу Ишимову.
- В течение 1924–1925 годов – угощение нач. милиции Ахтямову.
- В течение 1924–1925 годов секретарю Амирову – пальто, угощение. деньги.
- В марте 1924 года должностным лицам Молькеевского ВИКА в виде угощения – продовольствие.
- В период 1923–1924 годов обменял лошадь начальнику районной милиции Сайдашеву.
- Способствовал агенту угрозыска Гатауллину вымогать взятки с граждан Чумарина и Тараканова отобранием у Тараканова конско-учетной карточки²³.

Вернемся в зал суда. Вот, что пишут следователи В.Панюков и Е.Григорьев в статье «Конец атамана»: «Замалетдинов неожиданно вскочил, разметал конвой, опрокинул стол прокурора и бросился к столу судей. Трудно сказать, на что он надеялся». Это было состояние аффекта, когда Замалетдинов услышал приговор.

«То ли прорвалась слепая ненависть, то ли предпринял последнюю, обреченную на провал попытку – бежать. В зале поднялась паника. Алексеев, метнувшийся ему наперерез, был сбит с ног, не растерявшись, он в упор выстрелил в озверевшего бандита. Тот упал замертво. Верховный суд выполнил наказания трудящихся, в многочисленных письмах и телеграммах требовавших самой суровой кары бандитам. Шакур, Мазитов, Ярханов и другие наиболее активные члены шайки были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу»²⁴.

Все время Шакур вел себя достойно, вызывая уважение у окружающих. Его уважали как следователи, так и надзиратели, судьи. В нем было много достоинства, цельности, спокойствия.

Устное свидетельство моей бабушки подтвердилось статьей С.Сиражиева «Шакур карак тэбесе». Там сказано о том, что русская сноха везла из Москвы «государственный документ», освобождающий Шакура Рахимова и его близких. Остается тайной, каким образом был раздобыт этот документ, подписанный первым лицом НКВД, но достоверно известно, что документ был выдан, а за ним последовал телефонный звонок с приказом «срочно привести приговор в исполнение».

Моя бабушка была знакома с человеком, который находился в конвое Шакура. С его слов, исполнение приговора было срочным, спешным.

«17 декабря 1926 года... В этот день по всему Советскому Союзу началась перепись населения. К этому дню приведен в исполнение приговор Верховного суда в отношении шайки Шакура-карака»²⁵.

Опираясь на материалы следственного дела, воспоминания бабушки, статьи, опубликованные в разные годы, я сделала определенные выводы:

- 1) село Чутеево действительно считалось «гнездом конокрадства»;
- 2) Шакур Рахимов во всех отчетах угрозыска, включая отчет от декабря 1923 года, считался «известным конокрадом», точнее, организатором краж;
- 3) в ходе следствия ни одного действительно серьезного преступления раскрыть не удалось, более того, ни следствие, ни масса допрошенных людей не смогли назвать ни одного большого дела;
- 4) при обыске у одного из членов организованной группировки был обнаружен наган, что дало следствию повод утверждать, что эта группировка является вооруженной бандой. (Тут я вспомнила, что у моей прапрабабушки, жительницы этой же деревни, тоже имелся наган!);
- 5) грабежей, нападений, убийств, поджогов деревень и других бесчинств в данном деле не рассмотрено, что дает нам повод утверждать, что их не было.

В заключение своей работы я хочу заявить о том, что я категорически против того, чтобы Шакура Рахимова и впредь называли «карак». Это никем не доказано! Но возводить его в ранг героев, называть его татарским Робинем Гудом, идеализировать его поступки я тоже не считаю корректным. Истина об этой личности не открылась даже в те далекие годы многочисленным следователям. Возможно, что они, имея определенную установку, и не пытались отразить истину.

Я считаю необходимым выразить свое отношение к человеку, чьей памяти посвящена моя работа. Все-таки самым главным в моей исследовательской работе является именно Шакур Рахимов, его судьба.

Власти считали, что этим расстрелом они ликвидируют банду. Но в статье «Шакуровщина» в газете «Красная Татария» от 5 января 1936 года я нашла, что спустя три года после ликвидации Шакура и его «банды» в селе Чутеево была раскрыта и ликвидирована вторая вооруженная банда численностью в 35 человек, занимавшаяся грабежами и убийствами. Третья банда ликвидирована угрозыском в июле 1935 года. Всего арестовано 37 человек. С 23 декабря выездная сессия слушает дело банды села Чутеево. Видимо, дело было даже не в Шакуре, а в менталитете жителей этой деревни. Банды появлялись независимо от того, был Шакур или нет. Возможно, если бы Шакур не был расстрелян, в деревне и ее окрестностях было бы больше порядка. Он был ее хозяином и чувствовал ответственность за земляков. Местные власти не пользовались авторитетом, потому что не могли улучшить жизнь крестьян из-за государственной политики в тот момент (продразверстка, голод, налоги).

Силой своего авторитета Шакур решал многие спорные вопросы, помогал бедным. То, что при его жизни в окрестностях не оставалось невспаханых и незасеянных полей означало, что люди не голодали. Он обеспечивал всех посевным зерном, лошадьми. Его можно даже назвать своеобразным «деревенским головой».

Вероятно поэтому людская память хранит о нем теплые воспоминания. Последние два года проводится Сабантуй в его честь, где главный приз получает выигравший на скачках. Психология человека устроена так, что плохое запоминается лучше, чем хорошее. Так как документов негативного характера о нем я не нашла, то, опираясь на презумпцию невиновности, можно смело утверждать, что Шакур Рахимов невиновен. «Если в деле обвиняемого нет доказательств – считать человека преступником незаконно»²⁶.

Я считаю, что моя работа является только начальным этапом исследования

жизни Шакура Рахимова. В этой работе я постаралась ознакомиться со всеми доступными материалами, хранящимися в Национальной Библиотеке РТ и Национальном Архиве РТ. Я считаю, что необходимо продолжить работу по поиску потомков Рахимова Шакура, обратиться к архивным материалам дореволюционного периода, найти материалы архива НКВД.

Дальнейшее исследование личности Шакура поможет нам лучше понять и оценить историю Татарстана 20-х годов XX столетия.

Из работ финалистов конкурса

Надежда Мацакова
(с.Усть-Вымь Республики Коми)

Чтобы не повторилось

Из бесед и документов Национального архива я узнала, что батюшка был высоким, красивым, с бархатным голосом, порядочным, добрым человеком, готовым прийти на помощь нуждающимся. Он был женат на Афанасии – дочери священника, служившего в Благовещенской церкви о. Павла (Мотохова). Из года в год семья увеличивалась. У Малиновских было тринадцать детей, для которых он был примером для подражания. Сдержанный, спокойный, в меру строгий, своих детей учил быть честными, добрыми, справедливыми. Такое воспитание не прошло для детей бесследно. Все они были трудолюбивыми, обязательными, скромными.

После рождения тринадцатого ребенка его жена, матушка Афанасия, умерла... Все легло на плечи о.Павла. Но не оставили люди в беде священника, все устьвымчане старались поддержать его, помочь в трудную минуту. Сильный духом, о.Павел не опустил руки, а все силы отдал воспитанию детей и служению своей вере.

Вроде бы и все понятно: служил в церкви священник, воспитывал своих детей, никому не делал зла... Однако из документов Национального архива узнаю следующее: «В 1918 году обложен контрибуцией в 500 рублей. В 1921 году “привлекался за то, что не сдавал церковные ценности”. В 1936 году привлекался к ответственности по статье 192 УК РСФСР, но был оправдан по суду».

В 30-е годы служители культа были приравнены к кулакам. Их, как одиночников, облагали непосильными налогами.

Из документов Национального архива города Сыктывкара выясню, что Павла Васильевича Малиновского неоднократно штрафовали за несдачу продналога.

Как мог сдать больной шестидесятилетний священник, отец 13 детей, 250 килограммов мяса?

Передо мной справка, выданная врачом в октябре 1934 года: «П.В.Малиновский – инвалид 2-й группы. Может выполнять легкие физические работы. Диагноз: порок сердца, общий артериальный склероз, грыжа».

Вывод: преследование духовенства происходило с 1918 года. Служители культа вытеснялись из общества. Административные ссылки, заключения в концлагеря, расстрелы стали одним из массовых способов борьбы с противниками новой власти.

Антицерковная политика новых властей не оставляла шансов на выживание священникам.

о.Павел хотел одного: чтобы не закрывали церкви против воли народа, чтобы не облагали крестьян непосильными налогами. Его больше всего беспокоило то, как сохранить Усть-Вымские церкви и церковные ценности от разрушения и уничтожения. Он прекрасно понимал, что атеизм губелен для страны.

о.Павел не стеснялся говорить о лодырях и лентяях, которые при советской власти стали руководителями и колхозными активистами благодаря односельчанам-кулакам, у которых отобрали почти все, а некоторых отправили в тюрьмы...

Он открыто говорил, что коллективизация – губительный шаг советской власти. Трудно представить состояние батюшки, отца тринадцати детей. Он знал, что по всей стране начались аресты священников, но не бросил своего дела. После закрытия Благовещенской церкви о. Павел начинает служить в Свято-Казанской церкви в д.Казанский Иб.

Далее, иду в деревню Казанский Иб, которая находится в семи километрах от села Усть-Вымь. Уныло смотрят на мир божий покосившиеся крестьянские дома... Создается такое впечатление, что в этой заброшенной деревеньке, где негде купить даже хлеб, куда не ходят автобусы, остановилось время: одинокие бабушки и дедушки, как в дореволюционное время, в больших стоптанных валенках и телогрейках возятся около колодца, готовят дрова на зиму... Какое-то чувство вины перед этими людьми до сих пор осталось в моем сердце...

Кызыуров Алексей Ардальонович, старожил деревни, с грустью рассказывает о единственной гордости – деревянной церкви, которая сгорела в 2000 году. Остался только фундамент – это огромные камни, какие редко встречаются в природе.

Из беседы со старожилками деревни я узнаю, что после закрытия в селе Усть-Вымь Благовещенской церкви в 1933 году о.Павел служил в Ибской Свято-Казанской церкви, но через два года власти решили ее закрыть. Переживала вся деревня, но с властями бороться было бесполезно. Люди боялись всего и всех. Не знали, что их ожидает в будущем. Даже в «глубинке» очень серьезно велась антицерковная политика. Нередко обыскивались дома, и за обнаружение иконы или крестика виновных наказывали. За каждое неосторожно сказанное слово ожидала тюрьма. Однако люди шли к священнику со своими проблемами, и он никому не отказывал. Приходилось таинства совершать ночью. В какой-то мере это послужило аресту.

Александр Колган

(д.Стрельна Сухиничского района Калужской области)

А нужно было-то всего лишь обжить родной клочок земли

Людей оценивали в то время прежде всего по их отношению к труду. В жены для сына родители выбирали работницу, невзирая на чувства молодых людей, что нередко оборачивалось для них трагедией. Характерный пример моего предка Канунникова Михаила. Ему родители не разрешили взять в жены любимую девушку Стешу, только потому что она была учительницей. Ослушаться родителей он не мог, не мог и отказаться от своих чувств. Ему пришлось жениться на Анне. Но стоило ему выпить рюмку водки, и виновницей всех бед становилась жена, Анна, ко-

торую он бил смертельным боем. Примириться с действительностью ему помог прохожий знахарь, больше Михаил даже грубого слова не говорил жене. Стеша вышла замуж, но неудачно. Незадолго до смерти приезжала в Стрельну, навестить могилу своего любимого. Все жалела, что не стала его женой. Говорила, что копать и пахать умела и была бы хорошей хозяйкой.

Дмитрий Середа (г.Тула)

Жизнь русского среднего класса в XX веке

Анна Рихардовна вспоминала, что во время революции распространяла какие-то прокламации. По рассказам Евгения Михайловича Арнольдова (дяди моей бабушки) эти прокламации привозила из Симбирска Юлия Рихардовна. Она была человеком веселым, красивым, и подобная работа ей удавалась. Однако политические взгляды нашей семьи в этот период неясны, скорей всего молодежь симпатизировала «красным».

Елена Пузикова

(г.Саратов)

Судьбы людские

Особенно интересно перечитать три тоненькие тетрадки, куда юная особа выписывала мудрые мысли писателей, философов, общественных и государственных деятелей, которые, видимо, соответствовали ее взглядам на жизнь. Среди «великих» встречаем имена Гончарова, Гете, Шекспира, Флобера, Жорж Санд, Свифта, Сенеки, Конфуция, Вольтера, Руссо, Монтескье, Шопенгауэра, Ларошфуко, Франклина, кардинала Ришелье. Многие их суждения очень современны. Возможно, прочитанное и осмысленное через некоторое время помогло легче переносить ожидавшие повороты судьбы. Ведь «чтобы быть счастливым, необходимо здоровое суждение; следует, какое бы то ни было настоящее, быть им довольной и уметь любить то, что имеешь; надо, чтоб рассудок заставлял нас находить прелесть в каждом положении», – писал Сенека, а с ним соглашалась Маша Шабалина.

Среди узников баржи оказались В.А.Скворцов и С.П.Шабалин. Передачи Сергею Петровичу носила Маша. Неизвестно, знали ли друг друга до этих трагических дней Скворцова и Шабалины. Известно, что, лишь только заключенные оказались на свободе, Владимир Александрович и Мария Петровна сыграли свадьбу. Вот уж действительно: «не было бы счастья, да несчастье помогло». В новой пролетарской стране потомки старых купеческих родов соединили свои судьбы. На фотографии невеста, как и положено, в белом платье и фате. Интересно, думалось ли ей тогда о том, какой могла быть ее свадьба 2–3 года назад? Наверное, нет – на лице отсветы счастья, ведь Сенека учил ее «уметь любить то, что имеешь». На этом злосключения не кончились, они только начинались.

После свадьбы молодожены «дружно» переболели тифом. Но они были молоды и счастливы, и тяжелая болезнь не повергла их в уныние. Об этом тоже говорит фотография. Фотография – улыбка, на которой Мария и Владимир после болезни, с одинаково обритыми глянцевыми черепами, уселись рядом, спиной к зрителю,

на стульях с высокими спинками. Только и видно, что две лысые головы. Попробуй отгадать, кто есть кто?

Вскоре уезжают в Москву, может быть, для того, чтобы затеряться в огромном городе, где их никто не знает. Без дела не остаются. Муж работает инструктором по фотографии в Аэрофотографическом парке красного военно-воздушного флота. Он всерьез занимался фотографией. Им написано руководство по фотографии, опубликована статья в журнале «Известия по аэрофотографии». Жена работает там же, переписчицей в техническом отделе.

Руки у Владимира Александровича были золотые, поэтому, несмотря на клеймо лишенца и первоначальные трудности в трудоустройстве, он не остался без работы. Освоил новую, редкую специальность, точку хирургических инструментов, и с 1935 года работал в мастерской при Аптекуправлении мастером по ремонту и точке медицинских инструментов, обслуживал клиники известных саратовских хирургов: Краузе, Миротворцева, Крапивина. Во время Великой Отечественной войны неоднократно получал повестки о высылке из города в 24 или 48 часов, но ходатайства мастерской и уважаемых врачей спасали его. В мастерской проработал до 1950 года, пока хватало здоровья. В конце 1953 года был амнистирован, после этого прожил лишь несколько месяцев.

Филипп Абрютин (г.Москва)

С «Зингером» по жизни, или Воспоминания о былом

«Как-то было дело, договорились родители с соседкой, что купят напополам корову и что мы будем ее пасти, а доить будем через день: один день мама доит для нас, а на другой день – соседка. Но из этого ничего не вышло. Мама ведь с коровой очень ласковой была, подойдет к ней перед дойкой, погладит ее, поговорит с ней: «Здравствуй, Зоренька моя, что, наелась сегодня? А теперь нас покорми, хорошая». Мама вымя ей помассирует, подождет и спокойно все молоко выдоит. А соседка какая-то резкая и грубая была, к корове никакого «подхода» не имела, та и зажмется – молоко не отдает. Вот из-за этого скандал начался – соседка стала ругать маму за то, что та корову специально «заговорила». Такого наш гордый папа не мог вынести и решил: «Отдай ей корову, и чтоб духу ее здесь больше не было». Я только сейчас понимаю, как маме, крестьянке до мозга костей, тяжело было расставаться с коровой...»

**Екатерина Рощина,
Евгений Черников**
(г.Пугачев Саратовской области)

«Собирая... доброе основание для будущего...»

«Мой дед Александр Федорович Колесов родился в семье крестьянина. Вскоре из-за болезни скончался его отец. Из-за свалившихся на голову невзгод умер последний родной человек – мать. Родня в Арбузовке жила бедно, но все-таки одна семья решила взять к себе девочку-сироту, а маленький Александр оказался никому не нужен. Его взял в свою многодетную семью дьякон Григорий Журавлев из села Ста-

рая Порубежка. Прожив у дьякона несколько лет, он окреп, возмужал. И ему стали доверять нянчить хозяйских детей. Скоро, видя его трудолюбие, дьякон поставил его на самую завидную работу на селе – пасти лошадей. Любовь к ним он пронес через всю жизнь. Мой дед в семье Журавлева как свой, родной человек. В трудах и заботах незаметно исполнилось восемнадцать лет. Дьякон Григорий дал немного денег и лист, где написал о любви Александра к лошадям, о трудолюбии и умении работать на конюшне. Дед Александр всю жизнь хранил фотографию дьякона Григория. Теперь вот вам дарю. В начале 20-х годов дьякон Григорий погиб» 1.

Филипп Абрютин (г.Москва)

С «Зингером» по жизни, или Воспоминания о былом

«Еще помню, вспоминает бабушка – мой братик Миша сидит за столом и рисует цветными карандашами кур «с натуры». У него рано открылся дар художника – такой, что люди с соседних хуторов приходили посмотреть на «картины» малыша.

А в 1924 году Миша умер. На Кубани он стал еще лучше рисовать, про него слава разнеслась далеко за пределы школы и даже станицы. Он был очень талантливым мальчиком и очень любил рисовать, лепить... Когда не было цветных карандашей, то он сам ходил в лес и поле, собирал там цветы, растения разные и делал из них краски, а иногда лепил из глины по сказкам и школьным книжкам. Его работами заинтересовались специалисты, один раз даже приехала из Академии г.Царицына (Волгоград) какая-то комиссия. Решили, что после четвертого класса заберут его к себе, учиться в Художественную академию. Потом они советовали в письмах, как организовать его распорядок дня и работу, чтобы он развивал свой талант. Но в четвертом классе Миша заболел менингитом и умер... Ему было десять лет.

Хоронили его с такими большими почестями, что трудно было даже поверить: за гробом шла вся школа, директор, учителя, пионеры со знаменами и оркестром. Все любили этого светлого и доброго мальчика. Для нашей семьи это было неутешным горем – мы его все так любили... Крест на могилке Миши мы, конечно, не ставили, и поэтому мы около недели посменно дежурили на могиле, чтоб ее не затоптали, пока не было оградки. Как раз в эти дни была Пасха, и на кладбище приходило очень много народа. Я тогда еще совсем девчонкой была, но решила, что если у меня будет сын, то я его назову Мишей...

У меня сейчас встает перед глазами та картина: железнодорожная станция «Афипская», на ней много паровозов, и все они гудят, и от этого над ними клубятся дымы. Я тогда стихотворение выучила:

*В морозном воздухе зимы
Гудки все время раздавались:
«Вождя, вождя хороним мы!»
И всюду, всюду эти звуки
Неслися, как тревожный слух:
«Скончался человек великий,
Скончался Ленин, наш Ильич».*

Когда я читала этот стих, который вроде про Ленина, но я невольно думала о Мише, и губы невольно шептали: «Скончался Миша, наш малыш...»

Екатерина Конева

(с.Елбань Маслянинского района
Новосибирской области)

Затянувшееся затмение

Ничто не могло повлиять на решение Агафьи Сидоровны. Она приехала с сыном к мужу. Уже в конце жизни Емельян с нескрываемой гордостью вспоминал этот факт из их семейной жизни: «А ведь ее на фабрике очень ценили и еще предлагали пойти артисткой в театр, голос у нее был очень красивый. Ни на что не согласилась, лишь бы со мной рядом быть».

Емельян был определен в плотники. Несмотря на огромную обиду (толком и не знал, на кого), трудился он как всегда – с любовью и старанием. Это не могло остаться незамеченным, поставили его бригадиром. За зиму своими руками «благоустроили зону»: срубили два барака, баню, контору и даже небольшой магазин. Автор мемуаров вспоминает, как первый раз повели их там в баню: «Вши сыпались из белья, казалось, рубцы шевелятся, словно живые. Старое белье с огромным удовольствием в топку сбросил, надел новое и в первый раз уснул по-человечьи».

Русский мужик, закаленный крестьянским трудом, способен находить радость даже в нечеловеческих условиях: «Обжившись плотником, я уже не голодал. Пойдешь на кухню, что-нибудь сделаешь – повара накормят досыта». В свободное время Емельян мастерил для персонала кухни и бухгалтерии деревянные чемоданчики. С этим у него также связаны приятные воспоминания: «Однажды нужны были мне гвозди маленькие, попросил у дневального ящик из-под посылки. Он мне дал, я стал ящик разбивать и обнаружил в бруске тщательно заданное местечко, а в нем – 40 рублей денег. Ох, какая была у меня радость!»

Дмитрий Середа

(г.Тула)

Жизнь русского среднего класса в XX веке

Галина после того, как в 1932 году (учась в институте) вышла замуж за Тимагина Сергея Алексеевича, также уехала с мужем по распределению на работу в глухомань – село Сейтяк Бантачаевского района БАССР (Башкирия), где молодожены проработали три года. От этого села до ближайшей железнодорожной станции было сорок километров, а до пристани на реке Белой – все шестьдесят. Больничка на двадцать пять мест. Среди населения – башкир и марийцев – распространены трахома, малярия и тиф, свирепствовавший в голодном тридцать третьем году. В селе, кроме них, врачей не было, потому молодые специалисты, сами распределив служебные обязанности, работали по всевозможным медицинским специальностям. В 1967 году Галина Павловна вспоминала: «Трудно было невероятно. Опыта еще почти никакого, посоветоваться не с кем – на весь район врачей только нас двое, оснащение больницы самое примитивное. Верите, порой даже керосину для ламп не было: в то время в селе появился первый трактор, и весь керосин уходил на него...»

Людмила Новичихина,**Екатерина Опритова**

(пос.Стрелица Семилукского района
Воронежской области)

И.Г.Пащенко – свидетель всех событий XX века

Много проблем было с организацией жизни на новом месте. «Почти все не имели за душой, как моя семья, ни кола ни двора», – как рассказывает Иван Георгиевич. Семья Пащенко была определена на квартиру в селе Троицком к супругам Чекановым. Но постепенно жизнь рабочих Богдановичского рудоуправления налаживалась. И в этом, как считает Иван Георгиевич, большую роль сыграл назначенный сюда в январе 1942-го начальником рудоуправления Савенко Гавриил Павлович. Иван Георгиевич с большой охотой рассказывает о тех важных делах, которые организовал Г.П.Савенко в их трудовом коллективе. «Человек удивительной работоспособности, талантливый организатор, Савенко Г.П. в короткое время сумел организовать крепкий спаянный коллектив. Он умел создать условия для работы, поддерживал инициативу и творчество. Под его руководством в рудоуправлении построили специализированные сооружения, а также жилой поселок, баню, детсад и клуб. Под неусыпным оком Савенко Г.П. находилось питание всего коллектива горняков: организовано подсобное хозяйство для выращивания овощей, построено овощехранилище, организовал охотников на добычу дичи. Собирали березовый сок и раздавали его людям. Можно сказать, что это мелочи. Да, это мелочи. Но эти мелочи помогали людям, оторванным от родных мест, ощущать свою значимость, защищенность. Помогали выжить, и не только выжить, но и самоотверженно работать для фронта, для победы», – пишет Иван Георгиевич в своих воспоминаниях, и мы с ним полностью согласны, ведь внимание к людям, особенно в сложных условиях тыла – одно из необходимых условий для победы.

Артем Мусихин (г.Киров)**Моя семья в истории Вятского края XX века**

В 1937-м в Вятку с плотами для Кировской текстильной фабрики приплыли по Вятке братья Ичеткины – Иван и Степан. Как говорит моя бабушка, их, как и многих других, «завербовали» для заготовки древесины и работы на фабрике. В 1940 году после реабилитации из поселения в Архангельской области к ним приехали родители – мой прапрадед Ичеткин Емельян Андреевич и его жена Александра Степановна. На поселение они были высланы из деревни Летка Коми АССР во время раскулачивания 30-х годов. Емельян Андреевич был очень трудолюбивым человеком, старшим и единственным сыном в семье (у него было шесть сестер). Мать умерла рано, а отец постоянно болел. Кроме работы в поле, он умело ловил рыбу, строил дома, семья жила в достатке. Всех своих сестер он воспитал и выдал замуж (в приданое отдавал по корове). Причиной его ссылки послужила ссора с бригадиром колхозников о неправильной работе на сенокосе (в колхозе очень поздно начинали работать, а дед хотел, чтобы на сенокос выходили по росе). Не нравились ему и методы сбора на работу по утрам – стук палкой в окно, они его унижали.

Емельян Андреевич работал на заводе школьного оборудования (потом этот завод стал оборонным заводом имени Лепсе, который был эвакуирован из Москвы), ловил и продавал рыбу. Моя бабушка собирала щавель и луговой лук для продажи, и на вырученные деньги покупала себе конфеты. Она знала наизусть все молитвы и церковные песни, так как ее дед и бабушка были верующими людьми, они соблюдали все церковные праздники и посты. Дед был отличный гармонист, его талант передался и сыну Степану, без которого не обходились ни одни танцы. Они были спокойными, справедливыми и уверенными в себе северными людьми, их уважали во всей округе. Даже когда местные ребяташки воровали с кожевенного завода соль, предназначенную для выделки шкур, то при поимке прикрывались именем деда Ичеткина, что он якобы им разрешил (дед тогда был сторожем на заводе), и иногда это им помогало.

Мои бабушка и дедушка познакомились во время подготовки траурных мероприятий в Кирове по поводу похорон Сталина. Бабушка, Августа Сергеевна, была секретарем комсомольской организации Горсети «Кировэнерго» (ныне ОАО «Кировэнерго»). Она была хорошей спортсменкой и всегда находилась в центре событий. Дедушка, Мухихин Василий Артемьевич, в то время после демобилизации из армии работал электриком в организации «Северные электросети».

**Людмила Новичихина,
Екатерина Опритова**

(пос.Стрелица Семилукского района
Воронежской области)

И.Г.Пашенко – свидетель всех событий XX века

Нельзя не отметить еще одну особенность личности Ивана Георгиевича: это очень порядочный, честный и ответственный человек. Был такой случай в апреле 1955 года: по причине неисправности путей опрокинулся паровоз. Мог произойти взрыв котла с самыми тяжелыми последствиями. На подъем паровоза и восстановительный ремонт было затрачено 154 часа. А в аварии обвинили машиниста паровоза В.Р.Панина, который якобы быстро ехал, но на таком коротком участке (примерно 200 м от стрелки) большой скорости развить нельзя! Дело по аварии было передано в суд пос.Латная. Иван Георгиевич был вызван в суд свидетелем. Он взял с собой папку с актами о состоянии путевого хозяйства (в папке находились документы, отражающие истинное положение дел). Народные заседатели были изумлены и возмущены тем, как вообще можно ездить на таких путях. Суд над Паниным был прекращен.

Как жители поселка Стрелица мы очень благодарны Ивану Георгиевичу за инициативу, которая в буквальном смысле «помогает нам дышать». Дело в том, что на отработанных участках рудников образовывались отвалы неиспользованной породы, (другими словами – безжизненные глиняные пустыни). Именно по предложению И.Г.Пашенко была начата рекультивация земель. И сейчас вокруг нашего поселка не голые отвалы глины, а садово-огородные участки.

Глава 12. Страна людей

Дина Ахунова,
г.Братск Иркутской области,
лицей № 1, 10-й класс.
Научный руководитель Л.Н.Корюкина

Finita la commedia

«Я всю жизнь молчал... Я ничего не рассказывал о себе, страшась будущего. Теперь я знаю: дни мои сочтены. Скрывать, лгать, бояться больше нет смысла, поэтому я хочу поделиться самыми яркими воспоминаниями из своей биографии», – так начал свой рассказ Георгий Васильевич Шуберт, герой моей работы¹.

Судьба этого удивительного человека драматична. Он прошел через суровые жизненные испытания, перенес много лишений и трудностей, но так и не смог избавиться от чувства страха. Страх в душе не только одного Георгия Васильевича, но и в душах миллионов советских людей породил диктаторский режим. Ничего дешевле человеческой жизни в нашей стране не было, и вся система держалась на силе и страхе.

Родился Георгий Васильевич (Жора) в большой и очень дружной семье 8 ноября 1927 года. Мама его была украинкой, а папа – немцем (но уже обрусевшим и практически не знавшим своего родного языка). Кроме Георгия, в семье подрастало еще пятеро детей. Все они были очень сплоченными и внимательными друг к другу, в чем видна несомненная роль их родителей, всегда стремившихся, по словам Георгия Васильевича, к уюту и гармонии в доме.

Жора везде, в любом деле, старался быть лидером, слыл активистом, ответственным человеком. Его назначали старостой класса, председателем пионерского отряда. Конечно, Жора был и октябренок. Наши родители хорошо зна-

комы с этой отлаженной системой: (октябренок – пионер – комсомолец – коммунист). Неприемлемым казалось для советского человека выпасть из этой четкой системы.

В начале 30-х годов на Украине наступил страшный голод. И этот тяжелый период не обошел стороной семью Шубертов. Василий Карлович Шуберт как глава большого семейства вынужден был действовать решительно. Ему представилась возможность завербоваться рабочим на Дальний Восток, и, как утопающий, он схватился за единственный шанс не дать своим маленьким детям умереть от голода или от множества эпидемий, уносивших тысячи человеческих жизней на Украине.

В то время как Шуберты поселились в Хабаровском крае, самому старшему их ребенку исполнилось десять лет. Именно на основе нескольких отрывочных воспоминаний старшей сестры Георгия Васильевича Веры Васильевны мы можем составить представление о быте тех людей, которые должны были покинуть свою малую родину, чтобы попытаться выжить: «На первых порах пребывания вдали от дома всей нашей семье было совсем непросто. Но родители и не думали возвращаться обратно. Здесь хотя бы немного можно было подзаработать отцу и скудно накормить нас, детей. Таких переселенцев, как наша семья, в бараках, где селили наемных рабочих, собралось очень много. Было холодно, гадко, сыро, тесно, под одной крышей ютились почти два десятка человек. Большинство не выдерживало тяжелых условий; люди заболели, а затем на наших глазах медленно умирали. Было очень страшно...»

Вплоть до 1936 года семья Шубертов перебивалась малыми заработками отца. А затем все-таки вернулась обратно в колхоз «Раннее утро» Украинской ССР.

Нерадостной была встреча с родным краем. Неутешительная перспектива открывалась родителям Георгия. Прежний их дом перешел в чужое владение, а родные также не могли принять большую семью: самим негде было разместиться. Василий Карлович уговорил свою сестру Александру принять их ненадолго. Сам же усиленно подыскивал для своей семьи какое-нибудь жилище. Через четыре месяца они переехали в квартиру в старом кооперативном доме. Отцу семейства, как и прежде, приходилось трудиться за двоих. Кроме того, они лишились дополнительного источника – их хозяйства (огорода, птицы, домашних животных), которое можно было держать, живя в собственном доме. Георгий Васильевич вспоминает: «Отца своего дома мы практически не видели. С раннего утра до поздней ночи он занимался тяжелым физическим трудом и тем самым зарабатывал скудный кусок хлеба».

Вскоре власть нанесла новый решительный удар по своим согражданам: волна кровавых репрессий захлестнула страну.

Тогда Жоре исполнилось десять лет. Он был общительным, веселым мальчуганом. Жора нашел преданного друга в лице Вовы Белого, ребенка из семьи интеллигентов, врачей. Ребята проводили вместе много времени, играя и обсуждая поступки героев только что прочитанных книг. Дедушка Вовы за свою жизнь собрал огромную библиотеку, и Жора часто пропадал там целыми днями, «взахлеб» читая Майн Рида, Фенимора Купера, Дюма, Жюль Верна. Однажды утром, прибежав к дому друга, Жора не нашел там ни одной живой души. Попытался расспросить взрослых людей, но так и не получил ясного ответа. Узнал только, что поздно ночью подъехала какая-то незнакомая машина, на которой и уехала вся Вовина семья. Больше никогда никто их не видел.

Поговорив с Верой Васильевной, я узнала, что в их колхозе это был не еди-

ничный случай исчезновения людей. «Это было время всеобщего страха, – с горечью и болью вспоминает женщина, – люди ходили по улицам, словно тени, призраки. Наша семья переживала за отца, если он задерживался на работе. В голову закрадывались страшные мысли. Ночью улицы были пусты. Все сидели тихо в своих квартирах и внимательно прислушивались, не раздаются ли на лестнице во тьме чьи-нибудь шаги...»

В таком изматывающем напряжении советские люди жили вплоть до самой войны.

В ноябре 1941 года на заводе, где работал Василий Карлович, объявили эвакуацию на Урал. Поскольку отец Георгия уже был не пригоден по возрасту к службе в действующей армии, его обязали выехать вместе с заводом. В считанные сроки оборудование укомплектовали, погрузили в эшелоны. Рабочие были также готовы к отправке. Но Василий Карлович не мог оставить свою семью, не мог бросить ее на произвол судьбы.

Воспоминания о вступлении немцев в его родной колхоз «Раннее утро» сохранились в памяти Георгия Васильевича, и он поделился ими, хотя видно было, что разговаривать на эту тему ему совсем не хотелось: «Холодным, пасмурным сентябрьским утром в наш колхоз вошли немецкие отряды. Я пристально вглядывался в лица солдат и испугался: они были бездушные, озлобленные. Едва немцы пришли, как стали по-хозяйски осваиваться. Сначала они, как скотину, согнали в специально отведенные помещения всех евреев. Затем показательно на глазах жителей села расстреляли пятерых. Среди них был мой лучший друг Лелька. Впервые я так близко увидел смерть, почувствовал ее мертвящий холод и... ужаснулся...»

Уже спустя полгода Шубертам пришлось пережить большое горе – немцы вместе со всей молодежью увозили в Германию их старшую дочь Верочку. Георгий Васильевич так описывает атмосферу в доме накануне отъезда сестры: «Мать билась в истерике, а отец нервничал по комнате и пытался успокоить ее, но напрасно. Она плакала и ежеминутно вскрикивала: «Что же с ней будет?! Что же будет?! Сделайте же хоть что-нибудь!..» Самые младшие забились в угол и со страхом глядели на происходящую сцену... На следующее утро Веру и многих других парней и девочек захлестнули в военные машины и увезли. Мы с отцом боялись, что у мамы не выдержит сердце, и отвели ее скорее домой...»

В восемнадцать лет Вера Шуберт, как выяснилось позже, попала в один из трудовых немецких лагерей, где работала на заводе шлифовщицей металлических пластин. Работа была очень тяжелая, изнуряющая. Поэтому немцы и пригоняли со всех захваченных территорий бесплатную молодую рабочую силу. Многие умирали в пути, другие от непосильного труда и от постоянного голода. Убежать из таких лагерей было практически невозможно: все равно отлавливали...

Так Шуберты почти целый год пребывали в мучительных переживаниях, страхе за жизнь дочери. Не представлялось никакой возможности узнать что-либо о судьбе Веры.

1943 год стал поворотным, переломным для Василия Карловича и его семьи. Предстояло навсегда покинуть Украину. Их и таких же немцев по происхождению, находившихся в немецкой колонии «Веселая», стали собирать для отправки в Германию. Георгий Васильевич вспоминал, как относились завоеватели к советским немцам: «Вы немцы низшего сорта. Вы работали на эту страну, а значит, предавали свой народ, но мы даруем вам жизнь».

Вскоре тысячи немцев были собраны для отправки на свою «историческую Родину».

«В тесных, холодных вагонах, без удобств и практически без пищи нас везли в Польшу... Никто не представлял, какая участь нас ждет. Конечно, готовились к самому худшему... На бледных лицах моих родителей был написан страх. Они почти не смыкали глаз и не отпускали нас от себя ни на минуту. Но во мне, как ни странно, вовсе не было этой мучительной тревоги, боязни, терзавших взрослых. Напротив, я оставался весел, спокоен и беспечно, с огромным интересом наблюдал пейзажи, проносившиеся перед моими глазами. Я по-настоящему был счастлив, впервые вырвавшись за пределы своего родного уголка...»

Главу семьи определили на фабрику. Георгию уже исполнилось шестнадцать лет, поэтому и он вынужден был трудиться вместе с отцом. Каждый день выдавали скудную пайку, но жить было можно и нужно, особенно ради детей.

Жора не задумывался над своим положением. Некогда было. Дисциплина в лагере установилась с самого начала очень строгая, как в армии. Работали для того, чтобы не умереть. Они не пытались сопротивляться, но осуждать их за это жестоко. Просто каждый думал о спасении своей жизни и жизни родных.

Приближался 1944 год. Георгия, как юношу призывного возраста, направили в учебный батальон немецкой армии. Никакого иного выбора, как подчиниться, у него не оставалось, и Жора выехал в предписанный ему батальон. Так началась служба на стороне немцев.

«Конечно, мысли о том, что советскому человеку противоестественно находиться в рядах врагов, закрадывались в голову очень часто. Но я не стремился сбежать или устроить бунт против командования. Я понимал, что не сегодня-завтра на немецкую землю вступит Советская Армия. Ничего плохого, находясь в рядах фашистов, я не совершил, никого из своих не убил. Так стоит еще переждать, дожидаться освободителей, и тогда все будет кончено», — так думал тогда Георгий Васильевич.

Это, конечно, был страх, страх абсолютно нормальный для молодого человека, еще только начинающего жить. Страх в некотором смысле успокаивал совесть, укорявшую за бездействие.

Тем временем победа русских была очевидна. Понимали это даже немцы, но не хотели мириться с мыслью о поражении. Георгий ликовал: «...Конец самой жестокой, самой унижительной войне. Скоро можно будет вновь обрести свою родину, встретиться с близкими и начать все с чистого листа, тем более что вся жизнь еще впереди, столько нужно успеть сделать. Я хотел быть сейчас со своими, вместе с советскими солдатами...»

Но когда советские войска вступили на территорию, еще оккупированную фашистами, Георгий не вышел им навстречу. И этому нашлось объяснение: он боялся. Здравый смысл подсказывал Георгию Васильевичу, что далеко не все складывается для него благоприятно. Немец по национальности, он пребывал на немецкой территории в рядах немецкой армии. Что в таком случае могло подумать советское командование? Что он предатель? Наверняка не поверили бы ни единому его слову. Поэтому, осознав всю безвыходность положения, Георгий решил бежать из немецкого батальона, но не один, а с двумя товарищами: «Поздно ночью мы тихо забрались в один из барачков, где жили гражданские, и отыскали несколько чемоданов. Затем выпотрошили из них все вещи и выбрали необходимые. Под покровом ночи легче было убежать, и мы реши-

лись. Выбравшись за пределы части, мы рванули изо всех сил примерно на три километра от нее. Бежали, пробирались через густой лес, словно в бреду.

Очнувшись лишь в каком-то окопе. Там же переоделись, сожгли все военное обмундирование и документы. Когда на раскаленных углях тлел мой военный билет, я наконец понял, какой шаг я сделал. Назад пути уже не было, но я чувствовал страх в преддверии встречи с нашими войсками. Я жаждал оказаться сейчас с ними, но, трезво рассуждая, понимал, что, возможно, обрекаю себя на гибель, так как они в любую минуту могли меня раскрыть. В душе теснились противоречивые чувства. Однако я решился. Через несколько часов я и двое моих товарищей разговаривали с советскими солдатами, выдавая себя за угнанных из СССР. Заранее мы договорились о том, что незнакомы друг с другом. Я назвал себя Ковалевым. Произнося вымышленную фамилию, чувствовал сильное сердцебиение. Это была моя большая ошибка в жизни. Я обрек себя на те испытания, которые пришлось пройти. Но в тот момент мне поверили и не особо проверяли. На некоторое время пришло успокоение, страх отступил».

Георгий Васильевич считал, что обман явился причиной того, что с ним в дальнейшем случилось. Но я убеждена: ложь с его стороны подействовала ему не во вред, а только на пользу. В любом случае власть нашла бы ему «справедливое» наказание. И неизвестно, как сложились бы обстоятельства, если бы Георгий Васильевич сразу признался, что он немец по фамилии Шуберт. Думаю, приговор мог быть суровее, а так, солгав, он отсрочил исполнение этого приговора.

Георгий Васильевич был отправлен на фронт вместе с нашими солдатами и даже участвовал в боевых действиях, вступил как победитель на землю врага, с которым еще недавно стоял в одном ряду. Девятого мая советские войска вступили в Прагу. По дороге им встречались колонны немецких солдат, но сопротивления они не оказывали. Весть о безоговорочной капитуляции Германии разлетелась невероятно быстро. Вместе со всеми радовался и Георгий Васильевич. Он строил радужные планы на будущее, мечтал о скорейшей встрече с родными.

Но уже через неделю он был отправлен в танковый учебный батальон, находившийся в Вене. Военное начальство заметило его энергичность, инициативность, смекаливость, поэтому направило его именно в танковое училище. Позднее же, когда Георгий Васильевич обратился в соответствующие инстанции с просьбой о предоставлении ему документов, подтверждающих факт нахождения его в составе Советской Армии в стрелковом батальоне в период военных действий, а также в отдельном танковом училище в городе Вене, оказалось, что все документы были утеряны. Несколько раз из Центрального архива ордена Красной Звезды приходили ответы типового содержания: «На Ваше письмо сообщаем, что документы Отдельного учебного стрелкового батальона 13-й Гвардейской стрелковой дивизии по учету личного состава в ЦАМО не поступали (видимо, в боевой обстановке не сохранились). Приложение: от н/вх 94795 на 2 л. (справки) только по адресату. Зав. архивохранилищем...»

Данный ответ датирован восемнадцатым сентября тысяча девятьсот девяносто второго года. Позднее, в тысяча девятьсот девяносто пятом году на очередной запрос Георгия Васильевича, пришло письмо, которое также не пролило свет на это запутанное дело: «Сообщаем, что документов Отд. Учебного стрелкового батальона 13 гв. Стрелковой дивизии, необходимых для наведения справки в ЦАМО, нет, поэтому сообщить данные о Вашей службе не представляется возможным».

Возникает вопрос: действительно ли случайно «в обстановке боевых действий» важные документы не сохранились или же в этом была заинтересована государственная система, желавшая сделать приговор Шуберта в измене Родине наиболее убедительным. Для этого, конечно же, не следовало упоминать о его отличной воинской службе в Советской Армии.

Однако сохранились две небольшие фотографии, которые говорят нам о пребывании Георгия Васильевича в войсках СССР. Безусловно, эти фотографии не могли привлечь во внимание государственные органы. Сейчас же для нас они имеют документальную ценность. На одной из них Георгий Васильевич (он слева) запечатлен вместе со своим сослуживцем. Оба они в военной форме. Думаю, нельзя усомниться в подлинности фотоснимка, который напрямую доказывает факт прохождения службы Георгием Васильевичем в рядах Советской Армии. Вторая фотография, где изображение нечеткое, неопределенное, также свидетельствует в пользу Георгия Васильевича. Об этом мы узнаем, просмотрев обратную сторону фотографии, где имеется печать, подтверждающая, что Шуберт входил в личный состав первой стрелковой роты Отдельного учебного батальона.

Но в тот далекий 1945 год Георгий Васильевич думал совершенно о другом. Начались серьезные проверки личного состава танкового училища: закончилась война, и власть выдумывала себе новых врагов народа. Естественно, что стали поднимать все личные дела курсантов. Но Георгий Васильевич не считал себя виновным, поэтому надеялся на понимание со стороны командования в том случае, если даже раскроется его обман.

Конечно, при изучении документов Шуберта, или же Ковалева, как назвал он себя, обнаружилось, что в них отсутствуют точные биографические сведения, кроме тех скупых, расплывчатых данных, которые он сообщил о себе, представляя депортированным в ходе войны. Его стали постоянно вызывать на допросы. Георгий Васильевич настойчиво утверждал, что он, Ковалев, воспитанник детдома и родителей, родственников своих не знает. «Лишь по ночам долго не удавалось заснуть: холодный страх сдавливал грудь, страх раскрыть себя, а значит и своих близких. Знание немецкого языка могло сыграть для меня роковую роль. Даже во сне приходилось ежеминутно контролировать свои эмоции, чувства, мысли, чтобы случайно не проговориться и не погубить себя и родных, дорожке которых у меня никого не было. Ну, и самому страстно хотелось жить», — вспоминает Георгий Васильевич.

Так в мучительных переживаниях и в нечеловеческом напряжении прошло приблизительно три-четыре месяца. Командование по-прежнему относилось к нему с подозрением, но никаких решительных шагов не предпринимало. «Но что-то во мне не выработалось, — горько усмехается Георгий Васильевич. — Жить в постоянной тревоге, боязни становилось все тяжелее и тяжелее. Морально я вымотался; меня словно кто-то опустошил. Сохранилась только моя форма, а внутри — пустота. Я устал изворачиваться, бояться... Надоело... Я решил разубить этот гордый узел и признался во всем...»

Конечно, поднялся переполох. Обнаружили «изменника, немецкого шпиона». Никаких длительных допросов после признания больше не было. Дело сфабриковали в считанные сроки. Итак, еще одна человеческая судьба была загублена. Георгий Васильевич был арестован в конце августа 1946 года в Вене. Вначале его поместили в пересыльную тюрьму, а затем стали готовить к отправке на Украину.

«Я помню, как меня и десятки сотен заключенных перевозили из одной тюрьмы в другую. В тесных вагонах нельзя было сделать и шагу: повсюду, казалось, бездыханные лежали горы неподвижных человеческих тел. Люди были истощены не только физически, но и морально. Кто-то стонал, а кто-то беззвучно проливал слезы. Но вряд ли эти несчастные понимали свою вину, которую им вменяла власть». В октябре 1946 года Георгия Васильевича встречал первый его лагерь — Медвежьегорск, находившийся в Карелии.

«Каждый день для меня был словно пять лет ссылки. Никто не знал, что ждет его через пять минут. Я вставал с холодных нар, одевался в неудобную спецовку, ел отвратительное месиво, затем шел работать с одной мыслью — выжить. Работали при любых условиях: и в дождь, и в снег, и в лютый мороз. Начальство не интересовало твое состояние, самочувствие. Если человек погибал в лагере, этому никто не придавал особого значения. Для руководства мы были просто трудовыми ресурсами, численность которых не убывала, так как власть «заботилась» о пополнении рядов заключенных. Вечером, придя с работы, без сил валился на те же проклятые нары в бараке, где было полно клопов, чтобы завтра быть разбуженным хриплым басом бригадира», — вспоминает Георгий Васильевич.

Оказавшись в первом своем лагере в Медвежьегорске, Георгий Васильевич тяжело заболел тифом. Его отправили в лагерную больницу. «Отлеживаясь на больничной койке, — говорит Георгий Васильевич, — думал, что вот-вот отдам концы. Не было сил бороться с болезнью, да и особенно не хотелось жить. Но меня выходила женщина, врач. Она внушила мне, что нужно бороться за себя хотя бы ради своих близких. И я ей верил. Хочется встретить сейчас эту замечательную женщину и от всей души поблагодарить ее, но, к сожалению, я даже имени ее не запомнил».

Через месяц его выписали. После перенесенного заболевания весил он сорок два килограмма, а рост его — 182 см. Для того чтобы он смог выполнять хоть какую-то физическую работу, Георгию предписали сначала оправиться от недавней болезни. Поэтому специальная комиссия определила его и еще несколько человек на овощную базу перебирать овощи. Георгий Васильевич рассказывает: «Мы варили себе огромный бак картошки на несколько дней. Это была основная моя подкормка. Я поправился на восемь килограммов».

Вообще же послевоенные годы стали для СССР очень тяжелым периодом. В стране царили нищета, разруха и голод. В лагере Георгий Васильевич знал одного заключенного, который работал в коптерке. Здесь он перебирал приходящие из дому посылки для остальных лагерников. Однажды он получил от знакомых небольшое письмо, где сообщалось о смерти его сестры и матери. Они умерли от голода. «Тем более страшно было об этом узнать, что сам заключенный, исполняя свои обязанности, отелся донельзя, а родственники скончались, так и не увидев куска хлеба», — вспоминал Шуберт.

Держался Георгий Васильевич со всеми очень ровно, старался сохранять определенную дистанцию между собой и другими арестантами, никогда не распространялся о прошлом, боясь за семью, о которой столько времени ничего не слышал. Более или менее сносно прожить сегодняшний день — вот что являлось главной задачей для него. Рассказ «Один день Ивана Денисовича» он считает самым правдивым произведением о лагере.

Тем временем Георгий, как и прежде, в любом порученном ему деле проявлял определенную смекалку. Руководство лагеря стало постепенно приглядыва-

ваться к нему. Как раз в это время в зоне устанавливали локомотивы, дающие электричество. Требовалась дополнительная рабочая сила. Кроме того, инструкции к данным установкам были полностью на немецком языке. Таким образом, Шуберта привлекли к работе с локомотивами. «Так как работа бригады продвигалась успешно, руководство лагеря негласно опекало нашу группу, обеспечивало нам более или менее сносные условия существования. Иногда перепадал лишний черпак подгорелой каши... Вообще-то работать с локомотивами мне доставляло огромное удовольствие, потому что по природе своей я технар, руки у меня лежат к гайкам. Тем более мне почастливилось работать в одной бригаде с заключенными, имевшими высшее образование. С ними было интересно не только работать, но и разговаривать на какие-то отвлеченные темы, не касаясь, конечно же, семьи. О ней я никогда не заговаривал...» – рассказывал Георгий Васильевич.

В 1948 году Георгий Васильевича перевели в лагерь под названием Малощуйка, находившийся также на территории Карелии. Связано это было с основной деятельностью Шуберта – с локомотивами.

«В 1949 году произошел один неприятный инцидент. Каждый месяц нам выдавали зарплату в размере двенадцати-пятнадцати рублей. Можно было в магазине (в лавке) купить немного махорки. Когда выдавали «получку», то «старший блатной» на зоне отправлял своих «шестерок» собирать с каждого так называемую «дань», т.е. попросту обкрадывать нас. И вот один из таких «шестерок», обойдя все бараки, пришел ко мне. Я дремал, прислонившись к горячей печи. У меня сильно разболелась спина. Были просто адские боли, ведь каждый божий день приходилось поднимать невероятные тяжести. Вот и результат. Я лежал и, как в бреду, говорил себе, что пойду на работы. И тут нагло заходит этот посыльный и, издевательски улыбаясь, говорит мне: «Ну че, фраерок, платить-то собираешься?» Я прямо посмотрел в его «бесцветные» глаза и ответил, что никому ничего не должен. Он, по-видимому, сразу и не понял смысла моих слов, а уже через минуту, когда до него дошло, пришел сначала в удивление, а потом и в ярость. А я все смотрел в глаза этой никчемной твари и не предпринимал ничего. Тогда он взял меня за грудки и приподнял. Наверное, хотел как следует размазать по стенке. Я, конечно, порядком трухнул, но думать особенно было некогда: либо он меня сделает на всю жизнь калекой, либо я его. Я изловчился, как-то вынул печной заслон и со всей силой ударил его по голове. Он отшатнулся и всей массой рухнул на пол. Что дальше было, точно не помню. Все происходило словно в бреду; какие-то фигуры мелькали, как в тумане. Знаю только, что ребята отнесли меня в санчасть, где отпаивали бромной водой – так мне было плохо», – рассказывал Георгий Васильевич.

После этого случая Георгий Васильевича прозвали «бешеным фраером» и перестали трогать. В 1950 году его перевели в Молотовск. Уже из Молотовска Георгий Васильевич освобождался в 1954 году. За свое восьмилетнее пребывание в неволе Георгий Шуберт сменил несколько лагерей, но наблюдал везде одно и то же: гадкий, мерзкий быт, безразличное отношение к человеческой жизни, унижение личности, жестокость и пустоту.

Георгий Васильевич говорит, что однажды его бригаду отправили в командировку на место назначения, которое находилось в семидесяти километрах от лагеря. Они шли пешком. «Я был самый молодой, поэтому легче остальных переносил этот изнурительный переход, но на старших своих товарищей без боли и сострадания смотреть не мог. Кто-то, обессиленный, падал на землю, умо-

лял об отдыхе, а конвоиры даже не слушали, просто били прикладами и приказывали немедленно подниматься. Стояла поздняя осень. На всех заключенных была тяжелая одежда и крайне неудобная обувь: ватные бушлаты и кирзовые сапоги. В продолжение всего нашего пути шли нескончаемые ливневые дожди. Обувь промокла и до крови натерла ноги. Силы были на исходе. Даже подкрепиться было нечем. Черствую краюшку хлеба, выделенную нам в пайку, мы давно съели. Многие, дойдя до места, падали замертво», – вспоминает Георгий Васильевич.

Безрадостное существование в лагере, где приходилось выживать, а не жить, скрасила девушка, с которой Георгий Васильевич сошелся тут же, в зоне. Она родила ему ребенка. Возможно, она и не питала к нему никаких чувств, так как забеременела единственно для того, чтобы досрочно освободиться. Для заключенных женщин, отбывающих свой срок не по политическим статьям, открывалась такая возможность освобождения.

Весной 1953 года по всей стране разнеслась неожиданная весть: «великий отец народов», товарищ Сталин скончался. Люди плакали, метались, не зная, как им жить дальше без своего идейного вдохновителя. По-иному отреагировали на это известие заключенные.

«Я не помню своих слез и не помню печали остальных. Какое-то безразличие царило в моей душе. Я не жалел и не страдал, а жил, словно в другом мире, отчужденный от всеобщего горя. Все мысли были направлены на скорое освобождение. Больше ни о чем не думал, тем более о человеке, который сломал мою судьбу и судьбы миллионов невинных людей. С другой стороны, никто не знал, какими событиями обернется кончина великого вождя. Может быть, власти уготовили новую волну карательных мер. Я беспокоился за близких, тревожился, не находил себе места», – говорил Георгий Васильевич.

В 1954 году его освободили. Нужно было думать о том, как устроить свою жизнь, ведь столько времени он упустил.

Георгий Васильевич беспокоился о своем ребенке и его матери. Найти их не составило никакого труда: еще будучи в лагере, Георгий Васильевич переписывался с этой девушкой. Приехавши в Псковскую область в село Великие Луки, он забрал дочку и мать. Теперь главной его задачей стал поиск родных. О них он ничего не знал практически десять лет.

Сначала Георгий Васильевич отправился на Украину в надежде узнать что-либо о близких. Там он нашел своих тетюшек, Дарью и Александру, которые и рассказали о том, что семья Шубертов находится на поселении на Урале. Не задумываясь ни на минуту, Георгий Васильевич рванул туда. «Я не помню точно, как добрался до места, – говорит он, – я жил ожиданием встречи. Когда доехал, стал немедленно искать семью. Поиски длились недолго. Я нашел их поселок, дом. Вошел в небольшую избушку, и первое, что мне бросилось в глаза, была моя фотография в черной рамке. Семья не верила в мое возвращение, считая погибшим. А уж когда мы встретились, слезам, объятиям, поцелуям не было конца. Я заметил, как сильно постарели мать с отцом. Бесконечные переживания, тревоги, страхи, боль, страдания сломили их. Теперь мы были все вместе и собирались устраивать потихоньку мирную жизнь».

Чтобы содержать большую семью, Георгий Васильевич пошел работать. Благо, что руки имел золотые, а потому любое дело у него всегда спорилось. В поселке открылась вечерняя школа. Георгий Васильевич немедленно подал туда документы. С хорошими результатами окончив Новоуткинскую среднюю

школу рабочей молодежи, Шуберт попытался штурмовать Уральский политехнический институт имени С.М.Кирова, и ему удалось справиться со своей задачей. Проучившись только один семестр на заочном отделении, Георгий стал одним из лучших студентов своего института. Но в их поселок стали наведываться какие-то люди, которые настойчиво интересовались всеми бывшими заключенными, проживающими на данной территории, а также членами их семей. Визиты этих людей стали учащаться, а вопросы и их интерес к поселенцам не иссякали. Георгий Васильевич всерьез забеспокоился: страх, который немного утих после XX съезда КПСС, где Хрущев разоблачил культ личности Сталина, снова зашевелился в душе Георгия Васильевича. «Для чего они интересуются мной и моей семьей? Это неспроста. Неужели весь кошмар возвращается вновь?» – вот вопросы, которые беспрестанно мучили Георгия Васильевича, не давали ни минуты покоя. Наконец выход был найден: в Восточной Сибири, в городе Братске, открылась стройка века – стройка самой мощной электростанции в мире – Братской ГЭС. Для Георгия Шуберта это был уникальный шанс не только принять участие во всеобщей грандиозной стройке, но и просто затеряться в толпе, укрыться от преследования советской власти и тем самым уберечь родных. Георгий Васильевич настолько был напуган, что даже бросил любимый институт. В 1956 году он уехал в Сибирь.

Здесь Георгий Васильевич устроился работать электриком на завод отопительного оборудования. Уже в 1957 году Шуберты были сняты с режима поселения и, в том числе жена Георгия Васильевича и дочка, и переехали в Братск. Теперь они снова были вместе. Однако беспокойство, тревоги Георгия Васильевича не проходили. В то же время Георгию Васильевичу знакомые и родственники, зная его способности, советовали продолжить получение высшего образования, начатое еще в Уральском институте. Он согласился и подал свои документы в Братский государственный технический институт, но проучился недолго. «Когда ведущим предметом стала история партии, я понял, что не смогу продолжать обучение. Не хотел мириться с вопиющей ложью о достоинствах, о силе, справедливости и непоколебимости КПСС, о многочисленных ее заслугах и великих делах, которые она во главе с идейными лидерами сделала для страны. Но бороться, доказывать обратное людям, питавшимся этими гадкими мифами, я не собирался, поэтому просто развернулся и ушел, не хлопая дверью», – объяснил Георгий Васильевич.

Георгия Васильевича уважали коллеги по работе, ценило руководство. Он был награжден многочисленными грамотами, почетными орденами, медалями: медалью к 100-летию со дня рождения Ленина, значком «20 лет Управления главного энергетика». Ему присвоили следующие звания: ветерана труда, победителя соцсоревнования, ветерана Братскгэсстроя. Однако главным его достижением в профессиональной деятельности было изобретение электродонагревателя, за которое Георгий Васильевич получил бронзовую медаль на ВДНХ.

В 1989 году старший брат Эдуард собрался ехать в Германию и настойчиво звал с собой Георгия. Георгий Васильевич наотрез отказался: «Здесь моя Родина. Здесь я родился, вырос и здесь я умру. Какова бы ни была эта большая страна, сколько бы зла она ни причинила мне, я все равно ее не оставлю».

Долгое время Георгий Васильевич Шуберт еще оставался очерненным: справка о реабилитации датирована 18 июня 1991 года. Возможно, данный документ не был бы получен, если бы не настойчивость его жены, Галины Порфиловны, приложившей все усилия для того, чтобы добиться правды. Сам Георгий Васильевич

не стал предпринимать таких решительных действий. В нем жил страх перед властью, страх перед возвращением прежнего режима, который своей «железной рукой» коснулся бы его близких. Нет, за себя он уже не боялся. Это слышно было из его иронических замечаний, шуток. «“Финита ля комедия”, – говорил Георгий Васильевич, – моя песенка спета. Теперь я ничего не страшусь».

После продолжительной тяжелой болезни Георгий Васильевич скончался 28 декабря 2002 года...

Из работ финалистов конкурса

Екатерина Конева

(с.Елбань Маслянинского района
Новосибирской области)

Затянувшееся затмение

А вот он идет – выжил, в руках собственноручно сделанный чемоданчик, в нем нехитрые подарки, бережно завернутые в газетные листы пакетики: Агаше – платок, мыло. Дочке – «лампасейки» – конфеты и несколько чистых тетрадей. Как он ждал встречи с ними. Ночами, лежа на нарах после изнурительного рабочего дня зека, он, крестьянин с четырьмя классами образования, обвиненный в контрреволюционной деятельности, размышлял о смысле человеческого бытия. Где и что он сделал не так? Почему не смог стать счастливым сам и не сделал такими жену и детишек? Сверлила одна и та же мысль: грамотенки не хватило, что-то не понял, что-то сделал не так. Это впоследствии станет его убеждением. Уже незадолго до смерти Емельяна Григорьевича Шампарова в одной из бесед с моим руководителем Т.Ю.Нерода, возвращаясь в свое прошлое, вновь корни зла увидит в том, что «неграмотный был, политики не понимал. Партия и Сталин не виноваты, они всем хотели счастья. Виновны же те, кто друг на друга клеюзы писал, да жить честно не хотел...»

Мария Квасова, Елена Ушмакина

(г.Пугачев Саратовской области)

Путешествие из Пугачева в Жестянку

Я и Маша – жители провинциального города Заволжского, далекого от губернских центров – Самары, Саратова.

Кажется, все знаем о провинции. Когда же мы ехали в Жестянку, заново открывали родные места. За окном автобуса мелькали много раз виденные телевизионные картинки. Но здесь эти картины – на нашей родине, в шаге от нас.

Брошенные огромные коровники, свинарники с выдранными окнами и распалеными дверями, разбитые дороги, кладбище сельхозтехники, сухие сталинские лесополосы, серые дома и непаханные, заросшие ковылем поля. Вспомнилось тургеневское описание русской деревни.

Течет ли время в России?

На трассе наш автобус был единственным некоммерческим автобусом, и мы подвозили жителей деревень.

Мы слушали, о чем и как говорят деревенские жители, 20-летние и 40-летние, старики и старухи, которые не выписывают и не читают газет и журналов – «не на что». Радио и телевизор – единственное окно в жизнь.

Мы не переспрашивали, боясь разрушить хрупкое доверие, которое возникло между нами. Тайком кое-что записали.

– Чем скотину кормим? Ворует. Земля есть. Пай есть. А техники нет. Муж с вечера подводу снарядит. Часов в двенадцать ночи едет в степь. Ворует у фермера. По другому никак нельзя.

– Сейчас время ловких. Кто речами, кто плечами.

– Антонина повесилась от невозможности. Муж пьет. Сын пьет. Работы нет.

– Манька-то вся из себя меня. Или поправилась, или хвост подбросила. С первым не повезло, и вторым подавилась.

– В Корнеевке (18 км от Горного) каждые девять дней кого-нибудь хоронят. Люди мрут как мухи. Царапины не заживают. Гноятся. Лейкемия, рак, сердце. Рак косит...

– Ну что Кириенко обещал? Он ни разу в старый Горный не заехал. Он чо, у кнопки стоять будет? Жить с нами?

– Мы помойка. Как тот все рельсы ищет, что лечь, так и этот. Народ правительству не нужен.

– Да, народу скоро не будет. Народ мрет. Кто рождает? Алкашихи да цыгане.

– Село задушили. В 20-м году продрозверсткой, а сейчас соляжкой, запчастями, техникой, ценами на зерно...

– Блины с кислым молоком ели. Хорошо, если с цельным, а то со снятым. Все сдавали: молоко, яйца, масло, шерсть. Даже завод в деревне сыр делал. Мне лет пять было. Я ем и говорю: «Мам, хоть бы один блинчик, но помазанный, чтоб с него текло». Съела, спрыгнула с лавки: «Ну, середка полна и концы играют...» Мать злая была. Голод. Бьет за что-нибудь и приговаривает: «Наклепал детей, а сам голову сложил».

– Вы знаете, как мы, бабы? Одна – базар, а две – ярмарка... Важен не глаз, а час. Есть час, когда человека можно взглядом убить. Или заболевает. Так старинные люди говорили. Моя бабушка...

– Я служил в Уссурийском крае в 73-м и 74-м годах, километрах четырех от китайской границы. Еще доты сохранились, Карбышев которые строил. Там наша общевойсковая часть. Шофером был. Пошел в свое первое патрулирование по городу. Одна бабка говорит: «Убийца в кровавых погонах». Я служил в МВД, но погоны общевойсковые – красные. Там много раскулаченных было.

Остановились у сожженного омета соломы.

Сорокалетний мужик, председатель колхоза в селе Клопихе.

Плачет и приговаривает: «Зачем я Дальний1 взял? Дурак. Одни алкоголики и проститутки».

– С жару земля в июле спеклась. В трещинах. Степь загорелась. А мы в низине. Огонь, дым стеной идет на Фурмановский. Собаки лают, коровы мычат. Дышать нечем.

– Что же не опахали?!

– Кто опахивать будет? Совхоза нет. Власти нет. Пошли к фермеру. Он посчитал, сколько солярки надо сжечь, и говорит: нужны вы мне...»

Было собрание. Тимофей говорит:

– Ни за что ни платите. Ни фига не ни работаете. На что мне нужен ваш Фурмановский?! Продам вас.

– Кто вам так сказал?

– Тимофей.

– Кто он? Глава администрации сельсовета? Района?

– Глава он...

Как прокомментировать невольно услышанное нами?

В их суждениях не было ни иронии, ни злости, а непоколебимая уверенность – правительству народ не нужен. И нравственный авторитет власти, мы почувствовали это, крайне невысок в глаза народа.

Филипп Абрютин (г.Москва)

С «Зингером» по жизни, или Воспоминания о былом

– Да, я вот теперь, бабушка, хочу спросить тебя о том, как ты оцениваешь жизнь ту, при советской власти и сейчас? Какую итоговую оценку ты бы поставила этим двум разным жизням?

– Знаешь, я вспоминаю маму, себя в детстве и юности и тех, кто жил вокруг нас – все мы жили бедно, но время было какое-то особое... Мы верили в светлое будущее, мы строили новое совершенное общество своими руками и видели, как все воплощается в жизнь – и уже одно это было для нас радостной наградой! Потом пришло несчастье репрессий и войны, но за ними началась благополучная и стабильная жизнь...

Как вдруг все опять переломилось, и наступила какая-то несуразная жизнь – мы даже не видели такой жизни. Вроде как нищета с позолотой. Но самое плохое сейчас – это то, что у людей нет веры ни во что: они какие-то несчастные, более угнетенные, чем раньше. Поэтому, если коротко сказать о моих ощущениях, то это ностальгия по прошлым временам. <...>

– Это понятно, но как ты можешь говорить, что вы радовались советской власти, как вы можете хвалить советскую власть, если расстреляли твоего отца, а многих родственников погубили ни за что?

– Это самый сложный вопрос не только для меня. Да, мы и другие люди перенесли большое горе, но я думаю, что причина этой беды не только в советской власти и социализме. Это нельзя связывать. Здесь какая-то другая причина...

И я думаю, что если бы Некрасов дожил бы до советского времени, то, наверное, признал бы, что в целом это то, о чем он мечтал.

– Наверное, главное заключается не в том, какой строй в стране существует, много ли он дает свободы или мало, а в том, чтобы все люди хотели и умели по-настоящему пользоваться этим строем, чтобы не смирились с нарушением своих прав и свобод. Нужно, чтобы люди были настоящими гражданами не только на бумаге, но и в своем сознании, чтобы не ждали, когда власти напомнят о правах, а сами активно применяли их на деле. Нужно объединяться, создавать гражданское общество, настоящее местное самоуправление. Вот тогда и будет настоящая демократия.

– Ох, куда тебя занесло, какой же ты мечтатель, оказывается, Филипп. Это ты красиво все рассказал. Только мне не понятно, как же это простые люди смогут объединяться и какое-то свое самоуправление создавать, если у них денег нет. Опять же получается, сто богатым объединяться и свои права отстаивать проще. Знаешь, есть такая поговорка: «Кобыла с волком тягалась, только хвост да грива осталась».

Но я вот послушала тебя и забоялась: зря мы, наверное, с тобой на эту тему говорили – ведь ты можешь такие мысли придумать, что потом и до беды недалеко. Как бы с тобой не получилось такой истории, как с твоим прадедом-тезкой. В юности он мечтал о справедливости, хотел добрые дела совершить, а вон какое несчастье получилось.

А тебе посоветую вот что: забудь-ка ты лучше об этом разговоре и запомни такую мудрость: молча, глуха, меньше греха! Поступай в институт, на какой у тебя силенок хватит, работай себе потихоньку, женись на хорошей девушке и не лезь ни в какую политику. А на всякий случай возьми с собою машинку «Зингер» – глядишь, она и вам подсобит в трудную годину.

Екатерина Панина

(г. Волчанск Свердловской области)

Первый волчанский угольный разрез – сталинская стройка НКВД (1942–1945 гг.)

Зинченко Алексей Михайлович отбывал семилетний срок в Богословлаге за восхваление немецкой техники, освобожден в 1949 году. Позже он будет работать в отделе капитального строительства треста «Волчанскуголь», станет главным архитектором города Волчанска, Почетным гражданином города.

Политический заключенный Башко Казимир Игнатьевич был первоклассным врачом. После освобождения он остался жить в Волчанске, завел семью, в 50-е годы был главным врачом Волчанской больницы.

Я очень уважаю этих людей. Они нашли в себе силы остаться в городе до конца своей жизни; в городе, погубившем, может быть, их молодость. Они все были обижены на советскую власть, ведь наверняка многие из них были осуждены несправедливо, но пройдя через все трудности и испытания, они остались людьми, а это, я считаю, – самое главное.

Почему трудармейцы так самоотверженно трудились? Казалось бы, для чего, зачем? У заключенных был стимул – свобода, сокращение срока. А большинство трудармейцев Волчанстроя составляли советские немцы, испокон жившие в России. Их лишили родных домов, привезли в глухой таежный поселок и заставили работать. Бывшим трудармейцам К.Х.Вервейну и А.Г.Бимлеру был задан вопрос: «Что помогало им выжить в те годы?» А.Г.Бимлер: «Работа... Детей надо было одевать, учить...» То есть человек жил сегодняшним днем, не пытаясь заглянуть в будущее. Постоянные мысли о том, что с ними несправедливо поступили, могли свести с ума, а нужно было жить дальше. А потому женились, растили детей. К.Х.Вервейн: «Боялись... Временами было очень тяжело...» Этому человеку помогал выжить страх. Сначала мне показалось, что Константин Христианович ушел от ответа на вопрос, но на протяжении всего разговора было заметно одно: он очень боялся, боялся власти, боялся ареста. Ведь тогда, в 1943-м, когда он приехал на Волчанстрой, у него уже была семья, рос сын. Боялся за них, за себя. И пронес этот страх через всю жизнь. И даже последние десять лет российской демократии не избавили его от привычки бояться.

Петр Силкин

(г.Тольятти Самарской области)

Забывтые имена

Надо отметить, что история долгое время была и есть двоякая – одна официальная, громкая, наглядная, а другая изустная, вполголоса, с оглядкой и только из воспоминаний очень малого круга очевидцев уже очень преклонного возраста.

Этих людей с каждым годом остается все меньше и меньше. Ведь большинство в свое время многим событиям не придавали значения, многие эпизоды прошли мимо и в памяти не удержались; большинство было неграмотными, их интерес к окружающему миру замыкался подворьем и домашними хлопотами.

Такие энтузиасты-краеведы, как дед Иван, были всегда, но еще совсем недавно их интерес к прошлому своего края не только не поощрялся, но и вызывал подозрения, опаску, особенно если это касалось времен Гражданской войны, коллективизации и Великой Отечественной войны.

Надо сказать, что практически все разговоры о тех временах абсолютно не соответствовали ни книгам, ни учебникам, ни газетным статьям недавнего, казалось бы, прошлого.

Была и остается пока еще правда официальная и правда негласная...

За последние годы уже на моей памяти произошли события очень значимые и символические, и не только по моему мнению. Назову три из них. Первое: несколько лет назад под Воронежем было раскопано погребение неизвестного итальянца

ского воина, погибшего на русской земле в 1942–1943 годах, и с соблюдением всех воинских церемоний доставлено на родину и там погребено...

Второе: совсем недавно под Волгоградом было открыто немецкое воинское кладбище. Пока еще живущие на белом свете ветераны вермахта своими стараниями поставили памятник боевым товарищам, павшим на земле Сталинграда...

Третье: меньше месяца остается до юбилея победы под Сталинградом. Наверное, это будет отмечено шумно, торжественно и все это будет правильно и нужно.

Но меня лично очень тронул скромный памятник около дороги на хутор Больше-Наполовский, сооруженный на месте гибели танка KV и безымянных танкистов, которые несколько часов сдерживали наступление авангарда 6-й полевой армии на дальних подступах к Сталинграду. Сдерживали, пока не были накрыты прямым попаданием бомбы, сброшенной штурмовиком «Люфтваффе».

Памятник очень скромный, сделан на средства восьмидесятилетнего гвардии сержанта Василия Захарова, свидетеля того боя, ныне живущего в станице Михайловской, что неподалеку от Усть-Хоперской. Он почти каждый год 9 Мая приезжает почтить память своих боевых товарищей и этих безымянных танкистов.

Подобных памятников очень много вдоль донских дорог. Радует одно, что в последние годы запустение и разруха отошли от братских захоронений.

Дед Иван, вспоминая годы службы в ГДР, отмечал, что виденные им кладбища советских солдат в Веймаре и в Зеелове находились в идеальном состоянии, в таком же идеальном состоянии находится и кладбище Сен-Женевьев де-Буа в Париже, где похоронены боевые товарищи героев моей работы. Об этом могут свидетельствовать рассказы моего папы, а главное фотографии, сделанные им во время поездки во Францию. При встрече дед Иван и папа в один голос выражали свою надежду на то, что подобное когда-нибудь будет и в России со всеми захоронениями воинов, и своих, и чужих, ведь без бережного и достойного отношения к своей и чужой истории не может быть достойного будущего, поэтому я полностью разделяю их надежды по этому поводу и вижу одну из задач нашего молодого поколения в том, чтобы осуществить их. И, начиная писать эту работу, основной задачей, которую я ставил перед собой, было то, чтобы судьбы моих героев не были преданы забвению. Ибо сейчас уходит в вечность последнее поколение, которое знало и еще помнит казачество таким, каким оно было. А потом будет то, что мы сохраним, отстоим, спасем и донесем до потомков...

**Екатерина Рощина,
Евгений Черников**
(г.Пугачев Саратовской области)

«Собирая... доброе основание для будущего...»

Мог ли «народ-богоносец» защитить свою церковь от советской власти? Видимо, не смог по одной причине: именно на эту часть крестьянства обрушилась вся карательная сила советской власти. Коллективизация выкосила искренне верующих середняков. Кого сослали на Русский Север, кого – в Сибирь, кого – в кулацкие поселки, в 20 км от села. Они содержались там, как заключенные. Принудительно работали. Работали бесплатно, за ложку затирухи. «Кипяченая вода с мукой».

Что-то непоправимое случилось с душой народа. Почему так легко «властителям душ» оказались большевики и их идеология?

Вообще в поисках исчезнувшей церковной Атлантиды нам помогли школьные музеи, в которых учителя вместе с детьми собрали, записали и сохранили историю села. Школьный музей в селе – единственный хранитель истории села.

В селе не у кого спросить, уточнить. Старшее поколение ушло, а 60-, 70-летние не знают, не помнят.

– Вы добивались реабилитации отца?

– Нет. Боялись. Всю жизнь боялись.

Анна Ивановна и сейчас боится. Рассказ об отце скупой не потому, что возраст подводит. Память хорошая. Страх навсегда вошел в ее душу. Она позволила сделать ксерокопии с фотографий, а потом испугалось: «Как бы чего не вышло».

Бабушка говорила, что в Николаевском уезде у деда В.И.Ленина земли были. По линии бабушки мы были в родстве с матерью В.И.Ленина.

– Как?

– Не знаю. Помню из разговоров мамы и бабушки, что бабушка после казни старшего брата Александра ездила на тройке, она сама управляла лошадьми, в Самару, к Ульяновым. Шумливый был Володя. Беготня по дому. Я по детству помню фотографию.

– Ваш брат говорит, что ваша бабушка ездила в 1921 году к Ленину в Москву. «Вот говорят: Ленин, Ленин... А он бочонок меда дал»...

– С какой целью ездила ваша бабушка к В.И.Ленину? Это правда?

– Не знаю. Все фотографии уничтожили. Бабушка маму спрашивала:

– Ты чапаевка?

– Да, чапаевка...

Мама снята была с Чапаевым, Фурмановым, Фрунзе... После революции отняли все у нас: все дома, что Розалиевым-Поповым принадлежали. Деда в 30-е годы пытались арестовать. Он уже болел, старый был, но заступился энкавэдэшник Туркин или Чуркин. Начальник какой-то. Боялись мы. Дед был добрый, всем все раздавал и помогал. Прихожане его любили, помнили, в голодный год привозили из деревень кое-что из еды. В 1970 году, в юбилей Ленина, к нам приезжали из Центрального музея В.И.Ленина. Приходили со вторым секретарем горкома партии Анной Федоровной Маркиной.

– Что у вас есть о В.И.Ленине? – спрашивали маму.

– Все отняли, а теперь спрашиваете. – И не захотела говорить. Упрашивали, обещали решить квартирный вопрос, но я тоже отказалась.

Что я знаю? Боялась. И ни о чем ни деда, ни бабушку не расспрашивала. Но что-то есть в музее, если к нам приехали?

В рассказе Людмилы Ильиничны постоянно звучало: боялись, боялись. Звуковая мелодия ушедшего советского времени...

Алексей Епифанов
(г.Пугачев Саратовской области)

Голод 1921 года в Пугачевском уезде

К голоду 1921 года привела ошибочная аграрная политика советской власти. Но советская власть так и не покаялась.

Может быть, провал наших реформ сегодня объясняется прежним отношением к народу? Даже не к народу, а к электорату...

Ксения Замуховская (г.Москва)**Участие немецких рабочих в индустриализации СССР**

При знакомстве с источниками, справочной литературой, историографией этого периода возник интерес к более общим проблемам особенностей социальной, политической, духовной жизни этой эпохи, феномена увлеченности идеей социалистического переустройства мира, проявившегося не только в нашей стране в эти десятилетия. Приходится задумываться и о возможных альтернативах исторического развития. Но эти сложные вопросы встали не сами по себе, а при попытке «заглянуть» в жизнь реальных людей того времени. Найденные сведения, свидетельства как бы «приближают» их к нам, а энтузиазм, надежды, разочарования, трагические судьбы этих людей никого не могут оставить равнодушными.

Несмотря на обилие внушительных цифр и обобщающих данных, приводимых в монографиях, статьях, оставался открытым вопрос: кем были эти люди (эмигранты из Германии 20–30-х годов), решившиеся пересечь границу двух миров, часто вместе с семьями: убежденными коммунистами или просто романтиками, воплощавшими идеи об обществе равенства и справедливости? Отчаявшимися безработными или революционерами, спасавшимися от преследований? Искателями приключений или специалистами, приехавшими по контракту строить гиганты индустрии?

Александр Колган(д.Стрельна Сухиничского района
Калужской области)**А нужно было-то всего лишь обжить родной клочок земли**

А кто остался в деревне, потихоньку спиваются. Спрос рождает предложение. И практически в каждом четвертом доме пошла бойкая торговля самогоном. Куда потянулись мужики, женщины и даже подростки за заветным зельем, выпив которое можно уже не думать о том, что будет завтра, почувствовать себя сильным, уверенным в себе, способным на все. Результат этой уверенности: сломанные заборы, выбитые стекла, перевернутые остановки, чьи-то разбитые носы и гудящая с похмелья голова. И вновь к заветному дому за самогонкой, нередко в обмен на жизнь.

И все же радуется, что крестьянин выжил, что не удалось до конца задавить его хозяйственную инициативу. А как ему хозяйствовать – сообща или в одиночку – подскажет здравый смысл, который нельзя убить ни безумными декретами, ни даже физическим уничтожением наиболее работоспособных людей.

И если государству нужна продовольственная независимость, то оно будет поддерживать и помогать эффективным хозяйствам и фермерам, потому что можно и на наших землях получать хорошие урожаи зерновых, высокие удои молока. И тогда не будет зарастать лесом и бурьяном поля, смотреть сиротливо выбитыми стеклами заброшенные вымершие деревушки. Земля – это основное богатство страны, и она должна приносить максимальную прибыль. Будет прибыль – и крестьянин не станет бояться брать землю в свои руки, а земля отблагодарит его за заботу.

Ксения Любимова (г.Пермь)**История спецпереселенцев в Ныробском районе**

Стоя перед дверью потенциального собеседника, мы заранее готовы к отказу. Некоторые люди, только узнав, кто мы и по какому делу, сразу захлопывали перед нами дверь. Некоторым тяжело вспоминать, другие боятся говорить: сказывается атмосфера эпохи доносов.

Меня потрясли рассказы этих людей. Я долго находилась под впечатлением услышанного. Перед глазами стоят лица бывших репрессированных, их натруженные руки, их опущенные плечи, вынесшие столько тягот и невыносимого рабского труда. Когда я перечитывала собранные нами в экспедиции материалы, я не могла сдержать слез. И это я, простая слушательница, тогда, как эти люди все переживали вновь в своих рассказах. Как это, должно быть, тяжело – вновь вернуться в то время, время страшной несправедливости, совершенной по отношению к ним! Но вспоминая те мрачные времена политических репрессий, они открыли для нас, другого поколения, черную страницу истории нашей Родины. И мне хочется верить, что такие рассказы о прошлом помогут всем людям понять, что никакие «благие» цели не могут оправдывать такие бесчеловечные, жестокие средства, какие были применены советской властью по отношению к собственному народу. Недаром сейчас нередко на-зывают политикой сталинских репрессий геноцидом против всего на-селения страны, ведь, наверное, не найдется ни одной республики, народности бывшего Советского Союза, которая бы не пострадала в годы массовых репрессий.

Людмила Пушкина

(г.Котлас Архангельской области)

**Мои размышления при прочтении книги
«Котлас – очерки истории»**

«Помните нас, люди, не предавайте забвению, будьте разумнее, выбирая власть для себя и детей своих...»² Эти слова Вячеслава Павловича особенно запали мне в душу, оставляя вопрос: а возможно ли выбрать? <...>

Эти воспоминания явились самым ценным источником. Общение с этими людьми сформировало убеждение, что они были так потрясены увиденным или пережитым, что до сих пор не могут говорить об этом без слез.

Я очень благодарна всем этим людям за оказанную помощь. Моим желанием было создать работу, за строчками которой стояла бы судьба живых людей. Без помощи старожиллов это было бы просто невозможно.

В заключение своей работы хотелось бы обратиться к письму Станишевского Вячеслава Николаевича: «Конечно, писать и восторгаться о своих благополучных земляках проще и не жалко сказать пару ласковых слов. Например, о главком Военно-морского флота СССР, об актрисе кино, сыгравшей главную роль в фильме «Москва слезам не верит». Это вершина айсберга народных масс. А как трудно проследить судьбы отдельных тружеников, многие из которых были раскулачены. Ведь раскулачивали, переселяли и местных жителей по Северной Двине и Вычегде. Их отправляли дальше на Печору»³.

Много мыслей вызвала у меня эта работа. Я вспомнила, как в средних классах мы с мамой не смогли составить генеалогическое дерево нашей семьи в пяти поколениях. В истории семьи тоже есть белые пятна, связанные с периодом репрессий. Я задалась целью узнать как можно больше о своей семье, именно написание данной работы подтолкнуло меня к этому. Эта работа заставила задуматься меня о своем будущем.

То, что Европейский Север и сегодня остается колонией, подтверждают многие факты. Например, никто не заботится об экологии края, о жителях, живущих в суровых условиях.

К сожалению, в новой книге о Котласе прослеживается другая тенденция, стремление приуменьшить размах репрессий, принизить значение бесплатного труда заключенных и спецпереселенцев в развитии экономики и культуры края, скрыть многие факты. И еще мы столкнулись с тем, что многие люди так запуганы жестокостью власти, что до сих пор боятся рассказывать правду о своей жизни.

Возникает вопрос, почему и сегодня продолжает существовать эта тенденция. Официальные запреты вроде бы сняты... Мы задали этот вопрос М.Д.Пузыреву и И.А.Дубровиной. Мы, пожалуй, склонны согласиться с их мнением. Ирина Андреевна считает, что «поручили отбирать материал и редактировать человеку коммунистических воззрений. Это определило лицо книги»⁴. Михаил Дмитриевич одну из причин видит в «наличии рабской психологии у отдельных людей»⁵.

В заключение мне бы хотелось напомнить моим современникам некрасовский стих:

*Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Все ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?*

Екатерина Конева

(с.Елбань Маслянинского района
Новосибирской области)

Затянувшееся затмение

«...Лет через пять-семь, т.е. к тому времени, когда можно выучиться, автомобилей будет столько, что хватит их и для отдыха, и для любительских поездок, хватит на каждую семью. Не могу только сказать, будем ли мы их покупать, как велосипеды, или они будут стоять на базе с тем, чтобы по желанию можно было взять его, съездить и опять в гараж. Но ездить мы будем, а дети, веселые дети с флажками и цветами будут распевать свои веселые песни. Не уступим им и мы». Не мог знать Василий, что через пять-семь лет голодный и раздетый народ будет восстанавливать разрушенные города и поселки, женщины и дети продолжать пахать на себе, при этом народ-победитель по-прежнему будет «осваивать» новые территории ГУЛАГа, сам же он останется навечно в Смоленской земле.

Поколение, зачарованное революционной романтикой, образом Павки Корчагина – оно не мыслило свое счастье в отрыве от счастья общества. Как бы мы скептически не относились к коммунистическим иллюзиям – в тоталитарном государ-

стве не могли быть счастливы ни общество, ни отдельный человек – нельзя не уважать героя за эти устремления. Моему поколению, мне кажется, в гонке за собственным счастьем не хватает подчас времени задуматься о благополучии близких, а уж общество и вовсе остается за пределами сознания. Я ратую за «индивидуальность», но не за «индивидуализм»).

Зато нет, пожалуй, в районе ни одного села, где бы не стоял сегодня обветшавший от ветров времени, забытый всеми обелиск с именами то ли красных партизан, то ли первых коммунаров. И попробуй разберись сегодня, на чьей стороне было больше правды, кто проявлял больше жестокости.

Затмение солнца – природное явление, которое всегда помимо нашей воли нарушает душевное равновесие, несет тревогу, страх исчезновения света, тепла, т.е. того, что по сути обеспечивает жизнь всему живому. Но мы не в силах предотвратить его. Время, выпавшее на долю героев моего повествования будто соткано из грубых нитей, название которым «страх». Каждому из авторов мемуаров есть чего бояться, кто-то испытывал страх всегда, кто-то лишь на уровне подсознания, но любой из них так или иначе стал жертвой своей эпохи. Подобно тому, как нельзя перенести час затмения, невозможно изменить отведенный нам срок. Им выпала трагическая эпоха. Но если «времена не выбирают», то, может, была у них возможность как-то их изменить? Нет! Мощная машина тоталитарного государства и Емельян? Или Василий Быков, который не только по причине неравных сил не стал бы тягаться с режимом, но и потому, что он искренне верил в его правильность.

Грешно судить человека за заблуждения, виною которых стала государственная идеология. Наш герой был одним из строителей «нового мира», в котором, как ему внушили, «кто был ничем, тот станет всем». И поэтому вполне естественно, что герои тех лет одним из факторов успешности коллективизации называют то, что «зажиточные семьи были высланы на север Новосибирской и Томской областей»... И это говорит человек незаслуженно, как он считает, познавший прелести лагерного беспредела. Если ему было «тяжело и горько нести незаслуженное наказание», почему не заболела его душа о тысячах малолетних ребятишек, неведомо за какие прегрешения заживо гниющих в Нарымских болотах? Какой же мощной зомбирующей силой обладал режим, блокирующий все «болевые» точки мозга, когда за глобальностью идеи терялся человек! Понять это сегодня, понять не абстрактно, а пройдя мысленно дорогами конкретных человеческих судеб, необходимо каждому из нас, поскольку на нас возложена миссия возрождения России, страны людей, а не фанатичных исполнителей чьей-то злой воли!

Образ Советской России

Б.А. Рогинский

Вот что написал мне один знакомый журналист, прочтя третий сборник Школьного конкурса «Человек в истории. Россия 20 век»: «Сильней всего свобода авторов для меня сказала даже не в выборе предметов и не в способности понимания, а в слоге — в какой-то новой грации, в благородстве словесной осанки».

Готовя новый, четвертый сборник я не раз задумывался над этими словами. Может быть, меня, филолога, во всех этих работах тоже привлекает не рождение какого-то нового взгляда на историю, а просто способ подачи материала: ну хорошие школьные сочинения — и все тут! И я стал вдумываться в формулировку: «новая грация, благородство словесной осанки». Что мне, собственно, так нравится в стиле этих школьников? Приведу примеры:

«Дед Иван, пораженный, поверженный, только качал головой и просил как можно больше сделать снимков, казалось, что мы были единственными на белом свете, кто помнил о Первой мировой войне и о первом ее герое».

«Воспоминания, чувства, простой язык живого свидетеля тех событий быстрее тронут сердце и разум, чем строгая констатация факта или трескучие призывы лозунгов».

«Разговоры о чем-то страшном, неведомом, мечты о будущем, первые мальчишеские тайны, рассказанные под большим секретом — поклянись матерью, что никому не скажешь!» — все это шепотом где-то на полатах или, если летом, у костра под таинственное потрескивание огня».

«Автор написал прямо и откровенно, как и положено по законам гласности. Но это вовсе не боль, не отчаяние. Это всего лишь случайный и мимолетный взгляд постороннего на один из многих горьких фактов действительности. А мне небезразлична судьба нашего завода и нашего острова, потому что за ними стоят судьбы многих и многих моих земляков. Они — их жизнь. И мне страшно становится от мыслей, что же будет со всеми людьми, если вдруг эта жизнь остановится».

«И после трудового дня, усталый от постоянного наушничанья и от сильного совмещения двух работ, информатор идет домой. После ужина он садится, нет, не за книгу и не идет гулять по улице, он присаживается вспоминать, что же произошло сегодня днем. Хорошо, что все записано в блокнот, а то память, память. Написав очередное донесение, информатор готовится ко сну с гордым чувством выполненного долга».

Отвлечемся от содержания. В чем грация и благородство осанки? Почему благородным нам кажется говорить о «судьбах многих и многих моих земляков», тогда как в газетной статье это показалось бы просто штампом? Умилешие наивностью?

Центральная тема сборника — свои и чужие, распадение семей, деревень, народов, их воссоединение, ненависть и взаимопомощь — назови как хочешь, но слова «толерантность» и «нетерпимость» по странному стечению обстоятельств не употреблены ни разу. Кажется, авторы чувствуют: там, где речь идет об оскорблениях и страхе на всю жизнь, о смертельной опасности в течение десятилетий, о людоедстве, о потере себя, о последних записях солдата перед атакой, о увиденных впервые в жизни протоколах приведения приговора в исполнение, — нужно искать свои слова. Откуда такое языковое чутье?

Прежде всего, думаю я, от внимания к языку власти. Если в работах прошлых конкурсов все большую долю занимало изучение создававшихся в советское время мифов и вообще всякой массовой дезинформации, то авторы четвертого сборника подошли к святой святых тираннии: языку. Именно стилистике, прагматике и, так сказать, морфологии посвящена одна из ключевых работ этого года — «Донос как способ взаимоотношений человека с властью».

И такая «лингвистическая» работа не одна. Вот рассматривается дневник погибшего на войне офицера: «Юрий даже в личном дневнике воспроизводит пропагандистские штампы: глубокое удовлетворение и одобрение, карающая рука советского правосудия, трижды презренные мерзавцы».

А вот о спецпереселенцах: «В инструкции о раскулачивании игривое слово выселки показалось случайным, инородным. Оказалось, нет, оно служило словесным прикрытием, украшением большого разбоя. Официальные документы, особенно их названия, не часто включали такие слова, как раскулачивание, конвой, спецкомендатура, и даже расстрел именовали как ВМН — высшая мера наказания. Истинный смысл деяния скрывался под более благозвучными словами: спецпереселение, трудпоселок, охранение».

А дальше — важное соображение и для историка, и для филолога: власть, прежде чем репрессировать, провоцирует, во многом посредством языка. Власть провоцировала доноительство, власть провоцировала национальную ненависть, переселяя народы или для одних создавая привилегии, а других держа в полудиком состоянии, власть разрушала деревню, провоцируя ненависть между крестьянами, власть разрушала семьи, провоцируя идейную вражду, власть разрушала личность страхом, отделяя ее от социума. И все-таки ответственность за все это не только на государстве, но и на его гражданах. К такому историческому выводу приходят многие авторы работ. «Мама рассказывала, как долго ее унижала учительница за полученную двойку, говорила, обращаясь к детям: Смотрите, дети, что может эта фашистка, она ведь ни на что не способна, из-за таких как она погибли наши отцы, братья и сыновья.»

На перемене учительница лишила мою маму горячего чая с картофельным пирожком, которые давали детям во время большой перемены. Чай был в алю-

миниевой кружке, он был очень горячим, сладким. Мама говорила, что это была самая вкусная еда на всем свете.

Я могу себе представить эту картину, все дразнят ее, а мама от обиды глотает слезы.

Затем мама после долгой паузы вспоминает, что когда учительница вышла из класса, то русский мальчик, который сидел с мамой за одной партой, вместе с мамой залез под парту и поделился пирожком и чаем. Один раз откусывала мама от пирожка, другой – он, и старался так, чтобы маме досталось больше.

Мама никогда не забудет этот эпизод, она будет помнить его до конца своей жизни.» Подобное бескорыстие присуще не только героям работ, но и многим авторам. «Любовь к родному пепелищу» – чувство самое высокое, и те ребята, что взяли на себя смелость писать об истории своей семьи, принимая на себя и страдания, и унижения, и подвиги, и, порой, вину своих предков, достойны называться подлинными историками. «Благородство осанки» – не только в фамильной чести, но и в способности постоять за чужой народ. Алексей Евстратов берется писать о «Следах еврейской общины в городе Борисоглебске»: «Десятый год я хожу в школу мимо еврейского кладбища, и никогда не обращал внимания на его состояние и на то варварство и вандализм, какие происходят на нем почти круглосуточно. Более того, я и сам в детстве часто играл на нем в войнушку со сверстниками... И только три месяца назад я узнал, что все это время я ходил мимо кладбища, со слов моего руководителя, в бессознательном состоянии... Теперь хожу с чувством неловкости и стыда, и каждый раз на этом месте мне вспоминаются строки из романа Тургенева Отцы и дети, которые нам читала со слезами на глазах на уроке учительница литературы: «Есть небольшое сельское кладбище в одном из отдаленных уголков России. Как и все наши кладбища, оно являет вид печальный: старые, окружавшие его канавы, давно заросли, серые деревянные кресты поникли и гниют под своими когда-то крашеными крышами; казенные плиты все сдвинуты, словно кто их сталкивает снизу; два-три ошипанных деревца едва дают скудную тень; овцы безвозбранно бродят по могилам...»

Любовь к родному пепелищу рождает любовь к чужому, и наоборот.

Образ Советской России в этом сборнике – вавилонское столпотворение, в котором, вопреки всему, люди тянутся восстановить дружбу, семью, помогают чужим, помогают заклятым врагам. Даже работа о вятском футболе – о том же (звездный период его – когда «Динамо» руководил немец Александр Евгеньевич Келлер, сосланный во время войны).

В наши дни это важно как никогда.

Победители IV Всероссийского конкурса «Человек в истории. Россия – XX век»

Первая премия

Борзаков Алексей, Зарудня Любовь, Подлесных Сергей,

Татаринская Анна (с.Новый Курлак Аннинского района Воронежской области, средняя школа, 11-й класс). «Портрет на фоне событий местного значения»

Научный руководитель Н.А.Макаров

Рассказ о противоречивой фигуре сельского священника – от начала века до 20-х годов. Положение церкви в первое десятилетие советской власти, репрессии против верующих. Работа основана на интервью и анализе следственного дела.

Евстратов Алексей (г.Борисоглебск Воронежской области, школа № 5, 11-й класс) «Следы еврейской общины в городе Борисоглебске»

Научный руководитель И.И.Иванников

Попытка реконструкции истории религиозно-национальной общины в маленьком российском городке. Рассказ о судьбах людей, связанных с ней.

Поляков Андрей (г.Брянск, школа № 60, 9-й класс) «Последний герой забытой войны. (Правда и ложь истории)» Научный руководитель Н.С.Поляков

Рассказ о судьбе одного из первых Героев Советского Союза, награжденного за участие в боях у озера Хасан в 1938 г. Мифотворчество вокруг советской военной истории. Работа построена на сопоставлении реальных воспоминаний героя с официальными советскими источниками.

Степанов Денис (г.Челябинск, школа № 59, 11-й класс)

«Донос как способ взаимоотношений человека с властью. (По материалам документов 1920–1940-х годов из Государственного архива Челябинской области)» Научный руководитель М.С.Салмина

Анализ феномена доносительства, его роль в репрессивной системе в годы сталинского террора на примере уральской сельской глубинки. Автор использовал материалы местного архива.

Шакурова Ильсия (г.Казань, Республика Татарстан, школа № 39, 10-й класс)
«Шакур Рахимов – король конокрадов?»
Рассказ о татарском «Робин Гуде», написанный на основе местных преданий и источниковедческого анализа многотомного следственного дела 1920-х годов. Показан механизм превращения обычного уголовного дела в «политическое» дело особой важности.

Вторая премия

Агальцова Марина (г.Троицк Челябинской области, школа № 13, 11-й класс)
«Портреты на фоне столетия. (Легенды и факты жизни Яушевых)»
Научный руководитель Р.Н.Гизатуллин
В работе собраны легенды и факты из жизни Яушевых – богатых татарских купцов, меценатов города Троицка. Разорение и уничтожении семьи после революции. Используются материалы семейного архива.

Алексеевко Артем (г.Хабаровск, школа № 55, 10-й класс)
«Сказание о предках, ходивших за счастьем из Белой Руси к Черному Дракону. Часть 2. Кулацкие дети» Научные руководители М.И.Алексеевко, Д.Т.Калашникова
Подробный рассказ о судьбах своих раскулаченных родственников и их детей. Коллективизация и годы террора на Дальнем Востоке. В основе работы архивные документы и интервью.

Васильева Татьяна, Лукашова Ирина (г.Новочеркасск Ростовской области, школы № 6 и 14, 9-й класс) «За строкой солдатского письма...»
Научный руководитель Е.Г.Губанова
В основе работы письма с фронта, сохранившиеся в школьном музее. Картина жизни на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны.

Губанова Татьяна (г.Солнечный Тверской области, средняя школа, 10-й класс)
«Остров Городомля. XX век. История в лицах» Научный руководитель Т.М.Губанова
История острова на озере Селигер. Рассказ о немецких физиках и инженерах, вывезенных на остров после 1945 г. для создания секретного ракетного центра. Повседневная жизнь 60–70-х годов. Использован материал местного и семейного архивов.

Егоров Максим (г.Владимир, гимназия № 3, 10-й класс)
«Страницы времени: человек и эпоха в дневнике Юрия Никифорова 1937–1944 годов» Научный руководитель О.Н.Гуреев
В основе работы найденный школьниками дневник погибшего на войне комсомольца 30-х годов, поступившего в училище НКВД. Его прозрение после ареста родителей. Война: быт и повседневность фронтовика.

Касанов Антон (г.Киров, Вятская гуманитарная гимназия, 9-й класс)
«Человек в футболе. (Вятка, 50–60-е годы)» Научный руководитель Г.А.Кропанева
Спорт в провинции: игроки, судьи, тренеры, зрители. Условия жизни и работы. Спорт в СССР: профессиональный или любительский? Работа основана на интервью со спортсменами и болельщиками.

Квасова Мария, Ушмакина Елена (г.Пугачев Саратовской области, Гидрометеориативный техникум, 2-й курс, школа № 3, 10-й класс)
«Путешествие из Пугачева в Жестянку»
Научный руководитель К.П.Лысяная
Авторы, следуя знаменитому литературному примеру, совершили собственное путешествие и рассказали об увиденном и услышанном: о судьбах их земляков в годы Великой Отечественной войны, о голоде в Поволжье в 20-е годы и во время раскулачивания.

Меньшенин Андрей (г.Мончегорск Мурманской области, гимназия № 1, 8-й класс) «Поколение 30-х как “фундамент” нашего общества на примере жизни моей бабушки» Научные руководители Е.А.Зубкова, О.В.Меньшенина
Характерная судьба российской деревенской девушки на фоне повседневной жизни в молодом северном городе в 40–70-е годы.

Руткаускайте Марите (г.Пермь, гимназия «Юверта», 11-й класс)
«Литовские спецпоселенцы: свои или враги?»
Научный руководитель А.О.Гребенщиков
Послевоенные репрессии и условия жизни спецпереселенцев на примере одной литовской семьи. Сопоставление официальных документов и материалов семейного архива.

Ткачева Алина (г.Астрахань, школа № 53, 11-й класс)
«Судьба рода в судьбе человека. (История понтийских греков в России)»
Научные руководители Н.Г.Ткачева, К.К.Харлапиди
Судьба греческой семьи, репрессированной в годы сталинского правления. Главная героиня – журналистка, в 1990-е ставшая беженкой из Грозного. Использованы материалы семейного архива и интервью.

Третья премия

Ахунова Дина (г.Братск Иркутской области, лицей № 1, 10-й класс)
«Finita la commedia. (Человек и власть)»
Научный руководитель Л.Н.Корюкина
Трагическая история российского немца, прошедшего через немецкие и советские лагеря. Оккупация в годы Великой Отечественной войны, служба в немецкой армии, послевоенные репрессии, лагерь. Феномен страха в советские времена.

Басалаев Антон, Бекжанова Ольга, Киприянова Анастасия (с.Елбань Маслянинского района Новосибирской области, средняя школа, 11-й и 8-й классы)
«Тропа над пропастью...» Научный руководитель Т.Ю.Нерода
Судьба двух земляков авторов работы – «афганца» и участника чеченской войны. Психология участника локальных войн, повседневность на войне.

Буркова Марина (г.Сергиев Посад Московской области, гимназия № 5, 10-й класс) «Отцы и дети, деды и внуки – разные поколения XX века. Облики эпохи» История семьи с 30-х годов. Используя материалы семейного архива, автор делает упор на исследовании повседневности и быта советских людей в последние десятилетия существования СССР и после его распада.

Гладилкина Екатерина, Каменцева Наталия, Кучук Ольга, Куреньков Алексей (г.Энгельс Саратовской области, школы №1 и №32 г.Энгельс, школа №8 г.Саратов, 6-й, 9-й и 11-й классы)

«История дальневосточных корейцев, депортированных в Казахстан»

Научные руководители И.И.Куреньков, А.А.Царев

Репрессии против корейцев на Дальнем Востоке в годы сталинизма, создание корейских совхозов в Казахстане. Рассказ о нескольких судьбах. Работа основана на материалах государственных архивов и интервью.

Дмитриев Бенислав (г.Краснодар, школа № 19, 11-й класс)

«Персидский дневник: в плену рокового бессилия»

Научный руководитель Е.М.Степанова

В основе работы дневник офицера царской армии – участника событий на Кавказском фронте в 1917 г. Боевые действия русской армии в Персии.

Емельянов Василий, Трескинский Александр (г.Великие Луки Псковской области, гимназия, 10-й класс) «Помни, Саша!» Научный руководитель И.В.Буйко
Жизнь крестьянской семьи в 20–30-е годы, пережившей раскулачивание и переселение в Среднюю Азию. Отечественная война и фронтовой быт. Возвращение в годы перестройки в Россию. Текст основан на интервью.

Замуховская Ксения (г.Москва, школа № 653, 11-й класс)

«Участие немецких рабочих в индустриализации СССР»

Научные руководители Е.Л.Габриэлова, Л.М.Брыксина-Лямина

История индустриальной Москвы, сюжеты о людях, приехавших в страну победившего пролетариата. Роль германских эмигрантов в индустриализации Москвы, их быт, повседневность. Используются публикации и архивные документы.

Корсакова Александра, Корсакова Полина (пос.Приволжский Кимрского района Тверской области, Белгородская средняя школа, 7-й и 9-й классы)

«Вдовья доля. Вдовый век» Научный руководитель Р.Р.Корсакова

Судьба типичной крестьянской семьи с 1910-х по 1970-е годы, в каждом следующем поколении терявшей кормильцев. Повседневность и сельский быт. Работа основана на материалах семейного архива и интервью.

Малинина Екатерина (г.Владимир, гимназия № 23, 11-й класс)

«Чтоб в памяти и в сердце сохранить. (О судьбе Князь-Владимирского кладбища в XX веке)»

Автор внимательно изучила кладбище, осмотрела могилы и задумалась о проблемах сохранения памяти. Рассказала о состоянии этого кладбища и захоронений, о ситуации с могилами выдающихся людей. Используются материалы архивов.

Мантейфель Даниил (г.Пенза, гимназия № 1, 10-й класс)

«Тыл в армии и стране во время I мировой войны по письмам командира обоза и членов его семьи» Научный руководитель М.Г.Беликова
Фронтовой быт глазами кадрового военного. Тыловые будни накануне революции. Анализ писем из семейного архива. Автор внимательно изучил фронтовой быт Первой мировой, каким его описал офицер царской армии.

Мацакова Надежда (с.Усть-Вымь, Республика Коми, средняя школа, 8-й класс)

«Чтобы не повторилось» Научный руководитель Г.А.Мацакова

История церквей в селе Усть-Вымь и судьба расстрелянного священника. Используются местные архивы.

Панина Екатерина (г.Волчанск Свердловской области, школа № 23, 9-й класс)

«Первый Волчанский угольный разрез, сталинская стройка НКВД (1942 – 1945 гг.)» Научный руководитель И.Н.Губашова

Создание Богословлага, судьбы строителей-заключенных. Работа основана на архивных документах и материалах краеведческого музея.

Полежаев Денис (с.Казанцево Шушенского района Красноярского края, средняя школа, 11-й класс) «Социальные роли потомков основателей села Казанцева в коллективизации: чужая воля или судьба» Научный руководитель Л.Г.Кускашева

Коллективизация 20–30-х годов раскулачивание: судьбы раскулаченных и тех, кто проводил коллективизацию. Работа основана на интервью и материалах местного музея.

Попов Иван (г.Барнаул Алтайского края, лицей № 86, 10-й класс)

«Православие на Алтае в последней трети XX века. Испытание богоборческой властью. (На примере духовной жизни И.Т.Лапкина)»

Научный руководитель С.И.Попов

Жизнь священника, узника совести 80-х годов, его взгляды и деятельность. Используются материалы личного архива.

Прудникова Оксана (станция Каргинская Боковского района Ростовской области, средняя школа, 11-й класс)

«Дети войны» Научный руководитель И.Г.Зимовнова

Основанный на интервью правдивый и непредвзятый рассказ об оккупации во время Великой Отечественной войны, как она запоминалась тем, кто был тогда детьми. Основное внимание уделено быту.

Пушкина Людмила (г.Котлас Архангельской области, школа № 17, 11-й класс)

«Мои размышления при прочтении книги “Котлас – очерки истории”»

Научный руководитель М.В.Клапиюк

Автор обратился к «белым пятнам» современного краеведения: участие заключенных в строительстве железной дороги, их судьбы. Используются материалы краеведческого музея, воспоминания старожилов.

Реутова Полина (г.Пермь, лицей № 1, 11-й класс)

«...Меня избивали и мучили...» (Правдивая история ликвидации «финской агентуры» в г.Молотове в 1942 году)

Научный руководитель А.И.Казанков

Работа представляет собой реконструкцию сфальсифицированного НКВД группового уголовного дела.

Сергиенко Екатерина (с.Новая Сыда Краснотуранского района Красноярского края, средняя школа, 11-й класс)

«В далекой сибирской глубинке. (Мои земляки-краснотуранцы в годы Великой Отечественной войны)» Научный руководитель Т.А.Мерикина
Рассказ о том, какую тяжелую цену и часто отнюдь не по своей воле заплатили за победу те, кто был далеко от фронтовой полосы. Тыловые будни, условия труда, репрессивный механизм.

Сивельгаев Василий (п.Ключи Топчихинского района Алтайского края, средняя школа, 11-й класс) «Чистоньский лагерь НКВД – в лицах и судьбах»
Научный руководитель С.В.Поздин
История лагеря в годы сталинизма, судьбы нескольких заключенных. Использованы архивные материалы.

Силкин Петр (г.Тольятти Самарской области, лицей № 76, 11-й класс)
«Забытые имена» Научный руководитель В.Д.Коняхин
Рассказ о судьбах нескольких донских казаков, в том числе легендарного Кузьмы Крюкова (упомянутого в «Тихом Доне»), отличившегося на Первой мировой. Используются архивные документы.

Соколов Артем (с.Куркино Вологодского района Вологодской области, средняя школа) «Фотодокументы свидетельствуют. Страницы истории моей семьи в судьбе российского крестьянства. XX век» Научный руководитель Л.А.Шавилова
История крестьянской семьи с конца XIX века до наших дней. Основное внимание уделено быту и образу жизни крестьян, влиянию событий XX века на жизнь в селе и оттоку людей в города. Исследован семейный архив с привлечением интервью.

Султанова Гузалия (г.Ижевск, Республика Удмуртия, школа № 49, 11-й класс)
«Судьба мусульманского духовенства в XX веке. (На примере семьи муллы Магомедадия Тагировича Тагирова)»
Научные руководители А.Завойских, Г.Л.Митрошина
Описание жизни мусульманского священнослужителя, репрессированного в годы советской власти. Повседневная жизнь мусульманского духовенства, репрессии, отношение к исламу советской власти. Работа основана на материалах семейного архива.

Суркова Елена (г.Пенза, гимназия № 55, 10-й класс)
«Уроки, которые ничему не учат» Научный руководитель Т.Я.Алфертьева
Рассказ о беженцах из Чечни, согнанных с родных мест, потерявших близких. Их воспоминания о депортации и последней войне. Работа основана на интервью.

Туровская Ольга (г.Байкальск Иркутской области, средняя школа, 11-й класс)
«По ту сторону войны...»
Рассказ о жизни близких автора, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны в глубоком тылу, о непосильном труде подростков, о голоде и репрессиях.

Шагинян Артур (г.Астрахань, школа № 51, 9-й класс)
«Насильственное переселение народов – наша общая беда. (История моей семьи)» Научные руководители О.А.Князева, И.Д.Шагинян
Рассказ о трагической истории одной ветви семьи – российских немцев. Депортация 40-х, жизнь в ссылке, реабилитация в послесталинские времена.

Об авторах процитированных работ, участвовавших в конкурсе

Абрютин Филипп (г.Москва, 11-й класс)
«С "Зингером" по жизни, или Воспоминания о былом»
История семьи с дореволюционных времен. Жизнь на Кубани в 20–40-е годы, репрессии и война. Переезд после войны на Украину. Современное положение украинской родни автора в независимой Украине.

Алиев Сергей, Гранкин Константин, Губарёв Александр (с.Новый Курлак Аннинского района Воронежской области, средняя школа, 11-й класс)
Научный руководитель Н.А.Макаров
«По следам истории рода Кашицыных»
История крестьянской семьи, в которой были и репрессированные и сделавшие карьеру в советскую эпоху. Работа базируется на архивных материалах и интервью.

Белоусова Наталья (г.Барабинск Новосибирской области, школа № 3, 10-й класс)
Научные руководители В.Н.Барчан, С.П.Сухина
«Сибирью связанные судьбы... Спецпереселенцы-калмыки на территории Барабинского района Новосибирской области»
Жизнь депортированных в Сибирь калмыков, взаимоотношения с местным населением. Исследование основано на материалах местного архива и воспоминаниях старожилов.

Выбач Александра, Выбач Мария (г.Мончегорск Мурманской области, гимназия № 1, 8-й класс)
Научный руководитель Е.А.Зубкова
«Крутые повороты в судьбе Скакалиных и их потомков «на перекрестках истории». (Глазами участников, взгляд изнутри и снаружи)»
История крестьянской семьи: раскулачивание, высылка в Узбекистан (Самарканд), быт во время войны и в послевоенные годы. Русские в Средней Азии и мест-

ное население: свои – чужие. Выезд в Россию в 90-е годы. Работа основана на интервью и документах семейного архива.

Епифанов Алексей (г.Пугачев Саратовской области, Гидромелиоративный техникум, 1-й курс)
Научный руководитель К.П.Лысяная
«Голод 1921 года в Пугачевском уезде»
Голод в Поволжье: люди и судьбы. Условия выживания, масштабы трагедии. Работа базируется на материалах краеведческого музея.

Колган Александр (д.Стрельна Сухиничского района Калужской области, средняя школа, 9-й класс)
Научный руководитель Т.П.Колган
«А нужно было-то всего лишь обжить родной клочок земли»
История семьи. Крестьяне и земля во времена столыпинской реформы, революции, нэпа, коллективизации, Великой Отечественной войны, хрущевских реформ, застоя и реформ 90-х.

Конева Екатерина (с.Елбань Маслянинского района Новосибирской области, Новосибирский педагогический университет, 1-й курс)
Научный руководитель Т.Ю.Нерода
«Затянувшееся затмение»
Три судьбы: раскулаченного крестьянина; молодого сельского учителя в 30-е годы; деревенского коммуниста в 20–30-е. Работа объединена тем, что все герои – крестьяне или выходцы из крестьянства. Показаны различные взгляды на коллективизацию и крестьянство. Работа основана на воспоминаниях и письмах.

Любимова Ксения (г.Пермь, школа № 22, 11-й класс)
Научный руководитель Г.Д.Масленникова

«История спецпереселенцев в Ныробском районе. (По материалам архивов Пермской области и экспедиции в пос.Ныроб Пермской области)»
Раскулачивание и ссылка крестьян во время коллективизации. Условия выживания и отношение государства. Работа основана на интервью и материалах местного архива.

Мусихин Артем (г.Киров, школа № 37, 10-й класс)
Научные руководители Д.В.Мусихин, Т.А.Мусихина
«Моя семья в истории Вятского края»
Судьбы предков автора. Раскулачивание и репрессии.

Новицкий Никита (г.Астрахань, лицей № 2, 11-й класс)
Научный руководитель Ю.А.Макаренко
«Астраханщина»
История репрессий против энпманов, занимающихся рыболовством; превращение уголовного дела в показательный политический процесс. В работе использована периодическая печать 20-х годов.

Новичихина Людмила, Оприцова Екатерина (пос.Стрелица Семилукского района Воронежской области, средняя школа, 9-й класс)
Научный руководитель Л.А.Кувакина
«И.Г.Пашченко – свидетель всех событий XX века»
Судьба крестьянского паренька с дореволюционных лет: участие в индустриализации, период репрессий, эвакуация в годы войны вместе с заводом, «экономические проблемы» хрущевского времени. Работа базируется на мемуарах.

Пузикова Елена (г.Саратов, гимназия № 4, 10-й класс)
Научный руководитель О.Л.Горбунова
«Судьбы людские. (О чем рассказали музейные экспонаты)»
История купеческой семьи, репрессии.

Рощина Екатерина, Черников Евгений (г.Пугачев Саратовской области, Гидромелиоративный техникум, 2-й курс; школа № 2, 10-й класс)
Научный руководитель К.П.Лысяная
«Собирая ... доброе основание для будущего...»
История Иргизских монастырей и сельских церквей округа после революции, судьбы священников.

Середа Дмитрий (г.Тула, православная классическая гимназия, 9-й класс)
Научный руководитель П.В.Понарин
«Жизнь русского «среднего класса» в XX веке. (На примере истории моей семьи)»
История семьи, принадлежащей к интеллигенции – до революции и после. Исследование повседневности. Использован семейный архив

Шешин Алексей (с.Новый Курлак Аннинского района Воронежской области, средняя школа, 11-й класс)
Научный руководитель Н.А.Макаров
«Дело Расторгуевых. (Механизм утверждения сталинских методов борьбы с инакомыслием в 1926–1927 гг.)»
Преследование государственными органами бывших сельских предпринимателей (мельников), поверивших в энп.

Шитик Ирина (г.Тулун Иркутской области, школа № 25, 11-й класс)
Научный руководитель Л.П.Томшина
«Труд и быт советских людей в 40–50-е годы в XX века»
На примере нескольких судеб показана жизнь в Восточной Сибири (в основном – сельском хозяйстве) во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Основное внимание уделено реконструкции повседневности. Работа основана на интервью.

**Учителя, отмеченные
Специальной премией Жюри**

Гизатуллин Рауф Назипович (г.Троицк Челябинской области, Уральская государственная академия ветеринарной медицины, зав. кафедрой истории, философии и политологии)

Кропанева Галина Аркадьевна (г.Киров, Вятская гуманитарная гимназия, педагог-организатор научного общества гимназистов)

Нерода Татьяна Юрьевна (с.Елбань Маслянинского района Новосибирской области, средняя школа, учитель истории)

Содержание

И.Л.Щербакова. Путешествие по российской истории XX века ??

Глава 1. «У всякой истории есть свое начало...»
Андрей Поляков. Последний герой забытой войны.
(Правда и ложь истории)

Глава 2. «Так и будем жить ...» (Детство)
Артем Алексенко. Кулацкие дети

Глава 3. «Тащи, топор, Боря». (Археология XX века)
Татьяна Губанова. Остров Городомля

Глава 4. «Нужна немедленная реальная помощь в виде небольшого куска хлеба». (Голод)
Артур Шагинян. Наша общая беда

Глава 5. «Мы счастье родине куем...». (Фасад империи)
Антон Касанов. Человек в футболе. (Вятка, 1950-1960-е годы)

Глава 6. «Это вас не касается». (За фасадом империи)
Денис Степанов. Донос как способ взаимоотношений человека с властью

Глава 7. «Никто не спросил: как они жили, как их воспитывали». (Народы и религии в России XX века)
Алексей Евстратов. Следы еврейской общины в городе Борисоглебске

Марите Руткаускайте. Литовские спецпоселенцы: свои или враги?
Александра и Мария Выбач. Крутые повороты судьбы Скакалиных и их потомков на перекрестках истории

Глава 8. «В моей голове остался вопрос...». (Репрессии в Советской России)
Полина Реутова. «Меня избивали и мучили...».
(Правдивая история ликвидации «финской агентуры» в г. Молотове в 1942 году)

Глава 9. «Но мы знали, что так надо...». (Великая Отечественная война)
Максим Егоров. «Страницы времени: человек и эпоха в дневнике Юрия Никифорова 1937–1944 годов»

Глава 10. «Проверки фиксировали одно и то же». (Жилищный вопрос)
Александр Трескинский совместно с Василием Емельяновым.
«Помни, Саша!»

Глава 11. «В буквальном смысле помогает нам дышать...». (История и человеческое достоинство)
Ильсия Шакурова. Шакур Рахимов – король конокрадов?

Глава 12. Страна людей
Дина Ахунова. «Finita la commedia»

Б.А.Рогинский. Образ Советской России

О победителях IV Всероссийского конкурса
«Человек в истории. Россия – XX век»
Об авторах процитированных работ, участвовавших в конкурсе
Учителя, отмеченные Специальной премией Жюри

IV Всероссийский конкурс
исторических исследовательских
работ старшеклассников
**«Человек в истории.
Россия – XX век»**

Сборник работ победителей

Редактор Е.Н.Елочкина
Корректор Л.В.Петрова
Художник А.Н.Афанасьев

ИДД № 05507 от 1.08.2001
Подписано в печать 2004.
Формат 60х90/16.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Усл. печ. л.
Тираж 3000 экз.
Заказ
Отпечатано ООО «Информполиграф»
с готовых диапозитивов.

Международное общество «Мемориал»
127051 Москва, Малый Каретный пер., 12.
www.konkurs.memo.ru